КНИГА О ЛАСАРО ДЕ ТОРМЕС

Книга о Ласаро де Тормес

Аннотация
Книга о Ласаро де Тормес
ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА,. его невзгоды и злоключения
ПРОЛОГ
РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,. [В КОТОРОМ] ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И О ТОМ, ЧЕЙ ОН СЫН
РАССКАЗ ВТОРОЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У СВЯЩЕННИКА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
РАССКАЗ ТРЕТИЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У ДВОРЯНИНА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У МОНАХА ОРДЕНА МИЛОСТИ И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
РАССКАЗ ПЯТЫЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У ПРОДАВЦА ПАПСКИХ ГРАМОТ И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
РАССКАЗ ШЕСТОЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У КАПЕЛЛАНА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ,. [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У АЛЬГВАСИЛА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
Вторая часть. «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА,. его невзгод и злоключений»
ГЛАВА ПЕРВАЯ,. ГДЕ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ О ДРУЖБЕ, КОТОРУЮ ВОДИЛ В ТОЛЕДО С НЕМЕЦКИМИ ГВАРДЕЙЦАМИ И КАК ОНИ ПРОВОДИЛИ ВРЕМЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СЛЕДУЯ НАСТОЙЧИВЫМ УГОВОРАМ ДРУЗЕЙ, ПОПЛЫЛ НА ВОЙНУ В АЛЖИРЕ, И О ТОМ, ЧТО С НИМ ПРОИЗОШЛО
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СТАВШИЙ ТУНЦОМ, ПОКИНУЛ ПЕЩЕРУ И КАК ТУНЦЫ-ДОЗОРНЫЕ ВЗЯЛИ ЕГО В ПЛЕН И ПРИВЕЛИ К СВОЕМУ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО И ВСЕ ТУНЦЫ ПРОНИКЛИ В ПЕЩЕРУ, ГДЕ ВМЕСТО ЛАСАРО НАШЛИ ЕГО ОДЕЖДУ, А ИХ НАБИЛОСЬ В ПЕЩЕРУ СТОЛЬКО, ЧТО ОНИ ЧУТЬ НЕ ЗАДОХНУЛИСЬ, И О ТОМ, КАКОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЛАСАРО ИМ ПРЕДЛОЖИЛ
ГЛАВА ПЯТАЯ,. В КОТОРОЙ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, КАКОЕ ЖАЛКОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ОН

ПОЛУЧИЛ ОТ ГЕНЕРАЛА-ТУНЦА ЗА СВОЮ СЛУЖБУ, И О СВОЕЙ ДРУЖБЕ С КАПИТАНОМ ЛИЦИЕМ

ГЛАВА ШЕСТАЯ,. В КОТОРОЙ ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПРИ ДВОРЕ С ЕГО ДРУГОМ ЛИЦИЕМ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,. РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК, УЗНАВ ОБ АРЕСТЕ СВОЕГО ДРУГА ЛИЦИЯ, ЛАСАРО ГОРЬКО ОПЛАКИВАЛ ЕГО И ЕГО СОРАТНИКОВ, И О ТОМ, ЧТО ОН РЕШИЛ ПРЕДПРИНЯТЬ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО И ЕГО ТУНЦЫ, ВЫСТРОЕННЫЕ В БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ, ДВИГАЛИСЬ КО ДВОРУ С НАМЕРЕНИЕМ ОСВОБОДИТЬ ЛИЦИЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,. КОТОРАЯ СОДЕРЖИТ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛАСАРО СПАС ЛИЦИЯ, СВОЕГО ДРУГА, ОТ СМЕРТИ, И О ДРУГИХ ЕГО ДЕЯНИЯХ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,. ГДЕ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СОБРАВ ВОКРУГ СЕБЯ ВСЕХ ТУНЦОВ, ВОРВАЛСЯ В ДОМ ПРЕДАТЕЛЯ ДОНА ИНДЮКА И УБИЛ ЕГО

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,. РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ПОСЛЕ ТОГО, КАК УЛЕГЛОСЬ ВОЛНЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С КАПИТАНОМ ЛИЦИЕМ, ЛАСАРО И ВЕРНЫЕ ЕМУ ТУНЦЫ СОБРАЛИСЬ НА СОВЕТ,

ЧТОБЫ РЕШИТЬ, КАК БЫТЬ ДАЛЕЕ, И О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛИ ПОСОЛЬСТВО К КОРОЛЮ ТУНЦОВ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК СЕНЬОРА КАПИТАНША СНОВА ЯВИЛАСЬ К КОРОЛЮ, И О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТВЕТЕ, КОТОРЫЙ ПРИНЕСЛА ПО ВОЗВРАЩЕНИИ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО НАХОДИЛСЯ ПРИ КОРОЛЕ И КАК СТАЛ ЕГО ГЛАВНЫМ ПРИБЛИЖЕННЫМ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,. РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ПОЖЕЛАЛ ЖЕНИТЬ ЛАСАРО НА ПРЕКРАСНОЙ ЛУНЕ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,. В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ В ЛЕС НА ОХОТУ, ОТСТАЛ ОТ СВОИХ И ВСТРЕТИЛ ПРАВДУ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, ПРОСТИВШИСЬ С ПРАВДОЙ И ОТПРАВИВШИСЬ С ДАМАМИ-ТУНЦАМИ ТУДА, ГДЕ ОНИ МЕЧУТ ИКРУ, ПОПАЛ В СЕТИ И ВНОВЬ СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,. РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО В СЕВИЛЬЕ НА ГЛАЗАХ ТОЛПЫ ПРЕВРАТИЛСЯ ИЗ РЫБЫ В ЧЕЛОВЕКА
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ В САЛАМАНКУ

И ЗАВЕЛ ТАМ ДРУЖБУ С РЕКТОРОМ, С КОТОРЫМ ВСТУПИЛ В ДИСПУТ, И КАК ОН ПРОВОДИЛ ВРЕМЯ СО СТУДЕНТАМИ
Хуан де Луна. Вторая часть. «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА,. извлеченная из старинных хроник города Толедо». Сочинение ХУАНА де ЛУНА, кастильца, переводчика с испанского Языка. С посвящением сиятельнейшей принцессе донье ГЕНРИЕТТЕ де РОГАН
ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРИВИЛЕГИИ
К ЧИТАТЕЛЯМ
с посвящением
ГЛАВА
ПЕРВАЯ,. В КОТОРОЙ ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О ТОМ, КАК ОН ПОКИНУЛ ТОЛЕДО И ОТПРАВИЛСЯ ВОЕВАТЬ В АЛЖИР
ГЛАВА ВТОРАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО СЕЛ НА КОРАБЛЬ В КАРТАХЕНЕ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВЫБРАЛСЯ ИЗ МОРЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВОЗИЛИ ПО ИСПАНИИ
ГЛАВА ПЯТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ДОСТАВИЛИ В СТОЛИЦУ
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ПРИВЕЗЛИ В ТОЛЕДО

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЛАСАРО НА ДОРОГЕ ВДОЛЬ ТАХО
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО СУДИЛСЯ С СОБСТВЕННОЙ ЖЕНОЙ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО СЛУЖИЛ НОСИЛЬЩИКОМ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВСТРЕТИЛ СТАРУЮ СВОДНЮ, И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ НА РОДИНУ, И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИМ ПО ДОРОГЕ ТУДА
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЛАСАРО НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ В ЛИГЕ ОТ ВАЛЬЯДОЛИДА
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ПРИСЛУЖИВАЛ СРАЗУ СЕМИ ДАМАМ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,. В КОТОРОЙ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ НА ЗВАНОМ ОБЕДЕ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО СДЕЛАЛСЯ ОТШЕЛЬНИКОМ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВЗДУМАЛ СНОВА ЖЕНИТЬСЯ
Дополнения
Приложения
С.И. Пискунова. ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛАСАРО ДЕ

ТОРМЕС И МЕТАМОРФОЗЫ ПЛУТОВСКОГО ЖАНРА
I. Кто и когда написал «Жизнь Ласарильо с Тормеса»
II. Как сделан «Ласарильо»
III. «Ласарильо-тунец»
IV. «Ласарильо» Хуана де Луна
V. «Ласарильо» в России
Примечания
ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОДЫ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ
ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОД И ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ»
Хуан де Луна. ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА», ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ СТАРИННЫХ ХРОНИК ГОРОДА ТОЛЕДО. СОЧИНЕНИЕ Х. ДЕ ЛУНА, КАСТИЛЬЦА, ПЕРЕВОДЧИКА С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА. С ПОСВЯЩЕНИЕМ СИЯТЕЛЬНЕЙШЕЙ ПРИНЦЕССЕ ДОНЬЕ ГЕНРИЕТТЕ ДЕ РОГАН
ИСПАНСКАЯ ПИКАРЕСКА. ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
ВКЛЕЙКА

Аннотация

«Книга о Ласаро де Тормес» — это условное наименование цикла произведений, объединенных одним героем, в основу которого легла анонимно опубликованная в середине XVI века «Жизнь Ласарильо...» — повесть о судьбе мальчика, поневоле становящегося изворотливейшим плутом в жестокой борьбе с нищетой и голодом.

Повесть увидела свет в самый разгар испанской Инквизиции и позже была запрещена Католической церковью. И неудивительно, ведь эта история опровергала общепринятую систему ценностей эпохи Карла V: слепое следование «кодексу чести», показной героизм, лицемерное соблюдение религиозных обрядов. Впоследствии она породила колоссальную литературную традицию и стала важнейшей вехой в истории мировой литературы, одним из наиболее ярких сочинений литературы Возрождения. Именно этой повести суждено было стать произведением, с которого начал существование как испанский плутовской роман, так и — шире

— европейский роман Нового времени.

Центральный персонаж повести — пройдоха и «антигерой» — оказался настолько значимым символом эпохи, что сегодня ни национальная литература Испании, ни мировая литература в целом немыслимы без данного текста. Многоракурсный и полифонический, толедский городской глашатай, ласково прозванный Ласарильо, по праву признан национальным архетипом и занял место в одном ряду с виднейшим героем испанской литературы хитроумным идальго Дон Кихотом Ламанчским.

Трилогия о жизни и приключениях Ласаро публикуется на русском языке в полном объеме впервые: первая часть — с восстановленными купюрами, вторая и третья — в переводах, специально выполненных для настоящего издания.

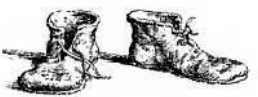
В книге воспроизведены классические иллюстрации Мориса Лелуара, а также редчайшее издание первого русского перевода «Ласарильо» (1775 г.), хотя и отмеченного некоторыми вольностями, но наполненного богатейшим и вкуснейшим русским языком, а потому представляющего собой самостоя-

тельную ценность.

Рекомендуется самому широкому кругу читателей.

Книга о Ласаро де Тормес

Книга о ЛАСАРО де Тормес

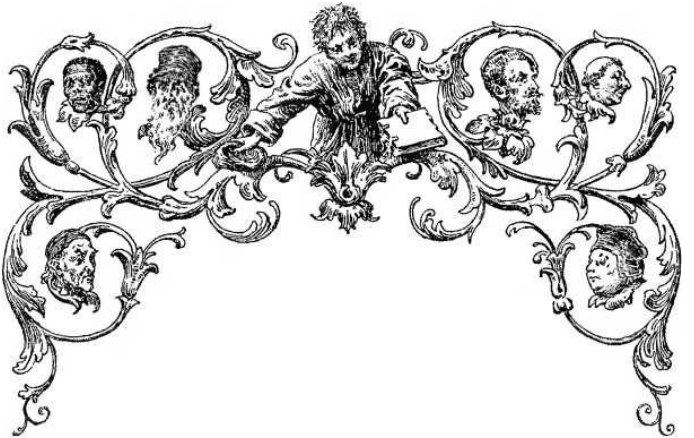


Издание подготовили
С.И. ПИСКУНОВА, А.В. СЕРЕБРЕННИКОВ

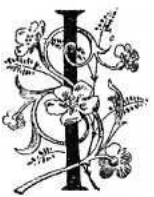
HAMBRE

ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА,

его невзгоды и злоключения



ПРОЛОГ



Рассудил я за благо, чтобы столь необычные и, пожалуй, неслыханные и невиданные происшествия стали известны многим и не были сокрыты в гробнице забвения, ибо может случиться, что, прочтя о них, кто-нибудь найдет здесь нечто приятное для себя, и даже тех, кто не станет в них особенно вдумываться, они позабавят. Плиний по этому поводу замечает: нет книги, как бы плоха она ни была, в которой не нашлось бы чего-либо хорошего[1], тем более что вкусы не у всех одинаковы, и за то, чего один и в рот не берет, другой готов отдать жизнь[2]. Да и мы сами видим, что презираемое одними не презирается другими, а потому ничто, кроме чего-нибудь уже слишком отвратительного, не должно быть уничтожаемо или отвергаемо, всё должно быть

---

[1] Примечания: 1

Плиний по этому поводу замечает: нет книги, как бы плоха она ни была, в которой не нашлось бы чего-либо хорошего... — Аллюзия на высказывание римского писателя Плиния Младшего (ок. 62 — ок. 114). Ср.: «Он ничего не читал без выписок и любил говорить, что нет такой плохой книги, которая в чем-нибудь не оказалась бы полезной» (Письма. III.5.10. *Пер. М.Е. Сергеенко].*

[2] Примечания: 2

...за то, чего один и в рот не берет, другой готов отдать жизнь. — Это утверждение заимствовано из «Посланий» римского поэта Квит а Горация Флакка (65—8 до н. э.). Ср.:

> *Трое гостей у меня — все расходятся, вижу, во вкусах,*
>
> *Разные нёба у них, и разного требует каждый.*
>
> *Что же мне дать? Что не дать? Просит тот, чего ты*

не желаешь;

То, что ты ищешь, совсем уж претит и другим ненавистно.

II.2.61-65. Пер. Н.С. Гинцбурга

доведено до всеобщего сведения, в особенности если это нечто безвредное, нечто такое, из чего можно извлечь пользу.

В противном случае писали бы весьма немногие и только для одного какого-нибудь читателя, ибо писательство дается нелегко, и те, кто этим делом занимается, желают быть вознаграждены — не столько деньгами, сколько внимательным чтением их трудов, а если есть за что, то и похвалами, по каковому поводу говорит Туллий: «Почести питают искусства»[3].

Неужели вы думаете, что солдату, первому взобравшемуся на штурмовую лестницу, более, чем кому-либо другому, опостылела жизнь? Разумеется, нет, — только жажда похвал заставляет его подвергаться опасности, и точно так же обстоит

---

[3] Примечания: 3

...по каковому поводу говорит Туллий: «Почести питают искусства». — Под «искусствами» здесь подразумеваются так называемые свободные (вольные), или благородные, искусства (artes liberales) — семичастный канон, входивший в систему схоластического образования и призванный охватить весь корпус знаний о мире, за исключением самого высокого уровня — философского осмысления бытия. Начиная с V в. н. э. artes liberales подразделялись на две группы: пропедевтическую, так называемый тривиум, или троепутие (грамматика, риторика, диалектика), и завершительную — квадривиум, или четверопутие (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Автор «Ласарильо» ссылается на изречение Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.), римского оратора, политического деятеля и писателя-философа, содержащееся в его «Тускуланских беседах»: «Почет питает искусства, слава воспламеняет всякого к занятию ими, а что у кого не в чести, то всегда влачит жалкое существование» (1.4. *Пер. М.Л. Гаспарова).*

При этом Цицерон имеет в виду прежде всего музыкальное («пение и струнную игру») и поэтическое искусства (последнее не входит в канон), но далее по тексту добавляет к ним и геометрию (см.: 1.5).

дело в искусствах и в словесности. Хорошо проповедует богослов, пекущийся о людских душах, но спросите-ка его милость, огорчает ли его, когда ему говорят: «Ах, ваше преподобие, какой же вы прекрасный проповедник!» Некий рыцарь, который весьма неудачно бился на турнире[4], отдал свою кольчугу шуту, ибо тот восхищался меткостью, с какою рыцарь будто бы наносил удары копьем[5]. Ну а как поступил бы рыцарь, если б он в самом деле заслуживал похвалы?

Признаюсь, я не лучше других, и коль скоро всем это свойственно, то и я не буду огорчен, если моей безделицей, написанной грубым слогом, займутся и развлекутся все, кому она хоть чем-нибудь придется по вкусу. Пусть узнают про жизнь человека, изведавшего так много невзгод, опасностей и злоключений.

Прошу Вашу Милость принять это скромное

---

[4] Примечания: 4

...рыцарь. который весьма неудачно бился на турнире... — В оригинале речь идет не о «турнире» в тогдашнем понимании слова — бое, в котором участвует множество рыцарей, — а о поединке (justa).

[5] Примечания: 5

...отдал свою кольчугу шуту, ибо тот восхищался меткостью, с какою рыцарь будто бы наносил удары копьем. — Испанское слово «sayete» (в переводе К.Н. Державина — «кольчуга») в действительности обозначает полотняное исподнее, которое надевалось под рыцарские доспехи и было длинней, чем они. Согласно обычаю, победитель (sic!) турнира отдавал это исподнее своему шуту.

подношение из рук человека, который постарался бы придать ему больше ценности, если бы только это было ему по силам. И так как Ваша Милость велит, чтобы всё было описано и рассказано весьма подробно[6], то и решил я приступить к моему повествованию не с середины, а с самого начала, дабы всё о моей особе было известно и дабы люди, которым высокое происхождение досталось по наследству, поняли, сколь малым они обязаны самим себе, ибо фортуна была к ним пристрастна, и как долго и с какими усилиями налегали на весла те, кому она не благоприятствовала, прежде чем они достигли тихой пристани[7].

---

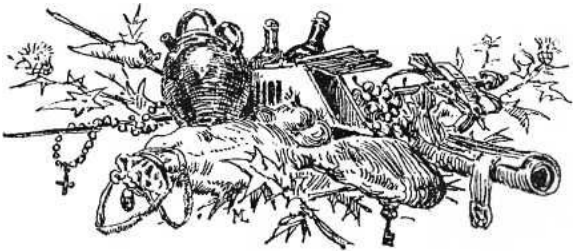
[6] Примечания: 6

...так как Ваша Милость велит, чтобы всё было описано и рассказано весьма подробно... — В обращении к «Вашей Милости», — по всей видимости, некоему важному духовному лицу, неоднократно возникающему в ходе повествования, а также в тексте «Пролога», — раскрывается важнейшая композиционная особенность «Ласарильо», представляющего собой, по сути дела, развернутое объяснительное письмо. Адресат текста, «слугой и другом» которого является покровитель Ласаро, настоятель небольшого толедского прихода Св. Спасителя, требует от героя повести, чтобы тот разъяснил ему некий скандальный «казус» (в оригинале: «caso» — «дело»; в русском переводе передано местоимением «всё»). Суть же «казуса», как следует из содержания седьмого, заключительного, рассказа, сводится к тому, что этот настоятель, представленный в повести как архипресвитер (хотя исторически в храме Св. Спасителя такой должности никогда не существовало) и городской глашатай Ласаро живут в соседних домах, а жена глашатая ходит к архипресвитеру «убирать покои и готовить обед» (с. 91 наст. изд.). Для объяснения этой ситуации и доказательства своей нравственной состоятельности и социальной благонадежности Ласаро и собирается рассказать «Его Милости» о своих злоключениях. Таким

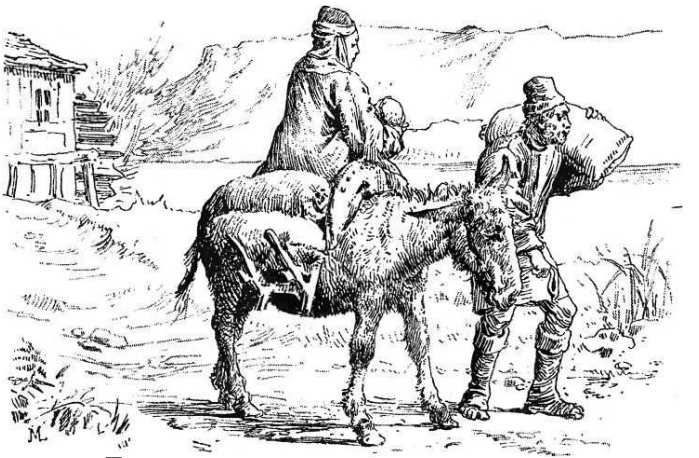
образом, уже в «Прологе» повести содержится ее развязка, то есть он одновременно служит и эпилогом (подробнее о композиции повести см. с. 586, 591 сл. наст. изд.). Предлагаемое прочтение, отождествляющее оба упоминания «caso», не просто соединяет конец и начало повести, но и как бы закольцовывает ее, превращая в закрытую структуру, в которой оказываются совершенно лишними слова, стоящие в конце одного из четырех дошедших до нас изданий (Алькала, 1554): «Обо всём происходящем со мной впредь буду сообщать Вашей Милости» («De lo que de aqui adelante me suscediere avisaré a Vuestra Merced»).

[7] Примечания: 7

...прежде чем они достигли тихой пристани. — Последняя фраза «Пролога» перекликается с заключительной фразой повести: «В это-то самое время я благоденствовал и находился на вершине житейского благополучия» (с. 94 наст. изд.), — что еще раз подчеркивает циклическую композицию книги (ср. примеч. 6).



РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,
[В КОТОРОМ] ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И О ТОМ, ЧЕЙ ОН СЫН



Итак, прежде всего, да будет известно Вашей Милости, что зовут меня Ла́саро с Тормеса[8] и что я сын Томе Гонсалеса и Антоны Перес, уроженец Техераса, деревни близ Саламанки. Произошел я на свет на реке Тормес[9], откуда и получил свое прозвище[10], а случилось это так. Отец мой, да простит его Господь, ведал помолом на водяной мельнице, что стоит на берегу реки, и прожил он там более пятнадцати лет. Однажды ночью беременная мать моя находилась на мельнице. Тут подоспели роды, и она там же и разрешилась, так что я с полным правом могу говорить, что родился на реке.

И вот, когда мне было восемь лет, отца моего уличили в том, что он по злому умыслу пускал кровь мешкам, которые принадлежали людям,

---

[8] Примечания: 8

...зовут меня Лаcаро с Тормеса... — Имя героя повести имеет двойной подтекст, поскольку ассоциируется сразу с двумя евангельскими персонажами — голодным Лазарем, умирающим у дверей богача (см.: Лк. 16: 19—31), и мертвым Лазарем, воскрешенным Иисусом Христом и ставшим единственным человеком, прошедшим через смерть и воскрешение (см.: Ин. 11: 38—44). Каждое из этих значений имени Лаcаро непосредственно связано с центральными темами и мотивами повести (об этом подробно см. с. 592 наст. изд.). Кроме того, в народной этимологии имя Лаcаро (Lázaro) связывалось с глаголом «lacerar» (через устар, форму «lazrar»), значащим «раздирать, увечить» (переходный), а также «бедствовать» и «страдать» (непереходный). В современном испанском языке есть слово «lazarillo» — «поводырь», непосредственно восходящее к имени героя повести. Ср. также *рус.* «лазарет».

[9] Примечания: 9

Произошел я на свет на реке Тормес... — В описании рождения Ласаро, а также в его «фамильном» имени, нередко образуемом от названия места рождения, пародируются эпизоды рыцарских романов, повествующие о таинственном, зачастую связанном с водной стихией, происхождении их героев. Пародия «Ласарильо», видимо, прежде всего обращена против самого знаменитого испанского рыцарского романа — «Амадиса Гальского» («Amadis de Gaula»; первое известное изд. — 1508), герой которого прозывался Юноша Моря (Doncel del mar). В переводе К.Н. Державина утрачивается этот пародийный подтекст (см. примеч. 3), равно как возникает отсылка к возможному значению: «с острова Тормес» (ср., напр.: с Кубы») или «из области» (ср.: «с Урала», «с Дона»), — но именно области суши, а не реки; невозможно «с Волги» как реки, «с Невы», «с Оки» и т. д. Неудачен и более старый (И. Гливенко) вариант перевода «Лазарильо из Тормес» (см.: Лазарильо 1897). «Ласарильо с берегов Тормеса» также не сохраняет аллюзию на дворянское имя. Лучшим, как мы считаем, решением было бы воспроизвести имя транслитерацией: «Ласаро де Тормес» (мы используем это название повести в монографии, см.: Пискунова 1998). Однако в настоящем издании, как и в других случаях (см.: Пискунова 2008), мы предпочли сохранить вариант, предложенный К.Н. Державиным. То же касается и иных, на наш взгляд, не вполне точных моментов в его переводе, часто продиктованных неверными прочтениями текста в тех испанских источниках, на которые переводчик мог ориентироваться (первое подлинно научное издание повести (см.: Cavalliere 1955) датируется тем же, 1955 г., что и переработанный перевод Державина; см. также Преамбулу к примечаниям к «Л-I»).

[10] Примечания: 10

...получил свое прозвище... — В оригинале Ласаро говорит о «де Тормес» (de Tormes) как о своем фамильном прозвании (sobrenombre): в его устах «Ласаро де Тормес» звучит как дворянское имя. Характерно, что герой-повествователь нигде не называет себя в уменьшительно-ласкательной форме — «Ласарильо». Так к нему лишь однажды обращается слепец, когда обнаруживает подмену колбасы репой (см. с. 24 наст. изд.) — и обращение это, с учетом ситуации, звучит по меньшей мере двусмысленно, но, скорее, угрожающе.

съезжавшимся на мельницу молоть зерно. Он был схвачен, во всём сознался, ни от чего не отрекся[11] и пострадал за правду[12]. Уповаю на Господа Бога, что ныне пребывает он в раю, ибо Евангелие называет таких людей блаженными[13].

В это время был объявлен поход на мавров[14], куда попал и мой, в ту пору высланный из-за упомянутого несчастья, отец; поступив погонщиком мулов к некоему дворянину, принявшему участие в этом походе, он, как верный слуга, сложил голову вместе со своим господином.

Овдовевшая моя мать, очутившись без мужа и без опоры, решила прибегнуть к помощи добрых людей[15], ибо сама была женщиной доброй, поселилась в городе, сняла домишко и стала стряпать обеды студентам и стирать белье конюхам

---

[11] Примечания: 11

...во всём сознался, ни от чего не отрекся... — Травестийная аллюзия на слова Иоанна Крестителя, возвещающего о рождении Иисуса Христа: «Он объявил, и не отрекся <...>» (Ин. 1: 20).

[12] Примечания: 12

...и пострадал за правду. — В оригинале — игра слов. Существительное «justicia» имеет два значения: (1) «истина», (2) «правосудие». Автор играет на двух разных смыслах этого слова: отец Ласаро в действительности пострадал не «за правду», а от рук закона.

[13] Примечания: 13

...ибо Евангелие называет таких людей блаженными. — В русле предшествующего обыгрывания двойного значения слова «justicia» (см. примеч. 5) Ласаро-повествователь переиначивает фразу из Евангелия от Матфея: «Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство

Небесное» (Мф. 5: 10) — так, что она приобретает смысл «блаженны пострадавшие от рук правосудия».

[14] Примечания: 14

В это время был объявлен поход на мавров... — Об этом походе см. с. 568 наст. изд.

[15] Примечания: 15

...решила прибегнуть к помощи добрых людей... — В оригинале: «determinó arrimarse a los buenos». Аналогичную фразу произносит Ласаро в беседе с архипресвитером в конце повести: «Yo determiné de arrimarse a los buenos» (букв.: «я решил прибиться к добропорядочным людям»; в несколько вольном переводе К.Н. Державина — «в моих правилах следовать добрым советам». — С. 92 наст. изд.). Автор подчеркивает сходство сюжетных ситуаций, в которых находятся Ласаро и его мать: решив зажить «как люди», оба прибегают для этого к одинаковым средствам — матушка заводит любовника-коновала, Ласаро женится на содержанке священника. Понятие «добрые люди» (los buenos) в этом контексте может звучать только иронически.

командора в приходе Марии Магдалины[16].

Вот тут-то, часто наведываясь в конюшню, и свела она знакомство с одним мавром из числа тех, что врачуют животных. Он частенько приходил к нам и уходил только к утру. Иной раз днем он останавливался у дверей, будто бы пришел купить яиц, но потом все-таки входил в дом. На первых порах его приходы не доставляли мне удовольствия: его чернокожесть и уродство[17] внушали мне страх, однако, заметив, что с его появлением стол наш улучшается, я в конце концов полюбил его, ибо он всегда приносил с собою хлеб, мясо, а зимою и дрова, которыми мы отапливались.

Продолжая водиться и знаться с этим мавром, мать подарила мне от него хорошенького негри-

---

[16] Примечания: 16

...стирать белье конюхам командора в приходе Марии Магдалины. — Командор — член рыцарского ордена, получавший энкомьенду (encomienda; здесь — доход в виде ренты и налогов) с принадлежащих ордену земли и строений. В XVI в. приходом Марии Магдалины в Саламанке владел орден Алькантара (Orden de Alcántara) — один из старейших рыцарских орденов Испании. В 1552 г., после отставки с должности посла в Риме, командором этого ордена был избран Диего Уртадо де Мендоса.

[17] Примечания: 17

...его чернокожесть и уродство... — В оригинале о «чернокожести» мавра ничего не говорится: малыш видит его «цвет кожи и некрасивый облик» («el color y mal gesto»). Выше Саид описан как «un hombre moreno» (букв, «смуглый», но не чернокожий; в переводе Державина: «мавр»).

тенка, и я его нянчил и помогал баюкать[18].

Помню, как однажды мой черный отчим возился с мальчишкой, а тот, обратив внимание, что мать и я — белые, а отец — черный, в испуге

---

[18] Примечания: 18

...помогал баюкать. — В переводе К.Н. Державина 1955 г. этот пассаж передан как «помогал пороть» (Ласарильо 1955: 17; ср.: Ласарильо 1979: 26), что, возможно, обусловлено переориентацией второй редакции перевода на более современное научное издание Кавальере (см.: Cavalliere 1955), в свою очередь воспроизводящее бургосское издание, где плохо пропечатанный глагол «callentar» мог быть прочтен как «calentar» — (1) бить, (2) согревать. На самом же деле (так в антверпенском editio princeps) callentar — видоизмененная форма совр. «a-callar» — «успокаивать, баюкать» (см.: Rodríguez Lopez-Vazquez 1989: 119). Поэтому уже в издании Лопеса Веласко глагол «callentar» исправлен на «acallar», что и соответствует editio princeps 1553 г., воспроизведенному Арибау. Перевод глагола К.Н. Державиным в редакции 1931 г. — свидетельство того, что он пользовался и изданием «Ласарильо» в серии «Библиотека испанских авторов». Простая логика повествования

говорит о том, что Ласаро не мог пороть еще не научившегося ходить брата, а глагол «acallar», естественно, стоит сразу после «brincar» — «забавлять ребенка, слегка подбрасывать, держа его на коленях» (в переводе Державина — «нянчил»).

бросился к своей родительнице и, показывая на него пальцем, крикнул: «Мама, бука!» — а мавр, смеясь, заметил: «Вот сукин сын!» Я же, хоть и был тогда совсем еще юн, запомнил слова моего братца и подумал: «Сколько на свете людей, которые бегут от других только потому, что не видят самих себя!»

Судьбе, однако, было угодно, чтобы о Саиде — так звали мавра — пошли разные слухи и наконец достигли ушей командорского домоправителя. При обыске было обнаружено, что половину овса, отпускавшегося ему для лошадей, он крал; отруби, дрова, скребницы, чепраки, передники и попоны у него пропадали; когда же у него ничего такого больше не оставалось, то он расковывал лошадей, а выручку отдавал моей матери на воспитание мальчишки. Не будем после этого удивляться ни монахам, ни попам,

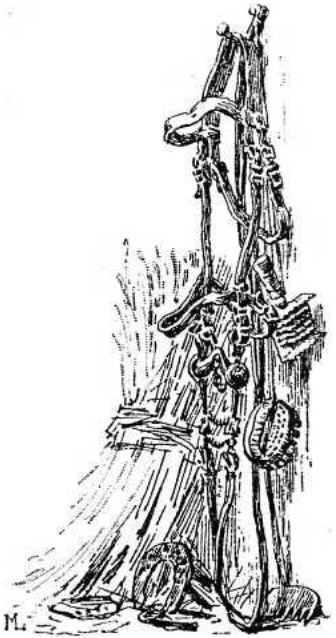
грабящим бедняков и свои собственные дома ради духовных дочерей[19] и всяких иных нужд, — нашего же несчастного раба толкала на это любовь[20].

[19] Примечания: 19

...духовных дочерей... — Здесь иронич.: сожительниц (ср. также примеч. 2 к Р4).

[20] Примечания: 20

...раба толкала на это любовь. — Здесь имеет место литературная игра: «раб любви» — распространенное словосочетание и образ в испанской прозе и поэзии XV—XVI вв.



Как я уже сказал, всплыло наружу всё, что было и чего не было, ибо меня допрашивали с угрозами, а я по малолетству выбалтывал и выдавал страха ради всё, что знал, — рассказал даже о подковах, которые по приказанию матери продал я одному кузнецу.

С незадачливого моего отчима спустили шкуру, а моей матери влепили обычную сотню пле-

тей, а сверх того воспретили появляться в доме упомянутого Командора и принимать у себя злосчастного Саида.

Чтобы не накликать горшей беды, бедная мать моя скрепя сердце подчинилась приговору и — от греха подальше — нанялась в услужение к приезжим в гостиницу Солана. И там, среди множества невзгод, окончилось воспитание моего

братишки и мое: он уже начал ходить, а я стал бойким мальчуганом, бегал для постояльцев за вином, свечами и всем прочим.

В это время в гостинице остановился один слепец; решив, что я гожусь ему в поводыри, он выпросил меня у матери, и та уступила, заметив, однако, что так как я сын честного человека, павшего за веру в походе на Джербу[21], то она уповает на Бога, что из меня выйдет человек не хуже отца, и просит хорошо обращаться с сиротою и заботиться обо мне. Слепец обещал, — он, мол, берет меня к себе не как слугу, а как родного сына.

Так я стал поводырем у моего нового и вместе с тем старого хозяина.

---

[21] Примечания: 21

...павшего за веру в походе на Джербу... — См. примеч. 7.

Некоторое время мы пробыли в Саламанке, но здесь ему нечем было особенно поживиться, и он решил перейти в другое место. Перед тем как двинуться в путь, я отправился к матери, мы оба заплакали, и она, благословив меня, сказала:

— Сын мой, чует мое сердце: не видать мне тебя больше. Старайся быть добрым человеком, и да хранит тебя Господь! Я тебя вырастила, устроила на хорошее место, а теперь уж действуй сам.

Затем я вернулся к хозяину — тот поджидал меня.

Мы вышли из Саламанки и достигли моста, где у входа стоит каменный зверь, с виду очень похожий на быка[22]. Слепой велел мне подойти к нему и, когда я приблизился, сказал:

— Ласаро, приложи ухо к этому быку, и ты услышишь сильный шум внутри.

Поверив его словам, я по простоте своей так и

---

[22] Примечания: 22

...моста, где у входа стоит каменный зверь... похожий на быка. — Сооруженный еще римлянами мост через реку Тормес в Саламанке был украшен каменным изваянием быка, ко времени действия повести сильно обезображенным временем.

сделал, а он, едва лишь я прикоснулся к камню, так стукнул меня об этого проклятого быка, что я потом несколько дней места себе не находил от головной боли.

— Дурак! — сказал он. — Знай, что слуга слепого должен быть похитрей самого черта!

Он был в восторге от своей шутки.

А я именно в это мгновенье отрешился, как мне кажется, от своего ребяческого простодушия.

«Он прав, — подумал я, — мне надо быть начеку и не зевать, ибо я сирота и должен уметь постоять за себя».

Мы двинулись дальше, и в несколько дней он

научил меня своей тарабарщине[23]. Видя, что я весьма сметлив, он очень этому радовался и всё приговаривал:

— Ни серебром, ни златом я тебя оделить не могу, зато я преподам тебе много полезных советов[24].

И действительно: после Бога даровал мне жизнь этот слепой, и он же, не будучи зрячим, просветил и наставил меня[25] на правильный путь.

Мне доставляет удовольствие рассказывать Вашей Милости разные случаи из моего детства, ибо я стремлюсь показать, сколькими добродетелями должен обладать человек, чтобы подняться из низкого состояния, и сколькими пороками, чтобы пасть.

Но обратимся к рассказу о деяниях моего доб-

---

[23] Примечания: 23

...научил меня своей тарабарщине. — Имеется в виду условный язык воров, нищих и бродяг.

[24] Примечания: 24

— Ни серебром, ни златом я тебя оделить не могу, зато я преподам тебе много полезных советов. — Намек на слова, с которыми апостол Негр обращается к хромому нищему, перед тем как его исцелить: «<...> серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян. 3: 6). В устах слепца, да еще с измененным окончанием фразы, эти слова звучат сниженно и профанированно.

[25] Примечания: 25

...он же, не будучи зрячим, просветил и наставил меня... — Один из многочисленных парадоксов, которыми изобилует стиль и самое

строение повести.

рого слепца; надобно вам знать, Ваша Милость, что с тех пор, как Бог сотворил мир, Он не создал никого хитрее и пронырливее моего хозяина. Это был на все руки мастер. Свыше сотни молитв знал он наизусть. Когда он молился, голос его, низкий, спокойный и внятный, наполнял собою всю церковь; лицо у него было смиренное и благочестивое, и придавал он ему соответствующее выражение во время молитвы, не строя гримас и ужимок ни ртом, ни глазами, как это обыкновенно вытворяют другие.

Кроме того, ему были известны тысячи способов и приемов выманивать деньги. Он говорил, что знает молитвы на любой случай: и для бесплодных женщин, и для беременных, и для несчастных в супружестве, чтобы мужья их любили. Беременным он предсказывал, родится у них сын или дочь. Что же касается искусства врачевания, то сам Гален[26], по словам моего хозяина, не разумел и половины того, что было известно ему о зубной боли, обмороках и болезнях матки. Одним словом, стоило только пожаловаться ему на тот или другой недуг, как он тотчас же изрекал:

— Сделайте так или эдак, возьмите такую-то травку, достаньте такой-то корень.

Потому-то его и обхаживал весь свет, в особенности женщины, ибо они верили всем его россказням. Он здорово на них наживался: прибегая к упомянутым средствам, он один зарабатывал в месяц больше, чем сто слепых в год.

И всё же, да будет известно Вашей Милости, что, при всех своих доходах и барышах, он был самый скупой и алчный человек на свете. Меня он морил голодом, да и себя лишал многого необходимого. Сказать по правде, если бы не моя

---

[26] Примечания: 26

Гален (ок. 130 — ок. 200) — знаменитый римский врач.

хитрость и изворотливость, я бы давно околел с голодухи. Однако, несмотря на все его знания и предусмотрительность, я так ловко подстраивал, что почти всегда всё лучшее, и притом в наибольшем количестве, доставалось мне. Я пускался на дьявольские хитрости, и о некоторых я вам расскажу, хотя и не все они пошли мне на пользу.

Хлеб и другие припасы слепой держал в холщовом мешке, который застегивался при помощи железного кольца с замком и ключом. Слепой прятал и вытаскивал что бы то ни было с такой осторожностью и расчетливостью, что никто в мире не сумел бы стащить у него ни крошки. Оттуда получал я свою скудную пищу и уничтожал в мгновение ока.

Замкнув кольцо на мешке, хозяин мой успокаивался — он полагал, что я чем-либо занят, а я в это время распарывал жадный мешок по шву, вытаскивая лучшие куски хлеба, сала и колбасы, а потом снова зашивал. Пользуясь столь краткими мгновениями, я не мог, конечно, утолить волчий мой аппетит, а лишь замаривал червячка, который вечно сосал меня по милости злого слепца.

Всё, что я мог урвать или украсть из денег, держал я в полушках, и когда его просили помолиться и подавали ему бланку[27], то едва успевала дарующая длань расстаться с монетой, как монета попадала ко мне в рот, а стоило слепому хозяину протянуть за нею руку, приготовленная полушка, пройдя через мой размен, уменьшала милостыню на полцены. Слепец, угадывая на ощупь, что это не бланка, сетовал:

[27] Примечания: 27

Всё, что я мог урвать... из денег, держал я в полушках, и когда... подавали... бланку... — Бланка — мелкая монета, стоимостью 1/64 реала (см. примеч. 13 к Р2). Мельче бланки была только «полушка», или полубланка (media blanca), составлявшая, соответственно, 1/128 реала.

— Что за чертовщина! С тех пор как ты со мною, мне подают только полушки, а прежде сколько раз платили бланками и даже мараведи[28]. Это из-за тебя мне так не везет.

В таких случаях он сокращал молитвы и прерывал их на середине, велев мне, чуть только отойдет заказчик, дергать его за капюшон[29]. Я так и делал, и он снова принимался выкрикивать то, что такие, как он, обычно выкрикивают:

— Какую молитву прикажете прочесть?

[28] Примечания: 28

Мараведи — медная монета, во времена Карла V стоившая две бланки (см. примеч. 20) и, соответственно, 1/32 реала (см. примеч. 13 к Р2).

[29] Примечания: 29

...дергать его за капюшон. — В оригинале: «capuz» — «длинный, наглухо запахивающийся плащ». Естественно представить, что поводырь незаметно для окружающих дергал слепца именно за полу плаща.

За едою он имел обыкновение ставить возле себя кувшин вина. Я поспешно схватывал кувшин и, тайком приложившись к нему раза два, ставил на место. Но это продолжалось недолго. Ведя счет глоткам, он в конце концов обнаружил утечку и с тех пор, чтобы сохранить в целости свое вино, не расставался с кувшином и всё время держал его за ручку. Однако ни один магнит так не притягивал железо, как я потягивал вино через длинную ржаную соломинку[30], заготовленную мной на этот случай. Опустив ее в горлышко кувшина, я высасывал вино до последней капли. Но так как злодей был хитер, то, по-видимому догадавшись об этом, изменил он свою повадку, стал прятать кувшин между ног, прикрывая горлышко рукою, и преспокойно попивал из него. Я же был словно рожден для вина, я умирал по нем, и вот, видя, что от соломины нет проку, решил я проделать в донышке кувшина неприметную дырочку, бережно залепив ее тонким слоем воска. Во время обеда, делая вид, что мне холодно, я устраивался

[30] Примечания: 30

...потягивал вино через... соломинку... — На полях, украшавших сделанный во Франции в XIV в. рукописный список «Декреталий Папы Григория Великого», имеется изображение слепца и мальчика, причем в ситуациях, целиком совпадающих с отдельными эпизодами «Ласарильо», — мальчик, пьющий через соломинку вино из кувшина, который прижимает к себе слепец; мальчик, проделывающий дырку в бурдюке.

у ног злосчастного слепца, дабы погреться возле нашего жалкого огонька. От тепла воск вскорости таял, и ручеек вина струился мне прямо в рот, который я подставлял так, чтобы ни одна капелька не пропадала зря. Захочет бедняга слепец выпить, а в кувшине-то и пусто.

Слепец удивлялся, ругался, посылал к черту и кувшин и вино и ничего не мог понять.

— Вы только уж на меня не подумайте, дяденька, — говорил я, — ведь вы кувшин из рук не

выпускаете.

Слепец так долго вертел и ощупывал кувшин, что наконец нашел проточину и напал на мою плутню, однако и виду не подал.

И вот на другой день, когда я, не предчувствуя надвигавшейся беды и не ведая, что проклятый слепец подстерегает меня, лежал на спине и жмурил глаза, по обыкновению посасывая из кувшина и смакуя душистую влагу, рассвирепевший мой хозяин понял, что настало время отомстить, и, подняв обеими руками этот еще недавно сладкий, а ныне ставший для меня горьким сосуд, изо всей мочи треснул меня по лицу. Бедному Ласаро, не ожидавшему ничего подобного, ибо он, как всегда, был весел и беззаботен, показалось, будто небо со всем что ни есть обрушилось на него. Удар ошеломил и оглушил меня, а черепки огромного кувшина поранили мне во многих местах лицо и выбили зубы, коих я лишился навеки.

С того часа невзлюбил я злого слепца; после он пожалел меня, приласкал и подлечил, и всё же он был рад, что так строго меня наказал, и я это отлично видел. Он омыл вином раны, нанесенные мне черепками, и, ухмыляясь, сказал:

— Как тебе это нравится, Ласаро? То, из-за чего ты пострадал, ныне лечит тебя и исцеляет.

Тут же он отпускал и другие шуточки, которые не очень-то были мне по вкусу.

Немного оправившись от тяжких своих ранений и кровоподтеков и сообразив, что еще несколько таких ударов — и жестокий слепец избавится от меня, я решил сам от него избавиться, но только не стал с этим торопиться, дабы успешно и безнаказанно привести задуманное мной в исполнение. Пусть даже мне удалось бы сдержать

мой гнев и забыть историю с кувшином, но я всё равно не мог бы простить злому слепцу, что он с той поры начал дурно со мной обходиться и ни за что ни про что награждать меня щипками и тумаками. Когда же кто-либо спрашивал его, почему он так дурно со мной обращался, он непременно рассказывал случай с кувшином.

— Вы, верно, принимаете этого мальчишку за простачка? — говорил он. — Вот послушайте — самому черту такой шутки не выкинуть.

Осеняя себя крестом, слушатели восклицали:

— Кто бы мог подумать, что такой малыш так испорчен!

Смеясь над моей проделкой, они добавляли:

— Наказывайте его, наказывайте! Господь вам воздаст за это![31]

И хозяин мой именно так и действовал.

---

[31] Примечания: 31

Господь вам воздаст за это! — Слушатели слепца говорят без доли сарказма: закон того времени обязывал хозяев строго воспитывать слуг (особенно незрелого возраста), а среди инструментов воспитания, вполне естественно, на первом плане были телесные наказания.

Поэтому я всегда нарочно водил его по самым плохим дорогам, чтобы причинить ему вред и зло, в особенности если они были усеяны камнями или тонули в глубокой грязи, и хотя мне самому иной раз приходилось трудненько, но я готов был пожертвовать своим собственным глазом, лишь бы только напакостить слепому. А он концом палки лупил меня по темени, отчего голова моя была вся в шишках, и давал такую таску, после которой в руках у него оставались

целые пряди моих волос. Хоть я и божился, что делал это не по злому умыслу, а потому, что не находил лучшей дороги, но это мне не помогало, и он мне не верил, — таковы уж были нюх и сообразительность этого злодея. А чтобы Ваша Милость знала, как далеко простиралась догадливость этого хитреца, я вам расскажу один из многих случаев, красноречиво свидетельствующих, на мой взгляд, о великом его лукавстве.

Из Саламанки слепец держал путь в Толедо. Он утверждал, что народ там богатый, хотя и не очень отзывчивый[32]. Однако недаром говорит пословица, что щедрее подает черствый, чем голый, а потому мы всё же, в надежде на лучшую долю, двинулись именно этим путем. Где мы встречали радушный прием и поживу, там

---

[32] Примечания: 32

...народ там богатый, хотя и не очень отзывчивый. — Возможный намек на то, что в Толедо и его окрестностях со времен раннего Средневековья жило много евреев, образовавших во времена создания «Ласарильо» большую «новохристианскую» общину («новые» христиане, такие как братья Хуан и Альфонсо де Вальдес (1509—1541; 1490—1532), во времена правления Карла V, особенно до середины 1540-х годов, составляли значительную часть испанской интеллигенции и исполняли при дворе важные функции). Упоминаемые далее поселения возле Толедо — Альмарос (см. примеч. 26), Македа (см. примеч. 1 к Р2) и другие — имели славу «еврейских местечек». Это не противоречит тому, что там же и тогда же существовали и общины морисков (крещеных мавров), которые, еще по повелению «королевы католической» Изабеллы конца XV в., жили, как и евреи, в особых кварталах. И те, и другие были маргиналами по отношению к старохристианскому населению.

мы задерживались, а не то на третий же день давали ходу.

Случилось так, что в местечко Альмарос[33] мы попали во время сбора винограда, и некий виноградарь подал моему хозяину целую гроздь. Гроздь эта смялась в корзине из-за небрежной укладки, да и к тому же она была совсем спелая и рассыпалась в руках, а когда еще полежала в мешке, то начала пускать сок.

Слепец решил устроить угощение — отчасти

[33] Примечания: 33

Альмарос — селение в округе города Эскалона, славящееся своими винами.

оттого, что не мог дольше ее беречь, отчасти же — чтобы вознаградить меня за полученные мною в тот день обильные пинки и удары. Мы сели на меже, и он объявил:

— Теперь я буду с тобой щедрым, а именно: мы вдвоем съедим эту гроздь винограда, и ты получишь равную со мной долю. Делиться же мы будем так: сначала ты отщипнешь, потом я, но только пообещай мне каждый раз брать не больше одной виноградины, — так оно *будет* без обмана.

На этих условиях мы приступили к делу, но уже со второго раза мошенник изменил своему слову и стал брать по две виноградины, полагая, что я наверняка поступаю так же. Видя, что он нарушает договор, я решил пойти дальше: две-три виноградины меня уже не удовлетворяли, и я принялся хватать их, сколько мог. Покончив с гроздью, слепец повертел в руках веточку и, покачав головой, сказал:

— Ласаро, ты меня обманул. Клянусь, что ты ел по три виноградины.

— Нет, — ответил я, — почему вы так думаете?

Тогда лукавый слепец молвил:

— Знаешь, почему я уверен, что ты ел по три? Потому что, когда я ел по две, ты молчал.

[Ответить мне ему было нечем. И вот, когда мы брели по находящимся в портике торговым рядам — а дело было в Эскалоне, где мы к тому времени очутились, — возле лавки сапожных дел мастера с потолка свисало множество веревок и других изделий из пеньки, и мой хозяин задел за некоторые из них головой, после чего поднял руку, чтобы их потрогать, и, поняв, что это, тут же заговорил:

— Поторопись, мальчик, долой из этой мерзкой харчевни, где вместо еды — виселицы.

Я же, беспечно шагавший мимо, поглядел, что там и, не увидев ничего, кроме веревок и подпруг, то есть вещей несъедобных, переспросил:

— О чем вы, дяденька?

Он же отвечал:

— Помолчи, племянничек! С твоими-то задатками сам всё почувствуешь и увидишь, что я говорю правду.

И мы пошли по тем же крытым рядам дальше и подошли к харчевне, перед входом в которую на стене красовалось множество рогов: к ним погонщики привязывали свою животину, а так как ему хотелось знать, тот ли это трактир, в котором он каждый день читал для трактирщи-

цы молитву, обращенную к Деве-заточнице[34], он потрогал рукой один из рогов и с тяжелым вздохом произнес:

— О, злосчастное творенье, предел дурных желаний! Сколькие хотели бы украсить тобой голову соседа, и сколь мало тех, кто, будучи сам тобой увенчан, желал бы о тебе хоть что-либо знать!

Услышав эти его слова, я спросил:

— Дяденька, о чем это вы?

— Помолчи, племянничек, ибо настанет день и то, за что я держусь, тебя как-то и прокормит, и напоит!

— Не надобно мне этого, — сказал я, — и не предлагайте!

— Истинно говорю я: сам увидишь, коли будешь жив.

Мы двинулись дальше, подойдя к самой трактирной двери, куда бы нам — век бы Бога славил! — никогда бы не заходить, коли подумать о том, что там со мной произошло.

И всё это — под чтение молитв за трактирщиц, лавочниц, шлюх и пироженщиц и тому подобных бабенок, ибо я никогда не видел его молящимся

---

[34] Примечания: 34

Девазаточница. — См. примеч. 17 к гл. 2 «Л-II».

за мужчин.]

Я посмеялся про себя и, несмотря на молодость лет, оценил сообразительность слепого.

Чтобы не быть многословным, я не стану рассказывать о многих забавных и примечательных случаях, кои произошли у меня с этим моим хозяином, расскажу лишь о последнем — и на этом с ним покончу.

Находились мы в Эскалоне — городе, принадлежавшем одному герцогу, носившему такую фамилию[35], — на заезжем дворе, и слепец велел мне поджарить кусок колбасы. Когда же колбаса была посажена на вертел и начала пускать сок, он вытащил из кошелька мараведи и велел мне сходить в таверну за вином.

В это время дьявол явил моим глазам соблазн — говорят, что он всегда так поступает с ворами, — а именно пузатую и гнилую репку, не пригодную для похлебки и брошенную у очага. А так как мы тогда были с нею наедине, то, ощутив неодолимое влечение к снеди и весь пропитавшись

---

[35] Примечания: 35

Находились мы в Эскалоне — городе, принадлежавшем одному герцогу, носившему такую фамилию... — Если придерживаться гипотезы о том, что время действия повести — 1520—1530-е годы, то речь идет о доне Диего Лопесе Пачеко, маркизе де Вильена, графе де Сантистебан (ок. 1447—1529), при дворе которого собирались гуманисты-эразмисты и «кружок просветленных» (см. с. 573 наст. изд.).

вкусным запахом колбасы, которая вызывала во мне только одно желание — во что бы то ни стало ею попользоваться, не думая о том, как всё это может обернуться, я отринул всякий страх, лишь бы утолить свою страсть, и, пока слепой вытаскивал деньги из кошелька, стянул колбасу, а вместо нее проворно насадил на вертел репу. Выдав мне деньги на вино, слепец принялся вертеть репу на огне, — он рассудил за благо хорошенько прожарить всё то, что казалось негодным для варки.

Я побежал за вином и поспешил разделаться с колбасой, а когда вернулся, то увидел, что слепой греховодник держит между двумя ломтями хлеба

репу, которую он до сих пор еще не распознал, так как не успел притронуться к ней. Но едва он откусил кусок хлеба, полагая, что отправляет в рот и колбасу, и обнаружил, что это всего-навсего репа, то изменился в лице и вопросил:

— Что это такое, Ласарильо?

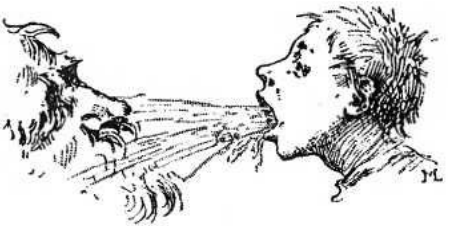
— Что же я за несчастный! — воскликнул я. — Неужели вы подумали на меня? Ведь я только что вернулся с вином. Верно, кто-нибудь заходил сюда и напроказил.

— Нет, нет, не может быть, — возразил он, — я не выпускал вертела из рук.

Тут я стал клясться и божиться, что непричастен к этой проделке и подмене, но это мне не помогло, ибо ничто не укрывалось от проницательности окаянного слепца. Слепец встал, схватил меня за голову, начал обнюхивать, как собака, сразу учуял запах и, решив удостовериться окончательно, резким движением правой руки раскрыл мне рот и бесцеремонно сунул туда свой длинный, крючковатый, да еще от злости удлинившийся на целую ладонь, нос, так что кончик его я ощутил у себя в глотке.

Великий страх, обуявший меня, злосчастная колбаса, которая не успела еще как следует устроиться в моем желудке, а главное, отвращение к мерзкому, чуть не задушившему меня носу — всё это вместе привело к тому, что мое обжорство и преступление обнаружилось, а достояние слепого вернулось к своему хозяину. Прежде чем злой слепец вытащил из моего рта свой хобот, в моем желудке произошел переворот, и я изрыгнул уворованное, так что его нос и проклятая непрожеванная колбаса выскочили из моего рта

одновременно.



Боже мой! Лучше бы мне тогда лежать в могиле! Лучше бы я был мертв! Злоба проклятого слепца была так велика, что, не сбегись на шум люди, он бы лишил меня жизни. Когда его оттащили от меня, руки его были полны моих жидких волос, лицо у меня было в ссадинах, во рту всё расцарапано, — словом, досталось мне по заслугам.

Злодей поведал собравшимся мои злоключения; истории с кувшином и виноградом, а равно и эту последнюю он рассказывал по нескольку раз. Все так хохотали[36], что сюда заглядывали

[36] Примечания: 36

Все так хохотали... — Наглядное доказательство отличия средневекового архаического смеха, поощряющего разного рода телесные издевательства и мучения, унижение человека, от смеха Нового времени, также присутствующего на страницах «Ласарильо» — в обличье изысканной словесной игры и тонкой авторской иронии. Первый — предмет изображения на страницах повести, второй — ее модус, ракурс изображения.

привлеченные этим весельем прохожие с улицы. Признаться, слепец до того остроумно и забавно описывал мои подвиги, что хотя я и ревел от боли, однако вынужден был признать, что рассказ его насмешит хоть кого.

Пока он так надо мной измывался, мне пришло на ум, что лишь по трусости и малодушию моему я не оставил его без носа, а я имел время сделать это, когда его нос до половины влез ко мне в рот. Стоило мне стиснуть зубы, и он перешел бы в мое владение, и, наверное, желудок мой лучше усвоил бы достояние слепого, чем колбасу. А так как ни колбаса, ни нос тогда бы не изверглись, то на допросе я вполне мог бы отпереться. Да, упустил я случай, а уж как бы это было славно!

Хозяйка заезжего двора и постояльцы помирили нас и вином, которое я принес, промыли мне раны на лице и в глотке, по поводу чего злой слепец отпускал шутки:

— Ей-богу, у меня в год выходит больше вина на умывание этого мальчишки, нежели я сам выпиваю в два. Во всяком случае, Ласаро, вино больше для тебя сделало, чем твой отец: он родил тебя один раз, а вино много раз даровало тебе

жизнь[37].

И он тут же рассказывал, как часто он мне царапал и разбивал лицо и лечил вином.

— Да уж, — в заключение говорил он, — если

---

[37] Примечания: 37

...вино много раз даровало тебе жизнь. — Ключевая фраза, подчеркивающая особую роль в повести мотива «вина», символизирующего кровь Христову, пролитую во имя спасения человечества. Вино — наряду с хлебом — ключевой символ таинства евхаристии, составляющего символический «позитивный» подтекст всей повести, на поверхности которой — современная жизнь во всей ее неприглядности. Образы-символы, связанные с таинством евхаристии (мука, хлеб, вино), в качестве сквозных, нередко травестируемых повествовательных мотивов присутствуют в повести с первых строк до последней страницы, на которой Ласаро «готов поклясться святым причастием» в том, что верит в чистоту своей жены (с. 93 наст. изд.; в оригинале: «yo juraré sobre hostia consagrada» — букв.: «я поклялся бы на святой гостии»). См. также примеч. 15 к Р2.

кому-нибудь на свете и посчастливится от вина, так это тебе.

Этому много смеялись омывавшие меня, меж тем как я изрыгал проклятия.

Однако предсказание слепого сбылось, и я потом часто вспоминал этого человека, несомненно обладавшего пророческим даром[38]. Теперь я даже раскаиваюсь, что делал ему всякие гадости, хотя он хорошо и отплачивал мне за них, — ведь то, что он мне тогда предрек, оказалось истинной правдой, в чем Ваша Милость не замедлит удостовериться.

Претерпев злые шутки слепого, я окончательно решил оставить его; я давно уже это задумал, но последняя беда еще сильней укрепила меня в моем намерении. Случилось так, что на другой же день мы отправились в город[39] просить милостыню, а минувшей ночью пошел сильный

---

[38] Примечания: 38

...несомненно обладавшего пророческим даром. — Ласаро-повествователь подразумевает, что слова слепца «если кому-нибудь на свете и посчастливится от вина, так это тебе» сбылись к тому моменту, когда он рассказывает о пережитых невзгодах: Ласаро стал городским глашатаем и получил от протопресвитера жену якобы в знак благодарности за рекламу его вина, которая входила в круг обязанностей глашатая. См. также примеч. 11 к гл. 2 «Л-II».

[39] Примечания: 39

...мы отправились в город... — В оригинале: «salimos por la villa» — «отправились на улицы города, в котором находились и который не покидали».

дождь, и так как он не переставал, то слепец мой молился под кровом галереи, где нас не мочило. Когда же наступил вечер, а дождь всё не прекращался, он сказал мне:

— Ласаро, дождь упрям, и чем ближе ночь, тем он сильнее. Пойдем-ка домой.

На возвратном пути нам нужно было пере-

браться через ручей, а в ручье воды из-за дождя значительно прибавилось, и я сказал слепцу:

— Дяденька, ручей уж больно широк, но, я вижу, поодаль мы можем пройти не замочившись: там ручей гораздо уже — мы прыгнем, и ноги у нас будут сухи.

Совет мой показался слепцу разумным, и он молвил:

— Ты сметлив — вот за что я тебя люблю. Веди меня туда, где ручей уже: ведь теперь зима, а зимою промочить ноги — дело неподходящее.

Видя, что всё благоприятствует моему замыслу, я вывел слепца из галереи и поставил прямо против одного из каменных столбов, которые высились на площади и на которых держались выступы зданий.

— Дяденька, — сказал я, — вот здесь самый узкий переход через ручей.

Дождь по-прежнему лил как из ведра, бедняга промок, мы спешили уйти от потоков воды, низвергавшихся на нас сверху, а самое главное, Господь в это мгновение затемнил разум слепца, дабы я мог отомстить, вот почему слепец поверил мне и сказал:

— Поставь меня, где лучше, и прыгай через ручей.

Я поставил его прямо перед столбом и, прыгнув, спрятался за столб, точно за мной гнался бык.

— А ну, прыгайте как можно дальше, — крикнул я, — а иначе попадете в воду!

Едва успел я произнести эти слова, как бедный мой слепец помотал головой, словно козел, отошел на шаг назад, чтобы подальше прыгнуть, а затем стремительно бросился вперед, стукнулся головой о столб, который даже загудел от мощного удара, и тотчас же упал навзничь, полумертвый, с разбитою головою.

— Как же ты колбасу-то разнюхал, а столба не сумел? Так тебе и надо, — сказал я и, завидев множество народу, спешившего ему на помощь, бегом пустился из городских ворот и еще засветло добрался до Торрихоса[40]. Что сталось со слепцом после, я так и не узнал, да и не пытался узнать.

[40] Примечания: 40

...добрался до Торрихоса. — Ласарильо продолжает кружить в тех же местах возле Толедо, где бродил со слепцом, пока в начале «Рассказа третьего...» не прибывает в столицу, с которой впоследствии будет неразрывно связана его жизнь.

РАССКАЗ ВТОРОЙ,
[О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У СВЯЩЕННИКА
И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

На другой день, не чувствуя себя в безопасности, я отправился в местечко, называемое Македа[41], — там в наказание за мои грехи повстречался мне некий поп и, когда я подошел к нему за милостыней, спросил, умею ли я прислуживать за обедней. Я ответил, что умею, и так оно и было, ибо слепой греховодник хоть и дурно со мной обращался, а всё же научил меня множеству полезных вещей, в том числе и прислуживать. В конце концов священник взял меня к себе.

Попал я из огня да в полымя. Слепой по сравнению с ним был настоящим Александром

[41] Примечания: 41

Македа — селение между Торрихосом и Эскалоной. Название селения созвучно и генетически связано с названием ханаанского города Макед, упоминаемого еще в Ветхом Завете (см.: Нав. 10: 10, 29; 12: 16).

Великим[42], несмотря на то что, как я уже поведал, являл он собою олицетворенную скупость. Скажу только, что вся скаредность мира заключалась в этом человеке. Не знаю уж, родилась ли она вместе с ним или же он впитал ее в себя, приняв духовный сан.

Был у него старый сундук, запертый на ключ, который он носил на ремне своего подрясника. Принеся из церкви благословенный хлеб, он собственноручно клал его в сундук и тут же запирал. Во всём доме не водилось ничего съестного, как это бывает в других домах: ни сала, подвешенного к дымоходу, ни сыра в столе или в шкафу, ни корзиночки с кусками хлеба, остающимися после трапезы; а между тем мне казалось, что, даже не притрагиваясь к ним, я бы утешился их созерцанием.

---

[42] Примечания: 42

Слепой по сравнению с ним был настоящим Александром Великим... — В числе прочих добродетелей и достоинств легендарного Александра Македонского (356—323 до н. э.) была и рыцарская щедрость (об этом, к примеру, см.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Александр. 39; *Клавдий Элиан.* Пестрые рассказы. 1.25; *Сенека.* О благодеяниях. II.16)

Все съестные припасы моего хозяина состояли из одной лишь связки лука, которую он держал под ключом в каморке наверху. Я получал одну луковицу на четыре дня, и когда просил у попа ключ, чтобы идти за нею, то, если кто-либо присутствовал при этом, он с великой осторожностью отвязывал ключ от ремня и протягивал мне его со словами:

— Возьми и сейчас же принеси обратно. Тебе

бы всё только лакомиться!

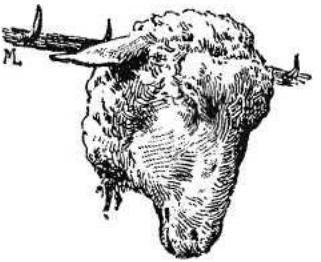
Можно было подумать, что там заперты все пряности Валенсии[43], хотя в этой каморке, как я уже сказал, не было ни черта, кроме висевших на гвоздике луковиц, которым поп вел строгий счет. Так что если б я, себе на горе, увеличил полагавшийся мне паек, мне бы это обошлось недешево.

---

[43] Примечания: 43

Пряности Валенсии. — Валенсия издревле славилась продуктами переработки плодов знаменитых валенсийских плантаций и огородов (huertas), в том числе долго хранящимися сладостями (турроны, конфитюры и др.).

В конце концов я стал помирать с голоду. Хозяин же мой, будучи ко мне не весьма милостив, себя, однако, не забывал: за обедом и ужином он обыкновенно съедал на пять бланок мяса. Правда, он делился со мной супом, но мяса я не видал как своих ушей, а хлеба получал вдвое, а то и втрое меньше, чем мне требовалось.



По субботам в тех краях едят бараньи головы[44], и я покупал для хозяина баранью голову за три мараведи. Он варил ее и съедал глаза, язык, затылок, мозги и щековину, а мне оставлял на блюде одни обглоданные кости и приговаривал:

— Бери, ешь и ликуй. Ты владеешь целым миром и живешь получше самого Папы.

«Тебе бы послал Господь такую жизнь!» — думал я.

[44] Примечания: 44

По субботам в тех краях едят бараньи головы... — Суббота была днем, в который в Кастилии не употребляли мяса, за исключением голов или внутренностей животных и птиц, а также требухи, ножек и жира свиней.

К концу трех недель я настолько отощал, что от голода уже не мог держаться на ногах. Я бы так и сошел в могилу, если бы Господь Бог и моя собственная сообразительность не помогли мне. Пуститься на хитрости мне не представлялось случая, ибо здесь нечего было украсть, а если бы даже и было, то я не мог бы отвести попу глаза, как это мне удавалось с предыдущим хозяином, да простит его Господь, если он помер от удара, ибо при всём своем лукавстве он был лишен бесценного дара — дара зрения и не видел ме-

ня. Что же касается этого, то никто не обладал такой зоркостью, как он. Когда мы совершали проскомидию[45], то ни одна полушка, падавшая в раковину[46], не ускользала от его взгляда. Одним глазом он смотрел на народ, а другим на мои руки, и зрачки его вращались, как если б они были из ртути.

[45] Примечания: 45

Проскомидия — часть литургии, во время которой происходит приготовление святых даров для таинства евхаристии и сбор пожертвований.

[46] Примечания: 46

Раковина. — Имеется в виду блюдо для подношений, формой напоминавшее нижнюю створку устрицы или морского гребешка.

Он вел счет всем монетам, какую бы кто ни подал, и после сбора тотчас же отбирал у меня раковину и ставил на престол, так что я за всё время, пока у него жил, или, лучше сказать, умирал, ни разу не ухитрился стянуть ни единой бланки. Из харчевни я никогда не приносил ему вина ни на грош, а ту небольшую часть пожертвований, которая хранилась у него в сундуке, он распределял таким образом, что ему хватало на неделю. А чтобы скрыть свою великую жадность,

он говорил мне:

— Знай, мальчик, священнослужители должны быть весьма умеренными в еде и питье, поэтому я не распускаюсь, как другие.

Сквалыга мой бессовестно лгал, ибо в монастырских трапезных и на поминках он жрал на чужой счет, как волк, и пил побольше любого знахаря, что лечит от водобоязни[47].

Раз уж я заговорил о поминках, то, да простит меня Господь Бог, ибо в эти дни я был врагом рода человеческого[48] единственно потому, что только в эти дни мы ели досыта, и я желал и молил Бога, чтобы Он каждый день поражал кого-либо из рабов Своих. Когда мы причащали и соборовали больных и священник предлагал всем присутствовавшим молиться, я, конечно, от других не отставал и от всего сердца и от всей души просил Бога, чтобы Он, как говорится, не

---

[47] Примечания: 47

...пил побольше любого знахаря, что лечит от водобоязни. — В оригинале речь идет об особом виде знахарей (saludadores), лечивших бешенство своей слюной (и заклинаниями), отчего им приходилось пить много воды: обильное питье якобы способствовало слюноотделению.

[48] Примечания: 48

...был врагом рода человеческого... — То есть сатаной, дьяволом. Фраза эта явно иронична, хотя оборотническая природа трикстера, к образу которого восходит и тип пикаро, генетически и семантически роднит его с дьяволом.

отвергал слугу Своего, а призвал его к Себе.

Если некоторые из них выживали, то я, прости Господи, многократно посылал их ко всем чертям, а тем, кто умирал, я столько же раз желал Царствия Небесного. За всё время, пока я пробыл у попа, а именно почти полгода, скончалось только двадцать человек, и, думается мне, умертвил их я, или, лучше сказать, они умерли по моему ходатайству. Видя, как я всечасно умираю лютою смертью, Господь, верно, соизволил прикончить их, чтобы даровать мне жизнь. И всё же я не находил средства от голода, ибо если в дни похорон я и жил, то в дни, когда покойника не было, я, привыкнув к сытости и возвращаясь к обычной своей голодовке, еще больше страдал от нее. Таким образом, ни в чем не находил я себе утешения, разве что в смерти, которой я иной раз желал и себе и другим, но не видел ее, хотя она всегда во мне пребывала.

Много раз замышлял я бросить этого жадного человека, но по двум причинам оставлял эту мысль: во-первых, по недоверию к моим ногам и

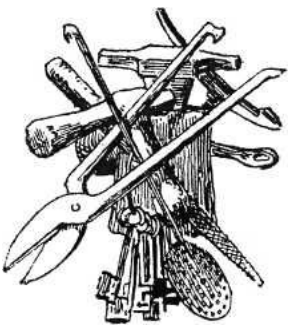
из страха перед их слабостью, которая являлась следствием голодовки, а во-вторых, я рассуждал так: «Было у меня два хозяина. Первый морил меня голодом; когда же я ушел от него, то попал к другому, и этот довел меня до могилы. И вот, если я расстанусь и с этим да попаду к еще худшему, мне останется только помереть».

Вот почему не дерзал я ничего больше предпринимать — я был уверен, что следующие ступени повлекут меня к еще горшим бедам, и если я спущусь по ним вниз, то о Ласаро никто уже не услышит на белом свете.

И вот, находясь в такой крайности, от которой избави Бог всякого истинного христианина, не зная, как выйти из этого положения, и видя, что дела мои идут всё хуже и хуже, однажды, когда злосчастный и скаредный хозяин мой ушел из дому, заприметил я у наших дверей какого-то медника, который показался мне ангелом, посланным в таком обличье с небес на землю. Он спросил, нет ли у нас какой починки.

«Взялся бы ты починить меня — вот и была бы у тебя работа, и работа немалая», — сказал я себе, но так, что он не слышал; однако мне было не до шуток, и, по наитию Святого Духа, я обратился к нему:

— Дяденька, я потерял ключ от этого сундука и боюсь, что хозяин меня накажет. Ради Бога, посмотрите, нет ли у вас с собой подходящего, а я вам заплачу.



Этот ангел в обличье медника стал пробовать один за другим ключи из большой связки, которая была при нем, а я помогал ему моими слабыми молитвами, и вдруг на дне сундука явился мне в образе хлебов, как говорится, лик Господень.

— У меня нет денег заплатить вам за ключ, — сказал я меднику, — возьмите плату отсюда.

Он выбрал хлеб, какой получше, и, отдав мне ключ, ушел в отличном расположении духа, а меня оставил в еще лучшем.

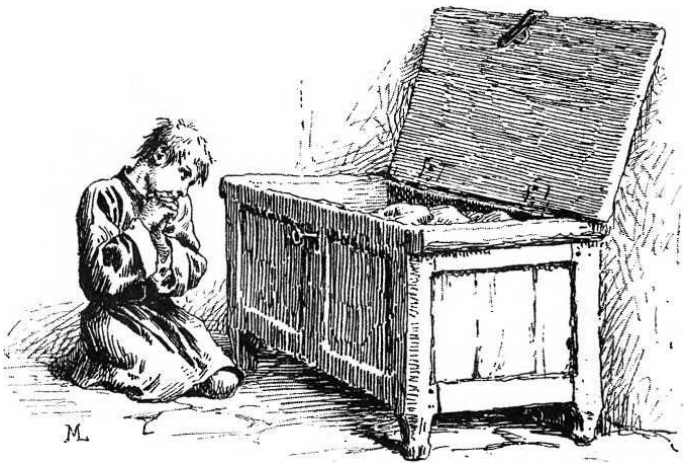
До поры до времени я не притронулся ни к чему, чтобы недостача не была замечена; к тому же, сделавшись обладателем такого богатства, я полагал, что голод не посмеет больше напасть на меня. Пришел мой злосчастный хозяин и, по милости Божьей, не заметил, что часть хлеба унес ангел.

На другой день, как только ушел он из дому, открыл я мой хлебный рай, схватил руками и

зубами один из караваев, мгновенно уничтожил его, а затем предусмотрительно запер сундук на ключ. С тех пор уборка комнат стала для меня наслаждением — я был уверен, что злой моей доле пришел конец. Так я блаженствовал тот день и следующий, но блаженство это длилось недолго, ибо уже на третий день меня снова схватила возвратная голодная лихорадка: в недобрый час увидел я, что мой гладоморитель, стоя у сундука, перекладывает и пересчитывает хлебы. Я сделал вид, что ничего не замечаю, а сам втайне молил Бога и взывал: «Святой Иоанн, ослепи его!»[49]

[49] Примечания: 49

«Святой Иоанн, ослепи его!» — Имеется в виду св. Иоанн Предтеча, который считался покровителем слуг. В день почитания этого святого — 24 июня (7 июля) существовал обычай менять хозяев, на службе у которых не полагалось оставаться более года.



Он же, после того как долго вел счет по дням и по пальцам, изрек:

— Если бы этот сундук не был так надежно заперт, я бы подумал, что кто-то похитил отсюда хлебы. Отныне, только затем чтобы избегнуть подозрений, я буду вести счет. Остается девять хлебов и один кусок.

«Девять болячек пошли тебе Господь!» — подумал я. При его словах мне показалось, что сердце мое пронзила стрела, а желудок стал разрываться от голода, ибо я понял, что придется мне поститься, как прежде. Он ушел, а я, чтобы утешиться, открыл сундук и начал любоваться

хлебом, не смея, однако, его взять. Я пересчитал хлебы в надежде, что проклятый поп ошибся, но — увы! — счет его оказался совершенно верным. Единственно, что я мог себе позволить, это многократно расцеловать хлебы и осторожно отщипнуть от куска, и больше у меня ничего во рту не было весь тот день, не столь радостный, как предыдущий.

Между тем голод мучил меня всё сильнее, тем более что за истекшие два-три дня желудок мой привык к большему количеству хлеба; я просто помирал лютой смертью и, оставшись один, всё только отпирал да запирал сундук, созерцая в хлебах лик Божий, как говорят дети. Однако Бог всегда приходит на помощь несчастным, и вот, видя, что я в таком тяжелом положении, он внушил мне довольно остроумную мысль, и я, пораскинув мозгами, сказал себе: «Этот сундучище стар, ветх и разбит в нескольких местах. В нем есть несколько маленьких дырочек. Можно уверить попа, что туда забираются мыши и грызут хлеб. Стащить целый каравай нельзя, ибо утеснитель мой тотчас заметит пропажу, — лучше понемножку».

И вот накрошил я хлеб на лежавшие в сундуке весьма драгоценные салфетки, — словом, от каждого из трех или четырех караваев я понемногу отковырял. Затем, подобно тому как принимают пилюли, я всё это проглотил и несколько утешился. Поп, придя обедать и отперев сундук, заметил нанесенный ему урон и, конечно, подумал на мышей, потому что именно так обыкновенно грызут хлеб мыши. Он осмотрел сундук со всех сторон и, обнаружив несколько отверстий, решил, что через них-то мыши и забрались внутрь. Он позвал меня и сказал:

— Смотри-ка, смотри-ка, Ласаро, какому нападению подвергся нынче ночью наш хлеб!

Я сделал вид, что очень удивился, и спросил, что бы это могло быть.

— Как что? — сказал он. — От мышей не убережешься.

Сели мы обедать, Господь и тут послал мне удачу. На сей раз мой хозяин оказался щедрее: он срезал ножом всё, что считал попорченным мышами, и отдал мне.

— Ешь, — сказал он, — мыши — звери чистые[50].

Так, увеличив паек трудами рук моих, или, лучше сказать — ногтей, покончил я с обедом, хотя, по правде говоря, я и не начинал его.

Вскоре новый удар поразил меня: хозяин мой добросовестно принялся вытаскивать гвозди из стен и собирать дощечки, а потом заколотил и забил все дыры в старом сундуке.

«Боже мой! — подумал я. — Каким превратностям, бедствиям и несчастьям подвержены мы и до чего же скоротечны радости в нашей много-

[50] Примечания: 50

...мыши — звери чистые. — Слова священника гротескно противостоят очень распространенному в те времена представлению о том, что мыши зарождаются в грязи (равно как и размножаются внеполовым путем).

трудной жизни! Вот я надеялся таким скромным и жалким способом утолять голод, и это меня радовало и ободряло. Но злая судьба моя заставила скаредного моего хозяина быть начеку и выказывать еще большую наблюдательность, чем та, какою его наделила природа, хотя, впрочем, такие злонамеренные люди, как он, по большей части не страдают недостатком бдительности: злая судьба, заколотив дыры в сундуке, тем самым отняла у меня последнее утешение и усеяла путь мой лишениями».

Так плакался я, а в это время мой добросовестный плотник при помощи гвоздей и дощечек окончил свою работу.

— Ну, вероломные господа мыши, — молвил он, — вам здесь делать больше нечего, в нашем доме вам придется туго.

Едва он вышел, я поспешил осмотреть его работу и обнаружил, что в ветхом и жалком сундуке своем он не оставил даже щели, в которую мог бы пролезть комар. Я отпер сундук моим теперь уже бесполезным ключом, без надежды попользоваться чем-либо, увидел два или три начатых хлеба, которые хозяин мой принял за попорченные мышами, и взял самую малость, слегка коснувшись их, подобно ловкому фехто-

вальщику.

Нужда — великий учитель, я же испытывал ее постоянно, а потому я день и ночь обдумывал средства для поддержания моих сил, и полагаю, что в поисках этих проклятых средств голод освещал мне путь, ибо говорят, что вдохновляет на выдумки он, а не сытость. Так, во всяком случае, было со мною.

И вот однажды ночью, будучи пробужден своими мыслями и размышляя о том, как бы мне овладеть и попользоваться содержимым сундука, удостоверился я, что хозяин мой почивает: об этом можно было судить по храпу и громким вздохам, которые он всегда испускал во сне. Еще днем обдумав свои действия и запасшись старым ножом, я бесшумно встал с постели, направился к злосчастному сундуку и с той стороны, где,

как мне казалось, он был хуже всего защищен, бросился на него с ножом, который заменил мне бурав. А так как ветхий сундук, много лет проживший на свете, не только не обладал силой и стойкостью, но, напротив, был слаб и податлив, то он скоро сдался, и я провертел в его боку порядочную дыру. После этого я осторожно отпер израненный сундук, ощупью отковырял кусочек от начатого хлеба по вышеописанному способу и, удовольствовавшись этой малостью, снова запер хранилище, а затем возвратился на свою солому и, растянувшись, немного соснул. Спать мне, однако, не давал голод, а будь я сыт, в те времена сон мой не развеяли бы даже заботы, которые тревожат французского короля[51].

На другой день хозяин мой, обнаружив урон, нанесенный хлебу, а также дыру, которую я провертел в сундуке, посулил мышам черта.

— Что ты скажешь! — воскликнул он. — Прежде в моем доме мышей и в помине не было!

И он говорил истинную правду, ибо если и был во всём королевстве дом, к которому мыши

---

[51] Примечания: 51

...заботы, которые тревожат французского короля. — Здесь «французский король» — не какое-либо конкретное историческое лицо, а пословичный персонаж, воплощение человека, угнетенного заботами. См. также сноску 30 на с. 568 наст. изд.

относились с особым почтением, так это именно дом моего хозяина, ибо мыши не водятся там, где им нечего есть. Хозяин снова принялся выискивать гвозди в стенах, собирать дощечки и заколачивать дыру. Но с наступлением ночи, как только он засыпал, я сейчас же вставал, и что заколачивал он в течение дня, то расколачивал я за ночь своими инструментами.

Так оно и шло, и так мы с ним соревновались: вот уж поистине, едва одна дверь закрывается, как другая распахивается. Казалось, мы взяли подряд на тканье Пенелопы[52], ибо то, что он ткал за день, я распускал по ночам. В короткий срок мы привели несчастное хранилище в такой вид, что всякий скорее назвал бы его не сундуком, а древними латами — так много было на нем заплат и гвоздей.

Видя, что средство его не помогает, хозяин сказал:

— Сундук этот весь разломан и сделан из столь ветхого и гнилого дерева, что не может проти-

---

[52] Примечания: 52

...взяли подряд на тканье Пенелопы... — Пенелопа — жена Одиссея, двадцать лет ожидавшая его возвращения из дальних странствий. Отклоняя предложения многочисленных женихов, она обещала сделать выбор после того, как окончит ткать саван для отца своего мужа. Однако каждую ночь она распускала то, что успевала соткать за день, тем самым откладывая срок своего ответа.

виться никакой мыши. Но, как бы он ни был плох, без него будет еще хуже, новый же сундук обойдется мне в три или четыре реала[53]. Лучшее средство, по-моему, раз это не приносит пользы, — вооружиться на проклятых мышей изнутри.

Вскоре он занял у кого-то мышеловку и, снабдив ее кусочками сыра, выпрошенного у соседей, поместил ее внутри сундука. Мне это послужило особым подспорьем, так как хотя я и не очень нуждался в острой закуске для возбуждения аппетита, но рад был и сыру, — я извлекал его из мышеловки, не забывая в то же время угрызать хлеб.

[53] Примечания: 53

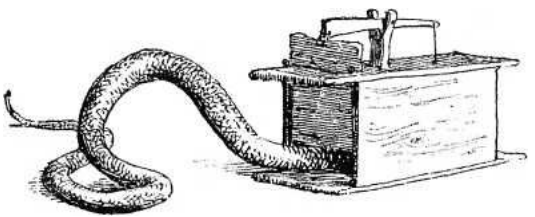
Реал — серебряная (а позднее — медная) монета, бывшая основной счетной единицей в Испании с середины XV в. до 1870-х годов (один реал равнялся тридцати двум мараведи).

Видя, что хлеб изгрызен, сыр съеден, а мышь всё не попадается, мой хозяин злился и расспрашивал соседей, как это может случиться, что сыр похищен из мышеловки и съеден, а мышь ускользнула, хотя дверца захлопнулась.

Соседи пришли к заключению, что это не мышь, ибо хоть раз да должна же была она попасться.

Один из соседей сказал:

— Помнится мне, что в доме вашем водилась змея, и это, наверное, она и есть. И понятно, что раз она длинна, то может стащить приманку и выбраться из мышеловки, хотя бы дверца и захлопнулась, — ведь не вся же змея туда влезает.



Все с ним согласились, а хозяин мой встревожился и с этого дня стал спать не столь спокойным сном, принимая за змею, грызущую его сундук, жучка-древоточца, что бывает слышен по ночам. Он вставал и палкою, которую держал наготове у своего изголовья, изо всех сил принимался колотить по злосчастному сундуку — так он думал напугать змею. Этим грохотом он будил соседей и не давал спать мне. Подойдя к моему сеннику, он ворошил его и меня, ибо ему представлялось, что змея заползла ко мне и спряталась в соломе или в моей одежде, а он слыхал, что иногда эти гады ночью, чтобы согреться, заползают в колыбели к

детям и жалят их и что это очень опасно. Я обыкновенно притворялся спящим, а на следующее утро он спрашивал меня:

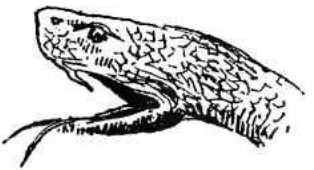
— Нынче ночью ты, мальчик, ничего не слыхал? Я следил за змеей и думал даже, что она заползла в твою постель: ведь они очень холодные и им хочется согреться.

— Дай бог, чтобы она меня не укусила, — ответил я, — я страшно боюсь этого.

Так как мой хозяин столько раз пробуждался и поднимался, змея или, вернее, змей не осмеливался подбираться к сундуку и грызть по ночам. Зато днем, когда хозяин был в церкви или в городе, я по-прежнему совершал нападения. Хозяин же, видя, сколь великие терпит убытки, и сознавая, что он бессилен с ними бороться, продолжал по-прежнему бродить по ночам, как домовой.

Я боялся, как бы рачительный мой хозяин не обнаружил ключ, который я держал под сенником, и в конце концов решил, что надежнее будет на ночь класть его в рот. Еще в ту пору, когда я жил у слепого, я превратил свой рот в кошель, мне

случалось хранить там и десять и пятнадцать мараведи, все в мелкой монете, и они не мешали мне есть. В противном случае я бы их лишился, ибо проклятый слепец непременно нашел бы их: ведь он постоянно обыскивал меня.



И вот, как я уже сказал, теперь я каждую ночь прятал ключ к себе в рот и спал спокойно, уже не боясь, что мой колдун-хозяин отыщет его. Но когда приходит беда, все предосторожности тщетны. Судьба моя распорядилась так, а вернее всего, это было мне наказание за грехи: однажды ночью, когда я спал, спрятав ключ во рту, дыхание мое выходило через отверстие пустого внутри ключа с весьма отчетливым предательским свистом. Напуганный хозяин мой решил, что шипит змея, да это и впрямь было похоже.

Он тихонько встал и, с палкой в руке, весьма осторожно, чтобы змея его не почуяла, двинувшись в том направлении, откуда долетал звук, приблизился ко мне, ибо он полагал, что змея зарылась в солому и греется подле меня. И вот, взмахнув своей дубиной и вознамерившись одним ударом прикончить змею, он так меня треснул, что я, с проломленной головой, остался лежать без сознания. Смекнув, как он сам после рассказывал, что удар пришелся по мне, он наклонился и, громко окликнув, попытался привести меня в чувство. Дотронувшись до меня рукою и обнаружив сильное кровотечение, он поспешил принести свет, а когда возвратился, то услыхал мои стоны и увидел, что во рту у меня ключ, — я его так и не выронил, и он всё еще торчал у

меня одним концом наружу, как и тогда, когда я свистел в него.

Истребитель змей, придя в изумление, вытащил у меня изо рта ключ и рассмотрел его, — по виду он ничем не отличался от его собственного, коим запирался сундук. Хозяин тотчас в этом удостоверился и раскрыл мое преступление. В эту минуту жестокий охотник подумал, наверно, так: «Наконец-то нашел я мышь и змею, которые

со мной воевали и поедали мое добро».

О том, что произошло в следующие три дня, я ничего не могу сказать, ибо провел их словно во чреве китовом[54], а о самом приключении я узнал уже после того, как пришел в себя, от хозяина, который со всеми подробностями рассказывал о нем всем своим знакомым.

Через три дня я очнулся и, увидев, что лежу на сеннике, что голова у меня в пластырях, натерта маслом и намазана мазью, в испуге спросил, что со мной приключилось.

— А то, что я переловил всех змей и мышей, которые меня разоряли, — ответил жестокий поп.

Увидев, в каком плачевном состоянии я нахожусь, я тотчас же догадался о моем несчастье.

---

[54] Примечания: 54

...провел их словно во чреве китовом... — Ласаро уподобляет себя здесь не столько ветхозаветному пророку Ионе, прожившему три дня во чреве кита (см.: Ион. 2: 1—11; «чрево» — архаический символ смерти, могилы), сколько Иисусу Христу, намекая на сравнение Христа с Ионой в Евангелии от Матфея (см.: Мф. 12: 40).

В это время вошли соседи и старуха знахарка и начали снимать у меня с головы повязки и врачевать рану. Заметив, что я очнулся, они очень обрадовались и сказали:

— Ну, раз он пришел в себя, даст Бог, всё заживет.

Тут они снова принялись описывать мои невзгоды и смеяться над ними, а я, грешный, стал их оплакивать. Затем они дали мне поесть, я же совсем ослабел от голода и лишь слегка подкрепил свои силы.

Через две недели опасность миновала (не миновал только голод), я с грехом пополам поправился и кое-как стал на ноги.

На другой день после того, как я поднялся, хозяин мой взял меня за руку, вывел за порог и, поставив среди улицы, сказал:

— Ласаро, с сегодняшнего дня ты уже не мой, а свой собственный. Ступай с Богом и ищи себе другого хозяина, а мне столь ревностный слуга не нужен. Тебе только поводырем у слепого и быть.

И, отчуравшись от меня, словно я был одержим бесами, он вернулся домой и запер за собою дверь[55].

---

[55] Примечания: 55

И вот, находясь в такой крайности ~ и запер за собою дверь. — Данный обширный пассаж представляет собой, по мнению некоторых критиков (Э. Пайпер, Ст. Джилмен и др.), развернутую пародию на важнейшее христианское таинство — причастие (евхаристию), которому в Католической церкви посвящен специально установленный в XIII в. праздник — День Тела и Крови Христовых (*лат.* Corpus Christi; отмечается в первый четверг после Троицы). В этом эпизоде обещанное верующему «спасение» через причащение к таинствам святой веры приравнено к весьма натуралистической ситуации: «причащаясь» к содержимому сундука, Ласарильо спасается от реальной голодной смерти. Сундук, проникнуть в который стремится Ласарильо, — это профанированный образ ковчега со святыми дарами. Цель Ласаро — добыть священ ные хлебцы, «гостии», вкушаемые священником при причастии (так — в католическом ритуале) и символизирующие плоть Христову. Добравшись до гостий, Ласарильо зрит в их образе «лик Господень», а сундук превращается для него в «хлебный рай», где мальчик — алтарный служка хозяйничает, как некогда «змий» в библейском раю, — недаром Ласарильо называет себя «врагом рода человеческого» (см. примеч. 8), а хозяин сундука — священник тщетно пытается изловить крадущую

у него хлеб «змею» (которая, как и мышь, символизирует дьявола). Эпизод завершается «изгнанием» Ласарильо из «рая», метафорической смертью и возвращением к жизни — переходом к новому хозяину.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ,
[О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У ДВОРЯНИНА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

Таким образом, я вынужден был черпать силы из своей собственной слабости и потихоньку, с помощью добрых людей, добрался до славного города Толедо, где, по милости Божьей, через две недели рана моя зажила. Пока я был болен, мне подавали кое-какую милостыню, но, как только я вылечился, все стали твердить:

— Проныра ты и бездельник! Ищи, ищи себе доброго хозяина и послужи ему!

«А где же такого найти? — думал я. — Одна надежда, что Господь Бог вновь создаст его, как создал в свое время мир».

Предаваясь подобным размышлениям и с весьма малым толком бродя от одной двери к другой, ибо и милосердие вознеслось на небеса, набрел я однажды по воле Бога на некоего дворянина, — тот шел по улице степенным шагом, прилично одетый и аккуратно причесанный. Он посмотрел на меня, я на него, — тогда он обратился ко мне с такими словами:

— Не ищешь ли ты хозяина, мальчик?

— Да, сеньор, — ответил я.

— В таком случае следуй за мной, — сказал он, — Господь явил тебе особую милость тем, что свел тебя со мною. Видно, ты сегодня усердно молился.

Я последовал за ним и возблагодарил Бога, ибо, судя по виду дворянина и его повадке, я пришел к заключению, что обрел именно того, кого мне было нужно.

С этим третьим моим хозяином мы встретились утром. Он повел меня чуть ли не через весь город. Мы проходили мимо рынков, где продавали хлеб и другие припасы. Я мечтал о том, как он нагрузит меня ими, ибо наступил уже тот час, когда

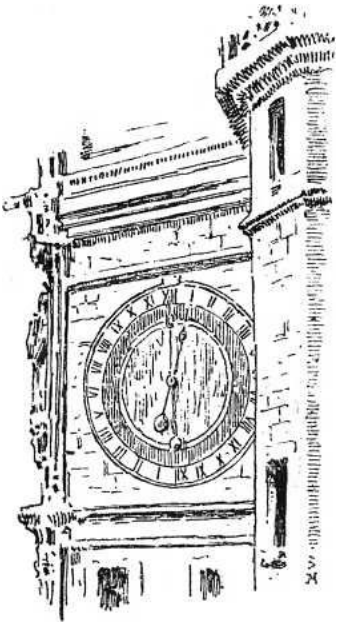
люди обычно запасаются всем необходимым, но он размеренным шагом проходил мимо.

«Верно, он не находит здесь ничего по своему вкусу и собирается всё закупить в другом месте», — подумал я.

Так мы с ним бродили до одиннадцати часов. В одиннадцать хозяин направил стопы свои в собор, я последовал за ним, и тут я мог наблюдать, как усердно молился он за обедней и прочими церковными службами. И только после того как всё кончилось и народ разошелся, вышли из храма и мы.

Мы медленно двинулись по улице. Я чувствовал себя счастливейшим из смертных: коль скоро нам не пришлось заниматься поисками пищи, рассуждал я, значит, хозяин мой — человек запасливый и обед будет в положенное время, и притом такой, о каком я мечтал и в каком нуж-

дался.



В это время пробило час пополудни, хозяин мой остановился у какого-то дома, откинул левую полу плаща, вытащил из рукава ключ, отпер дверь, и мы вошли в дом. Вход в него был до того темен и мрачен, что, наверное, внушал страх всем посетителям, хотя, впрочем, дальше вы попадали во внутренний дворик, комнаты же

были приличные.

Войдя в дом, хозяин скинул плащ и, узнав, чистые ли у меня руки, с моей помощью встряхнул и свернул его, а затем, тщательно сдунув пыль со скамьи, положил на нее плащ, сам сел рядом и начал весьма подробно расспрашивать меня, откуда и как я попал в этот город. Я дал ему более подробный отчет, чем мне того хотелось, ибо я

полагал, что лучше накрыть на стол и приняться за похлебку, чем исполнять его просьбу. Однако я удовлетворил его любопытство; привирал же я, как только мог, повествуя о моих достоинствах и умалчивая обо всём остальном, — мне казалось, что это к делу не относится. После этого он еще некоторое время сидел неподвижно, в чем я тотчас же усмотрел дурной знак: ведь было уже около двух часов, а он помышлял о еде не больше, чем покойник.

Я стал рассматривать комнату, дверь которой была заперта на ключ. Ни вверху, ни внизу не было заметно никакого шевеления. Я видел перед собой только стены, но не видел ни единого стула, ни единой скамейки, даже такого сундука, как у предыдущего хозяина. Весь дом был точно заколдован.

Наконец хозяин спросил:

— Ты уже поел, мальчик?

— Нет, сударь, — ответил я, — ведь, когда я повстречал вас, еще и восьми не было.

— А я вот спозаранку позавтракал, и надо тебе сказать: закусив с утра, я до вечера обхожусь без еды. Поэтому до ужина ты уж сам как-нибудь о себе позаботься.

Поверьте, Ваша Милость, что при этих словах я

почти лишился чувств, но не от голода, а от того, что удостоверился, сколь неизменно жестокой пребывает ко мне судьба. Снова предстали предо мной мои злоключения, и я принялся оплакивать мои невзгоды. Вспомнилось мне, как я, замышляя бросить попа, боялся, что, хоть он зол и скуп, я могу напасть на другого хозяина, еще похуже этого. Потом всплакнул я при мысли о моей прежней тяжелой жизни и о близкой моей кончине.

Однако я постарался взять себя в руки и сказал:

— Сударь, я молод и не очень забочусь о еде. Слава богу, глотка у меня скромная, — этим я отличался от всех моих сверстников и за это меня хвалили все хозяева, которым я до вас служил.

— Хорошее качество, — заметил он, — за это я еще больше буду тебя любить. Обжираться свойственно свиньям, а есть умеренно приличествует людям достойным.

«Я отлично тебя понимаю, — подумал я, — будь прокляты те лекарства и те добродетели, которые мои хозяева выискивают в голоде!»

Я забрался в угол и вытащил из-за пазухи несколько ломтей хлеба, которые мне подали Христа ради. Он же, заметив это, молвил:

— Иди-ка сюда, мальчик! Что ты там жуешь?

Я подошел к нему и показал хлеб. Он взял у меня один ломоть из трех, получше и побольше, и воскликнул:

— Ей-богу, хороший хлеб!

— Какой там хороший! — заметил я.

— Честное слово, хороший, — возразил он. — Где ты его раздобыл? Чистыми ли руками он замешен?[56]

— Этого я не знаю, — ответил я, — но только вкус его мне не претит.

— Ну, будь что будет, — произнес мой бедный хозяин и, поднеся ломоть ко рту, начал кусать его так же яростно, как кусал я свой. — Клянусь Богом, превкусный хлеб, — сказал он.

---

[56] Примечания: 56

Чистыми ли руками он замешен! — Намек на одержимость дворян из северных провинций страны этнической чистотой своей крови. См. также примеч. 7.

Поняв, на какую ногу он хромает, и уверившись в его готовности помочь мне расправиться с остатками хлеба, в случае если я замешкаюсь, я стал поторапливаться. Благодаря этому мы покончили с хлебом почти одновременно. Хозяин принялся собирать крошки, оставшиеся у него на груди, а затем прошел в соседнюю комнатушку, принес оттуда кувшин с отбитым горлышком и, отпив, предложил мне. Чтобы сойти за человека воздержанного, я сказал:

— Сударь, я вина не пью.

— Это вода, — ответил он, — можешь пить спокойно.

Тогда я взял кувшин и выпил, но немного, ибо

жажда-то меня как раз и не донимала. Так провели мы время до вечера, — он меня расспрашивал, а я ему отвечал, как мог складнее. Наконец он провел меня в комнату, где стоял кувшин, из которого мы напились, и сказал:

— Мальчик, иди-ка сюда и посмотри, как делается постель, чтобы в другой раз суметь ее приготовить.

Я стал с одного конца, а он с другого, и мы вдвоем приготовили это несчастное ложе, где и готовить-то нечего было, потому что состояло оно из плетенки, положенной на скамьи, и накрытого простыней тощего тюфяка, который, давно забыв о чистке, даже и не походил на тюфяк, но

всё же заменял таковой, хотя начинки в нем было меньше, чем полагалось. Мы его разостлали и попытались умягчить, но это оказалось невозможно, ибо из твердого очень трудно сделать мягкое. Проклятый тюфяк так мало содержал в себе шерсти, что, когда мы положили его на плетенку, все ее прутья обозначились под ним, как ребра у тощей свиньи. Сверху было положено столь же тощее одеяло, цвет которого я не мог разобрать. Когда постель была приготовлена, уже наступила ночь, и хозяин сказал:

— Уже поздно, Ласаро, а отсюда до рынка очень далеко. К тому же в городе полно воров, они грабят по ночам. Обойдемся как-нибудь, а утром Господь нас вознаградит. Я не запасался едой — ведь я до сих пор жил один и все эти дни не обедал дома, а теперь мы устроимся иначе.

— Что касается меня, сударь, — заговорил я, — то об этом вашей милости не стоит беспокоиться, — я и не одну ночь, если нужно, могу побыть без еды.

— И будешь здоровее, да и проживешь дольше, — подхватил он, — мы с тобой уже говорили: ничто на свете так не способствует многолетию, как умеренность в еде.

«Ну, коли так, — подумал я, — то я никогда не

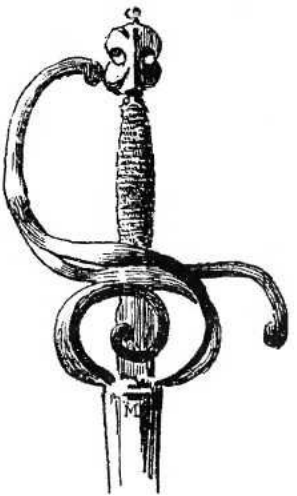
помру: я всегда соблюдал это правило поневоле и думаю даже, что, на свое несчастье, буду верен ему всю жизнь».

Он улегся, подложив под голову свои штаны и камзол, и велел лечь у его ног, что я и сделал. Но будь проклят сон мой, ибо прутья плетенки и мои торчавшие кости всю ночь не переставали ссориться и злиться друг на друга, ибо от забот, несчастий и голода в теле моем не осталось уже ни фунта мяса. Притом я целый день почти ничего не ел и в конце концов озверел от голода, а тут уж бывает не до сна, и да простит меня Господь, но только я осыпал проклятиями и себя самого, и мою несчастную судьбу. Большую и худшую часть ночи я не смел пошевельнуться, чтобы не разбудить моего хозяина, и неустанно молил Бога о смерти.

Утром мы поднялись, и хозяин стал чистить и встряхивать свои штаны, камзол и плащ, а я усердно прислуживал ему во время долгого его одевания. Я подал ему воды вымыть руки, он причесался, взял свою шпагу и, прицепляя ее к портупее, сказал:

— Если бы ты знал, мальчик, что это за шпага! Я не променял бы ее на всё золото в мире. Из

тех шпаг, что сделал Антонио[57], ни у одной нет такого острого клинка, как у этой. — Он вытащил ее из ножен и попробовал пальцами: — Видишь? Я берусь пронзить ею кипу шерсти.



«А я моими зубами, хоть они и не стальные, берусь пронзить хлеб в четыре фунта весом», — подумал я.

---

[57] Примечания: 57

Из тех шпаг, что сделал Антонио... — Имеется в виду Антонио Веназоло (Antonio Venazolo), знаменитый оружейный мастер конца XV — начала XVI в., изготовивший меч для короля Фердинанда (Фернандо) Католика.

Он вложил шпагу в ножны, прицепил ее к портупее вместе с огромными четками и спокойным шагом, держась прямо, изящно покачивая станом и головою, перебрасывая плащ то через плечо, то через руку и подбоченясь, направился к выходу.

— Ласаро, — сказал он, — пригляди за домом,

пока я схожу к обедне, прибери постель, сбегай за водою на реку, а дверь запри на ключ, чтоб у нас чего-нибудь не стянули, и положи его вот тут, у косяка, на случай если я вернусь раньше тебя.

И он, приосанясь, зашагал по улице с таким гордым видом, что всякий, кто не был с ним знаком, мог бы подумать, что это идет близкий родственник графа Аларкоса[58] или, по крайней мере, камердинер, помогавший ему одеваться.

[58] Примечания: 58

...близкий родственник графа Аларкоса... — В бургосском и антверпенском изданиях имя графа читается «Аркос» (Arcos), что первые филологи — издатели повести (см.: Morel-Fatio 1888; Cejador y Fráuca 1976) объясняли типографской опечаткой, в результате которой исчезли первые две буквы имени графа Аларкоса — героя одного из самых популярных испанских романсов. Также предполагалось, что в этом персонаже перепутаны черты графа Аларкоса и другого графа из народных романсов — Кларoса (см. примеч. 1 к гл. 7 «Л-II»), поскольку именно в романсах о графе Кларосе есть описание богатого костюма героя и его тщательного туалета. Современные издатели (см., в частности: Blecua 1987) сохраняют в тексте имя «Аркос», считая, что речь идет не о герое романса, а о некоем историческом лице.

«Благословен Господь, — подумал я, оставшись один, — посылая болезнь, он указует и лекарство! Кто, встретив моего хозяина, не подумает, судя по его довольному виду, что вчера он вкусно поужинал, спал на мягком ложе и, несмотря на ранний час, сытно позавтракал? Неисповедимы пути Твои, Господи, и людям не дано их постигнуть! Кого не обманули бы эта наружность, этот при-

личный плащ и камзол? Кому придет в голову, что этот дворянин ничего вчера не ел и удовольствовался лишь краюхой хлеба, которую слуга его Ласаро целые сутки таскал у себя за пазухой? Кому придет в голову, что сегодня, вымыв лицо и руки, за неимением полотенца воспользовался он полой своего кафтана? Никто, конечно, этого не подозревает. О Господи, как много подобных ему рассеяно по свету, и из-за этой гадости, которая называется честью, они терпят столько мук, сколько не претерпели бы во имя Твое!»

Рассуждая таким образом, стоял я у дверей и смотрел вслед моему хозяину до тех пор, пока он не прошел нашу длинную и узкую улицу. Когда же он скрылся из виду, я в один миг обошел весь дом, сверху донизу, не зная, за что бы мне взяться. Я убрал злосчастную жесткую постель, взял кувшин и по дороге к реке увидел моего хозяина: он стоял в саду и рассыпал любезности двум расфуфыренным девицам, какие в том городе попадаются на каждом шагу. Многие из них имеют

обыкновение в летнее время гулять по бережку и дышать утренней прохладой в надежде, что кто-либо угостит их завтраком, как это принято у местных идальго.

Итак, хозяин мой беседовал с ними на манер

Масиаса[59], расточая больше неясных слов, чем их насочинял Овидий[60]. Когда же они удостоверились, что он расчувствовался не на шутку, им не показалось зазорным попросить его повести их завтракать за полагающееся в таких случаях с них вознаграждение. Он же, ощутив, что кошелек его столь же холоден, сколь горяч желудок, внезапно заболел лихорадкой, побледнел, начал путаться в словах и бормотать пустые извинения. Наученные опытом, они сразу распознали его болезнь и предоставили его самому себе; я же, закусив капустными кочерыжками, с великим проворством, как подобает новому слуге, тайно от хозяина вернулся домой и решил хотя бы слегка подмести наше обиталище, ибо сделать это было просто необходимо, но только не нашел чем. Думал я, думал, за что бы мне приняться, и наконец решил обождать моего хозяина до полудня: он-де

---

[59] Примечания: 59

...беседовал с ними на манер Масиаса... — Речь идет о Луисе Эдуардо Сантьяго Масиасе (ок. 1340 — ок. 1370), по прозванию «Влюбленный» (El Enamorado), легендарном галисийском поэте и трубадуре.

[60] Примечания: 60

...расточая больше неясных слов, чем их насочинял Овидий. — Имеется в виду Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 16 н. э.), римский поэт, известный в Средние века и в эпоху Возрождения прежде всего как автор эротической поэмы «Искусство любви» («Ars amatoria»; 2—1 до н. э.), которая воспринималась в те времена как своеобразный любовный кодекс.

вернется и, быть может, принесет что-нибудь поесть, но ожидание оказалось напрасным. Когда я увидел, что уже два часа, а он всё не идет, меж тем как голод продолжает донимать меня, я запер дверь, положил ключ, куда было велено, и вернулся к моему старому ремеслу. Тихим и слабым голосом, прижимая руки к груди, имея образ Господа Бога перед глазами и имя Его на устах, стал я просить хлеба у дверей самых больших домов. Искусство это я всосал с молоком матери или, вернее, постиг его у великого моего учителя — слепца и вышел вполне достойным его учеником, а потому, несмотря на жестокосердие жителей этого города и на неурожайный год, я выказывал такое умение, что, прежде чем пробило четыре часа, у меня оказалось столько же фунтов хлеба в желудке, да еще два в суме и за пазухой. Я повернул домой и, проходя мимо мясной лавки, выпросил у одной женщины кусок телячьей ножки и немного вареной требухи.

Моего доброго хозяина я застал дома. Плащ его был свернут и положен на скамью, а сам он прогуливался по дворику. Когда я вошел, он направился ко мне. Я подумал, что он будет бранить меня за опоздание, но Господь всё устроил к луч-

шему. Он спросил, где я был.

— Сударь, — ответил я, — до двух часов я был дома, а затем, видя, что ваша милость не возвращается, прошелся по городу и обратился за помощью к добрым людям, а они дали мне то, что вы видите.

Я достал из-под полы хлеб и требуху и показал ему, он же удостоил это милостивым взглядом и сказал:

— А я ждал тебя к обеду и, видя, что ты не идешь, пообедал один. Но ты и в этом случае поступил как порядочный человек, ибо лучше просить милостыню, чем воровать, и я надеюсь, что Господь тебя не оставит. Но только смотри: никто не должен знать, что ты живешь у меня, иначе это может задеть мою честь. Впрочем, я уверен, что это останется тайной, ибо меня мало знают в этом городе, и лучше бы мне сюда вовсе не заглядывать!

— Не беспокойтесь, сударь, — молвил я, — никому нет до этого дела, и ни перед кем я не буду отчитываться.

— Ну а теперь ешь, греховодник, Бог даст, мы скоро выбьемся из нужды, хотя, признаюсь, с тех пор, как я поселился в этом доме, ничего хорошего я не видел. Верно, построен он на худой земле

и на плохом основании. Есть такие несчастливые дома, где на жителей валятся всякие беды. Этот дом, конечно, из таких, но я тебе обещаю, что через месяц я с ним расстанусь, хотя бы мне отдали его в полное владение.

Умолчав о моем завтраке, чтобы он не принял меня за обжору, я сел на край скамьи и начал ужинать; я уписывал требуху и хлеб и украдкой поглядывал на незадачливого моего хозяина, который не сводил глаз с моего кафтана, служившего мне скатертью. Да будет Господь так жалостлив ко мне, как жалел тогда я его, ибо все его чувства я сам перечувствовал и испытывал их изо дня в день. Я раздумывал, удобно ли предложить ему поесть, но так как он сказал, что уже отобедал, то я боялся, что он отклонит мое приглашение, хотя искренне желал, чтобы бедняга помог мне в моих трудах и поел вместе со мною, как это было накануне. Тем более что припасы были лучшего качества и я сам был не такой голодный.

Господу было угодно исполнить мое, а пожалуй что, и его желание, ибо, как только я принялся за еду, он подошел ко мне и сказал:

— Я никогда еще не видел, Ласаро, чтобы кто-нибудь кушал с таким аппетитом, как ты. Кто не

хочет есть, а смотрит на тебя — сразу захочет.

«Тебе самому хочется есть, — подумал я, — оттого ты мною и восхищаешься».

Всё же я решил прийти ему на помощь, тем более что он сделал первый шаг.

— Сударь, — сказал я, — дело мастера боится. Хлеб до того вкусен, а телячья ножка так хорошо сварена, что всякий соблазнится.

— Это телячья ножка?

— Да, сударь.

— Ну, так я тебе скажу, что это лучшее кушанье на свете, я бы и на фазана его не променял.

— Так отведайте, сударь, и вы увидите, какова она.

Я сунул ему в руку телячью ножку и два-три куска хлеба из самой что ни на есть белоснежной муки. Он сел рядом со мною и, словно только этого и ждал, принялся уплетать всё подряд, обгладывая каждую косточку не хуже любой собаки.

— С подливочкой это необыкновенное кушанье, — проговорил он. «Тот соус, с которым ты его ешь, еще лучше», — заметил я про себя.

— Ей-богу, я с таким аппетитом поел, как будто сегодня у меня еще маковой росинки не было во рту.

«Да наступят для меня столь же урожайные годы, каким был для меня нынешний день!» — подумал я.

Хозяин попросил воды, и тут я увидел, что кувшин полон, а это означало, что хозяин мой не слишком сытно обедал. Мы напились и, очень довольные, легли спать.

Чтобы не впасть в излишнее многословие, скажу только, что так прожили мы дней восемь-десять; злосчастный мой хозяин каждое утро с важным видом отправлялся мерным шагом на улицу глотать воздух, а бедный Ласаро исполнял в это время обязанности ходатая по съедобным делам.

Я много думал над своим несчастьем, над тем, что, спасаясь от плохих хозяев и стремясь к лучшей жизни, напал я на такого, который не только не поддерживает меня, но которому я сам должен служить опорой. И всё же он был мне по душе;

видя, что с него нечего взять, я скорее чувствовал к нему жалость, чем неприязнь, и много раз обходился сам без пищи, лишь бы накормить его.

Однажды утром незадачливый мой хозяин в одной сорочке вышел по своей надобности из комнаты, а я тем временем, желая учинить осмотр его карманам, развернул камзол и штаны, которые он оставил у изголовья, и обнаружил бархатный кошелек, помятый, без единой полушки и даже без признака, что в нем когда-то водились деньги.

«Он беден, — решил я, — а ведь никто не может дать того, чего сам не имеет». Поганый выжига-поп и скупой слепец, которые морили меня голодом, хотя Господь и одарил их (одного за то, что ему целовали руки, а другого за длинный язык), вызывали во мне ненависть, этот же — сострадание.

Свидетель Бог, отныне, встречаясь с кем-нибудь вроде него, такого же обличья и с такой же спесью, я испытывал жалость при одной мысли, что он терпит то же, что претерпевал мой хозяин, которому, несмотря на его бедность, я служил охотнее, чем кому-либо другому. Немного не по душе мне была, однако, его кичливость: мне казалось, что при такой нищете ему следует быть скромнее. Но, по-видимому, у дворян это уж такой обычай — задирать нос, когда в кармане ветер свистит. Да простит их Господь, ибо горбатого лишь могила исправит!

И вот, когда я находился в таком положении и вел вышеописанный образ жизни, злой судьбе моей, как будто еще недостаточно меня преследовавшей, захотелось даже и это позорное и многотрудное житие сделать недолгим. А именно: так как этот год оказался неурожайным, то городские власти решили, чтобы все пришлые бедняки покинули город, а кто ослушается, тех будут-де наказывать плетьми. Спустя несколько дней я увидел, что во исполнение этого указа целую толпу нищих гонят плетьми по улице. Это навело на меня такой страх, что я уже не осмеливался просить милостыню.

Можно себе представить, какие лишения мы терпели, как тоскливо и тихо стало у нас в доме: по два, по три дня мы ничего не ели и не говорили друг с другом. Мое существование поддерживали две шляпницы, которые жили рядом; я свел с ними знакомство, и они от скудной своей трапезы уделяли мне кое-что, чем я скрепя сердце довольствовался.

Я не так жалел себя, как моего достойного жалости хозяина, у которого целую неделю крошки во рту не было. По крайней мере, в доме у нас

ничего съестного не водилось. Не знаю, где он бродил и чем питался.

Нужно было видеть, как он шагал в полдень по улице, длинный и тощий, похожий на борзую собаку. А чтобы окаянная его честь не была задета, он брал соломинку — этого добра у нас в доме было предостаточно, — выходил за дверь и начинал ковырять в зубах, хотя между ними ничего не могло застрять.

— Я не могу смотреть на злополучное это жилище, — сетовал он. — Смотри, какое оно мрачное, печальное, темное. Пока придется потерпеть, но я надеюсь, что в конце месяца мы отсюда выберемся.

Мы всё еще продолжали влачить жалкое, голодное, постылое существование, как вдруг в один прекрасный день некий счастливый случай доставил моему хозяину один реал, и вернулся он

такой ликующий, словно завладел всеми сокровищами Венеции. С веселым и довольным видом он протянул его мне и сказал:

— На, держи, Ласаро, Господь уже простер над нами свою десницу. Иди на рынок и купи хлеба, вина и мяса — кутнем напропалую! И вот еще чем я тебя порадую: я подыскал другой дом, а в этом, несчастливом, мы доживем только до конца месяца. Будь проклят и самый дом, и тот, кто первый начал строить его! Ей-богу, с тех пор как я в нем поселился, я не видел ни капли вина и ни куска мяса и не знал покоя. Он так мрачен и угрюм! Ну, иди, иди, мы пообедаем сегодня на славу!

Я схватил реал, подхватил кувшин и, довольный и веселый, во все лопатки помчался на рынок. Но что хорошего может случиться с человеком, которому на роду написано, что все его радости должны быть хоть чем-нибудь да омрачены? Так оно и произошло со мною, ибо, летя по улице и размышляя, как мне лучше всего распорядиться реалом, чтобы с наибольшей для себя выгодой истратить его, и вознося благодарения Богу, который даровал моему хозяину деньги, я в недобрый час внезапно увидел, что навстречу мне несут на носилках покойника, коего провожает толпа народу и множество духовных особ.

Я прислонился к стене, чтобы дать им дорогу. За гробом шла какая-то женщина в трауре, должно быть вдова покойного, и оглашала воздух громкими рыданиями.

— Супруг и господин мой! — причитала она. — Куда тебя уносят? В печальный и злосчастный дом, в дом мрачный и тесный, в дом, где никогда не пьют и не едят!

Когда я услыхал это, небо показалось мне с ов-

чинку, и я подумал: «О, я несчастный! Мертвеца этого тащат в наш дом».

Я повернул обратно, пробрался через толпу и во весь дух помчался домой. Вбежав в комнату и мгновенно захлопнув за собою дверь, я начал умолять хозяина, чтобы он заступился за меня и защитил; я обнимал его и просил, чтобы он помог мне оборонить вход в наше жилище. Хозяин слегка встревожился и, полагая, что в самом деле

что-то случилось, спросил:

— Что такое, мальчик? Чего ты кричишь? Что с тобой? Почему ты захлопываешь дверь с таким испугом?

— Ах, сударь, — воскликнул я, — помогите мне, к нам несут покойника!

— Как так? — спросил он.

— Я видел, как его несли, а жена его причитала: «Супруг и господин мой, куда тебя уносят? В дом мрачный и тесный, в печальный и злосчастный дом, где никогда не пьют и не едят». Его несут к нам, сударь!

Конечно, когда хозяин мой услыхал это, он, хотя и не имел причины быть веселым, залился хохотом и долгое время не мог вымолвить ни слова. Я запер дверь на засов и, чтобы дело вернее было, навалился на нее плечом. Народ со своим покойником давно прошел мимо, а я всё еще

опасался, что его втащат к нам[61].

Хозяин мой насмеялся досыта, так, как ему еще

---

[61] Примечания: 61

...я в недобрый час внезапно увидел, что навстречу мне несут на носилках покойника ~ Народ со своим покойником давно прошел мимо, а я всё еще опасался, что его втащат к нам. — Сюжет о покойнике и «мрачном и тесном доме», в котором мальчик — свидетель похоронной процессии видит образ собственного жилища, восходит к фольклорному анекдоту, запечатленному арабскими писателями X в. Ибрахимом аль-Байхаки и Абу-ль-Фараджем аль-Исфахани, но ставшему особенно популярным в литературной обработке визиря Гранады Ибн-Азима аль-Андалус (1359—1426), автора книги «Сад цветов» (см.: De la Granja 1971). В испанском фольклоре этот сюжет отсутствует, что ставит под вопрос возможность его использования любым испанским автором, не знавшим арабского языка. Однако если автором «Ласарильо» был Д. Уртадо де Мендоса, то проникновение арабского сюжета на страницы повести легко объяснимо тем, что писатель, выросший в двуязычной

(по меньшей мере) среде и владевший арабским языком, еще в детстве мог слышать его от слуг-морисков или от морисков — друзей отца, бывавших во дворце правителя Гранады. См. также: Corencia Cruz 2013a.

никогда не приходилось наедаться, и наконец сказал мне:

— В самом деле, Ласаро, слова вдовы могли навести тебя на эту мысль, но Господь устроил всё к лучшему, они прошли мимо, и ты теперь скорее открывай дверь и беги за едою.

— Пусть они пройдут всю улицу, — сказал я.

В конце концов хозяин подошел к входной двери и, отворив, вытолкнул меня, и сделать это было необходимо, ибо сам я так и не преодолел своего страха и смятения. В тот день мы наелись досыта, но никакого удовольствия пища мне не доставляла, да и следующие три дня я всё еще не мог прийти в себя, а хозяин, вспоминая, что мне взбрело в голову, всякий раз приходил в веселое расположение духа.

Так прожил я у моего третьего хозяина, оскудевшего дворянина, еще несколько дней и всё время порывался узнать цель его появления и пребывания в этих краях, ибо с первого же дня, как я нанялся к нему, я признал его за иноземца — так мало у него было знакомства в этом городе и так редко общался он с местными жителями.

Наконец желание мое исполнилось, и я узнал то, что мне хотелось. Однажды, когда мы прилично поели и хозяин мой был ублаготворен,

рассказал он мне о своих делах и сообщил, что родом он из Старой Кастилии[62] и что оставил он родные края из-за того, что не снял шляпу перед одним своим соседом — кабальеро[63].

---

[62] Примечания: 62

...родом он из Старой Кастилии... — То есть из той части центральной провинции страны, что расположена севернее Толедо, по которому долгое время проходила граница, разделявшая христианские и мусульманские области полуострова.

[63] Примечания: 63

Кабальеро — титул человека, принадлежащего к высшему слою испанского нетитулованного дворянства — кабальерии. В отличие от простого идальго, кабальеро имел право прибавлять к своему имени приставку «дон». Наиболее бедная часть идальгии, вынужденная идти в услужение к кабальеро или же к титулованным аристократам (грандам, герцогам, графам и маркизам), относилась к разряду «эскудерия». Срединное положение между кабальерией и эскудерией занимала мелкопоместная ид альгия, к которой, очевидно, принадлежит хозяин Ласарильо (который хоть и именует себя «эскудеро» (см. примеч. 9), однако рассказывает о наличии у него обветшавшего имения возле Вальядолида). Таким образом, в своем социальном стагусе третий хозяин Ласарильо явно предвосхищает героя «Дон Кихота» Сервантеса.

— Сударь, — сказал я, — если он, по вашим словам, богаче вас, так вам тут нет никакой обиды — первому снять шляпу, да и потом вы сами говорите, что он снимал перед вами шляпу.

— Это правда, он богаче меня, и он снимал передо мной шляпу, но так как я много раз кланялся первый, то не грех было ему хоть раз предупредить меня.

— Мне кажется, сударь, я бы на это не посмот-

рел, — сказал я, — в особенности если имеешь дело с человеком богаче и старше себя.

— Ты дитя и ничего не понимаешь в делах чести, а в наше время честь составляет всё достояние порядочных людей. Надо тебе знать, что я, как ты видишь, оруженосец[64], но, клянусь Богом, попадись мне навстречу граф и не сними он передо мной самым вежливым образом шляпу, я, увидев его в другой раз, постараюсь зайти в какой-нибудь дом якобы по делу или перейду улицу, прежде чем он поравняется со мною, лишь бы не поклониться ему, так как дворянин никому и ничем не обязан, кроме Бога и короля, и человеку благородному не подобает ни на мгновение ронять свое достоинство. Помню, однажды у себя на родине я обругал одно должностное лицо и даже собирался поколотить его, ибо каждый раз, встречаясь со мною, он говорил: «Да хранит вас Господь!» «Вы, сударь, невежа и грубиян, — сказал я ему. — Вы дурно воспитаны. Да знаете ли вы, с кем вы разговариваете, кому вы осмеливаетесь говорить: “Да хранит вас Господь!”»? С тех пор он всегда снимал предо мной шляпу и приветство-

[64] Примечания: 64

...я, как ты видишь, оруженосец... — В оригинале: «escudero» — слово, обозначающее принадлежность к мелкопоместному дворянству (ср. примеч. 8), которое также можно перевести как «оруженосец».

вал надлежащим образом.

— А разве нехорошо приветствовать друг друга: «Да хранит вас Господь»? — спросил я.

— Еще чего! — воскликнул он. — Так можно говорить людям маленьким, людей же знатных, вроде меня, должно приветствовать не иначе как: «Целую руки вашей милости», или, по крайней мере: «Целую ваши руки, сеньор», — если тот, кто обращается ко мне, дворянин. Я не потерпел, чтобы мой земляк обращался ко мне недостаточно почтительно, и впредь не потерплю ни от кого на свете, кроме короля, такого приветствия: «Да хранит вас Господь».

«Грешно так думать, — сказал я себе, — но ведь Господь так мало о тебе печется, что ты не должен особенно беспокоиться, если к нему обратятся с подобной просьбой».

— Тем более что я вовсе не так беден, — продолжал он, — и если бы развалившиеся хоромы в моем поместье воздвигнуть наново в шестнадцати милях от моей родины, на Береговой улице

в Вальядолиде[65], да сделать их большими и роскошными, то стоили бы они больше двухсот тысяч мараведи. Есть у меня и голубятня[66], но только она разрушена, а то бы она каждый год давала больше двухсот голубей. Я уж не говорю о многом другом — обо всём, что мне пришлось оставить из-за дел чести. Я надеялся найти в этом городе хорошее место, но случилось не так, как я предполагал. Я встречаю здесь много каноников и других священнослужителей, но эти люди живут столь замкнуто и скупо, что никто в мире не сможет изменить их повадки. Господа среднего достатка также приглашают меня, но служить им очень трудно, ибо для этого надо из человека превратиться в мелкую картишку, а не то тебе скажут: «Ступай с Богом». Да и жалованье там заставляет долго ждать себя, большей частью приходится служить за одну еду. Когда же они захотят успокоить свою совесть и вознаградить твои старанья, то облачат тебя в поношенный

---

[65] Примечания: 65

...на Береговой улице в Вальядолиде. — Имеется в виду Костанилья *(исп.* Costanilla — букв.: «Крутая улица»), расположенная вдоль реки Писуэрги; на протяжении 1530-х годов была одной из самых красивых и богатых улиц города Вальядолида.

[66] Примечания: 66

Есть у меня и голубятня... — Право иметь голубятню в средневековой Испании было исключительной привилегией идальгии.

камзол или в дырявый плащ и куртку. Выкарабкаться из нужды можно, только устроившись к людям знатным. Что же, разве я не способен служить и угождать им? Попади я только к одному из них, я скоро сумел бы стать его любимцем, оказывал бы ему тысячи услуг, мог бы лгать ему не хуже всякого другого и угождать во всём. Я покатывался бы над его шутками и выходками, хотя бы даже они были и не весьма остроумны, я бы никогда не сказал ему ничего неприятного, хотя бы это и следовало. В его присутствии я проявлял бы рвение и на словах и на деле. Я не стал бы убиваться, что не могу хорошо сделать того, чего он не может увидеть, но распекал бы прислугу, когда он мог бы это слышать, дабы он удостоверился, как я о нем забочусь. Если бы он бранил слугу, то я, под видом заступничества за виновного, еще больше старался бы разжечь его гнев. Я бы отзывался хорошо о том, кого он хвалит, и, наоборот, относился бы насмешливо и враждебно к тем, кто ему не нравится. Я бы следил за домашними и за посторонними и разузнавал об их делах, чтобы сообщать всё это ему, я бы изучил и применял множество приемов в этом духе, — приемы эти ныне в ходу при дворе, и высокопоставленные особы их одобряют. Они ведь не желают терпеть

в своем доме людей честных, они ненавидят их, ставят ни во что и зовут дураками, коль скоро с ними нельзя обделывать дела и нельзя с ними позабавиться. У таких господ пристраиваются только пронырливые люди, чего мог бы достичь и я, но, видно, мне это не суждено.

Так сетовал на свою превратную фортуну мой хозяин, повествуя мне о своей доблестной персоне.

В это время появились в дверях какой-то мужчина и старуха. Мужчина стал требовать с моего хозяина плату за дом, а старуха — за кровать. Стали они насчитывать, и вышло, что за два месяца надо заплатить столько денег, сколько он и за год не наберет. Кажется, всё это вместе составляло

двенадцать или тринадцать реалов. Хозяин не растерялся: он ответил им, что пойдет на рынок разменять деньги, а они-де пусть придут попозже. Сам же он ушел и не вернулся, так что когда они действительно пришли попозже, то было уже слишком поздно. Я сказал им, что он еще не приходил. Настала ночь, но он не появлялся. Я побоялся остаться один в доме, пошел к соседкам, поведал им обо всём и заночевал там.

Утром к ним явились заимодавцы и начали расспрашивать их о соседе, но без толку. Соседки сказали:

— Вот здесь его слуга, и у него ключ от дверей.

Заимодавцы стали выспрашивать у меня о хозяине, и я ответил, что не знаю, где он может быть, что он не возвращался домой с тех пор, как пошел разменять деньги, и что, думается мне, он обманным образом сбежал и от них и от меня.

Услышав такие вести, заимодавцы отправились за альгвасилом[67] и писцом, вскоре возвратились с ними, взяли ключ, позвали меня, собрали свидетелей, отворили дверь и вошли в наше обиталище, дабы описать имущество моего хозяина для уплаты долгов. Обошли они весь дом и, видя, что он, как я уже рассказывал, совсем пуст, принялись допытываться:

— Где же имущество твоего хозяина? Где его сундуки, ковры и все драгоценности?

— Не знаю, — ответил я.

---

[67] Примечания: 67

Алывасил — младший судебно-полицейский чин в Испании XVI в.

— Вещи унесены ночью, это ясно, — решили они. — Сеньор альгвасил, возьмите-ка этого паренька — он знает, где всё это припрятано.

Тут альгвасил подошел ко мне и, схватив за шиворот, пригрозил:

— Мальчик, ты сядешь в тюрьму, если не скажешь, где спрятано добро твоего хозяина.

Никогда еще не был я в таком положении (впрочем, за воротник меня постоянно держал слепец, но в мирных целях, чтобы я показывал ему дорогу); я перепугался до смерти и со слезами пообещал ответить на все вопросы.

— Хорошо, — согласились они. — Ну, говори всё, что знаешь, и не бойся.

Писец сел на скамью, чтобы составить опись, и начал выведывать у меня, чем владел мой хозяин.

— Сеньоры, — начал я, — хозяин мой говорил, что у него очень хорошее поместье и разрушенная голубятня.

— Что ж, — сказали они, — как бы мало это ни стоило, а на долги хватит. В какой части города у него эти угодья?

— На его родине, — ответил я.

— Ей-богу, дело обстоит неплохо! — воскликнули они. — А где же его родина?

— Хозяин говорил, что родом он из Старой Кастилии.

Альгвасил и писец расхохотались.

— Право, этих сведений вполне достаточно, чтобы мы могли взыскать с него наши деньги, хотя бы за ним числилось еще и побольше, — сказали они заимодавцам.

Тут вмешались соседки.

— Господа, этот ребенок ни в чем не повинен, — объявили они. — Он всего несколько дней служит у этого дворянина и знает о нем не больше, чем ваши милости. Бедняжка часто приходил к нам, и мы его подкармливали, Христа ради, как могли, а на ночь он уходил спать к нему.

Уверившись в моей невиновности, власти отпустили меня и стали требовать с мужчины и со старухи возмещение издержек, из-за чего поднялся у них шум и спор.

Одни утверждали, что они ничего не обязаны платить, ибо не с кого им получить долг, другие же — что они из-за этого потеряли другое дело, поважнее.

Наконец, после долгих пререканий, стражник схватил тюфяк старухи, и хотя то был не великий груз, однако потащили его все пятеро, не переставая кричать.

Не знаю, чем это дело кончилось; наверное, бедняга тюфяк расплатился за все протори и убытки, тем более что ему давно пора было уйти на покой, вместо того чтобы отдаваться внаем.

Так покинул меня мой злосчастный третий хозяин, и я вновь изведал всю горечь моей судьбины. Действуя во всех случаях против меня, она и здесь так обернула дело, что, хотя обычно слуги удирают от подобных хозяев, мой хозяин сам покинул своего слугу и удрал от него.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ, [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У МОНАХА ОРДЕНА МИЛОСТИ[68] И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

[68] Примечания: 68

...у монаха ордена Милости... — Религиозный орден Милости, или орден мерседариев, был создан в 1223 г.; его главной целью являлось освобождение христиан из мусульманского плена.

Пришлось мне искать четвертого хозяина, и таковым оказался один монах ордена Милости, к которому послали меня упомянутые мною соседки. Они называли его своим родственником[69]. Ярый враг монастырской службы и монастырской пищи, любитель погулять на стороне, заниматься светскими делами и шляться по гостям, он, думается мне, изнашивал больше башмаков, чем весь монастырь, вместе взятый. От него-то я в первый раз в моей жизни и получил башмаки. Башмаки не выдержали больше недели, но и я не мог больше выдержать его беготни, и по этой причине, а также по некоторым другим, о коих не стоит упоминать[70], я с ним распрощался.

---

[69] Примечания: 69

Они называли его своим родственником. — Иронический намек на интимные отношения покровительниц Ласарильо со священником.

[70] Примечания: 70

...по этой причине, а также по некоторым другим, о коих не стоит упоминать... — Возможная аллюзия на сексуальные домогательства хозяина в отношении Ласарильо.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ, [О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У ПРОДАВЦА ПАПСКИХ ГРАМОТ[71] И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

[71] Примечания: 71

...как Ласаро устроился у продавца папских грамот... — Под «папскими грамотами» здесь подразумеваются папские послания (буллы), предназначенные для сбора средств на выкуп христиан из мусульманского плена; приобретение грамот давало их покупателям отпущение грехов. Сюжета о этот рассказ «Ласарильо» почти полностью совпадает с четвертой новеллой из «Новеллино» («Novellino»; опубл. 1476) Мазуччо Салернитанца (наст.: Томмазо Гуардати; 1410—1475) — крупнейшего итальянского новеллиста XV в., что заставляет критиков предполагать возможность прямого заимствования.

Пятым моим хозяином судьбе угодно было сделать продавца папских грамот, самого развязного, бесстыжего и ловкого торгаша, которого я когда-либо видел, не надеюсь увидеть в будущем и не думаю, что еще кто-нибудь увидит, ибо он был мастер придумывать разные способы, приемы и весьма ловкие штуки, чтобы сбывать свой товар.

Входя в деревню, он, прежде чем предложить грамоты, одарял клириков и священников разными вещицами не очень большой ценности и значения, как то: мурсийским латуком, а если позволяло время года, то парочкой лимонов или

апельсинов, персиками, парой абрикосов, или же давал всем по одной ранней груше. Такими подношениями он старался ублажить их, чтобы они способствовали его торговле и призывали своих прихожан раскупать грамоты.

Вручая подарки, он обыкновенно осведомлялся о степени учености одаряемых. Если они говорили, что знают латынь, то он ни слова по-латыни не произносил, чтобы не попасть впросак, а пользовался складной и размеренной испанской речью и своим развязнейшим языком. Если же он узнавал, что эти священнослужители из числа тех преподобий, что получают места больше за денежки и по рекомендации, чем за ученость,

тогда он превращался в какого-то святого Фому и битых два часа болтал по-латыни[72] или, по крайней мере, делал вид, что болтает. Если его грамоты не брали добром, он придумывал средства, чтобы их покупали поневоле, и всячески надувал народ, порой весьма хитроумными способами, а так как рассказывать о всех виденных мною проделках долго, то я поведаю здесь только об одной, чрезвычайно занятной и ловкой, в которой он выказал всё свое хитроумие.

В местечке Сагра, близ Толедо[73], он проповедо-

---

[72] Примечания: 72

...превращался в какого-то святого Фому и... болтал по-латыни... — Здесь крупнейший теолог и авторитет зрелого Средневековья Фома Аквинский (ок. 1226—1274) выступает воплощением латаноязычной учености.

[73] Примечания: 73

В местечке Сагра, близ Толедо... — «Местечко» Сагра в действительности представляет собой обширную область к северо-западу от Толедо.

вал два или три дня с обычным для него рвением, но у него не купили ни одной грамоты и, на мой взгляд, даже и намерения не имели покупать. Он бесился, ломал голову над тем, что бы ему еще предпринять, и решил созвать народ на другой день утром, чтобы еще раз предложить буллы.

В тот же вечер после ужина он и альгвасил засели за карты и вскоре заспорили и разругались. Он обозвал альгвасила вором, а тот его мошенником. Тогда хозяин мой схватился за копье, стоявшее у дверей, а альгвасил за свою шпагу, висевшую у пояса.

На шум и крики сбежались постояльцы и соседи и стали их разнимать, а они, озлобившись, старались высвободиться и ухлопать друг дружку. Но так как дом был полон народа, сбежавшегося на великий шум, и враги не посмели применить оружия, то они начали осыпать друг друга ругательствами, и альгвасил, между прочим, сказал моему хозяину, что он обманщик и что буллы его подложные.

В конце концов, видя, что усмирить их невозможно, народ увел альгвасила из гостиницы, хозяин же мой остался в весьма злобном расположении духа. Постояльцы и соседи просили его успокоиться и пойти спать. Он так и сделал, и все

мы улеглись.

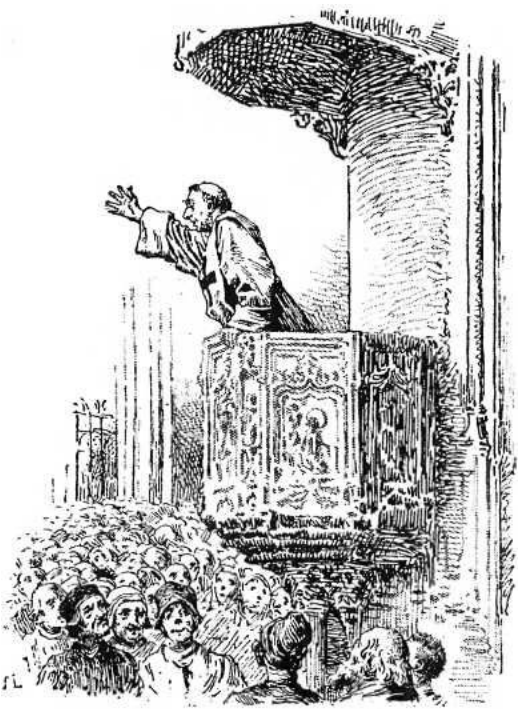
Утром хозяин мой отправился в церковь и велел звонить к обедне, в конце которой он собирался произнести проповедь о пользе булл. Народ собрался и возроптал: буллы-де подложные, сам альгвасил открыл это во время ссоры, и те, кто раньше не имели особой охоты покупать их, теперь и вовсе расхотели.

Проповедник взошел на кафедру и начал воодушевлять народ и убеждать его не лишать себя такого блага и милости, как отпущение грехов, приносимое святой буллой.

В самый разгар проповеди в церковь вошел альгвасил, опустился на колени, сотворил молитву, а затем, поднявшись, громко и внятно повел такую разумную речь:

— Люди добрые, выслушайте меня, а потом слушайте кого хотите. Я пришел сюда из-за этого надувалы, который вон тут проповедует. Он ввел меня в соблазн и попросил помочь ему в его торговле, пообещав поделиться выручкой. Теперь же, сознав, какой вред принесло бы это моей душе и вашим кошелькам, и раскаявшись в содеянном, я во всеуслышание объявляю вам, что буллы его подложные. Не верьте им, не берите их, а я ни прямо, ни косвенно к ним не причастен

и отныне бросаю свой жезл и оставляю службу. Если же когда-нибудь он понесет наказание за свои обманы, будьте свидетелями, что я с ним не заодно и не помогаю ему, а, напротив, предостерегаю вас и объявляю о его злоумышлениях.



На этом он окончил свою речь. Некоторые из находившихся там почтенных людей хотели вытолкать альгвасила из церкви, чтобы избежать скандала, но хозяин мой удержал их и под страхом отлучения велел не трогать его и дать ему выговориться, сам же он в полном молчании выслушал речь альгвасила. Когда тот умолк, хозяин мой спросил его, не намерен ли он добавить еще что-либо к сказанному. Альгвасил ему на это ответил:

— О вас и ваших плутнях можно рассказывать до бесконечности, но пока хватит и этого.

Тогда проповедник мой преклонил колена и, воздев руки и возведя очи горе, воскликнул:

— Господи Боже, от Тебя ничто не утаится, но всё пред Тобой обнаружится, для Тебя нет ничего невозможного, Ты знаешь истину и видишь, сколь неправо я оскорблен. Я, однако ж, прощаю его, ибо Ты, Господи, прощаешь меня. Отпусти ему, ибо он не ведает, что творит и что говорит. Об одном молю Тебя: не оставь оскорбление, нанесенное Тебе, безнаказанным, ибо кто-нибудь из присутствующих, решивших приобрести священную буллу, а затем поверивших лживым словам этого человека, может отступиться от своего намерения. А так как этим наносится вред ближнему, то я молю Тебя, Господи: не оставь поступка его без наказания, яви здесь чудо, и пусть будет так: если правда то, что говорит он о моих обманах и подлогах, то пусть я провалюсь вместе с кафедрой под землю на семь локтей и так там и останусь, а если правда на моей стороне, он же клевещет по наущению дьявола, дабы лишить собравшихся Твоего великого блага, да будет он так же точно наказан и обличен в своих злых намерениях.

Едва окончил свое моление благочестивый мой хозяин, как ноги у злобного альгвасила подкосились, и он с таким грохотом повалился на землю, что загудела вся церковь. Он стонал, извергая изо рта пену, корчился, строил гримасы, колотил руками и ногами и катался по полу.

В церкви поднялся столь великий шум и все так громко кричали, что ничего нельзя было разобрать. Иные пребывали в страхе и трепете,

иные восклицали: «Спаси его, Господи!», иные: «Так ему и надо, в другой раз пусть не лжесвидетельствует!»

Наконец несколько человек, по моим наблюдениям — с великим страхом, приблизились к нему и схватили за руки, коими он наносил мощные удары близстоящим. Другие усмирили его ноги, а это было нелегко, ибо взбесившийся мул не брыкается так, как брыкался альгвасил. Более пятнадцати человек навалилось на него, и всем им изрядно досталось, а чуть кто, глядишь, зазевался, тому попадало и по зубам.

Всё это время хозяин мой пребывал на коленях у кафедры, всё так же воздев руки и возведя очи к небу, а душою вознесясь к Божеству, так что ни

рев, ни шум, ни крики не могли отвлечь его от созерцания.

Добрые люди подошли к нему и, пробудив его своими возгласами, стали просить, чтобы он соизволил помочь несчастному умирающему альгвасилу, забыл о происшедшем и о злобных его речах, ибо тот за них уже поплатился, и из

любви к Богу избавил альгвасила от страданий и от опасности; они, мол, ясно видят теперь вину альгвасила, а равно и правоту и добросовестность моего хозяина, молитву коего Господь услышал, альгвасилу же не замедлил воздать по грехам его и покарать.

Проповедник мой, словно пробудившись от блаженного сна, взглянул на них, посмотрел на преступника и на всех, что стояли вокруг, и торжественно заговорил:

— Добрые люди, вам бы не следовало заступаться за человека, на котором столь явно означился гнев Господень, но поелику Господь повелевает нам не платить злом за зло, а, напротив, прощать обиды, то мы, уповая на Его милосердие, постараемся умолить Его простить богохульника. Обратимся же к Господу!

Тут он спустился с кафедры и с весьма набожным видом призвал всех помолиться Богу, да простит Он этого грешника, вернет ему доброе здравие и ясный рассудок и изгонит беса, которому Он попустил вселиться в альгвасила за содеянное им великое прегрешение.

Все преклонили колена и вместе с духовенством тихими голосами запели перед алтарем

литанию[74], а хозяин мой, воздев руки к небу и так закатив глаза, что видны были лишь одни белки, произнес столь же пространное, сколь и трогательное слово и заставил расплакаться весь народ, как это бывает обычно с богобоязненными слушателями и проповедником во время проповедей о Страстях Господних. Он молился не о том, чтобы Господь отнял у грешника жизнь[75], — как раз наоборот: он молился о том, чтобы Господь продлил ему век и привел к покаянию[76], чтобы сей одержимый бесом грешник, проникшись сознанием греховности и устрашенный близостью смерти, принес покаяние, а чтобы Господь, видя его чистосердечное раскаяние, простил его и исцелил.

---

[74] Примечания: 74

Литания — в католическом богослужении молитва, обращенная к Богу, Богоматери или святым и обычно содержащая мольбу о помиловании или заступничестве.

[75] Примечания: 75

Он молился не о том. чтобы Господь отнял у грешника жизнь... — Иронический перифраз библейского изречения: «Ибо Я не хочу смерти умирающего <...>» (Иез. 18: 32).

[76] Примечания: 76

...о том. чтобы Господь продлил ему век и привел к покаянию... — Формула, использовавшаяся Инквизицией в ситуации, когда осужденному даровалась жизнь.

Засим он велел подать ему буллу и возложил ее на голову альгвасила. Грешник тотчас же начал мало-помалу приходить в себя, и, едва лишь вернулся к нему рассудок, он бросился к ногам Божьего посланца и признался, что говорил он по наущению дьявола, дабы причинить священнику зло и отомстить за обиду, а главное, дескать, потому он так говорил, что дьявол терпеть не может, когда народ раскупает священные буллы.

Хозяин мой простил его, дружба между ними восстановилась, а торговля буллами пошла так бойко, что почти ни одна живая душа в этом селении не осталась без них, — их брали нарасхват и мужья, и жены, и сыновья, и дочери, и юноши,

и девушки.

Весть о случившемся распространилась по окружным деревням, и, когда мы прибывали в какую-нибудь из них, не нужно было уже ни проповеди, ни хождения в церковь, — народ сам валом валил в гостиницу, точно это были не буллы, а раздаваемые даром груши, так что в десяти или двенадцати окрестных селениях хозяин мой распродал десять или двенадцать тысяч булл, не произнося никаких проповедей.

Когда хозяин мой разыгрывал всё это в храме, я тоже, грешным делом, подивился и всему поверил, как верили и многие другие, но потом, когда он и альгвасил стали при мне смеяться и шутить над этой проделкой, я понял, что всё было подстроено моим изобретательным и хитроумным хозяином.

[В другом же местечке, имени которого я не хочу всуе упоминать, с нами произошло следующее. Мой хозяин там произнес две или три проповеди, но буллы ни черта не покупали. Поняв, что происходит, — а именно, что буллы, хотя он и уверял, что они действуют целый год, никому не нужны, что люди прямо-таки наотрез отказываются брать их и что все его труды идут насмарку, — мой пронырливый хозяин приказал звонить в колокол, созывая всех на прощальную проповедь, а когда произнес ее, простился и, сходя с кафедры, позвал писца и меня, нагруженного мешками, и велел нам подняться на первую ступеньку. Забрав из рук альгвасила всё, что у того было, а у меня — всё, что лежало в мешках, и сложив всё у своих ног, он вновь взошел на кафедру и с веселым лицом начал — пачками, по десять—двадцать штук зараз — разбрасывать буллы во все стороны со словами:

— Братья мои, берите, берите милость Божию, каковую он посылает в ваши дома, и ни о чем не думайте, ибо это такое благое дело — освобождение пленных христиан, томящихся во владениях мавров, что вы не отвернетесь от нашей веры и не обречете себя на мучения в аду, но поможете им своей милостыней и вознесете по пять молитв

Господу нашему и по пять Деве Марии за их спасение из плена. А еще, как сказано в этих святых буллах, они помогут вашим отцам, и братьям, и всем вашим сродственникам, пребывающим в Чистилище.

Когда народ увидел, как они сыплются на него, словно задарма и прямо из руки Божией, то бросился их хватать и запасать, и не только для младенцев в люльках, но и для всех своих покойников, от малых детей до последних слуг, пересчитывая их по пальцам. Мы так спешили, что в спешке я порвал мою бедную старую куртку: так что заверяю Вас, Ваша Милость, что не прошло и чуть более часа, как в мешках не осталось ни одной буллы и нужно было идти в гостиницу за новыми.

Когда всё было роздано, мой хозяин с кафедры велел своему писцу и служителю из Совета, чтобы те поднялись к нему и всех переписали, чтобы было известно, кто может наслаждаться отпущением грехов, дарованным святыми буллами, и он смог отчитаться перед теми, кто его послал.

И тогда все тут же по доброй воле сказались купившими буллы, перечислив по порядку и тех, для кого они были приобретены: детей, слуг и усопших.

По завершении переписи мой хозяин попросил алькальдов, чтобы те — из милосердия — поскольку у него есть дела в другом месте, приказали писцу дать ему заверенный список и сведения о тех, кто в нем числится, каковых, по словам писца, было более двух тысяч.

Проделав это, он спешно со всеми простился в мире и согласии, и мы отбыли в другое место. А перед самым нашим отбытием местный священник и рехидоры[77] спросили его, годятся ли буллы для тех, кто еще находится в животе матери.

На то он ответил, что если следовать тем законам, какие ему известны, то не годятся, но что на сей предмет следует спросить более сведущих ученых мужей и что это его в сем деле печалит.

Итак, мы отбыли, очень довольные хорошо обстряпанным делом. Мой хозяин сказал альгвасилу и писцу:

— Как вам нравятся эти мужланы, которые, лишь твердя, что они старые христиане, и не творя никаких добрых дел, думают спастись, не пожертвовав ничем из своего имущества? Итак, да славится лиценциат Паскасио Гомес, который за свой счет выкупил более десятка

---

[77] Примечания: 77

Рехидор — выборный член городского Совета.

пленников![78]

Итак, мы отправились в другой конец по направлению от Толедо — в сторону Ла Манчи, где, как говорится, нарвались на других никак не желающих покупать буллы. Мой хозяин и все прочие, кто был с нами, на двух происходивших там ярмарках не продали и тридцати булл.

Видя наш полный провал и великие издержки, которые мы несли, чтобы распространить буллы, мой изворотливый хозяин придумал такую хитрость, В этот день он отслужил большую мессу и, закончив проповедь и повернувшись к алтарю, взял крест величиной чуть более пяди и положил его за требник — так, чтобы никому не было видно, — на горящую жаровню над алтарем, которую брал с собой в храм, чтобы греть руки, так как стояли большие холода. И вот, не говоря ни слова, он положил крест на жаровню, а когда служба закончилась, то он, всех благословив, взял крест в правую руку, плотно обернутую платком, а буллу — в левую, и сошел на нижнюю ступень алтаря, где давал крест для целования. И сделал знак,

[78] Примечания: 78

...да славится лиценциат Паскасио Гомес, который за свой счет выкупил более десятка пленников! — Не установленный и никем из публикаторов не комментируемый персонаж. О звании лиценциата см. примеч. 2 к гл. 18 «Л-II».

чтобы шли прикладываться к кресту. И первыми, как то водится, один за другим подошли алькальды — во главе с самым пожилым и почитаемым в селении.

И первым подошел самый старый, и хотя мой хозяин лишь слегка поднес ему крест к губам, он обжег их и отшатнулся. Завидев это, мой хозяин произнес:

— В сторонку, сеньор алькальд![79] Свершилось чудо!

И то же самое произошло с остальными семью или восемью. И всё он говорил:

— Посторонитесь, сеньоры! Свершилось чудо!

Когда он увидел, что обжегшихся целовальников набралось достаточно для того, чтобы засвидетельствовать чудо, он перестал давать крест. Он взошел на алтарь и начал говорить дивные речи, уверяя, что Бог допустил случившееся чудо как наказание за столь скудно проявленное ими милосердие, а крест следует водрузить на главную церковь епископата, ибо он пылает как знак бессердечной скаредности жителей этого селения.

И они начали покупать буллы с такой быстро-

---

[79] Примечания: 79

Алькальд — глава городской или сельской управы, исполнявший также обязанности судьи.

той, что нам не хватало ни писцов, ни церковных служек, ни священников, чтобы успевать всех записывать. Как я должен доложить Вашей Милости, думаю, что купивших было наверняка более трех тысяч.

А когда он собрался в путь, то направился, само собой разумеется, изображая великое почтение к святому кресту, говоря, что крест сей нуждается в золотой оправе. И тут городской Совет и все клирики того местечка стали умолять его оставить им сей святой крест — в память о свершившемся чуде. Он ни в какую не соглашался, но в конце концов поддался уговорам и оставил его, а взамен получил другой, имевшийся у них крест, очень древний, золотой, весивший, как говорили, два или три фут а.

И таким вот манером мы отбыли весьма веселые и довольные своей проделкой. И ведь никто, кроме меня, не видел вышеописанного. Ибо я поднялся к алтарю, чтобы посмотреть, не осталось ли вина в чашах, чтобы припрятать его в надежном месте, как то было у меня в обычае; и когда мой хозяин меня там увидел, он приложил палец к губам, делая мне знак молчать. Так я и поступил, ему подчинившись, хотя после того, как я увидел чудо, у меня был порыв обо всём растрезвонить,

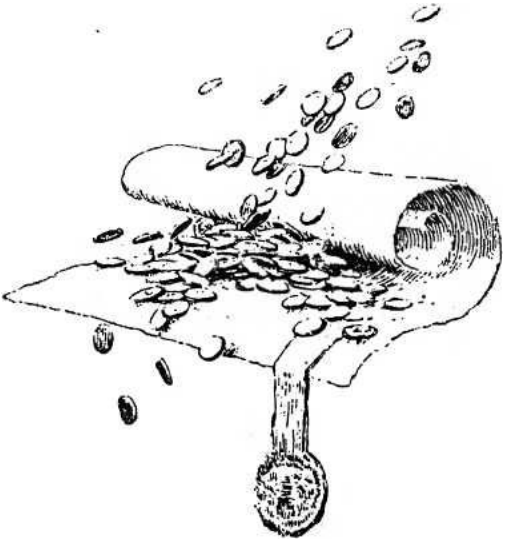
но страх перед моим проницательным хозяином не давал мне возможности с кем-либо заговорить; так это всё во мне и осталось. И ибо он заставил меня поклясться не разоблачать чуда, то так я до сей поры и делал.]

Несмотря на свою молодость, я невольно подумал: «На какие только хитрости не пускаются эти плуты, чтобы обманывать простой народ!»

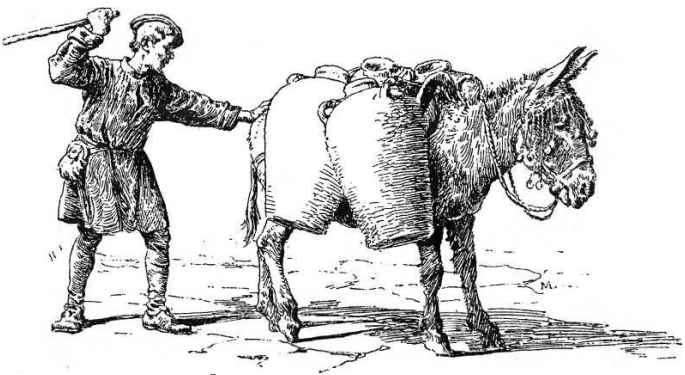
Всего пробыл я у этого пятого моего хозяина около четырех месяцев и изрядно потрудился, он же недурно меня кормил за счет священников и других духовных особ там, где ему случалось проповедовать[80].

[80] Примечания: 80

...он же недурно меня кормил за счет священников и других духовных особ там. где ему случалось проповедовать. — Данный пассаж в переводе К.Н. Державина воспроизводит вставку из издания Алькала (подробней см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-I»).



РАССКАЗ ШЕСТОЙ,
[О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У КАПЕЛЛАНА И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ



После этого нанялся я растирать краски к одно-

му мастеру, расписывавшему бубны[81], и тоже натерпелся всяких бед.

К тому времени я уже подрос, и как-то раз, когда я зашел в собор, некий капеллан взял меня к себе в услужение. В мое ведение поступили осел, четыре кувшина, кнут, и начал я продавать воду по городу. Это была первая ступенька той лестницы, которая должна была привести меня к счастливой жизни, то есть к сытной пище. Каждый день отдавал я моему хозяину тридцать вырученных мараведи, а в субботу работал на себя, остальные же дни недели удерживал в свою пользу всё, что мне удавалось выручить сверх тридцати мараведи.

Дела мои шли хорошо, и через четыре года на свои немалые сбережения я сумел уже вполне прилично одеться в подержанное платье. Купил я себе старый бумазейный камзол, поеденный молью казакин с расшитыми и прорезанными рукавами, залатанный плащ и отменную старую шпагу из Куэльяра[82]. И вот, одевшись как

---

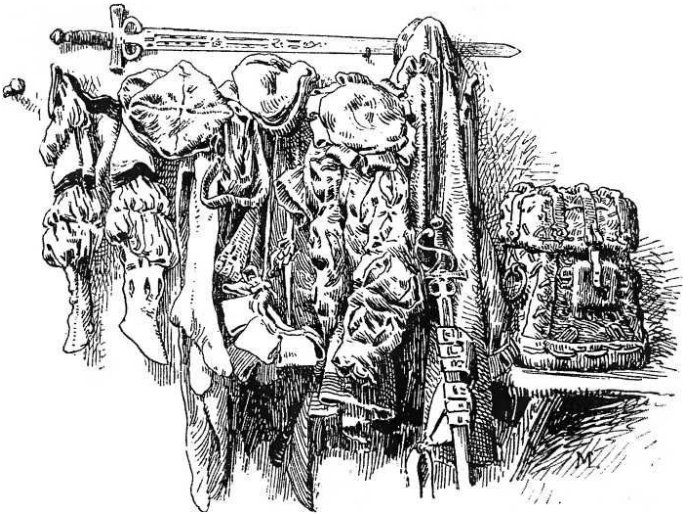
[81] Примечания: 81

...нанялся... к одному мастеру расписывавшему бубны... — Образ бубна (как и башмаков) в низовом фольклоре имеет сексуальную окраску.

[82] Примечания: 82

...отменную старую шпагу из Куэльяра. — Куэльяр — город в провинции Сеговия (к северу от Мадрида), в котором жил и работал оружейник Антонио Веназоло (см. примеч. 2 к РЗ).

подобает порядочному человеку, я тотчас же объявил моему хозяину, что он может забирать своего осла, ибо этим ремеслом я решил больше не заниматься.



РАССКАЗ СЕДЬМОЙ,
[О ТОМ,] КАК ЛАСАРО УСТРОИЛСЯ У АЛЬГВАСИЛА
И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

Распрощавшись с капелланом, устроился я на службу к одному альгвасилу. Прожить мне у него пришлось очень недолго, ибо служба эта показалась мне опасной, особенно после того, как однажды ночью меня и моего хозяина заставили спасаться от камней и палок беглые преступники[83]. Хозяину моему, кажется, досталось, но меня они не достигли. На другой же день я отказался от подобного занятия.

[83] Примечания: 83

...заставили спасаться от камней и палок беглые преступники. — Подразумевается, что преступники, за которыми гнались альгвасил и Ласаро, укрылись в церкви и оттуда могли безнаказанно бросать в преследователей камни и другие предметы.

Когда же я стал размышлять, какой образ жизни обеспечит мне спокойную и безбедную старость, то Господь надоумил меня и наставил на верный путь. По милости друзей и знатных господ все тяготы и затруднения, которые претерпевал я до сих пор, были вознаграждены тем, что я достиг своей цели, а именно — коронной службы, ибо я удостоверился, что никто не преуспевает так в жизни, как те, что на ней состоят.

Я и поныне занимаю всё ту же должность, служу Богу и Вашей Милости, и на обязанности моей лежит объявлять о винах, которые продаются у нас в городе, о торгах с молотка и об утерянных вещах. Кроме того, я сопровождаю тех, кто подвергается наказанию по суду, и во всеуслышание объявляю об их преступлениях. Одним словом,

говоря попросту, — я городской глашатай[84].

[84] Примечания: 84

...я городской глашатай. — Глашатай, «коронная служба», о которой Ласаро сообщает не без известного довольства, считалась в XVI в. одним из самых постыдных занятий. Так, например, законы того времени запрещали принимать на воинскую службу негров, мулатов, мясников, глашатаев и палачей.

[И вот однажды, когда я, исполняя свои обязанности, сопровождал грабителя на виселицу и у меня в руках была здоровенная веревка из пеньки, я вдруг понял и осознал сказанное мне моим слепцом в Эскалоне, и ужаснулся тому, как плохо я ему, столькому меня научившему, отплатил. Ведь именно он — если не поминать Господа — своими наставлениями привел меня к моему нынешнему состоянию.]

На этой службе мне повезло, я быстро освоился со своими новыми обязанностями, и теперь почти все дела проходят через мои руки, так что кому надо продать вино или еще что-либо, тот может рассчитывать на прибыль, только если он прибегнет к посредничеству Ласаро с Тормеса.

С течением времени узнав меня поближе и увидев мои способности и добрый нрав, настоятель храма Спасителя, мой покровитель, он же слуга и друг Вашей Милости, в награду за то, что я объявлял о его винах, решил женить меня на своей служанке. Сообразив, что от такой особы ничего, кроме добра и пользы, мне ожидать нечего, я изъявил согласие, женился — и до сих пор не раскаиваюсь, ибо она женщина добрая, прилежная и услужливая. К тому же я пользуюсь благоволением настоятеля и получаю от него

вспомоществование. Так, ежегодно дарит он нам почти целый куль зерна, каждую Пасху[85] — мяса, иной раз два каравая или старые штаны, которые он уже не носит. Он заставил нас снять домик рядом с его жилищем. По воскресеньям и почти каждый праздник мы обедаем у него.

Однако злые языки, в которых никогда не было и не будет недостатка, не дают нам покоя и болтают всякую чепуху — будто бы жена моя ходит к нему убирать покои и готовить обед. Не любо — не слушай, а врать не мешай. [Тем не менее, в то время у меня постоянно были какие-то подозрения, каковые подтверждало то, что иногда мне приходилось поджидать ее дома до утренней молитвы, а то и дольше, и тогда мне на память приходили слова слепца, сказанные в Эскалоне, когда он держался за рога. Хотя, по правде сказать, думаю, что это дьявол приводит их мне на ум, чтобы сделать мой брак несчастливым, и я гоню их от себя.]

[85] Примечания: 85

...каждую Пасху... — Здесь речь идет не о самой Пасхе, а об одном из крупных церковных праздников, возможно, о Пятидесятнице (Троице) или Дне Тела и Крови Христовой (см. примеч. 15 к Р2).

Супруга моя не из тех женщин, которых задевают подобные шутки, а хозяин, кроме того, обещал мне кое-что, и, надеюсь, он свое слово сдержит.

Однажды он очень долго беседовал со мною при ней и сказал:

— Ласаро с Тормеса! Кто обращает внимание на болтовню злых языков, тому в жизни не преуспеть. Меня нимало не беспокоят разговоры о том, что жена твоя ходит ко мне... Ручаюсь, что в этом нет никакого ущерба ни для ее, ни для твоей чести. Не придавай же значения пересудам, а придавай значение лишь тому, что непосредственно касается тебя, а именно твоей собственной выгоде.

— Сударь, — ответил я, — в моих правилах следовать добрым советам. Правда, друзья мои

говорили мне что-то в этом роде и даже уверяли, будто жена моя, до того как выйти за меня замуж, три раза родила, и, не в обиду вам будь сказано, от вашей милости.

При этих словах супруга моя разразилась такими проклятиями, что я уж думал — дом провалится вместе с нами; потом она заплакала и начала хулить того, кто выдал ее за меня замуж, так что лучше бы мне было помереть прежде, чем эти слова вырвались из моих уст. Мы с хозяином наперерыв принялись уговаривать и увещевать ее, и она прекратила свой плач, как скоро я поклялся, что никогда в жизни не заговорю с ней об этом, а буду радоваться и почитать за благо, что она ходит к нему и днем и ночью, ибо я вполне уверен в ее добродетели. И так мы все трое вновь зажили в мире и согласии.

До сего дня никто из нас не слыхал больше ничего подобного. Когда же я подозреваю, что кто-нибудь собирается сказать нечто о моей жене, я останавливаю его и говорю:

— Послушайте, если вы мой друг, то не говорите ничего такого, что может быть мне неприятно, ибо я не почитаю своим другом того, кто огорчает меня, в особенности если он хочет поссорить меня с моей женой, которую я люблю больше всего на свете и больше себя самого. Благодаря ей Господь изливает на меня гораздо больше милостей и щедрот, чем я заслуживаю, и я готов поклясться святым причастием, что она лучшая из всех женщин Толедо. А кто станет мне возражать, с тем я разделаюсь по-свойски!

Мне, разумеется, не возражают, и в доме у меня царят мир и согласие.

Всё это случилось в тот самый год, когда победоносный наш император вступил в славный город Толедо и созвал кортесы[86]. Тогда же, как вы, Ваша Милость, наверное, слышали, здесь были устроены великие торжества.

В это-то самое время я благоденствовал и находился на вершине житейского благополучия. [Обо всём, что случится со мной впредь, я буду извещать Вашу Милость.]

---

[86] Примечания: 86

...когда победоносный наш император вступил в славный город Толедо и созвал кортесы. — Подробней см. с. 568 наст. изд.

M.

Вторая часть
«ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА,

его невзгод и злоключений»

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ГДЕ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ О ДРУЖБЕ, КОТОРУЮ ВОДИЛ В ТОЛЕДО С НЕМЕЦКИМИ ГВАРДЕЙЦАМИ[87] И КАК ОНИ ПРОВОДИЛИ ВРЕМЯ

[87] Примечания: 87

...о дружбе, которую водил в Толедо с немецкими гвардейцами... — Немецкие гвардейцы составляли личную охрану императора Карла V.

В это самое время я благоденствовал и находился на вершине житейского благополучия[88], а поелику со мной — дабы давать на пробу то, что я расхваливал, — всегда был славный медный кувшинчик с вином из добрых плодов земли нашей, я приобрел столько друзей и покровителей, как местных, так и чужестранцев, что для меня все двери были нараспашку. И до такой степени я чувствовал себя всеобщим любимцем, что, казалось, прикончи я кого-нибудь или попади в иную дурную историю, весь мир был бы на моей стороне и все мои покровители, не думая, вступились бы за меня. Ну и я никогда не давал их

---

[88] Примечания: 88

...находился на вершине житейского благополучия... — Автор «Второй часта...» на протяжении первой главы тщательно имитирует сталь письма Ласаро-повествователя «Жизни Ласарильо с Тормеса» некоему высокопоставленному лицу, подхватывая как зачин последнюю фразу его послания: «В это-то самое время я благоденствовал и находился на вершине житейского благополучия» (с. 94 наст. изд.). При этом автор «Л-II» ориентируется на антверпенское издание 1554 г. и не учитывает интерполяций в издании Алькала (см. об этом в Преамбуле к примечаниям к «Л-II»).

глоткам засохнуть, охотно потчуя их лучшими из восхваляемых мною по всему городу вин, так что мы гуляли, ни в чем себе не отказывая, и нередко бывало так, что входили в трактир на своих двоих, а выползали на четырех. А лучше всего было то, что за всё это время — пропади пропадом потраченная Ласаро де Тормес зазря бланка, ежели бы таковая нашлась! — даже когда я засовывал руку в кошель, изображая намерение за что-нибудь заплатить, мои дружки воспринимали это как личное оскорбление, разгневанно глядели на меня и восклицали: «Нихт, нихт, отставить, мой Готт!», укоряли меня и говорили, что в их обществе никто не должен тратить ни гроша.

И уж до того эти люди были мне по сердцу! Ведь ко всему прочему всякий раз, когда случались наши сборища, свиные окорока, бараньи ножки, тушенные в упомянутых мною целебных винах с множеством изысканных приправ, ломти соленого вяленого мяса и хлеба едва умещались у меня за пазухой и так раздували вместительные карманы моих штанов, что нам с женой с лихвой хватало в доме еды на целую неделю. В эти обжорные деньки я не раз вспоминал о том, как когда-то голодал, и возносил хвалу Создателю, благодаря его за то, как шли мои дела. Но, как

говорит пословица, «где найдешь, там и потеряешь». Так оно и случилось: императорский двор, по своему обычаю, после завершения кортесов покинул город[89]. Во время расставания мои друзья очень уговаривали меня отправиться с ними, обещая поддержку и покровительство. Но тут-то мне вспомнилась пословица: «От добра добра не ищут», и, поблагодарив их за добрые намерения, после долгих объятий и в превеликой печали я простился с ними. Конечно, не будь я женатым, я бы не расстался с их обществом: уж очень они были мне по сердцу и по нраву. Какую славную жизнь они вели! Безо всякого выпендрежа и зазнайства, ничем не брезгуя и ни от чего не воротя нос, заходили в любую винную лавку, шапки прочь — ежели вино того стоило! Люди честные и простые и уж такие щедрые, что, когда им очень хотелось выпить, им равных не было. Но привязанность к жене и к ее родному городу, который я начал считать и своим, — ведь не зря говорят «куда иголка, туда и нитка», — всё пересилила, так что я остался в нем в полном одиночестве,

[89] Примечания: 89

...императорский двор... после завершения кортесов покинул город. — Автор «Л-II», чтобы приблизить рассказ Ласаро к современности, подменяет толедские кортесы 1525 г. кортесами 1538—1539 it. (см. с. 568 наст. изд.).

тоскуя по друзьям и столичной жизни[90], хотя и водил знакомство со многими горожанами.

[90] Примечания: 90

...тоскуя по... столичной жизни... — В Испании эпохи Карла V не было постоянной столицы и ее функцию попеременно, нередко подолгу, исполняли города, в которых находились император и его двор. На время кортесов 1538— 1539 гг. таким городом стал Толедо, древняя столица кастильских королей и место пребывания испанского блюстителя Католической церкви.

И вот я пребывал в полном довольстве, и моя радость росла с приумножением моего семейства — именно тогда жена моя родила прехорошенькую девочку, и хотя у меня на сей счет и имелись кое-какие подозрения, жена божилась, что дочка — от меня[91]. Так всё и шло, пока Фортуне не показалось, что я ею забыт и что пора ей повернуться ко мне своим жестоким и злобным ликом, чтобы разбавить сладость немногих прожитых мною в довольствии и беспечности лет новыми испытаниями и горечью смерти. О, Боже всемогущий! Кто смог бы описать всю безысходность обрушившихся на меня бед и неслыханность всего, что со мною произошло! Ему не понадобились бы чернила — он мог бы макать перо в черноту моих слез!

[91] Примечания: 91

...жена божилась, что дочка — от меня. — Автор «Л-II» подхватывает еще одну тему «Л-I» — мотив бесчестия героя, на которое тот упорно закрывает глаза. Более того, мельком упомянутая в «Л-I» дочь Ласаро в финале «Л-II» занимает немалое место, превращаясь в предмет особой любви и забот героя-отца, озабоченного ее приданым (см. с. 155 наст. изд.).

ГЛАВА ВТОРАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СЛЕДУЯ НАСТОЙЧИВЫМ УГОВОРАМ ДРУЗЕЙ, ПОПЛЫЛ НА ВОЙНУ В АЛЖИРЕ[92], И О ТОМ, ЧТО С НИМ ПРОИЗОШЛО

Хочу довести до сведения Вашей Милости, что в то время, когда злосчастный Ласаро де Тормес вел такую приятную жизнь, исполняя свои обязанности глашатая и получая за это довольно, чтобы досыта есть и вволю пить, ибо Господь не включил подобное ремесло в число тяжких трудов, так что место глашатая стоит поболе ме-

---

[92] Примечания: 92

...поплыл на войну в Алжире... — См. Преамбулу к примечаниям к «Л-II».

ста любого из толедских «двадцати четырех»[93], когда, другими словами, я был вполне счастлив, получив в качестве вознаграждения жену и только что родившуюся дочь, а дом мой ломился от нажитого добра, когда ко мне все относились с уважением, поелику у меня было две смены платья — выходное и на каждый день, и у моей жены тоже, а в моем сундучке хранилось две дюжины реалов, в этот город пришла — чтоб ей ни пути ни дороги! — весть о походе на Алжир, всполошившая и меня, и прочих других. И тут многие мои соседи — уж не помню, сколько их было, — заволновались, говоря: «И мы — туда же! Вернемся с грудой золота!» Ну и меня начала жадность мучить. Я сказал об этом жене, а та, желая вернуться к моему сеньору архипресвитеру, говорит:

— Делайте чего хотите! Но ежели вы туда отправитесь и вам повезет, то привезите мне рабыню, чтобы она мне прислуживала, — мне до смерти надоело всё самой делать! Да и, чтобы

[93] Примечания: 93

...из толедских «двадцати четырех»... — Речь идет о двадцати четырех выборных членах городского совета.

дочку замуж выдать, тамошние триполинас[94] и двойные саэнас[95] — а их, говорят, у мавров-собак завались — будут не лишними.

Всё это да желание поживиться заставили меня решиться — вот уж чего не надо было делать! — отправиться в поход. И хотя мой сеньор архипресвитер меня отговаривал, я стоял на своем. В конце концов, должно же мне раз в жизни повезти! И вот договорился я с одним здешним кабальеро, рыцарем ордена Св. Иоанна[96], с которым был знаком, что буду его в этом походе сопровождать и ему прислуживать, а он возьмется меня содержать и со мной своей добычей делиться. И впрямь: нахлебались мы бед немало, и, хотя разделились они между многими, на мою долю вполне хватило.

И вот отправились мы в путь, этот кабальеро, и я, и еще множество народа, все такие веселые, по-боевому настроенные, как всякий, кто собира-

---

[94] Примечания: 94

Триполинас (триполитанас; от названия ливийского города Триполи) — золотые монеты высокого достоинства, имевшие хождение в XVI в. на севере Африки.

[95] Примечания: 95

Саэнас — ходившие в североафриканских владениях Оттоманской империи золотые монеты очень высокой пробы.

[96] Примечания: 96

Орден Св. Иоанна. — Имеется в виду орден госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского (с 1520 г. — Мальтийский орден), основанный в 1048 г.

ется в поход. А чтобы не быть многословным[97], я не буду касаться того, что случилось в дороге, так как я там был ни при чем. А поведаю о том, как мы в Картахене погрузились на корабль, уже наполненный провиантом и людьми, к которым мы и присоединились, и о том, как на море (о чем Вашей Милости, должно быть, рассказывали) нас встретила жестокая и неумолимая фортуна, ставшая причиной многих смертей и потерь, коих на море уже долгое время не было. А самый большой вред причиняло нам не море, а мы сами, ибо, когда и ночью, и белым днем бурлили воды и бушующая стихия вздымала свирепые волны, никто из нас не знал, как ей противостоять, так что неуправляемые суда, сталкиваясь, крошились в щепки и шли на дно со всеми, кто был на борту. Однако, поскольку, как я уже говорил, мне известно, что многие из тех, кто был свидетелем и участником этих событий и кто, по соизволению Божьему, смог спастись, а также другие, те, кто обо всём от спасшихся оказался наслышан,

[97] Примечания: 97

...чтобы не быть многословным... — В отличие от Ласаро в «Л-I», ведущего рассказ в тоне непринужденной «заочной» беседы с адресатом письма (и с читателем), Ласаро в «Л-II» выстраивает свое повествование как риторический дискурс, как речь, адресованную аудитории, которую следует и развлекать, и поучать. Поэтому он стремится следовать рекомендациям риторик, советовавшим, в частности, избегать многословия, чтобы не снизить интереса аудитории к рассказу.

Вашей Милости об увиденном и случившемся сообщат, я буду краток и отчитаюсь в том, что ведомо мне одному, чему я один был свидетелем и что никто из там бывших вместе взятых, кроме меня, не видел. А во всём, что со мной произошло, как Вашей Милости станет известно, наш Господь Бог был ко мне весьма милостив.

Я не буду долго расписывать то, чего глаза бы мои не видели! А видели они, как наш корабль разваливался на части, как он остался без мачты и без рей, а всё, что еще поднималось над водой, разлетелось в щепки, так что остов судна превратился в его останки — по-другому не скажешь.

Капитан и те из бывших на корабле, что познатнее и побогаче, пересели в шлюпку и попытались спастись на других судах, хотя немногие могли им тут помочь. А мы, простые людишки, остались на брошенном ими злосчастном корабле, поелику верно говорят, что «тюрьма да пост — для тех, кто прост». Мы вручили себя воле Божьей и начали исповедоваться друг другу, ведь те двое монахов, что плыли с нами на корабле и представлялись

как кабальеро — члены ордена Иисуса Христа[98], сбежали вместе с остальными, бросив нас на погибель. Никогда более я не видел и не слышал такой поразительной исповеди, ибо вполне возможна исповедь накануне смертного часа, но не после, а ведь меж нас в тот миг не было никого, кто счел бы себя неумершим. И с каждой волной, набрасывавшейся на наш утлый корабль, многие вновь и вновь призывали смерть, так что их можно было бы назвать сто раз умершими, и воистину то была исповедь тел, уже лишившихся души. Я пытался исповедовать многих[99], но вместо слов они лишь издавали вздохи и ловили воздух сухими ртами, что присуще людям в крайнем смятении, — а что еще мог я для них сделать? И вот, когда мы уходили под воду на нашем зло-

---

[98] Примечания: 98

Орден Иисуса Христа — рыцарско-духовный орден, созданный в 1317 г. португальским королем Динишем I (1261—1325; правление: 1279—1325 гг.). Его членами могли стать только представители самых знатных фамилий.

[99] Примечания: 99

Я пытался исповедовать многих... — В таком поведении героя проявляется связь автора «Л-II» с лютеранским миром, так как, согласно представлениям Мартина Лютера (1483—1546), благочестие и строгое следование евангельскому учению дают христианину право принимать участие в ритуалах, сохранившихся в Протестантской церкви, и быть допущенным к таинствам, особенно если их творят в чрезвычайных ситуациях, таких как описываемая здесь буря. Очень схожее — почти дословно — описание бури дается на страницах лукиановского диалога К. де Вильялона «Погремушка» («El Crótalon»; 1553?).

счастном судне безо всякой надежды на спасение от приближающейся гибели, я, оплакав прожитую жизнь и покаявшись в грехах, в том числе и в том, что отправился в этот поход, прочитав все подходящие к случаю святые молитвы, которым меня научил мой первый хозяин-слепец[100], вместе со страхом смерти почувствовал неутолимую смертельную жажду. Поняв, что ее не унять соленой, отвратительной на вкус морской водой, и сочтя бесчеловечным столь жестокое с самим собой обращение, я решил, что было бы неплохо, чтобы то место, которое во мне должна занять мерзкая вода, заняло бы отличное вино, каковое имелось на корабле и теперь осталось без владельцев, как я — без души, и каковое я взахлеб начал глотать. А помимо той великой жажды, что породили во мне смертные страх и тоска, и того, что я был дока по части выпить, я поистине впал в помешательство и не ведал, что творил.

---

[100] Примечания: 100

...молитвы. которым меня научил меня мой первый хозяин-слепец. — Ср. в «Л-I»: «Свыше сотни молитв знал он (слепец. — *С.П.)* наизусть» (с. 16 наст. изд.). Однако, если в «Л-I» разнообразные познания и умения слепца так или иначе нацелены на убедительное разыгрывание лицемерно взятой на себя роли и на извлечение из всего выгоды, то в «Л-II» он нередко предстает в воспоминаниях Ласаро как истинный наставник, уроки которого заменили герою и школу, и университет, дали необходимые знания в области богословия, юриспруденции и даже этики.

Так что, то передыхая, то вновь прикладываясь к бутылке, я — на свое счастье — набрался так, что во всём моем бедном теле — от головы до пяток — не осталось ни уголочка, куда бы не проникло наполнившее его вино. И едва я покончил с этим, как корабль развалился на части и пошел вместе с нами на дно. Случилось это через два часа после рассвета. И Богу было угодно, чтобы, оказавшись целиком в воде и потеряв всякое разумение, я схватился за шпагу, висевшую у меня на поясе, и начал погружаться на дно морское.

Я видел великое множество больших и малых рыб, самых разных, собравшихся в том месте и начавших, слегка высовываясь из воды, рвать на части и пожирать тела моих товарищей. Увидев это, я испугался, что они то же сделают и со мной, если примут меня за одного из тонущих, перестал загребать воду руками, как делали прочие, думая тем самым спастись — тем более что я не умел плавать, — и начал погружаться плавно на глубину, где даже мог передвигаться, сколько мне позволяло мое отяжелевшее тело. Мои мысли о неумолимом конце прогнала шумная стая рыб, приплывших на треск разламывающегося судна.

Так что, когда я погружался в морскую пучину, я почувствовал и узрел, что меня преследует

огромное и всё увеличивающееся в размерах разъяренное полчище других рыб, которые, как я думаю, жаждали испробовать меня на вкус. Они приближались с оглушительным грохотом и свистом[101], желая вцепиться в меня зубами. Я же, видя, что погибель близко, с яростью, усиленной страхом смерти, начал, не ведая, что творю, размахивать шпагой, которую, так от нее и не избавившись, обнаженной держал в правой руке; и Богу так было угодно, что в короткое время, круша всё направо и налево, я раскрошил многих на куски, и они начали отставать от меня. А отпустив меня, они бросились пожирать своих же сородичей, коих я, защищая себя, предал смерти — и безо всякого труда, так как у этих тварей нет никакой защиты, тем более доспехов, и в моей власти было поубивать их, сколько пожелаю, и через недолгое время после того, как я от них отдалился, всё время гребя прямиком так, словно мое тело и ноги опирались на твердь, я добрался до большой скалы посреди морских глубин, и как только ступил на нее, то воспрянул духом и смог немного отдохнуть от пережитого и сбросить

[101] Примечания: 101

Они приближались с оглушительным грохотом и свистом... — Предположительный намек на поведение турецких войск, шедших в бой в сопровождении разного рода трещалок и свистелок.

усталость, которую только тогда почувствовал, ибо до того в моей смятенной и исполненной страхом смерти душе для нее не было места.

А поелику удрученным заботой и ослабленным свойственно воздыхать, то, сидя на скале, я тяжело вздохнул, за что и поплатился, ибо забылся и открыл рот, который до того держал плотно закрытым, и поскольку с того времени, как я пил вино, прошло три часа и мое нутро уже частично освободилось, то освободившееся место заняла соленая и невкусная вода, которая, смешавшись с супротивным ему вином, вызвала у меня нестерпимые боли. И тогда я воистину осознал, что вино спасло мне жизнь, так как, пока я был им полон по горло, вода не могла причинить мне вред, и я воистину постиг достоверность того, что мне напророчил слепец в Эскалоне[102], сказав, что, если и есть такой человек, которому вино должно даровать жизнь, то речь идет обо мне; и тогда же великая печаль о погибших в море товарищах охватила меня, ибо они не присоединились ко мне, когда я пил вино, а сделай они это

[102] Примечания: 102

...того, что мне напророчил слепец в Эскалоне... — Ср. издевательское предсказание слепца в развязке истории с колбасой, произошедшей на постоялом дворе в городке Эскалона: «<...> если кому-нибудь на свете и посчастливится от вина, так это тебе» (с. 27 наст. изд.).

— были бы сейчас вместе со мной, что хоть как-то ободрило бы меня. Я в одиночестве оплакал их всех, утонувших в море, и мне пришла в голову мысль: возможно, что, если бы они и пили со мной, то и тогда не смогли бы набраться вином до макушки, ибо никто из них не был Ласаро де Тормес, научившимся пить вино в великой школе пропойц-иноземцев, собиравшихся в толедских трактирах.

И вот, предаваясь воспоминаниям об этом и о других предметах, я вдруг увидел, что ко мне приближается туча рыб, двигавшихся как снизу, так и сверху; сбившись в кучу, они обложили мою скалу. Я понял, что у них недобрые намерения, и больше от страха, чем по доброй воле, с трудом поднялся и встал на ноги, чтобы защищаться; но мои усилия были тщетны, ведь к тому времени я мог считаться погибшим, ибо был уже полон мерзкой водой, проникшей во все мои внутренности. У меня так кружилась голова, что я не мог ни держаться на ногах, ни поднять шпагу, чтобы защититься. И, видя смерть в такой от себя близости, начал смотреть, нет ли от нее какого спасения, ибо защититься от нее в бою я не мог по вышеуказанным причинам. И вот, передвигаясь что было мочи по скале, я нашел в ней по воле

Божьей небольшое отверстие, в которое пролез и, оказавшись там, увидел, что нахожусь в пещере, и хотя вход в нее был узким, сама она была достаточно просторной и не имела другого выхода. Мне показалось, что Всевышний завлек меня в нее, чтобы я смог восстановить силы, вконец растраченные в моем положении; и едва я слегка взбодрился, как тут же вспомнил о своих врагах и просунул во входное отверстие пещеры острие своей шпаги. И таким образом начал резкими шпажными выпадами оборонять свой бастион.

К этому времени стая рыб окружила меня; они яростно извивались и принимали атакующие позы, приближаясь ко входу в пещеру, но для тех из них, что отваживались проникнуть туда, всё заканчивалось плачевно: поскольку я держал шпагу обеими руками так твердо, как только мог, они нанизывались на нее и расставались с жизнью, другие же, в гневе приблизившиеся к пещере, оказывались тяжело раненными; и тем не менее осаду они не снимали. Так я продержался ночь, и их воинственный пыл немного угас, но они не оставляли попыток проверить, не заснул ли я, не ослабел ли.

И вот, когда бедный Ласаро пребывал в такой печали, видя себя окруженным столькими бе-

дами, в столь странном месте и без надежды на спасение, прислушиваясь к тому, как во мне мало-помалу убывало мое доброе спасительное вино, место коего нагло занимала соленая вода, вызывая у меня всё новые и новые унизительные позывы, которые я был не в силах унять, поелику во мне смешивалось несмешиваемое, отчего мои силы иссякали с каждым часом — ведь уже долгое время мое измученное тело не имело никакого подкрепления, изнемогая в усилиях, а водные процедуры действуют всегда расслабляюще[103], мне оставалось лишь ждать того мига, когда шпага выпадет из моих ослабевших трясущихся рук, что тут же заметят мои супротивники и предадут меня страшной смерти, погребя мое тело в своих утробах. И, предвидя всё это и не видя никакого спасения, я призвал на помощь Того, на Кого должен уповать всякий добрый христианин, поручая себя Тому, Кто для отчаявшихся есть последнее упование, — милосердного Господа, Бога нашего. И тогда я вновь начал воздыхать и оплакивать свои грехи, и просить за них прощения, и всем сердцем и душой предал себя в руки Его, умоляя

[103] Примечания: 103

...водные процедуры действуют всегда расслабляюще... — Здесь — в ироническом контексте: известное с древности медицинское средство, о котором говорит Ласаро, должно подействовать на него губительно.

снизойти и избавить меня от столь жестокой смерти, обещая впредь не грешить, если на то будет воля Его. Затем я воззвал с горячей мольбой к Деве Марии, Матери Божьей и Владычице нашей, обещая посетить Ее в ее Обителях — Монтсеррате, и Гуадалупе, и Скале Французской[104]. Затем же я обратил свои молитвы ко всем святым, а прежде всего — к Сан Тельмо[105] и господину Сан Амадору[106], который также многое претерпел в бурном море. А после того я начал читать все молитвы, которым научил меня слепец и которые тогда твердил без особого рвения: молитву Графа-заточника[107], Девы-заточницы[108], молитву «Судия праведный»[109] и многие другие, имеющие силу спасения от вод.

И, наконец, Всевышний, за нас претерпевший,

---

[104] Примечания: 104

...обещая посетить Ее в ее Обителях — Монтсеррате, и Гуадалупе. и Скале Французской. — Речь идет о самых популярных в Испании местах поклонения Деве Марии: монастыре Монтсеррат возле Барселоны (основан в XI в.; хранящееся в нем скульптурное изображение «черной» Девы датируется XII в.), монастыре Нашей Госпожи в местечке Гуадалупе, область Эстремадура (основан королем Альфонсом XI в 1340 г.; в стенах этой обители хранится весьма почитаемый образ Девы Марии), и находящемся неподалеку от Саламанки монастыре, расположенном на склонах горной цепи, именуемой Французской Скалой (Пенья-де-Франсиа). Массовые паломничества к этим культовым святилищам Девы Марии вызывали критику со стороны гуманистов-эразмистов 16-го столетия, отвергавших экзальтированно-внешние формы проявления религиозных чувств.

[105] Примечания: 105

Сан Тельмо. — Под этим именем последователи культа Девы Марии почитали ее рьяного служителя, монаха-доминиканца Сан Педро де Гонсалеса (1190—1246), считавшегося покровителем моряков. Именно с данным святым связано представление об «огнях св. Тельмо» (Эльмо; ср. *рус* Эльм), которые во время бури якобы загораются на мачтах кораблей.

[106] Примечания: 106

Сан Амадор (Сайг Амаро) — мифический персонаж «низовой», народной религиозности, чаще всего встречавшийся в Португалии и Андалусии. Житие этого «святого», «Жизнь блаженного Сант Амаро и все опасности, в которых он побывал на пути к Земному Раю» («La vida del bienaventurado Sant Amaro y de los peligros que passo hasta llegar al Parayso terrenal»), вышло в 1552 г. у Мартина Нуция (одного из издателей «Ласарильо-тунца», см. Преамбулу к «Л-II»). Оно же было найдено в 1992 г. вместе с изданием «Л-I» в Медина-дель-Кампо и трудами Эразма Роттердамского в селении Баркаррота (подробней см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-I»).

[107] Примечания: 107

Граф-заточник — апокрифический адресат народной молитвы, включенной в «Список запрещенных книг» 1559 г.

[108] Примечания: 108

Дева-заточница. — В «Списке запрещенных книг» 1559 г. есть группа народных заговоров, адресованных этому фольклорному персонажу.

[109] Примечания: 109

«Судия праведный». — Сохранилось несколько версий этой молитвы, которая упоминается также в главе 6 «Истории жизни пройдохи по имени дон Паблос» («Historia de la vida del Buscón, llamado don Pablos»; первая редакция: 1604, опубл. 1626) Франсиско де Кеведо (1580—1645).

услышал мои молитвы и, видя всё, что перед моими глазами деялось, использовав лишь толику своей мощи, сотворил со мной великое чудо; и вышло так, что, когда я, наполовину налитый водой, которая, как я уже говорил, вливалась в меня помимо моей воли, полумертвый и окоченевший от холода, какого я, сколько себя помню, никогда не испытывал, истерзанный страхом неминуемой гибели, умирая с голоду, уже почти лишившись чувств и сознанья, вдруг ощутил, как меняется мое человечье естество, и, менее всего ожидая этого, я увидел, что сделался не больше и не меньше как рыбой, той же величины и вида, как и те, что меня окружили и продолжали держать в осаде. И тут-то, став одной из них, я понял, что рыбы эти — тунцы и что они ищут моей смерти, говоря такие слова: «Он — предатель, враг наших сладостных священных вод. Он наш враг и враг всего рыбьего племени, так жестоко обошедшийся вчера с нами, ранив и убив стольких из нас. Нельзя, чтобы он отсюда ушел, а когда наступит день, мы отомстим ему».

Так я услышал приговор, который эта сеньоры вынесли тому, кто уже был, как и они, тунцом. И тогда, немного отдохнув и освежившись в воде, переведя дыхание и почувствовав, что у

меня ничего не болит и ничто меня не мучает, словно ничего и не произошло, омыв свое тело и прополоскав внутренности водой, которая отныне и впредь стала казаться мне сладкой и вкусной, я оглядел себя со всех сторон, чтобы проверить, не осталось ли во мне чего человечьего. Наслаждаясь пребыванием в пещере, я подумал, стоит ли мне оставаться в ней до наступления дня, ибо, с одной стороны, я боялся, что они меня узнают и поймут, что я оборотень, с другой же — боялся выйти, поскольку не был в себе уверен, не знал, смогу ли я общаться с ними и отвечать на их вопросы, и не откроется ли в таком случае мой секрет: ведь, хотя я и понимал их и видел, что с ними схож, мне было очень боязно среди них оказаться. Наконец я решил, что надежнее будет выйти, так как, если они обнаружат меня в пещере и не найдут в ней Ласаро де Тормес, то подумают, что я спас его, и потребуют меня к ответу; так что лучше мне выбраться из пещеры до наступления дня и смешаться с ними — а их там весьма немало: так мне удастся не попасться им на глаза и себя не выдать; и как я решил, так и сделал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СТАВШИЙ ТУНЦОМ, ПОКИНУЛ ПЕЩЕРУ И КАК ТУНЦЫ-ДОЗОРНЫЕ ВЗЯЛИ ЕГО В ПЛЕН И ПРИВЕЛИ К СВОЕМУ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ

И вот, сеньор, как только я выбрался из пещеры в скале, мне тут же захотелось проверить, могу ли я говорить, и я начал вопить во всё горло: «Смерть ему! Смерть ему!»; и как только я прокричал эти слова, дозорные, караулившие грешного Ласаро, окружили меня и спрашивают:

— А кому слава?

— Сеньоры, — отвечал я, — слава рыбьему народу и их сиятельствам тунцам!

— Ну и чего же ты орешь? — было сказано мне

в ответ. — Кого из наших врагов ты увидел или почуял, чтобы поднимать тревогу? К какому полку ты приписан?

И тогда, сеньор, я попросил их отвести меня к главнокомандующему, которому я ответил бы на все вопросы. И один из них приказал десятерым другим отвести меня к генералу, а сам остался на страже вместе с более чем десятью тысячами тунцов.

Меня бесконечно забавляло то, что я мог понимать их, и я сказал себе: «Тот, Кто сотворил для меня эту великую милость, всё предвидел». В конце долгого пути, когда уже начало светать, мы достигли огромного воинства, в котором сбилось столько тунцов, что мне стало страшно. Узнав тех, кто меня сопровождал, нам разрешили пройти, и, когда мы прибыли в расположение генерала, один из моих конвоиров, выразив ему свое почтение, рассказал, в каком месте и каким образом меня нашли, и когда их командир — капитан Лиций спросил меня, кто я такой, я ответил, чтобы меня отвели к генералу. И вот я предстал перед его превосходительством.

Генерал, тунец, превосходивший других величиной и величием, спросил меня, кто я и как меня зовут, к какому полку я приписан и в чем

состоит моя просьба, раз уж я просил привести меня к нему. И тут я смешался, не зная, хотя и был крещен честь честью, как иначе, чем Ласаро де Тормес, себя назвать. Не знал я, как ответить, откуда я родом и к какому полку приписан, ибо, став тунцом совсем недавно, не успел ни изучить их моря, ни узнать, из каких частей состоит их армия и какие в ходу у них имена; так что, притворившись, что я не понимаю вопросов, которые мне задает генерал, я ответил таковыми словами:

— Сеньор, поскольку ваше превосходительство весьма отважны — о чем ведомо всему морю, — мне кажется несуразицей то, что жалкий человечишко противостоит такому огромному и доблестному войску, бесчестя великую власть и положение тунцов. Я заявляю: поелику я твой подданный и нахожусь под твоим началом и под твоим знаменем, я обязуюсь доставить тебе оружие и останки этого человека, а если этого не случится, можешь судить меня по всей строгости.

Так что, дабы не быть пойманным на слове, я не обещался доставить ему самого Ласаро. Ибо учителем моим был слепец, а не попы-начетчики.

Генералу так понравилось мое обещание, что

всякие касающиеся меня подробности его уже не интересовали. И он ответил:

— Дело в том, что он должен искупить гибель моих солдат, и было решено окружить этого предателя и счесть его человеком, но если ты, как говоришь, отважишься проникнуть к нему, то будешь щедро вознагражден; хотя меня огорчает, что ты ради нашего господина короля и меня примешь у входа в скалу ту же смерть, какую уже приняли другие: ведь я очень ценю моих отважных бойцов-тунцов, а тех, кто более других пылает отвагой, берегу особо, как и подобает истинному командиру.

— Сеньор, — отвечал я, — пусть ваше сиятельное превосходительство не опасается, что мне угрожает опасность, так как я намерен осуществить всё, не потеряв ни капли крови.

— Ну, если дело обстоит таким образом, ты окажешь нам великую службу и я тебя намерен хорошо отблагодарить. А поскольку уже светает, я хочу видеть, как ты исполнишь обещанное.

Затем он приказал всем воинам выступить в поход к тому месту, где находится враг; было воистину удивительно видеть, как в едином порыве двинулось вперед неисчислимое войско, и воистину не было никого, кто не ужаснулся бы

при виде его. Капитан держал меня подле себя, расспрашивая, каким образом я намереваюсь проникнуть в пещеру. Я всячески изворачивался, отвечая ему, и за такими разговорами мы приблизились к страже, находящейся возле пещеры или скалы.

Лиций, капитан, который препроводил меня к генералу, был со своими солдатами начеку, обложив пещеру со всех сторон; но и без того никто не осмелился бы приблизиться к входу в нее, так как генерал отдал приказ не подставляться под удары Ласаро, ибо всё то время, когда я уже превратился в тунца, шпага находилась на входе во всё том же положении, в котором была, когда я держал ее в руке, что было видно тунцам, опасливо считавшим, что бунтовщик держит ее, находясь внутри. И когда мы прибыли, я сказал генералу, чтобы он приказал отвести с позиций всех, кто осаждал пещеру, и сам отошел вместе со всеми, что и было исполнено. А поступил я так для того, чтобы они не видели то немногое, что я должен был сделать у входа в пещеру. Я направился к ней один, выписывая в воде большие стремительные круги и выбрасывая изо рта огромные водные струи.

И пока я всё это вытворял, меж ними — от морды к морде — распространялась весть о том, как я

вызвался вмешаться в происходящее, и я слышал, как они говорили: «Он умрет, как и многие другие, столь же достойные и отважные»; «Оставьте его, ибо скоро мы увидим его посрамленным».

Я притворялся, что тот, кто внутри, защищается, и делал выпады, как и тот, внутри, мечась из стороны в сторону. И поскольку воины-тунцы пали духом, у них не было возможности видеть то, что им видеть не подобало. Я вновь и вновь возвращался к пещере и бросался в бой со всё большим рвением и вновь уклонялся от ударов. Так я какое-то время изображал битву и всё — исключительно для виду. А после того, как я всё это несколько раз проделал, удалившись от пещеры на некоторое расстояние, я начал издавать громкие крики, чтобы генерал и войско меня слышали:

— О ничтожный человек! Ты думаешь, что можешь противостоять великой мощи нашего могучего сеньора-короля, его достославного великого капитана[110] и его несокрушимого войска? Думаешь, тебе сойдет с рук твоя дерзость и множество смертей, произошедших по твоей вине среди наших друзей и подданных? Сдавайся

---

[110] Примечания: 110

Великий капитан. — Имеется в виду главнокомандующий, в других случаях именуемый генералом.

в плен нашему прославленному предводителю! Возможно, он будет к тебе милостив. Складывай оружие, которым защищался! Выходи из своего укрепления, которое тебе мало пригодится, и отдайся во власть того, с кем никто не сравнит ся во всём бескрайнем море!

Когда я, как уже говорилось, выкрикивал все эти слова, чтобы усладить слух власть предержащего, всячески стараясь ему угодить, ко мне подплыл тунец, присланный за мной генералом. Я прибыл к последнему, застав его помиравшим от смеха вместе со всем остальным войском; они хохотали с таким хрипом и гоготом[111], что не слышали друг друга. Когда я явился, пораженный увиденным, генерал приказал им замолчать, и, хотя многие с трудом подавляли смех, воцарилось молчание. Наконец, с великим сожалением я услышал слова генерала, обращенные ко мне:

— Приятель, если у тебя нет другого способа проникнуть в крепость нашего врага, чем тот, что ты испробовал до сих пор, не исполняй своего обещания, а я благоразумно не буду от тебя этого

[111] Примечания: 111

...они хохотали с таким, хрипом и гоготом... — Тот факт, что рыбы в «Л-II» разговаривают (что не без иронии фиксирует рассказчик), кажется естественным на фоне того, что они хохочут или, напротив, соблюдают — в знак траура — обет молчания (см. с. 150 наст. изд.).

ожидать; я видел лишь, как ты атаковал вход в пещеру, но войти в нее так и не осмелился; да еще видел, с каким усердием ты убеждал нашего противника сдаться, что на твоем месте должен был бы сделать каждый. И этим, как представляется мне и всем остальным, ты хотел оправдать свои поступки; мы же зря потратили время, а слова твои — пустобрехство, так как всё, чего ты просишь и что обещаешь, тебе вовек не осуществить. Поэтому-то мы и смеемся, и наш смех вполне оправдан: каково видеть тебя, спорящим с тем, другим, как если бы он был твоим двойником!

И, сказав это, он снова расхохотался, а я остолбенел, говоря самому себе: «Если бы Господь не хранил меня, эти болваны, увидев, как плохо и неубедительно я подражаю тунцам, сообразили бы, что я тунец только по внешности, а не по сути».

При всём при том я решил загладить свою ошибку и сказал:

— Сеньор, когда человек хочет осуществить задуманное, с ним происходит то же, что со мной.

Все расхохотались, а капитан спросил:

— Выходит, ты — человек?

Я чуть было не произнес: «Ты сказал»[112] — и это было бы вполне уместно, но испугался, что, вместо того чтобы разодрать одежды[113], они разорвут меня самого, и оставил свои остроты для другого, более подходящего времени. Видя, что на каждом шагу совершаю промахи, и догадываясь, что еще несколько шахов — и мне будет мат, я начал хохотать вместе со всеми, и одному Богу известно, что я изображал досаду с подлинным страхом, в тот момент меня обуявшим. И я сказал в ответ:

— Великий капитан, мой страх не так велик по сравнению со страхами прочих, но так как я бился с человеком, язык мой последовал за мыслью о нем; однако мне начинает казаться, что я медлю с исполнением своего обещания и с отмщением нашему врагу. И, если ты позволишь, я хотел бы вернуться к завершению своего дела.

— Я тебе разрешаю, — услышал я в ответ.

После сего я в большой спешке, напуганный всем случившимся, вернулся к скале, думая о том,

---

[112] Примечания: 112

...*«Ты сказал»*... — Слова Иисуса Христа, адресованные первосвященнику Каиафе (Мф. 26: 64).

[113] Примечания: 113

...*вместо того чтобы разодрать одежды*... — Повествователь развивает библейскую аллюзию (см. примеч. 3). Ср.: «Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует!» (Мф. 26: 65).

что надо быть осторожнее в словах и речах.

А когда я направился к пещере, со мной произошло вот что: спеша со всем покончить, я приблизился к входу, взял в рот то, что когда-то держал в руках[114], и начал размышлять, что делать дальше: войти ли в пещеру или, как обещал, поднять тревогу. Наконец я подумал, что если я войду, то могу быть обвиненным в похищении, в том, что, раз Ласаро не нашли, значит, я его съел, а это окажется и некрасиво, и преступно. Наконец, я возвращаюсь к войску, которое уже спешит мне на помощь, поскольку все видели, как я взял шпагу и нанес для куража несколько ударов по стене у входа и даже смог, искривив рот, оставить с каждой стороны по нескольку косых линий.

Приблизившись к генералу и склонившись перед ним в поклоне, держа при этом, насколько мог ровно, шпагу во рту за рукоятку, я сказал:

— Ваше превосходительство, вот оружие нашего врага: отныне можно не бояться войти в пещеру, ибо ему нечем ее защищать.

— Вы поступили как доблестный тунец и должны быть вознаграждены за столь великую службу. И поелику ваши отвага и сила завоевали

---

[114] Примечания: 114

...взял в рот то, что когда-то держал в руках... — То есть шпагу.

эту шпагу и, как мне кажется, вы умеете владеть ею лучше, чем кто-либо другой, оставьте ее себе, пока мы не захватим самого злодея.

И затем к зеву пещеры прибыла тьма тунцов, но никто из них не осмеливался проникнуть внутрь, так как они боялись, что у врага остался кинжал. Я вызвался быть первым, но с тем условием, чтобы кто-нибудь следовал за мной и был мне в помощь; а просил я о том для того, чтобы этот кто-нибудь мог засвидетельствовать мою невиновность. Но они испытывали перед Ласаро такой страх, что никто не хотел за мной следовать, хотя генерал и обещал большую награду тому, кто будет вторым. И поскольку дело обстояло так, главнокомандующий спросил, как я думаю поступить, если никто не хочет сопровождать меня на этом опасном пути. Тогда я ответил, что, дабы услужить ему, я осмелюсь войти в пещеру один, но чтобы при этом кто-нибудь поджидал меня у входа, коли опасается быть со мной рядом. Он сказал, что так тому и быть, и хотя из тех, кто был вместе с ним, никто не вызывается, он обещает, что кто-то за мной последует. И тогда явился капитан Лиций и сказал, что войдет в пещеру за мной. И затем я начал тыкать шпагой во все углы пещеры, и наносить жесточайшие удары, и делать длинные

выпады, крича во всё горло:

— Победа! Победа! Да здравствует великое море и его славные обитатели! Смерть всем живущим на суше!

С теми же криками, но более приглушенными, как я сказал, за мной последовал и проник в пещеру капитан Лиций, который вел себя в тот день столь необычно, вызвав у меня большое доверие тем, что был воодушевленнее и смелее всех прочих; однако мне показалось, что одного свидетеля будет недостаточно, и я начал просить о подмоге. Но призыв мой был тщетным, ибо злосчастен тот, кто осмеливается еще и чего-то просить! И не надо от тунцов многого требовать, потому что, если уж говорить по совести, я на их месте повел бы себя так же. Я-то направлялся в пещеру как к себе домой, зная, что ничего непредвиденного там нет. И я начал поднимать их дух такими словами:

— О могучие, великие и отважные тунцы! Где же сегодня ваши мужество и храбрость? Где еще вы можете стяжать подобную славу? Позор, позор! Смотрите, как ваши враги ставят вас ни во что, проведав, как вы трусливы!

После этих и других моих слов главнокомандующий, более устыдившись, нежели желая

вступить в бой, неспешно вошел в пещеру, громко притом крича: «Перемирие! Перемирие!», из чего я понял, что за ним никто не последовал, ибо он призывал к перемирию, как если бы шла великая война. И лишь войдя, он приказал всем, кто остался снаружи, следовать за ним, что те и сделали, насколько я понимал, безо всякого воодушевления; но, не встретив ни бедного Ласаро, ни чьего-либо сопротивления (хотя я и колошматил шпагой по пещерным камням что было сил), все очень смутились, а генерал был сконфужен тем, что не поспешил мне и Лицию на помощь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО И ВСЕ ТУНЦЫ ПРОНИКЛИ В ПЕЩЕРУ, ГДЕ ВМЕСТО ЛАСАРО НАШЛИ ЕГО ОДЕЖДУ, А ИХ НАБИЛОСЬ В ПЕЩЕРУ СТОЛЬКО, ЧТО ОНИ ЧУТЬ НЕ ЗАДОХНУЛИСЬ, И О ТОМ, КАКОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЛАСАРО ИМ ПРЕДЛОЖИЛ

Хорошенько осмотрев пещеру, мы нашли одежду могучего тунца Ласаро де Тормес, которая с него спала, когда он превратился в рыбу, и когда я ее увидел, то не смог избавиться от мысли, что всё еще нахожусь в своем несчастном теле, а в тунца превратилась только моя душа. Но Богу было угодно, чтобы меня не обнаружили, и я убедился в том, что и душой, и телом обратился

в рыбу. Я возрадовался, ибо всё еще никак не мог успокоиться и чувствовал боль во всём теле, как если бы его рвали на куски и раздирали на части те, кто с таким упоением это делал, и что делал бы и я, чтобы ничем от них не отличаться и не быть узнанным.

И вот главнокомандующий и другие любопытные оказались в пещере, настороженно заглядывая во все углы, опасаясь и в то же время желая найти того, кого искали; после того, как они тщательно обследовали и обыскали небольшую пещеру, капитан-генерал спросил меня, что я обо всём этом думаю и почему мы не обнаружили нашего врага.

— Сеньор, — ответил я, — я уверен в том, что он — не человек, но какой-то нечистый дух, который принял облик человека, чтобы навредить нам, ибо разве кто-нибудь когда-либо видел или слышал, чтобы человеческое тело находилось в воде столь долгое время или чтобы человек творил то, что творил этот дух, и как, наконец, находясь в столь закрытом месте, да еще при нас, будучи окруженным, он исчез?

Генералу понравились мои слова, и пока мы говорили об этом, нас подстерегла иная большая опасность. Вышло так, что в пещеру начали при-

бывать другие тунцы, находившиеся снаружи, притом весьма стремительно, видя, что противник куда-то делся; а все они участвовали в осаде и жаждали отомстить за гибель своих друзей и подданных. В мгновение ока пещера оказалась заполненной до потолка, да так, что между туловищами тунцов не прошло бы и лезвие ножа; и вот, став чем-то вроде сельдей в бочке, мы начали задыхаться, ибо, как я сказал, каждый, кто проникал в пещеру, не успокаивался, пока не пробивался к самому генералу, так как думал, что там делят добычу. И вот, видя, в какой мы находимся тесноте и опасности, генерал мне сказал:

— О могучий соратник, как же нам выбраться отсюда живыми, ведь ты видишь, что нам грозит: мы все вот-вот задохнемся?

— Сеньор, — сказал я, — лучше всего было бы, если бы те, что набились сюда, дали бы нам дорогу, чтобы я смог взять под свою руку вход в пещеру и защищать его своей шпагой, не пуская больше никого внутрь, а те, что уже вошли, смогли бы выйти, и мы все избежали бы опасности.

— Но это невозможно, так как на нас навалилось множество тунцов, и ты должен прежде всего придумать, как сделать, чтобы сюда никто больше не входил, ибо те, кто снаружи, думают,

что здесь, внутри, мы делим добычу, и желают получить свою долю.

— Я вижу только одно средство, а именно: если вы, ваше превосходительство, хотите спастись, придется предать смерти некоторых из присутствующих, так как расчистить путь, не нанеся им урон, невозможно.

— Коли так, не свети туза[115] и — разделайся со всеми ними!

— При условии, сеньор, — ответил я, — что вы, у которого столько власти, сделаете так, чтобы я в целости и сохранности выбрался из этой передряги и оставшиеся в живых мне не мстили.

— С тобой не только всё будет в порядке, — сказал он, — я тебе обещаю, что то, что ты сделаешь, будет оценено как большая заслуга, ибо в такое время для армии великое благо, если спасается военачальник, коего следует защищать надежнее, чем подчиненных.

«О командиры, — произнес я про себя, — как мало вы цените чужие жизни, чтобы спасти собственные! Многие из вас способны поступить так же, как этот! Сколь непохоже то, что вы творите, на то, как, по преданию, повел себя Пауло Деций,

---

[115] Примечания: 115

...не свети туза... — Карточное выражение, означающее «затаиться», «скрыть задуманное».

благородный римский военачальник, который, когда латиняне затеяли заговор против римлян и армии тех и других были готовы вступить в бой, в ночь накануне сражения увидел сон, в котором боги возвестили ему, что или он погибнет, а его солдаты победят и уцелеют, или он спасется, а все, кто будет сражаться с ним бок о бок, умрут. И тогда первое, чем он озаботился, когда началось сражение, так это ввязаться в бой на самом опасном направлении, откуда выйти живым было никак невозможно, что и произошло[116]. Но нашему генералу-тунцу он был не в пример».

И тогда, видя, что он гарантирует мою неприкосновенность, но и то, что исполнить приказ было прямо-таки необходимо, а также то, что мне предоставлялась возможность отомстить за все страдания и муки, причиненные мне этими злоб-

[116] Примечания: 116

Сколь непохоже то. что вы творите, на то. как. по преданию, повел себя Пауло Деций ~ первое, чем он озаботился... так это ввязаться в бой на самом опасном направлении, откуда выйти живым было никак невозможно, что и произошло. — В данном пассаже идет речь о Публии Деции Мусе (?—340 до н. э.), одном из первых плебейских консулов Рима, герое гражданской войны между Римом и соседними латинскими городами (Латинская война; 340 г. до н. э.). Рассказ о его подвиге в «Л-П» заимствован из Валерия Максима (см.: Достопамятные деяния и изречения. 1.7.3). Несколько иначе героическая кончина Публия Деция представлена у Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), хотя в обоих случаях речь идет о полководце, приносящем себя в жертву ради общей победы (ср.: История Рима от основания города. VIII. 10.1—10).

ными и мерзкими тунцами, я начал размахивать своей шпагой так ловко, как только мог, нанося удары направо и налево, со словами:

— Прочь, прочь, злонамеренные тунцы, ведь вы душите нашего командира!

И таким образом я расколошматил их всех — кого тупыми ударами, кого — резаными, не посчитавшись ни с кем, кроме как с капитаном Лицием, чье мужественное поведение у входа в пещеру меня к нему расположило, и, любя его, я сохранил ему жизнь, за что — как будет видно из дальнейшего — он отплатил мне добром.

Те, что находились внутри пещеры, увидев это смертоубийство, начали покидать мое обиталище, да еще стремительней, чем туда рвались. Те же, что находились снаружи, узнав о происходящем и завидя выбравшихся из пещеры раненых, и не пытались войти. И вот мы остались в пещере одни — наедине с убитыми, и я направился к входу, начав оттуда делать резкие шпажные выпады. И, как мне кажется, я владел шпагой, держа ее во рту, не хуже, чем когда держал в руке.

Слегка отдышавшись от ратных трудов и давки, наш славный генерал и его свита начали поглощать воду, которая к тому времени превратилась в кровь, а также рвать на куски и пожирать греш-

ных тунцов, которых я поубивал; завидя это, я к ним присоединился, заново отведав того блюда, которое мне случалось едать в Толедо, хотя и не столь свежим. И вот таким вот манером я наелся досыта вкуснейшей рыбы, не обращая внимания на страшные угрозы, которые исходили от находившихся снаружи тунцов, видевших нанесенный мною их войску урон.

И как только генералу вздумалось, мы покинули пещеру, загодя предупредив его превосходительство о недобрых замыслах, направленных против меня со стороны тех, кто находился снаружи, с тем чтобы он обеспечил мою безопасность. Генерал, хорошо покушав и будучи в добром расположении духа, — а это, как говорят, лучшее время для общения с сеньорами, — приказал возвестить, что тот, кто словом или делом пойдет против тунца-иноземца, будет за то умерщвлен; что и он, и его сторонники будут объявлены изменниками, а их имущество — конфисковано и отправлено в королевскую казну, ибо если вышеупомянутый тунец и причинил им урон, то лишь по той причине, что убиенные им были бунтовщиками, нарушившими приказ своего командира, коего ненавидели и чуть не довели до смерти. И посему все сочли за лучшее предо-

ставить мертвым хоронить своих мертвецов, а живым — жить в мире.

Сделав это, генерал велел созвать всех капитанов, всех полевых командиров и других подданных его величества короля, причастных к армейской службе, и приказал тем, кто еще не побывал в пещере, войти в нее и поделить между собой добычу, которая там будет найдена, что они немедля и сделали. И было их столько, что каждому досталось разве что «на зубок». И когда они вышли, чтобы и другие могли поучаствовать в дележе, было объявлено, что грабить дозволяется всем солдатам, к которым присоединились прочие тунцы, хотя в пещере ничего не было, разве что капля-другая крови Ласаро да его одежда.

И тут мне припомнилось всё, что было известно о жестокости этих тварей[117], и я подумал, сколь благословенно положение человека, так сильно от них отличного. Ибо, если и предположить, что в каких-то землях кто-то и стремится присвоить нечто, принадлежащее его ближнему, — что, впрочем, сомнительно, особенно в наши

---

[117] Примечания: 117

...что было известно о жестокости этих тварей... — О кровожадности тунцов и в самом деле ходили легенды, запечатленные в первом испанском толковом словаре «Сокровищница кастильского языка» («Tesoro de la lengua castellana»; 1611), составленном Себастьяном де Ковaррубиасом (1539—1613).

дни, когда человек ставит себя так высоко, как никогда прежде, — он, по крайней мере, не столь бесчувствен, чтобы этого ближнего пожирать. А посему те, кто жалуется, что у них на родине творится насилие и беззаконие, — отправляйтесь, отправляйтесь в море и поглядите, чего там стоит ломоть хлеба и как там медом намазано!

ГЛАВА ПЯТАЯ,
В КОТОРОЙ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, КАКОЕ ЖАЛКОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ОН ПОЛУЧИЛ ОТ ГЕНЕРАЛА-ТУНЦА ЗА СВОЮ СЛУЖБУ, И О СВОЕЙ ДРУЖБЕ С КАПИТАНОМ ЛИЦИЕМ

Итак, возвращаясь к тому, о чем я говорил, генерал-тунец самолично на следующий день принял меня в своих покоях и сказал:

— Могучий и доблестный тунец-чужестранец, я вспомнил о том, что твоя столь усердно исполняемая служба и добрые советы должны быть вознаграждены: ведь если слуги, подобные тебе, не получали бы вознаграждений, во всём войске не нашлось бы никого, кто захотел бы подвергать

себя опасности; так что, мне кажется, плата за твою службу — это знак моей благодарности, и тебе будут прощены все те смертоубийства, которые ты, отважно сражаясь, учинил среди своих же у входа в пещеру. И на память о твоей службе, спасшей меня от гибели, прими от меня в вечное владение эту шпагу, которой ты нанес нашим столь великий урон, раз ты так хорошо с ней обращаешься; хотя должен тебя предупредить, что ежели ты совершишь с ее помощью какое-либо насилие против подданных короля нашего тунца, то будешь предан смерти. Засим я считаю, ты получил неплохую плату и отныне можешь возвращаться туда, откуда ты родом.

И с довольно кислым выражением морды он удалился, окруженный приспешниками. Я остался в великом недоумении от сказанного, так что даже чуть не лишился чувств, ибо думал, что за мои подвиги он по меньшей мере сделает меня грандом, пускай и среди тунцов, пожизненно назначив меня — так мне представлялось — на какую-нибудь высокую должность в одном из морских владений. «О Александр, — молвил я про себя, — а как ты распределял и делил всё

захваченное в бою[118] твоими ратниками и конниками! А что говорили о Гае Фабриции, римском военачальнике, как он награждал и, сам отказавшись от венка победителя, короновал тех, кто первым взбирался на вражеский бруствер![119] И ты, Гонсало Эрнандес, Великий Капитан испанский[120], ты оказывал другие милости тем, кто совершал нечто подобное на службе твоего короля для его величия и славы! О, сколькие служили и следовали за теми, кого ты поднял из грязи, возвысил и обогатил, вроде этого мерзкого тунца, наградившего меня шпагой, когда-то доставшейся мне на Сокодовере[121] за три с половиной реала! Пусть, слыша это, утешатся те, кто жалуется на своих земных господ, ибо и на дне морском они не очень-то тороваты на милости».

---

[118] Примечания: 118

О Александр... как ты распределял... захваченное в бою... — Речь идет об Александре Македонском, но не о реальном историческом лице, а о мифологизированном персонаже средневековых преданий и рыцарских романов, воплощении благородства, рыцарской доблести и справедливости. См. также примеч. 2 к Р2 «Л-I».

[119] Примечания: 119

А что говорили о Гае Фабриции... как он... отказавшись от венка победителя, короновал тех, кто первым взбирался на вражеский бруствер! — Излагаемые в данном пассаже сведения о римском консуле Гае Фабриции Луцинии (Шв. до н. э.), являвшемся в преданиях, как и Александр Македонский, воплощением честности, бескорыстия и благородства, автор «Л-II», скорее всего, заимствовал у Валерия Максима (см.: Достопамятные деяния и изречения. 1.8.6).

[120] Примечания: 120

...Гонсало Эрнандес, Великий Капитан испанский... — Имеется в виду полководец Гонсало Фернандес де Кордова-и-Агилар (1453—1515), который принимал участие в Гранадской войне под командованием графа де Тендилья и сыграл в ней важную роль, так как, благодаря знанию арабского языка, провел удачные переговоры о сдаче Гранады. Затем участвовал в войнах с французами в Италии: по результатам первой итальянской кампании 1495—1498 гг. получил титул герцога Сент-Анджело и был прозван «Великим Капитаном» (El Gran Capitán). После завоевания испанцами всего Неаполитанского королевства (кампания 1500—1504 гг.) был назначен его вице-королем, но после смерти королевы Изабеллы впал в немилость у короля-регента Фернандо и был вынужден вернуться в Испанию.

[121] Примечания: 121

Сокодовер — торговая площадь в Толедо.

И вот, когда я пребывал в такой тоске и печали, прознавший про то капитан Лиций пришел ко мне и сказал:

— С теми, кто, подобно тебе, полагается на некоторых господ и военачальников, случается, что, находясь в крайней нужде, эти господа наобещают невесть чего, а когда нужда минует, забывают об обещанном. Я — свидетель всех твоих деяний и всех твоих героических свершений, так как находился подле тебя, а теперь вижу, как тебе заплатили за твои подвиги и за все перенесенные тобой опасности, почему и хочу, чтобы ты знал, что многие, кто тебя окружает, замысливают тебя убить; поэтому будь всегда вместе со мной, так как я даю тебе слово — слово идальго[122] — защищать тебя всеми моими силами и силами моих друзей, ибо было бы великим несчастьем потерять такого отважного и выдающегося тунца, как ты.

В ответ на его добрые намерения я разразился всяческими благодарностями, приняв его помощь и предложив взамен свою верную службу до самой смерти. Он был этим чрезвычайно доволен и, призвав полусотню тунцов из своего

---

[122] Примечания: 122
Идальго. — См. примеч. 8 к РЗ «Л-I».

отряда, приказал им отныне и впредь сопровождать меня и присматривать за мной, как присматривали бы они за его собственной персоной. И так оно и было, и эти тунцы никогда меня не оставляли, будучи весьма расположенными ко мне, ибо были не из числа тех, кто меня невзлюбил. Да и не думаю, что в армии был кто-то, кто ко мне относился бы плохо, так как в день сражения все они видели воочию, что я проявил и выказал великую силу и отвагу.

Так завязалась у меня с капитаном Лицием большая дружба, подтверждением чего будет рассказанное далее. С того дня я узнал многое об обычаях и нравах морских обитателей, о том, как они прозывались, об их королевствах, провинциях и владениях, а также о том, кому эти владения принадлежат. И таким образом в течение малого времени я так во всём этом поднаторел, что мог обставить любого родившегося в море, ибо лучше, чем они сами, разбирался во всём, что там происходило.

И вот в это самое время наше войско было распущено и генерал приказал, чтобы все полки и соединения направились в места постоянного расположения и по прошествии двух месяцев все военачальники прибыли ко двору, ибо таков был

указ короля. Мой друг и я отбыли в сопровождении его полка, в коем, по моему подсчету, было до десяти тысяч тунцов, и среди них — немногим более десяти самок: то были обозные девки, которые по обычаю сопровождали войско, зарабатывая тем самым себе на жизнь. Здесь я увидел ловкость и рвение, с которым эти рыбы отыскивали себе пропитание: они разделялись на две стаи, плывя в разные стороны и создавая огромное кольцо, больше лиги[123] в окружности, и когда оно смыкалось, обращались головами внутрь круга и начинали сближаться, так что всякая рыбешка, оказавшаяся внутри круга, попадала в их пасти. И это они проделывали один или два раза в день в зависимости от потребности. Таким манером мы поглощали досыта уйму вкуснейших рыб, таких как морские лещи, макрели, рыбы-иглы и всякие другие породы. И, оправдывая пословицу, согласно которой «кто смел, тот и съел», или «маленькая рыбка — для большой наживка», если случалось, что в окружение попадали рыбы, нас крупнее, мы их отпускали на все четыре стороны, не желая с ними связываться, разве что они сами

[123] Примечания: 123

Лига — применявшаяся в странах Западной Европы старинная мера длины; варьировалась от 4 до 7 км. Кастильская лига в XVI в. соответствовала примерно 5,573 м.

изъявляли желание присоединиться к нам и помогали нам убивать и поедать, как о том говорится в присказке: «Не поймаешь — не поешь».

Однажды среди прочих рыб нам попались осьминоги[124], самому большому из которых я сохранил жизнь и сделал своим рабом и оруженосцем, так что мне теперь не приходилось жить с доставлявшей мне мучения шпагой во рту, ибо мой паж, закованный в кандалы, носил ее, к собственному удовольствию, в одном из своих щупальцев и даже — так мне казалось — иногда ею пользовался и ею похвалялся. Таким манером мы были в пути восемь солнц, как именуют в море дни, в конце коих прибыли в то место, где находились супруга и дети моего друга, а также супруги и дети его соратников, каковые приняли нас с большой радостью, а потом удалились со своими домашними в свои обиталища, оставив меня и капитана в его жилище.

И вот, когда мы были в покоях сеньора Лиция, тот сказал супруге:

— Сеньора, то, что я привез из этого похода и что почитаю за великую удачу, так это — дружба сего

---

[124] Примечания: 124

...среди прочих рыб нам попались осьминоги... — Автор «Л-II» относит к рыбам всех обитателей подводного мира, а также крокодилов (см. примеч. 5 к гл. 13).

благородного тунца, коего вы видите пред собой; посему прошу вас привечать его и обходиться с ним, как вы привыкли обходиться с моим братом, чем вы и доставите мне особое удовольствие.

Она же, будучи весьма красивой и величественной дамой-тунцом, отвечала:

— Конечно же, сеньор, я сделаю всё, как вы повелеваете, а если в чем и ошибусь, так не по злой воле.

Я склонился перед ней, умоляя ее дозволить поцеловать ей ручки, но — слава богу — произнес эти слова несколько невнятно, так что они прошли мимо ушей и никто не заметил мою оплошность. Я же про себя сказал: «Будь я проклят, коли попрошу поцеловать ручки у той, у которой есть только хвост!» Дама-тунец ласково ткнулась мне мордой в щеку, умоляя подняться, так что принят я был весьма хорошо; а когда я предложил ей свои услуги, она, как добропорядочная дама, любезно приняла мое предложение. И в таком духе прошло несколько дней, доставивших нам немалое удовольствие; хозяева дома принимали меня крайне радушно, а слуги всячески старались мне угодить. В это время я научил капитана фехтовать, хотя сам этому никогда не учился, и он стал искусным фехтовальщиком,

что вполне оценил; тому же я научил и его брата, которого звали Мело и который был столь же благородным тунцом.

И вот, когда я как-то ночью раздумывал в своей опочивальне над тем, каким верным товарищем оказалась для меня эта рыба — мой друг-тунец, и чем бы ему, хотя бы частично, отплатить за то, что он для меня сделал, мне в голову пришла одна мысль: я мог оказать ему великую услугу, о чем и рассказал ему на следующее утро, и мое предложение пришлось ему очень по душе и он его вполне оценил, о чем я далее и поведаю. А суть предложения была такова: видя, как мой друг увлечен оружием, я ему предложил, чтобы он послал своих солдат в то место, где мы пошли на дно и где они могли бы найти множество шпаг, копий, клинков и всякого другого вооружения, которое — сколько унесут — должны были бы доставить в расположение полка; я же обязывался научить их этим оружием пользоваться и сделать их фехтовальщиками; и если бы всё так и вышло, его полк стал бы самым могучим и бесстрашным из всех полков, что не осталось бы не замеченным ни королем, ни всем морем, ибо один этот полк стоил бы больше всего прочего войска, и это принесло бы моему другу великую

славу и большую выгоду. Мой совет он воспринял как совет настоящего друга, за что горячо меня поблагодарил; и затем, объявив всеобщий сбор, послал в указанное мной место своего брата Мело и около шести тысяч тунцов, которые быстро со всем управились и вернулись, принеся с собой несчетное число шпаг и другого оружия, значительная часть которого была тронута ржавчиной и, но всей видимости, осталась после другой бури — той, которая в том же месте застигла злосчастного Уго де Монкада[125]. Прибывшее оружие было роздано наиболее способным, как нам казалось, тунцам, и капитан и его брат — каждый со своего фланга — начали обучение (я же выступал как наставник, к которому обращались в сомнительных случаях). Мы заботились лишь о том, чтобы показать, как держать шпаги и как фехтовать: отражать и наносить удары, делать красивые выпады; что же касается прочих

[125] Примечания: 125

...после... бури... которая... застигла... Уго де Монкада. — Адмирал Уго де Монкада (1476—1528), командор ордена Св. Иоанна, друг Гонсало де Кордова (см. примеч. 3) и коронеля Вильяльбы (см. примеч. 3 к гл. 12), возглавлял поход на остров Джерба, упоминаемый в «Л-I» (подробней см. с. 568 наст. изд.), и погиб в 1528 г. в Неаполитанском заливе, сражаясь с войсками французского короля Франциска I (1494—1547; правление: 1515—1547 гг.) и выступавшими на его стороне итальянскими городами-государствами. Этот морской бой, в ходе которого были затоплены многие корабли испанской эскадры, вошел в историю как битва при Капо д'Орсо.

тунцов, то мы почли за лучшее отправить их на охоту и добычу пропитания.

Тунцов-самок мы научили чистить оружие изобретенным мной приятным способом: втыкать его там, где много песка, и вытаскивать, повторяя это, пока оно не заблестит. Таким образом, когда все оказались при деле, стороннему наблюдателю этого уголка моря могло бы почудиться, что здесь кипит большой бой. И через несколько дней не осталось почти никого из вооруженных тунцов, кого нельзя было бы не спутать с Агирре-фехтовальщиком[126]. Мы собрали совет, на котором решили заключить с осьминогами вечный дружественный союз, с тем чтобы они служили нам, своими колышущимися щупальцами заменяя для пас портупеи, что нам и удалось осуществить ко всеобщему удовлетворению, так что мы стали их друзьями и взяли их на довольствие, а они, как я уже сказал, без особых усилий могли нам прислуживать.

К тому времени истекли два назначенных месяца, в конце которых по приказу главнокомандующего все капитаны должны были прибыть ко двору; так что Лиций стал собираться

---

[126] Примечания: 126

Агирре-фехтовальщик. — Данное лицо установить не удалось.

в дорогу, и мы начали раздумывать, отправляться ли мне ко двору вместе с ним, чтобы припасть к королевской руке[127], тем самым обнаружив свое присутствие. Рассудив, что отношение генерала ко мне было недоброжелательным, поскольку он прямо заявил, чтобы я возвращался на родину, мы нашли это неуместным; и обсудив — в присутствии брата капитана Лиция Мело и его прекрасной и столь же разумной супруги — дело со всех сторон, сошлись на том, что мне было бы лучше остаться, так что Лиций решил отправиться в путь налегке, взяв с собой небольшую свиту, и, уже прибыв ко двору, рассказать королю обо мне и о моих великих достоинствах, а затем, в зависимости от ответа короля, поступить так или иначе.

Всё согласовав, друг Лиций отправился в путь в сопровождении около тысячи тунцов, а мы — Мело и я — со всеми прочими остались дома; в час прощания Лиций, отведя меня в сторону, сказал:

— Мой верный друг, хочу признаться вам, что еду ко двору в большой печали из-за приснившегося мне этой ночью сна. Даст Бог, чтобы он

[127] Примечания: 127

...чтобы припасть к королевской руке... — Целование королевской руки было символическим жестом, означавшим принятие целующего в вассалы короля.

оказался ложным! Но если, на мою беду, он окажется правдой, умоляю вас быть на высоте и вспомнить о том, чем вы мне обязаны; и более ничего вам не сообщу, ибо ни мне, ни вам это ни к чему.

Я горячо просил его прояснить сказанное, но он не пожелал; и вот, простившись со своей доньей, с братом и со всеми остальными, ткнувшись мне мордой в щеку, он безо всякой радости отправился в путь, оставив меня в смущении и печали. Я передумал разные думы обо всём случившемся и, задержавшись на одной из них, сказал себе: «Возможно, мой друг, которому я столь многим обязан, думает, что красота его супруги-тунца (а она ведь не всегда сопряжена с добродетелью) ослепит меня до такой степени, что я не буду видеть великого зла в том, что будет видно всему морю. Честность сегодня не в чести и в морях творится то же, что и везде».

Тому я припомнил немало примеров и, как мне показалось, нашел способ, как заставить Лиция мне доверять и в моей верности не сомневаться, а именно: когда по истечении некоторого времени, за которое капитанша смогла немного утешиться после отъезда мужа, расстроенная не столько его отъездом, сколько тем, что он был так печален,

хотя ей, как и мне во время прощанья, он ничего не сказал; так вот, когда я с ее деверем предстал пред ее очами, я сказал Мело, что хотел бы у него погостить, если он не будет против, так как, находясь всё время в обществе дам, нет возможности расслабиться, и я скорее навожу на ее милость тоску, нежели развеиваю ее.

Она стала протестовать, говоря, что если у нее и есть какое-то утешение, так это то, что я всегда поблизости и в ее распоряжении, ибо она знает, как горячо любит меня ее муж — так, что, когда он собирался в путь, главное, что он ей поручил — заботиться обо мне, хотя я и не поверил, что так оно и было, ибо думали мы тогда совсем о другом. Однако меня, даже в обличье тунца, преследовала черная ревность, каковая, к счастью, не коснулась меня, когда речь шла о моей Эльвире и моем господине архипресвитере, — и я не поддался на уговоры тунца-капитанши и предусмотрительно удалился вместе с ее деверем, а когда потом являлся к ней, так только в его сопровождении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПРИ ДВОРЕ С ЕГО ДРУГОМ ЛИЦИЕМ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

И вот, когда мы, как я рассказал, так проводили время, изредка охотясь, изредка упражняясь в фехтовании с теми, кто овладел оружием, по прошествии восьми дней после отъезда моего друга до нас дошла новость, которая и объяснила его печаль, повергнув нас в самую глубокую среди морских обитателей тоску. А дело было в том, что когда главнокомандующий, как я уже говорил, был со мною столь сух, он пожелал, чтобы я покинул войско с тем-де, чтобы обиженные мною мне не отплатили и не убили меня; но, как мне

стало известно, он приказал нескольким тунцам, как только я окажусь в одиночестве, всё же меня умертвить за то, что я был свидетелем — и это истинная правда — его трусости, и другого объяснения я не находил, считая, что заслужил только благодарность. Но Господу было угодно предотвратить это злодеяние, внушив Лицию ко мне любовь, что стало известно генералу, который за это его возненавидел и задумал погубить, клятвенно утверждая, что то, что Лиций для меня сделал, было сделано, дабы ему досадить; кроме того, он знал, что Лиций тоже может засвидетельствовать произошедшее, так как был возле меня, когда генерал вошел в пещеру, восклицая «Перемирие! Перемирие!».

Он всё припомнил: и то, что для меня сделал славный капитан, и сколь он в этом превзошел его. Он замыслил великое коварство и поскольку находился при дворе, то тут же отправился с жалобами и причитаниями к королю, сообщая ему о вероломном предателе, говоря, что однажды ночью капитан Лиций, когда командовал стражей, за большие деньги подговорил ближайшего часового покинуть пост. Так говорил генерал, да и многие другие тоже. И пусть им поможет Господь, ибо я говорю правду: Ласаро де Тормес

не мог ничего предложить капитану, кроме множества голов повергнутых им тунцов, генерал же науськивал короля, говоря, что капитан привез из чужих краев злобного и жестокого тунца, и тот убил много королевских солдат шпагой, которую держал во рту да так ловко с ней обращался, что, видно, помогал ему сам дьявол, который и воплотился в него, желая уничтожить тунцов; а он, генерал, видя, какой урон нанес злой тунец тунцовому народу, отправил его в изгнание и под страхом смерти повелел ему покинуть поле боя; и что упомянутый Лиций, презрев королевский приказ и оскорбив королевский сан, вопреки королевской воле принял злодея в свой полк под свое покровительство и предоставил ему помощь, совершив тем самым преступление, именуемое crimen lese majestatís:[128] поэтому по праву и по закону он должен быть предан суду и наказан за это и другие прегрешения, дабы отныне и впредь всем прочим было неповадно нарушать королевские приказы.

Сеньор король, получив эти ложные сведения и дурные советы, поверив словам своего вое-

[128] Примечания: 128

Crimen lese majestatis (искаж. лат. crimen laesae majestatis) — преступное высказывание или действие, направленное на оскорбление монаршей особы.

начальника и двух или трех лжесвидетелей, повторивших то, что им было велено, а также доказательствам, рассмотренным в отсутствие обвиняемого, в тот же день, когда добрый и ничего не ведавший обо всём этом Лиций прибыл ко двору, приказал, чтобы тот был схвачен, заточен в суровую тюрьму и посажен на цепь, надетую ему на шею. Генералу же он повелел, чтобы тот со всею решительностью взял капитана под стражу и примерно и неукоснительно его наказал, что и было позднее осуществлено силами тридцати тысяч тунцов-стражников.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК, УЗНАВ ОБ АРЕСТЕ СВОЕГО ДРУГА ЛИЦИЯ, ЛАСАРО ГОРЬКО ОПЛАКИВАЛ ЕГО И ЕГО СОРАТНИКОВ, И О ТОМ, ЧТО ОН РЕШИЛ ПРЕДПРИНЯТЬ

Эти печальные и горестные вести были принесены нам теми, кто уехал вместе с Лицием и кто поведал нам обо всём случившемся: и о том, в чем, как я сказал, его обвинили, и о том, как он держался, когда его обвиняли; ибо все судьи были подвластны генералу, и было понятно, что дела плохи и ему не избежать скорой и жестокой смерти.

Тогда-то мне и припомнились (я их даже про себя произнес) слова, что давным-давно изрек

граф Кларос:[129]

Где, судьба, твои пределы?
Где конец моим злосчастьям?
На земле они бессчетны,
На морях — они бескрайни...

И поднялись среди нас плач и жалобные вопли, мое же горе было вдвое сильнее, ибо я оплакивал и своего друга, и самого себя, так как в случае его смерти я бы остался один — средь морей, в окружении врагов, без опоры и защиты. Мне казалось, что все — против меня, имея на то полное право, так как из-за меня они потеряли того, кого столь любили.

— Мой сеньор, — причитала капитанша-тунец, — вы оставили меня в такой печали, не желая поделиться со мной, откуда она; верно, вы предчувствовали мою великую утрату.

«Без сомнения, — печалился я, — вот он, сон, который вам приснился, мой друг; вот — причи-

[129] Примечания: 129

Граф Кларос — персонаж популярного псевдокаролингского любовного романса о графе Кларосе (или Дирлосе) де Монтальбан, самая старая версия которого сохранилась в поэтическом сборнике «Всеобщий Кансьонеро» («Cancionero general») 1511 г., а более расширенные были напечатаны в «Кансьонеро де романсес», вышедшем в 1550 г. в Антверпене у издателя Мартина Нуция (см. Преамбулу к примечаниям к «Л-II»). Однако приводимые далее строки не встречаются ни в одной из известных версий романса.

на той печали, с которой вы пустились в путь, оставив и нас в тоске».

И так каждый в стенаниях изливал свое горе. Тогда я обратился ко всем с такими словами:

— Сеньора и сеньоры, друзья, то, как мы себя ведем, получив столь скорбные вести, вполне объяснимо, и что у нас на душе — то на лицах и в речах; но теперь, после первого движения души, которое никому не подвластно, будет правильно, дорогие сеньоры (ведь слезами нашу утрату не возместить), ненадолго успокоиться и подумать о том, что нам следует предпринять. И, судя по всему, тут же начать действовать, ибо, если верить рассказанному, наши ненавистники спешат и у нас нет времени на раздумья.

Прекрасная чистейшая дама-тунец, из прелестных глаз коей текли обильные слезы, отвечала:

— Мы все видим, отважный сеньор, что ты прав, равно как и то, что нужно действовать; поэтому, если присутствующие сеньоры и друзья того же мнения и я, слабая женщина, не ошибаюсь, мы должны обратиться к вам как к тому, кого Господь наделил ясным и выдающимся умом, кому Лиций, мой повелитель, столь разумный и знающий, поверял свои самые трудные и неотложные дела и чьим советам всегда следовал, и

умолять вас, чтобы вы — дабы утешить ту, что всегда будет почитать себя вашей должницей — взяли на себя заботу о спасении того, кто любил вас как истинный друг, и предприняли для этого всё необходимое.

Произнеся эти слова, она вновь залилась слезами, и мы к ней присоединились. Мело и другие тунцы, бывшие с капитаншей и согласные с ней, предложили мне стать их главой и взялись следовать за мной и во всём мне подчиняться. Я же, понимая, что обязан сделать всё, чтобы защитить того, кто из-за меня оказался в такой крайности, учтиво согласился, говоря, что каждый из присутствующих сеньоров справился бы с делом лучше, но, поелику они возложили его на меня, я принимаю их предложение с радостью. Они меня поблагодарили, и мы договорились, что сообщим обо всём всему войску, что и было сделано, и через три дня все были в сборе.

Я выбрал двенадцать советников — из тех, кто побогаче, пренебрегая бедными, пускай и самыми сведущими, потому что, когда был человеком, видел: именно так и поступают в городских управах, когда решают важные дела; и тогда же не раз видел, что иные дела проваливались, ибо, как было сказано, всё решают не умные, а разо-

детые. Среди избранных мною были и Мело, и дама-тунец, бывшая очень разумной женщиной, а таковых сразу отличишь и на земле, и в море. После этого мы приказали всем солдатам подкрепиться и явиться на сборный пункт — тем, у кого имелось оружие, при нем, остальным — невооруженными.

Когда все прибыли, я их пересчитал и насчитал десять тысяч сто девять тунцов-бойцов, не считая женщин, стариков и детей; пять тысяч из них — вооруженные шпагой или кинжалом, копьем или ножом. Все они принесли мне присягу, которую я принял, возложив на голову каждого — по тамошнему обычаю — свой хвост (и даже, как если бы был человеком, посмеялся про себя над сей мучительной церемонией); а они — склонив предо мной свое оружие, а у кого его не было — свои зубастые пасти, поклялись во всём мне повиноваться и приложить все силы к тому, чтобы освободить своего капитана, сохраняя при этом верность его величеству королю.

На военном совете мы договорились, что сеньора-тунец отправится с нами в надежном сопровождении сотни тунцов-дам, в том числе своей сестры, весьма красивой и благовоспитанной девицы. Мы выстроились тремя эскадронами: в

одном — тунцы невооруженные, в двух других — с оружием. Во главе двигался я с двумя тысячами пятьюстами вооруженными тунцами, а в арьегарде — Мело с двумя с половиной тысячами других. Тунцы невооруженные и обоз были помещены посредине, а вместе с нами — наши уже упоминавшиеся пажи, несшие наши шпаги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО И ЕГО ТУНЦЫ, ВЫСТРОЕННЫЕ В БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ, ДВИГАЛИСЬ КО ДВОРУ С НАМЕРЕНИЕМ ОСВОБОДИТЬ ЛИЦИЯ

И вот, как было сказано, мы спешно пустились в дорогу, отдав распоряжение тем, кто занимался рыбной ловлей, снабжать армию, не увиливая от приказа. От тех, кто нам сообщил о случившемся, я разузнал о местонахождении двора и о том, где пребывал в заключении наш капитан. Через три дня мы оказались в трех милях от цели, а поскольку мы двигались в новом необычном боевом порядке и наше передвижение, если бы о нем стало известно, вызвало бы переполох, мы решили не подходить ближе до наступления

ночи. Я приказал некоторым из тунцов, принесших нам печальную весть, отправиться в город и, ничем себя не выдавая, разузнать, как там обстоят дела, а затем вернуться с донесением; те, что вернулись, рассказали нам, что всё хуже, чем мы ожидали.

Когда наступила ночь, было решено, что сеньора капитанша со своими дамами, а также Мело с пятьюдесятью невооруженными тунцами — из числа самых знатных и пожилых, отправятся прямо к королю и, как люди осведомленные, будут умолять его тщательно исследовать все обстоятельства дела их мужа и брата. Я же со всеми оставшимися укроюсь в двух милях от города, среди скалистых, покрытых густыми зарослями гор, в которых иногда охотится король: там мы будем ожидать, чем закончатся переговоры, о чем нам будет сообщено.

И вот мы прибыли в лес, где нашли обильную пищу в виде обитавших в горах рыбешек, коими мы насытились, а точнее сказать, наелись до отвала ко всеобщему удовольствию. При этом я предупредил полк, чтобы копья у всех были зачехлены.

Прекрасная благочестивая дама-тунец прибыла в город на рассвете и тут же со всей своей

свитой направилась во дворец, где довольно долго ожидала у входа, пока король пробудится. Ему сообщили о прибытии дамы, настойчиво просившей привратников, чтобы ей было позволено предстать перед его величеством. Король, который чувствовал, что его ожидает, повелел сказать, чтобы она отправлялась в добрый час восвояси, так как он не может выслушать ее. Видя, что ее не хотят слушать, она решила прибегнуть к письму и повелела двум законникам сочинить ходатайство в защиту Лиция, где содержалась бы просьба дозволить ему предстать перед королем и во всём оправдаться, ибо наш добрый капитан был как преступник осужден на смерть алькальдами[130] по уголовным делам, вынесшими свой приговор днем раньше. И была изложена эта просьба в таковых словах: «Ваше Величество должны знать, что муж просительницы был несправедливо осужден по ложному обвинению, и Вашему Величеству следует пересмотреть приговор, а до того отложить его приведение в исполнение».

Всё это и тому подобное содержалось в отлично сочиненном прошении, которое было вручено

---

[130] Примечания: 130

Алькальды — здесь: судьи. Ср. примеч. 9 к Р5 «Л-I».

одному из привратников; вручая его, славная капитанша сняла с шеи золотую цепь, на которой висело дорогое изображение, и, заливаясь слезами, отдала ее привратнику, умоляя, чтобы он разделил ее горе и ее страдания, невзирая на скудость поднесения. Привратник охотно взял прошение, а еще с большей охотой цепь, обещая сделать всё от него зависящее, и сдержал обещание, поскольку, когда прошение было прочит ано перед королем, он осмелился добавить от себя множество слов, адресованных его величеству и исходивших из позолоченных уст. Он также рассказал о слезах и тоске сеньоры капитанши по своему мужу, которые она излила у входа во дворец, что тронуло выслушавшего совет короля, и он сказал:

— Пойдите с этой госпожой к судье и прикажите, чтобы он отложил приведение приговора в исполнение, поскольку я хочу узнать побольше о деле капитана Лиция.

И с этим известием обрадованный привратник отправился к несчастной, требуя за хорошо

слаженное дело позолотить ручку[131], что она охотно и сделала. А затем немедля они отправились в судейское присутствие, но злой судьбе было угодно, чтобы на улице они столкнулись с доном Индюком, ибо именно так звали виновника всех наших бед, который с большой свитой направлялся во дворец. Увидев госпожу и сопровождавший ее отряд, узнав ее, а также привратника, о жадности и ловкости которого был осведомлен, он тут же заподозрил, что могло произойти, и, всячески скрывая свою заинтересованность, обратился к привратнику с вопросом, куда это он направляется в таком обществе, на что тот простодушно отвечал, ничего не тая. Тогда дон Индюк изобразил притворное удовольствие, говоря, что его радует то, что делает король, поскольку, в конце концов, Лиций был храбрым воином и было несправедливо выносить ему приговор, как следует не рассмотрев дело.

— В моем жилище находятся судьи, явившиеся, дабы узнать мое мнение об этом деле: я собираюсь поговорить о нем с его величеством. Вот они

[131] Примечания: 131

...требуя за хорошо слаженное дело позолотить ручку... — О продажности королевских привратников, выполнявших, по сути, функцию современных секретарей, писали многие авторы не только XVI, но и XV, и даже XIV в.

и ожидают меня, но, поелику вы обладаете всеми необходимыми документами, я вернусь домой и сообщу им о приказе короля.

Не останавливаясь, он подозвал своего пажа и со смешком сказал ему, чтобы тот, дабы услужить королю, отправился к судьям и передал им, чтобы они немедленно привели в исполнение вынесенный Лицию приговор и сделали это либо в самой тюрьме, либо возле, не проводя его по улицам[132], а он, дон Индюк, тем временем постарается задержать привратника. Слуга так и сделал, а предатель, прибыв в свое жилище, взял с собой и привратника, сказав Мело и его невестке, чтобы те подождали, пока он переговорит с судьями, а затем они все направятся в тюрьму к Лицию, чтобы принести ему добрую весть о том, что он может идти куда пожелает. Но именно в это время несчастная капитанша была предупреждена о гнусном предательстве и великом злодействе главнокомандующего. Он же, хотя и имел по отношению к доброму Лицию самые дурные намерения, видя тоску и слезы его жены, славной капитанши, как мог, успокаивал

[132] Примечания: 132

...не проводя его по улицам... — Перед казнью преступника, согласно традиции, должны были провести по улицам города при большом скоплении народа.

ее. И когда злоумышленник и предатель звал пажа, чтобы всё уладить с казнью Лиция, Богу было угодно, чтобы один из его слуг, от которого злодей-капитан не таился, его услышал и сообщил об этом доброй капитанше, которая, получив сообщение, полумертвая и без чувств упала на грудь находившегося рядом деверя.

Мело, услышав сказанное, тут же призвал тридцать тунцов — из числа тех, что сопровождали его, — и приказал как можно быстрее сообщить мне об опасности, грозящей нашему делу; и те, как верные и усердные друзья, стремительно пустились в путь, и мы вскоре узнали печальную весть, которую они возвестили криками: «К оружию! К оружию, доблестные тунцы! Ибо наш капитан — вопреки приказу и воле нашего короля — должен погибнуть из-за предательства и трусости изменника дона Индюка». Вкратце они рассказали нам всё, что я только что поведал. Я тут же приказал трубить в раковины сбор моих тунцов с оружием в пастях, перед которыми произнес небольшую речь, рассказав о случившемся: и поскольку все славные и доблестные воины готовы к бою против врага, спеша помочь своему оказавшемуся в беде сеньору, они отвечали, что будут следовать за мной и исполнят свой долг.

Едва прозвучал их ответ, как мы тронулись в путь. Если бы кто-нибудь увидел в этот миг Ласаро-тунца во главе своего войска, исполняющего — чего он никогда прежде не делал — обязанности капитана-предводителя, громогласно воодушевляющего своих солдат и ведущего их в бой! Впрочем, прежде я громогласно восхвалял вино и призывал жаждущих выпить, выкрикивая похожие слова: «Сюда, сюда, сеньоры! Здесь — доброе вино!» Да... нужда — лучший учитель. И вот таким манером, как мне кажется, меньше чем через четверть часа мы вошли в город, двигаясь по его улицам с таким напором и яростью, что в тот миг, пожалуй, могли бы сразиться и с французским королем[133], а рядом с собой я поставил тех, кто лучше знал город, чтобы они наикратчайшим путем привели нас к безвинному узнику.

[133] Примечания: 133

...могли бы сразиться и с французским королем... — О французском короле как пословичном персонаже см. сноску 30 на с. 568 наст. изд.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, КОТОРАЯ СОДЕРЖИТ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛАСАРО СПАС ЛИЦИЯ, СВОЕГО ДРУГА, ОТ СМЕРТИ, И О ДРУГИХ ЕГО ДЕЯНИЯХ

И вот, как было сказано, двигаясь яростно и стремительно, мы оказались на большой площади, находящейся у подножия тюремной башни, и, мне представляется, что стремительность, с которой мы освободили славного Лиция, не сравнится ни с чем в прошлом, даже с тем, как Сципион Африканский освобождал свою родину, почти целиком захваченную великим Ганни-

балом[134]. Ведь посланный предателем слуга неплохо знал свое дело, да и у сеньоров судей также было время, чтобы порадовать пускай и дурного, но знатного сеньора, приближенного короля, который незадолго до того говорил им, какие они хорошие судьи и как хорошо справляются со своими обязанностями. Так что Богу было угодно, чтобы, когда мы прибыли, наш Лиций был уже приведен к месту казни и его красавица жена, допущенная к нему после долгих уговоров вместе с Мело, уже — безо всякой надежды на близкое спасение — припала к нему с прощальным поцелуем.

По периметру площади и на всех улицах, на нее выходящих, находилось более пятидесяти тунцов, подчиненных главнокомандующему, которые должны были стеречь славного Лиция. Палач торопил сеньору капитаншу, чтобы та оставила мужа и предоставила ему возможность

---

[134] Примечания: 134

...как Сципион Африканский освобождал свою родину, почти целиком захваченную великим Ганнибалом. — В 202 г. до н. э. в битве при Заме войско великого карфагенского полководца Ганнибала (247—183 до н. э.) было разбито легионами Публия Корнелия Сципиона (234—183 до н. э.), консула и военачальника, возглавлявшего римскую армию на протяжении Второй Пунической войны (216—201 гг. до н. э.) между Римом и Карфагеном. После подписания мира, по условиям которого карфагеняне теряли все владения за пределами Северной Африки (в том числе Испанию и Сардинию), Сципион получил почетное прозвание «Африканский».

сделать свое дело, для осуществления коего он держал во рту здоровенную, с руку длиной, острую китовую кость, которую должен был всадить в жабры нашего великого капитана, ибо так умирают тунцы-идальго. И вот, когда опечаленная женщина, в великом горе, в слезах и жалобных стонах, издаваемых ею и ее слугами, уступает место жестокому палачу; когда славный Лиций уже простерт на служащем плахой плате в ожидании смерти, закрыв глаза, дабы не видеть ее; когда жестокий палач по обычаю просит у него прощения и, приблизившись к нему, примеряется, куда бы нанести ему рапу, чтобы он быстрее расстался с жизнью, Ласаро со своими солдатами прокладывает себе дорогу сквозь толпу подлых стражников, повергая их наземь и убивая всех встающих на пути своей толедской шпагой. Он явился вовремя, из чего следует, что вел его сам Господь, которому любо вызволять из беды праведников в час крайней нужды, ибо, прибыв в указанное место и увидев страшную опасность, в которой находился мой друг, еще до того, как палач успел осуществить свою обязанность, я завопил во всё горло, как мне

случалось кричать на площади Сокодовер[135]. Я крикнул палачу:

— Ты, заплечных дел мастер! Если хочешь остаться в живых, убери подальше свои ручищи!

Мой голос был столь грозен и наводил такой страх, что не только палач-страусишка, но и все, кто был вокруг, затряслись от ужаса, что и неудивительно, ибо воистину, если бы он раздался у входа в ад, то поверг бы в ужас самих ужасающих чертей, и они отдали бы мне власть над душами мучеников[136].

Палач застыл, пораженный моим голосом и испуганный видом стремительно движущегося вслед за мной войска, в то время как я — для пущего страха и дабы отвлечь его внимание — делал шпажные выпады то в одну, то в другую сторону. А когда я приблизился к нему, мне вздумалось расчистить поле боя, и я нанес грешнику, желавшему убить капитана, прямо в лоб такой удар, что он упал замертво рядом с тем, кто ничего

---

[135] Примечания: 135

...я завопил во всё горло, как мне случалось кричать на площади Сокодовер. — Ласаро, очевидно, вспоминает о своей службе глашатаем и о том, как он рекламировал архипресвитерские вина (см. с. 91 наст. изд.).

[136] Примечания: 136

...они отдали бы мне власть над душами мучеников. — Такую власть, согласно апокрифическому преданию, получил Иисус Христос, сошедший в Ад во время, разделявшее его распятие и воскресение.

этого не видел. Ведь, хотя Лиций и был бесстрашной отважной рыбой, тоска и горе, вызванные ожиданием несправедливой и унизительной смерти, лишили его чувств; я же, увидев его в таком состоянии, подумал, не вышло ли, на мое несчастье, так, что еще до моего прибытия страх убил капитана; с этой мыслью я бросился к нему, называя его по имени, и, услышав мой голос, он слегка приподнял голову и открыл глаза, и, завидев и узнав меня, поднялся, словно восставший из мертвых, и, не глядя ни на что вокруг происходящее, приблизился ко мне, и я раскрыл ему объятия с не испытанными мною ни доселе, ни никогда после радостью и удовольствием, говоря такие слова:

— Мой дорогой сеньор, тот, кто довел вас до такой крайности, должно быть, ненавидит вас так же сильно, как люблю я.

— О мой верный друг! — отвечал он. — Как щедро вы расплатились со мной за всё то немногое, чем были мне обязаны! Молю Бога, чтобы он предоставил мне возможность воздать вам сторицей, так как отныне я — ваш должник!

— Мой сеньор, — отвечал я, — сейчас не время для подобных излияний, преисполненных добрыми чувствами. Лучше подумаем о насущном,

ибо вы видите, что творится.

Я просунул шпагу между его шеей и надетой на нее толсто скрученной веревкой, за которую он был привязан, и перерезал ее. Едва он освободился, как взял у одного из солдат шпагу и мы направились туда, где находились его супруга и Мело с сопровождавшими их воинами, которые в отдалении с замиранием сердца следили за происходящим; придя в себя, они набросились на меня с благодарностями за счастливый исход.

— Сеньоры, — обратился я к ним, — вы вели себя как подобает. Отныне и навеки, доколе буду жив, я, насколько хватит моих сил, буду служить вам и моему господину Лицию; и поскольку сейчас не время говорить обо мне, а время действовать, начнем с того, что вы, сеньоры, — раз вы безоружны, — чтобы быть защищенными, должны держаться вместе с нами. Вы же, сеньор Мело, возьмите оружие, выберите сто вооруженных тунцов из вашего эскадрона и не предпринимайте ничего, а только следуйте за нами и охраняйте вашу сестру и ее дам, ибо нам еще предстоит одержать победу в одном деле и отомстить тому, кто причинил нам столько горя и бед.

Мело сделал так, как я его просил, хотя я и знал, что он рвется в бой. Я и доблестный Лиций за-

держались и смешались с нашими солдатами, которые вели себя столь мужественно и доблестно, что уничтожили, как я думаю, более тридцати тысяч тунцов; когда же они увидели нас, узрели своего капитана в своих рядах, никто не смог сдержать радости. Доблестный Лиций, действуя своей шпагой и самым своим видом, обратил на врага всю свою ненависть, убивая всех, кто оказывался на пути, круша всё направо и налево; они же все были столь испуганы и обескуражены, что каждый из них думал только о том, как бы спастись бегством, укрывшись в своем домишке и не оказывая никакого иного сопротивления, нежели то, которое оказывают слабые овцы отважным хищным волкам[137].

[137] Примечания: 137

...не оказывая никакого иного сопротивления, нежели то, которое оказывают слабые овцы отважным хищным волкам. — Общепринятый в риторике того времени прием завершения целостного фрагмента текста развернутым сравнением.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ГДЕ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, СОБРАВ ВОКРУГ СЕБЯ ВСЕХ ТУНЦОВ, ВОРВАЛСЯ В ДОМ ПРЕДАТЕЛЯ ДОНА ИНДЮКА И УБИЛ ЕГО

Видя это, мы приказали трубить в рожки, дабы собрать всех наших, рассыпавшихся по полю боя, воедино, что они, заслышав сигнал, и исполнили; и столь велика была радость тех, кто видел вновь своего капитана живым и здоровым, кто едва верил в победу, одержанную над врагом, ибо она казалась чудом (да таковым и была), ибо все убитые были слугами и приживальщиками проклятого дона Индюка, каковым тот, во всём им доверяя, и приказал стеречь благонравного Лиция; и все они получили то, чего Лицию са-

ми желали, — вещь, вполне объяснимая, ибо у дурного сеньора слуги такие же, как и он сам; напротив, если господин милостив, добр и благонравен, то и слуги его стараются ему подражать, становясь благонравными и доблестными, дружить с правосудием и жить в мире, на чем земля и держится.

Ну а что до нас, то, видя, что сражаться нам не с кем, благонравный Лиций и все прочие громогласно начали вопрошать меня, что же делать дальше, ибо все были готовы следовать моему совету и разумению, каковые им представлялись наиболее верными.

— Ежели вы желаете знать мое мнение, доблестные сеньоры и мои мужественные товарищи и друзья, — отвечал я им, — то мне представляется, что Господь, который нам помог в нашем главном деле, поможет и во второстепенном, так как я прежде всего верю, что эта победа и наше везенье нам даны для того, чтобы мы стали вершителями правосудия, ибо нам известно, что дурных людей ждут ненависть и наказание. И было бы несправедливым, чтобы наибольший из злодеев, погубивший столько народу, оставался в живых, ибо мы знаем, что жизнь свою он потратил на дурные дела и предательства.

Посему, если вы, сеньоры, согласны, отправимся за ним и сотворим с ним то, что он хотел сотворить с нами, ибо я не раз слышал: «Врагу пощады нет». Ибо многие великие начинания оказались безуспешными, а те, кто их затевал — неудачниками, так как не довели их до конца; если не согласны, спросите великого Помпея[138] и многих других, поступивших ему подобно, ибо не всякому предоставляется такая же возможность. И подобно тому, как мы добыли себе свободу уже содеянными делами, защитим ее тем, что нам предстоит сделать.

Все громозвучно изъявили согласие и готовность, пока злодей не сбежал, схватить его. С этой решимостью, в строевом порядке и всячески поспешая, мы прибыли к дому предателя, до которого к этому часу уже дошли огорчившие его новости об освобождении нашего военачальника и о великом побоище, учиненном его войску. Его горести усилились вдвойне, когда в его покои вошли с известием, что его дом окружен, что все его защитники пали, и сколь жестоким и неви-

[138] Примечания: 138

...спросите великого Помпея... — О римском консуле и полководце Гнее Помпее Великом (106—48 до н. э.), одержавшем множество побед, но проигравшем Юлию Цезарю битву при Фарсале (48 г. до н. э.) и убитом после бегства в Египет по приказу египетского царя, вспоминали многие писатели-моралисты XVI в.

данным способом ведем мы сражение. Он был по природе труслив, и видит Бог, что я не клевещу и не злобствую, а говорю так, ибо был его трусости свидетелем; и когда он узнал о случившемся, то должен был струсить еще больше, ибо с трусами — в противоположность отважным — так, как правило, и бывает. А посему он впал в такое уныние, что не смог ни бежать, ни защищаться.

Окружив дом, Лиций и я как сопровождающий, не встретив никакого сопротивления, вошли внутрь, где и нашли предателя, почти столь же безжизненного, каким его и оставили; при всём том до последней минуты он хотел быть верным своему ремеслу — но не военачальника, а изменника и притворщика. Ибо, когда он увидел нас, пришедших по его душу, то сладким голоском и с фальшивой улыбкой, изображая радость, сказал:

— Дорогие друзья, чему я обязан такой радостью?

— Вражина, — отвечал Лиций, — мы пришли расплатиться с тобой за твои дела.

И как тот, кому было нанесено глубокое оскорбление и кто был ввергнут в страшную опасность, он не стал разводить с предателем речей, но приблизился к нему и три или четыре раза пронзил его шпагой. Мне, да и никому другому, не при-

шлось ему ни помогать, ни споспешествовать, ибо в том не было нужды, а также поскольку того требовала честь Лиция; и вот таким образом, малодушно и трусливо, скончался дон Индюк, получив заслуженное воздаяние за свои дела.

Мы вышли из его дома, не причинив тому никакого ущерба — а там было чем поживиться, ибо хозяин его был хоть и дурен, но не дурак и к тому же не отличался верностью, какую приписывают Сципиону. Сей муж, будучи обвинен иными в том, что в Африканской войне у него были собственные большие интересы, поклялся перед своими богами, являя всем множество ран на своем теле, что войны, в которых он сражался, не принесли ему никакого дохода;[139] этих-то ран и клятв не смог бы ни показать, ни принести наш враг-злодей, ибо в любой войне присваивал большую часть захваченного, да к тому же лучшую, а худшую уделял королю; был он весьма

---

[139] Примечания: 139

...верностью, какую приписывают Сципиону. Сей муж, будучи обвинен иными в том, что в Африканской войне у него были собственные большие интересы, поклялся перед своими богами, являя всем множество ран на своем теле, что войны, в которых он сражался, не принесли ему никакого дохода... — В 184 г. до н. э. Публий Корнелий Сципион, победитель Ганнибала, был действительно привлечен к суду по обвинению во взяточничестве. Наиболее подробный рассказ об этом встречаем у Тита Ливия (см.: История Рима от основания города. XXXVIII. 50— 51). См. также примеч. 1 к гл. 9.

богат и целехонек, думается мне, потому, что до часа смерти на чешуе его не было ни царапинки, ибо он остерегался в бою занимать опасные позиции, а как благоразумный военачальник наблюдал издали, как идет сражение. А говорю я об этом потому, чтобы вы не подумали, будто мы корыстолюбивы и явились к нему домой за его добром, а не для того, чтобы отомстить за содеянное им зло.

К этому времени все тунцы-придворные, а также другие находящиеся в столице рыбы, как местные, так и иноземцы, прибыли во дворец; коловращение толпы было столь велико, а шум и гам голосов столь устрашающ, что его услышал король в своих покоях и спросил, что происходит; и ему рассказали обо всём случившемся, что привело его в великий страх и трепет. Но, будучи наделен разумом, он подумал: «Храни тебя Господь от пращи и камня да от свирепого тунца-парня»[140], и порешил на шум не выходить, а также приказал, чтобы никто другой не покидал дворец, а, напротив, сделал запасы да ждал, что предпримет Лиций. И вот, насколько

[140] Примечания: 140

...«Храни тебя Господь от пращи и камня да от свирепого тунца-парня»... — Парафраз испанской пословицы с заменой «необузданного человека» (hombre) на «тунца» (atún).

мне известно, собралось в королевском дворце и перед ним более пятнадцати тысяч тунцов, не считая тех самых разных рыб, каковые оказались там по своим делам. Но я думаю так, что если бы всё дошло до дела, то ничто ни тех, ни других не защитило бы. К тому же, «храни верность королю да трону — и тебя по милости Божьей не тронут».

Мы остались в городе одни, так как все жители покинули свои дома и владенья, не надеясь, что они их защитят. Те, кто не отправился в королевский дворец, бежали за город в отдаленные места, так что можно было заключить: «От одного злодея зависят жизни сотен людей, многие погибают и умирают, и многие дрожат от страха, не имея за собой никакой вины».

Мы объявленным во всеуслышание приказом запретили своим заходить в чьи-либо дома и под страхом смерти пользоваться чьей-либо чужой раковиной, что и было исполнено.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ПОСЛЕ ТОГО, КАК УЛЕГЛОСЬ ВОЛНЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С КАПИТАНОМ ЛИЦИЕМ, ЛАСАРО И ВЕРНЫЕ ЕМУ ТУНЦЫ СОБРАЛИСЬ НА СОВЕТ, ЧТОБЫ РЕШИТЬ, КАК БЫТЬ ДАЛЕЕ, И О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛИ ПОСОЛЬСТВО К КОРОЛЮ ТУНЦОВ

Когда всё улеглось, мы собрались на совет, чтобы решить, что делать дальше. Некоторые считали, что было бы неплохо вернуться в наше укрытие и укрепиться в нем или же заключить дружбу и войти в союз с теми из тунцов, кого ныне держим за врагов, а они, видя наше воодушевление и нашу великую мощь, обра-

дуются нашей дружбе и будут с нами любезны. Благонравный и верный Лиций был с ними не согласен, говоря, что, если мы так поступим, то обелим наших лживых врагов, преследовавших нас и предавших своего короля и свой народ, поэтому будет лучше сообщить королю всю правду о случившемся, и если его величество будет хорошо осведомлен о причине наших действий, в особенности о последнем опаснейшем предательстве, совершённом изменником, который нарушил приказ и указание его величества, пожелавшего отсрочить исполнение приговора и пославшего об этом уведомление алькальду с посыльным, тогда как предатель воспользовался полученным мандатом для осуществления своих злодейских целей, а не исполнения королевской воли. Пусть король увидит всё случившееся со своей высоты и уразумеет, что в произошедшем не было ни неуважения к королевской власти, ни непочтительности, а лишь одно исполнение закона должным образом. С этим мнением согласилось большинство благоразумных тунцов.

Порешив на этом, мы договорились, что надо послать к королю сообщить обо всём того, кого бы он хорошо знал. Насчет того, кто это мог бы быть, были разные мнения: одни говорили, что надо

отправиться всем скопом и умолить короля выслушать всех через окно; другие говорили, что это может показаться неуважением к королю и что лучше было бы, чтобы посланниками выступили десять или двенадцать человек; третьи говорили, что, поскольку король разгневан, то он еще больше на них рассердится. Так что оказались мы в тех же сомнениях, что и мыши, порешившие повесить на шею коту бубенчик и спорящие о том, кто это сделает[141]. В конце концов, мудрая капитанша нашла наилучший выход и сказала мужу, что, коли надо, она одна с десятью прислужницами хотела бы рискнуть и отправиться с посольством, и ей кажется, что она с задачей справится: во-первых, потому, что против нее и слабых девиц король не будет использовать свою власть; во-вторых, потому, что она не столь виновата, как все остальные, так как спасала мужа от смерти; и, ко всему, она полагала, что знает лучше других, что сказать королю, дабы он сменил гнев на милость. Это понравилось нашему капитану, да и другим пришлось по душе.

---

[141] Примечания: 141

..мыши, порешившие повесить на шею коту бубенчик и спорящие о том, кто это сделает. — Распространенный фольклорный сюжет, который нашел отражение в испанской поговорке «повесить колокольчик на шею козу», парафразированной автором «Л-II».

Тогда она, взяв с собой прекрасную Луну — так звали красавицу тунца, ее сестру, о которой мы уже говорили, а с нею девять других дам, наиприятнейших с виду и очень хорошо воспитанных, направилась во дворец. Прибыв туда, она сказала стражам, чтобы они сообщили королю о том, что супруга его военачальника Лиция хотела бы поговорить с его величеством, и чтобы он для того ее принял, ибо это сослужит его величеству королю хорошую службу и позволит избежать шума, утихомирит двор и всё королевство, так что он любой ценой должен ее выслушать; и что, если он это сделает, то восстановит справедливость, ибо и она, и муж ее, и все, кто с ним, просят, чтобы был наказан истинно виновный. А если его величество откажется ее выслушать, то свидетелем верности и невиновности Лиция будет сам Господь, ибо никогда и ни за что Лиций не примет обвинений в измене. И обо всём этом и другом, что ей следует сказать и сделать, сеньора капитанша была хорошо осведомлена; и она умела красно говорить, так что, когда к королю явились с новостью, то он, как ни был рассержен, приказал, чтобы сеньору проводили к нему и гарантировали ей безопасность. Как только она предстала перед ним и засвидетельствовала ему

свое почтение, король, не дав ей начать говорить, сказал:

— Не кажется ли вам, сеньора, что у вашего мужа хорошенькое дельце уплыло из плавников?

— Сеньор, — отвечала она, — пусть ваше величество соизволит выслушать меня до конца, а потом прикажет неукоснительно исполнить то, что сочтет нужным.

Король сказал, чтобы она говорила, хотя время, отведенное ей, он скорее бы посвятил отдыху. Благоразумная сеньора, мудро и сосредоточенно, в присутствии многих важных особ, находившихся при короле, каковые в то время должны были чувствовать себя неважно, начала свой рассказ с самого начала, во всех подробностях излагая королю то, о чем мы уже поведали, рассказывая, как всё было на самом деле, и уверяя, что если она хоть на йоту уклонится от правды, то готова понести самое жестокое наказание как лгунья и сочинительница небылиц перед лицом короля, равно как и муж ее Лиций, и его вассалы должны будут быть осуждены. Король ей ответил:

— Донья, я так смущен тем, что от вас услышал... Посему сейчас не могу вам ответить ничего другого, как просить вас вернуться к вашему мужу и сказать ему, что если он хочет добра, то

пусть снимет осаду с моего дворца и вернет жителям города их дома. А назавтра возвращайтесь сюда и изложите суть дела моему Совету, а затем исполните вынесенный им приговор.

Сеньора капитанша, хотя у нее не было никакой написанной загодя речи, за словом в чернильницу не полезла и сказала:

— Сеньор, ни мой муж, ни те, кто с ним, не брали ваше величество в осаду, точно так же, как ни он, ни кто-либо из его войска не входили ни в чьи дома за исключением дома дона Индюка. Так что жители этого города не будут иметь оснований жаловаться на то, что из их жилищ что-либо пропало. И если они в городе, то пусть ваше величество прикажет им возвращаться, для чего я сюда и явилась. И Господь не попустит того, чтобы у Лиция и его сотоварищей были какие иные мысли, так как они подданные верные и добропорядочные.

— Донья, — сказал король, — аудиенция окончена.

Тогда она и ее дуэньи, сделав перед его величеством в знак почтения подобающий поклон, вернулись к нам. И, узнав о воле короля, мы сей же час покинули город в строгом строю и отправились в лес. От голода мы не умирали, так

как насытились трупами врагов, да к тому же приказали тем, кто не был отягощен оружием, взять с собой запасы продовольствия на три-четыре дня, оставив в городе столько, чтобы и его жители, и двор были сыты; и было бы большим грехом не просить Господа, чтобы он, оберегая просящих, каждую неделю насылал на них такие же невзгоды.

Как только наши ушли из города, его жители вернулись в свои дома, которые нашли в том же виде, что и покинули, а король приказал, чтобы ему доставили всё добро из дома убитого главного военачальника; и было этого добра столько, и всё — такого отменного свойства, что во всех морях не найти короля, владевшего бы подобными вещами; и одного этого оказалось достаточно, чтобы король поверил в злодеяния генерала, так как счел, что найденное не могло быть добыто честным путем, но злоупотреблениями и обманом, в том числе и хищением королевского имущества.

После этого он явился в свой Совет и, так как в нем не все были сплошь злодеи, его члены были вынуждены признать, что, если всё обстоит так, как говорят защитники Лиция, то последний не так уж и виновен, тем более что его величество

приказал, чтобы приговор Лицию не приводили в исполнение до тех пор, пока король полностью не удостоверится в его вине. Кроме того, привратник, который доставлял королевский указ, объявил о ловушке, в которую его заманил обманщик: о том, как он зазвал его в свой дом и сказал, что в нем находятся судьи, а потом не дал выйти и сочинил подложную бумагу. Алькальды же перед королем подтвердили, что это — правда и что главнокомандующий послал их сказать, что его величество им приказал незамедлительно, сей же час привести в исполнение приговор, а чтобы ускорить казнь, велел не проводить, по обычаю, преступника по городским улицам; и что они, поверив, что таков приказ его величества, приказали Лиция тут же обезглавить. Таким образом король узнал о великой вине своего командующего и проник в суть дела, и чем больше он в нее вникал, тем больше обнаруживалась правда.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК СЕНЬОРА КАПИТАНША СНОВА ЯВИЛАСЬ К КОРОЛЮ, И О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТВЕТЕ, КОТОРЫЙ ПРИНЕСЛА ПО ВОЗВРАЩЕНИИ

Итак, мы провели этот день и ночь в лесу, не очень утруждая себя, а на следующий день сеньора капитанша со своей свитой вернулась во дворец. И, чтобы не быть многословным, скажу, что сеньор наш король на сей раз сменил гнев на милость и принял ее очень хорошо с таковыми словами:

— Добродетельная донья, если бы у всех моих подданных были такие разумные и мудрые супруги, то сколь бы тогда приумножились их

добрая слава и их добрые дела и как бы я был этим счастлив. Я говорю это воистину потому, что ваш ум и ваши мудрые рассуждения смягчили мое негодование и избавили вашего мужа и его сторонников от моего гнева и немилости. И поскольку сегодня, в отличие от вчерашнего дня, я лучше обо всём осведомлен, скажите супругу, чтобы, полагаясь на мое слово, он, его спутники и друзья, ничего не опасаясь, явились ко двору; а чтобы избежать скандала, пусть он пока, до моего приказа, побудет под домашним арестом. А вы почаще появляйтесь у нас, ибо мне очень приятно видеть вас и слушать ваши складные, рассудительные речи.

Сеньора капитанша поцеловала ему хвост, всячески благодаря его за столь возросшее расположение, что она отлично умела делать, и с тем вернулась к нам с весьма радостной вестью, хотя некоторым из наших казалось, что мы не должны следовать приказу короля, ибо он-де только притворяется, чтобы схватить нас. В конце концов, как верные подданные, мы решили исполнить указ его величества и, приложив немало усилий, чтобы добыть гарантию безопасности — а ею были наши вооруженные рты, которым мы доверяли особенно, если наша верность ставилась под

сомнение, — тут же двинулись в город и вошли в него; встречало нас множество друзей, которые нас приветствовали, завидев наш ровный строй, тогда как раньше опасались делать это, как о том гласит изречение древнего мудреца: «Когда Фортуна посылает нам несчастья, она пугает друзей, пускающихся в бегство, но именно превратности судьбы дают нам понять, кому мы любы, а кому нет»[142].

Мы расположились на постой в наименее населенной части города, где без труда нашли множество пустующих домов безо всяких признаков жизни, коей мы лишили их обитателей. Мы поселились как можно плотнее и приказали, чтобы никто из наших частей не выходил в город, — пусть все видят, что мы выполняем указ его величества.

А тем временем сеньора капитанша каждый день появлялась у короля, который с ней очень подружился — больше, чем мне хотелось бы,

---

[142] Примечания: 142

...как... гласит изречение древнего мудреца: «Когда Фортуна посылает нам несчастья, она пугает друзей, пускающихся в бегство, но именно превратности судьбы дают нам понять. кому мы любы, а кому нет». — Мысль о том, что подлинный друг познается в беде, — общее место этических размышлений многих мыслителей всех веков. В приведенном виде высказывание принадлежит автору «Л-II», который для придания ему веса, как то принято в риторической культуре, обращается к авторитетам древних.

хотя с виду ничего нечистого меж ними не было, ибо за всё своей невинностью и приятством, не говоря уж о теле, заплатила красавица Луна. Ведь капитанша отправлялась на встречи с королем со своей сестрой, а, как говорят, «кому — поклоны, а кому — поклонники», и король так к той привязался, что сделал всё, чтобы добиться ее любви, хотя, как мне кажется, капитанша тут была сестре не советчица, в то время как Лиций узнал о происходящем и почти обо всём мне поведал, спрашивая, что я обо всём этом думаю. Я ему сказал, что не вижу в этом большого греха, особенно если учесть, сколь это способствует нашему освобождению. И так произошло, что сеньора Луна приобрела над его величеством такую власть, а он был ею столь ублажен, что не прошло и недели, как она походатайствовала за нас и мы все были прощены.

Король освободил пленника от уплаты налога[143] и приказал всем нам прибыть во дворец. Лиций поцеловал королю хвост, причем ото всей души, и я сделал то же, хотя безо всякого желания, так как для человека это всё равно что поцеловать задницу. И король сказал ему:

---

[143] Примечания: 143

...освободил пленника от уплаты налога... — То есть от платы за пребывание в темнице, обязательной для всех выходящих на свободу.

— Капитан, я осведомлен о вашей верности и о ничтожности вашей вины. Посему с этого часа вы прощены, как и все ваши люди и друзья-товарищи, которые оказывали вам поддержку и покровительство. И чтобы вы отныне и впредь находились при дворе, я дарю вам дома и имущество тех, кто волею Божией их вместе с жизнью потерял, а также отдаю вам должность того, кто был моим главнокомандующим, и отныне и впредь исполняйте ее и пользуйтесь ею так, как вы это умеете делать.

Мы все низко склонились перед ним, и Лиций вновь поцеловал ему хвост, всячески превознося его за эти милости, говоря, что верит в то, что Господь поможет ему исполнять свои обязанности и верно служить своему королю так, как того его величество желает.

В тот день наш сеньор король узнал и о бедном Ласаро-тунце, хотя в тот миг последний, видя вокруг себя столько друзей, чувствовал себя таким богатым и счастливым, каким никогда до того в жизни, как мне кажется, не был. Король расспрашивал меня о многом и особенно о нашем вооружении, о том, где я его раздобыл, и на все его вопросы я ответил вполне убедительно. Наконец, всем удовлетворенный, он спросил, с

каким числом рыб могли бы сразиться мы, имея такое вооружение. Я ответил:

— Сеньор, с мечом во рту я дерзнул бы вызвать на бой всё море с уверенностью в победе.

Он задрожал от страха и сказал, что ему доставило бы удовольствие, если бы мы провели смотр войск, чтобы он мог видеть, как мы сражаемся. Мы договорились, что осуществим это завтра же, а он выедет за пределы города, чтобы всё увидеть. И вот Лиций, наш генерал, я и все прочие появились на смотровом поле в полном вооружении, а я порешил в тот день показать нечто необычное (хотя там, на земле, солдаты давно этими приемами владеют): я повелел всем выстроиться, и мы проплыли перед его величеством, словно всадники на турнире, выписывая круги, то ускоряя, то замедляя ход. И пускай коронель Вильяльба[144] и его современники сделали бы это лучше и согласованнее, по меньшей мере на море, однако никто из тунцов никогда до того не видел эскадроны в строю, так что они восприняли увиденное как великое чудо. А затем я выстроил в каре всё

[144] Примечания: 144

Коронель Вильяльба. — Имеется в виду Дон Кристобаль Вильяльба-и-Гонсалес (1475—1516), ученик и друг Гонсало де Кордова (см. примеч. 3 к гл. 5), один из выдающихся военачальников эпохи Карла V, удостоенный звания коронеля (совр. полковник); за свои командирские успехи был посвящен в рыцари ордена Сантьяго.

войско, поместив самых опытных и вооруженных ратников в первые ряды, и приказал, чтобы Мело со своими безоружными тунцами — числом тридцать тысяч — затеяли с нами конные стычки; и они окружили нас со всех сторон, а мы, сохраняя строй, сомкнув ряды, начали защищаться и разить и уничтожать противника так, что целого моря недостало бы, чтобы проникнуть в наш порядок.

Король увидел, что я говорил правду и что нас никак невозможно сокрушить. Он позвал Лиция и сказал:

— Этот ваш друг творит чудеса на поле боя. Кажется мне, что, сражаясь таким способом, мы могли бы властвовать надо всем морем.

— Да будет вашему величеству известно, что это — истинная правда, — сказал главнокомандующий, — а что до удивительной методы сражаться иноземного тунца, моего друга, то я уверен в том, что он — Божий посланник и явился в наши края для вящей славы вашего величества и приумножения ваших земель и владений. Пусть ваше величество удостоверится в том, что этот его дар — наименьший из тех, которыми он обладает, ибо не хватит слов, чтобы перечислить другие его блестящие достоинства: это — самый разумный и

мудрый тунец во всём море, доблестный и благородный, самый честный и верный, остроумный и благовоспитанный из всех, о ком мне довелось слышать. В общем, в нем нет ничего, к чему можно было бы придраться, и пусть ваше величество поверит, что говорю я это не из расположения, которое к нему питаю, а потому, что хочу, чтобы вы знали истинное положение дел.

— Конечно, — сказал король, — тунца с такими достоинствами нам послал Господь Бог, и поелику вы так его аттестуете, было бы справедливым, чтобы мы оказали ему честь и пригласили ко двору. Спросите у него, не хочет ли он состоять при нашей особе, и пригласите его от своего и от моего имени почтить наше общество своим присутствием.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО НАХОДИЛСЯ ПРИ КОРОЛЕ И КАК СТАЛ ЕГО ГЛАВНЫМ ПРИБЛИЖЕННЫМ

После этого генерал направился ко мне, чтобы всё мне передать, а король, очень довольный, вернулся в город, а мы вместе с ним. Затем капитан рассказал мне о том, что произошло у него с королем и что король хочет, чтобы я находился при нем, и обо всём прочем. Наконец я получил предложение и, к моей великой чести, стал придворным.

Теперь посмотрите на вашего глашатая, одного из тех, что рекламируют вино в Толедо, ставшего управляющим королевского дома — именно эту обязанность возложил на меня король! — и нече-

го тут насмешничать! Я возблагодарил Господа за то, что мои дела шли всё лучше и лучше: я со всем усердием служил моему королю и вскорости стал во всём его заменять, ибо ни одного решения, ни важного, ни малозначительного, не принималось без моего участия и согласия. При этом я не оставил безнаказанными тех, кто заслуживал наказания; я исхитрился узнать, как и кем был вынесен несправедливый приговор Лицию, хотя король и помалкивал об этом, так как капитан теперь занимал важный пост и имел большие связи. Используя свое положение, я решил предать дело огласке и сказал королю, что случившееся — полное безобразие, и нечего тут утаивать, ибо это означало бы идти против закона, так что ему следовало бы наказать виновных.

Его величество перепоручил мне это, как и все прочие, дело, и я начал с того, что повелел схватить мошенников, которые вели себя крайне беспечно; и, будучи подвергнуты допросу с пристрастием, все признались, что давали на суде, объявившем славного Лиция преступником, ложные показания. Когда их спросили, почему они это делали и что обещал им главнокомандующий взамен, все они твердили, что ничего

за это не получали и ничего он им не обещал, что они-де не были ни его подданными, ни друзьями. О, грешащие без стыда и без совести! О, те, что в судебных распрях стонут от того, что доказательства противоположной стороны превратны, так как основаны на показаниях заранее припасенных *лжесвидетелей*! Отправляйтесь, отправляйтесь в море и поглядите, что на земле дела обстоят не так уж и плохо, ибо если ваш противник, призвавший *лжесвидетелей*, им взамен что-то дал или обещал дать, или они просто являются его дружками, ему чем-то обязанными, то эти нечестивые рыбы лгали просто так, а не потому, что им что-то было обещано, что они ждали какого-то вознаграждения или просто по дружбе, — и посему они стократ виновнее и заслужили жестокой кары, а именно: виселицы. Более того: писец, готовивший дела, не желал ни принимать, ни рассматривать никакие бумаги, которые ему предъявлял Лиций, ни иные выступления в его защиту. «О, стыд и позор! — думал я. — И как таких только земля носит?!» Конечно, если бы писец был благожелательнее и, принимая прошения от защиты, честно исполнял бы свои обязанности... Но он просто рвал полученные бумаги. А в них была самая суть дела! То же каса-

ется и приговора. То, с какой быстротой он был вынесен, ясно дает знать, что дело было нечисто! А еще более я винил самих судей:

— Ссору двух пажей вы разбираете по десять, а то и по двадцать лет! И час у вас ушел на то, чтобы лишить жизни и чести благороднейшую из рыб!

Они рассыпались в извинениях, что, конечно, их не избавило бы от наказания, если бы король мне строго-настрого не приказал быть с ними помягче. К тому же я чувствовал, что среди них, включая гнусного военачальника, орудует великая вездесущая сила, стирающая с лица земли горы и возносящая к небесам долы, сила, которая всё окрест делает продажным[145], так что не зря царь Персии жестоко наказал дурного судью, приказав содрать с него кожу и обить ею судейское кресло, на которое посадил сына каз-

[145] Примечания: 145

...сила, которая всё окрест делает продажным... — Речь идет о деньгах.

ненного;[146] вот так царь-язычник не виданным доселе новым способом удержал всех будущих судей от продажности.

И по этому же поводу некто сказал, что там, где правит пристрастие, молчит разум, и что хороший законодатель мало что может до верить решать самим судьям, а лишь требовать от них строго следовать законам; ибо судьи часто бывают пристрастны, часто всё ставят с ног на голову, ведомые симпатией или неприязнью, а то и просто беря взятки; посему они крайне склонны выносить несправедливые приговоры, о чем говорит и Писание: «Судия, не принимай даров, ибо они делают слепыми благоразумных и нечестивцами справедливых»[147]. Этому меня обучил мой учитель-слепец, а также всему дру-

---

[146] Примечания: 146

...царь Персии жестоко наказал дурного судью, приказав содрать с него кожу и обить ею судейское кресло, на которое посадил сына казненного... — Имеется в виду знаменитое предание, описанное в «Истории» Геродота: персидский царь Камбис II (VI в. до н. э.) уличил в мздоимстве одного из судей по имени Сисамн, который, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор. За это царь велел казнить его и содрать кожу. Камбис приказал выдубить эту кожу, нарезать из нее ремни и обтянуть ими судейское кресло, дабы восседающий на нем помнил о судьбе предшественника (см.: V.25).

[147] Примечания: 147

...«Судия, не принимай даров, ибо они делают слепыми благоразумных и нечестивцами справедливых». — Неточная цитата из Книги Премудрости Иисуса Сына Сирахова, в западной традиции известной как «Экклезиастик» *(лат.* Ecclesiasticus; не путать с Книгой Екклесиаста).

Ср.: «Угощения и подарки ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращают обличения» (Сир. 20: 29).

гому, что касалось законов, так как он воистину знал, по его собственным словам, Святое Учение лучше Бартоло и лучше Сенеки[148]. Ну, а для того, чтобы исполнить то, что мне, как было сказано, повелел король, его мудрости, добытой ценою таких испытаний, хватило с лихвой.

А пока шли суд да дело, капитан-генерал Лиций по приказу короля отправился на войну с осетрами, каковых быстренько покорил, сделав их короля нашим подданным и данником, так что тот в течение всего года должен был платить разные налоги, в том числе сотню дев-осетров и сотню осетров-юношей, каковые весьма ценились за изысканно вкусную плоть: юношей король поедал, а с девами хорошо проводил время. А потом наш великий капитан пошел войной на дельфинов и победил их и установил над ними нашу власть. И число наших ратников столь возросло и натиск нашего войска был столь неотразим, что нашими подданными стали многие рыбы, которые, как мы сказали, облагались нами

[148] Примечания: 148

...знал... Святое Учение лучше Бартоло и лучше Сенеки. — Бартоло де Сассоферрато (1313—1357) — знаменитый болонский юрист, на учебниках которого воспитывались поколения студентов-правоведов на протяжении почти трех столетий. Имя римского философа-моралиста Луция Сергия Сенеки (4 до н. э. — 65 н. э.) здесь использовано не в прямом смысле, а в контексте пословицы «Быть ученее Сенеки» (так говорили о большом эрудите, обладателе колоссальных познаний).

контрибуцией и платили дань нашему королю.

Наш главнокомандующий, не останавливаясь на достигнутых победах, пошел войной на крокодилов, каковые являются свирепейшими из рыб[149], полжизни проводят в воде и полжизни — на суше; он с ними бился множество раз и хотя некоторые из сражений проиграл, но большинство выиграл; да и в том, чтобы уступить крокодилам, нет ничего необычного, ибо, как было сказано, эти существа весьма свирепы и огромны; и у них есть зубы и клыки, каковыми они рвут на части всякого оказавшегося у них на дороге, но, несмотря на всю их свирепость, наши их не раз могли бы разбить наголову, если бы они, завидя наш натиск, тут же не выбирались из воды на сушу и тем спасались. В конце концов, славный Лиций оставил их в покое, до того учинив великое побоище; но и сам он понес немалый урон и потерял славного Мело, своего

[149] Примечания: 149

...пошел войной на крокодилов, каковые являются свирепейшими из рыб... — Повествователь «Л-II», именующий крокодилов рыбами, не одинок в своем восприятии. Аристотель, который и в античности, и в Средние века считался наиболее авторитетным автором зоологических трудов, хоть и именует крокодилов «яйцеродящими четвероногими» (История животных. IV. 11), однако при этом иногда соотносит их с рыбами (ср.: «Это животное имеет язык <...> как у некоторых рыб». — История животных. II. 10.39; «<...> крокодилу, животному наземному, приходится жить жизнью рыб <...>». — О частях животных. II.17.660b). Ср. также, примеч. 7 к гл. 5.

брата, что повергло всё войско в глубокую печаль. Утешением было то, что тот погиб геройски, так как стало известно, что перед тем, как его убили, он сам, мощью своей шпаги, которой владел превосходно, убил более тысячи крокодилов и остался бы цел, ежели бы, невзирая на опасность, не начал их преследовать, когда они выбрались на сушу, и оказался на мелководье, где свои не могли прийти ему на помощь, — вот враги его в клочья и разорвали.

Так вот: славный Лиций вернулся с войны наипрославленнейшей из рыб последнего десятилетия, привезя с собой большое богатство и добычу, которую полностью вручил королю, не оставив себе ни одной мелочи. Его величество принял его с великой любовью, каковая воистину была заслужена рыбой, столь славно королю послужившей и столь его прославившей, так что король щедро с ним поделился. Он оказал многие милости и тем, кто был вместе с Лицием, так что все остались довольны и хорошо вознаграждены.

Чтобы проявить благоволение к Лицию, король объявил траур по Мело и придерживался его восемь дней. И мы все тоже. И да будет Вашей Милости известно, что трауром у рыб называется

обет молчания, которого они придерживаются все траурные дни, выражая свои желания лишь при помощи знаков[150]. Таков тот траур, который они соблюдают, когда умирает муж, или жена, или дитя, или царственная особа; и считается величайшим из всех в море мыслимых бесчестий, если кто-либо блюдущий траур заговорит опрежь того, как король повелит скорбящим предаться плачу, и уж потом они снова начнут говорить.

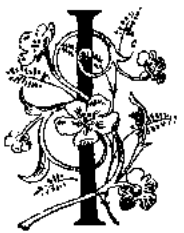
И мне от них стало известно, что некий муж по смерти своей дамы, бывшей его возлюбленной, заставил своих вассалов блюсти траур в течение десяти лет, и даже король был бессилен заставить его отменить приказ, ибо сколько раз король посылал к нему гонцов, прося об отмене оного, столько раз тот умолял предать его смерти, ибо прервать траур было выше его сил. А еще они сказали мне — и это меня особенно повеселило — что когда его подданные увидели, что великое молчание длится месяц, и год, и два, а у них рано или поздно возникало желание поговорить, все они покинули его, так что в его владениях не осталось ни одного тунца, и посему его траур мог

[150] Примечания: 150

...трауром у рыб называется обет молчания, которого они придерживаются все траурные дни. выражая свои желания... при помощи знаков. — См. примеч. 2 к гл. 3.

длиться сколько угодно, ибо не для кого было его отменять. Когда мне обо всём этом рассказали, мне тут же на память пришли некоторые болтуны, которых я знал среди людей; они никогда не закрывали рты, не давая заговорить никому из окружающих; одну историю заканчивали и другую начинали, и так до бесконечности, не давая никому вставить ни слова, не пытаясь вникнуть в смысл собственных же речей, прерывая один рассказ на середине и начиная другой, и если бы не ночь, которая разводила их и их слушателей, как войска на поле боя, могло бы возникнуть опасение, что они не умолкнут никогда. А хуже всего то, что они не видят, как досаждают Господу и всему миру, а также, думается, и дьяволу, который не так уж глуп, а поскольку подобное тянется к подобному, то и он бежал бы от этих недоумков. Быть бы вам, болтуны, подданными того сеньора, о котором шла речь, и чтоб померла его подружка... Вот было бы вам воздаяние!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ПОЖЕЛАЛ ЖЕНИТЬ ЛАСАРО НА ПРЕКРАСНОЙ ЛУНЕ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО



Итак, возвращаясь к нашей истории, когда закончились траур и оплакивание Мело, король повелел произвести тщательнейший учет всех вооруженных бойцов и отыскать недостающее оружие, что и было исполнено.

Тем временем его величеству пришло на ум, что меня было бы неплохо женить, о чем он и сообщил славному Лицию, которого и обязал всё устроить, хотя, когда тот услышал о сем желании, оно ему не очень-то понравилось; но он не осмелился отказаться, дабы не прогневать

короля. Лиций сообщил мне новость, испытывая немалое смущение, ибо считал, что, с учетом моих заслуг, я заслуживал большего, но король требовал неукоснительного исполнения своей воли. В конце концов, уже не столь юная и не столь непорочная Луна была объявлена моей невестой. «Мне везет, — сказал я про себя, — как тому игроку в пелоту[151], который попал по мячу, но со второго удара, и благодарение Богу, что не с третьего-четвертого; хотя при всём при том, есть и кое-какой выигрыш: ведь король будет поважнее архипресвитера»[152]. Так что я подчинился, и моя свадьба была отпразднована с такой пышностью, как если бы я был особой королевских кровей; и король пожаловал мне в управление графство, хотя иметь его на суше было бы предпочтительней, нежели в море. Таким образом, из последнего тунца я сделался сеньором, хотя и не без ущерба для своей особы.

---

[151] Примечания: 151

Пелота — национальный баскский вид спорта, известный с XIII в.; согласно его правилам, игроки поочередно должны ударять плетеной ракеткой по мячу так, чтобы он, отскочив от стены, не был отбит противником.

[152] Примечания: 152

...король будет поважнее архипресвитера. — Иронический намек на сходство ситуаций, в которых оказывается Ласаро как в Толедо, так и в подводном мире (и там, и там он становится мужем наложницы высокопоставленного лица).

И таким вот образом моя светлость наслаждалась жизнью, вполне довольная женитьбой на моей новой милой Луне, да еще в обществе моего короля, которому я старался всячески услужить, только и думая о том, как бы ему угодить и чем его порадовать, будучи столь многим ему обязанным; посему во всякое время и в любом месте я был наготове, неотступно за ним следуя и всячески остерегаясь сказать что-либо, что могло вызвать его неудовольствие и гнев; и всегда перед моими глазами была незавидная участь тех, кто говорил своим господам правду. Я помнил о том, что сделал Александр с философом Каллисфеном, осмелившимся ему перечить[153], так что у меня всё шло хорошо. И все от мала до велика мне подчинялись и ценили мою дружбу не меньше дружбы с королем.

Тем временем я надумал установить в море те же порядки, что существуют на суше, и уведомил о том короля, уверяя его, что так будет много лучше, ибо он делает работу, которая должна

---

[153] Примечания: 153

...сделал Александр с философом Каллисфеном, осмелившимся ему перечить... — Анекдот о расправе Александра Македонского с философом Каллисфеном, племянником Аристотеля, получил распространение в позднеантичной Европе. О том, что, возможно, Каллисфен был повешен по приказу Александра, в частности, пишет Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (см.: Александр. 55.5).

приносить пользу; а дело обстояло так, что до сей поры королевская должность не приносила никакого дохода, кроме налога на продажу, равному одной тридцатой с вырученной суммы; а когда король вел справедливую и нужную его государству войну, вербовалось необходимое для ее ведения наемное рыбье войско, для королевского же стола предоставлялось десять рыб. Я же повелел обложить всех налогом на содержание королевского двора, который должен был платить каждый, и чтобы всё было, как на земле, а также выделять для королевского стола каждый день но пятьдесят рыб. Более того: чтобы каждый подданный его величества, который ставил перед своим именем «дон», не являясь родовым кабальеро, также платил его величеству; и этот указ мне казался особенно уместным, ибо среди рыб царило такое бесчестие, что все родовитые и безродные, знатные и незнатные стали «донами»: «дон» — там и «дон» — тут, «донья» — фигля и «донья» — мигля. Я издал свой указ, памятуя о тактичности дам на земле: ведь если какая-либо из них и совершит этот промах, то либо потому, что она дочь заслуженного трактирщика или эскудеро, либо вышла замуж за человека, к которому обращаются «ваша милость», либо кто-то еще в

этом роде, ибо те, кто ставит перед именем «дон» — люди не бедные; но в морях нет такой дочки лавочника, которая, выйдя замуж за того, кто не принадлежит к ремесленному сословию, тут же не начнет кичиться и не прицепит к имени частицу «дон», как если бы этот «дон» мог скрыть то, что она — дочь отнюдь не благородных людей, никакими «донами» никогда не слывших; а то, что никакие они не «доны», лучше было бы и не выпячивать, чтобы не давать повода перемывать косточки усопших и вытаскивать на свет дела позабытые; и чтобы их соседи о них не злословили и над ними не смеялись, равно как и над «его милостью», который сам себя так именует; что уж говорить о самих «доньях», которые, как всем известно, стойкостью не отличаются. Но заносчивостью и упорством этих «донов» Господь не обделил. Королю понравилось, что он стал получать хорошие доходы, хотя отныне подношения ему, которые тоже стоили денег, стали не так часты.

Так я хлопотал об этом и других делах, о разных новых налогах, выгодных больше королю, чем королевству. Король, видя такое мое служебное рвение, также не скупился на милости, коими осыпал меня щедро и от всей души. Тогда-то я

и вспомнил о моем бедном толедском эскудеро, дабы воспользоваться его мудрыми речами, когда он жаловался, что никак не может найти знатного сеньора, который взял бы его на службу, и что ежели бы нашел такого, то уж знал бы, как извлечь из своей службы выгоду[154]. И я его советами воспользовался; так что были они для меня весьма пользительны, особенно его совет не говорить королю ничего такого, что его бы расстроило, а только то, что могло бы вызвать его к тебе расположение, так как он благоволит только к тому, кто, пускай сам по себе ничего не стоит, умеет ему угодить; и, напротив, с теми, к кому он не расположен, он обращается дурно и везде их поносит, хотя они того и не заслуживают, и не останавливает их, когда они делают, чего им хочется, хотя делать этого не стоило бы. Вспомнил я и уже упоминавшегося Каллисфена, которого его господин Александр за то, что тот говорил ему правду, велел предать ужасной смерти, каковой тот совсем не заслуживал ввиду справедливости

[154] Примечания: 154

Тогда-то я и вспомнил о моем бедном толедском эскудеро ~ знал бы. как извлечь из своей службы выгоду. — Третий хозяин Ласарильо («Л-I»), нищий эскудеро, рассказывая о своей рухнувшей надежде поступить в услужение к титулованному кабальеро, делился секретами того, как войти в расположение и угодить хозяину, исполняя — помимо других обязанностей — роль шута (см. с. 68—69 наст. изд.).

его доводов; а коли жить охота, то будь что будет, и я, сколь мог, держался этого воззрения, из-за чего у меня была не жизнь, а малина, и мой дом ломился от добра; но я, хоть и был рыбой, сохранил человеческую сущность и разум, а также проклятое свойство — жажду наживы, царящую среди людей, так как все прочие твари, получая от природы всё им надобное, не хотят ничего большего и ни к чему большему не стремятся[155]. Петух, если у него вдосталь пшеничных зерен, почтет за ничто весь жемчуг Востока; вол, насытившийся травой, не нуждается в золоте Индий, и так все животные: и лишь зверский аппетит человека никогда не насыщается и всего ему мало, особенно если он одержим жадностью. Я говорю это к тому, что, невзирая на все мои богатства и достаток, ибо во всех морях не было короля богаче меня, я был пожираем жаждой наживы — любой ценой! Посему я послал одну армаду в

[155] Примечания: 155

...все прочие твари, получая от природы всё им надобное... ни к чему большему не стремятся. — О том, что животные могут служить людям примером, поскольку не заражены главными людскими пороками, источником всех прочих грехов — ненасытностью и жадностью, писали многие испанские гуманисты — современники автора «Л-II».

Леонский залив[156] и в залив Йерес[157], а другую — на фламандские банки[158], где погибло немало кораблей со всеми, кто был на их борту, а также туда, где происходили крупные морские сражения, откуда мне доставили огромное количество золота — по моим прикидкам, более пятнадцати тысяч дублонов[159].

Король очень смеялся, видя, как я суечусь и кружусь над этими дублонами, недоумевая, для чего мне этот мусор: ведь его нельзя съесть, да и на себя не наденешь. Я же говорил про себя: «Зачем задавать вопросы, если всё равно понять не сможешь?» А вслух отвечал, что они мне нужны как счетные кружочки[160], чем он и удовольствовался. Позднее же, когда я вернулся на сушу, как далее будет рассказано, — глаза бы мои этого не

---

[156] Примечания: 156

Леонский залив — гавань у южного побережья Франции; знаменита своими штормами, которых опасались мореходы XVI в. Именно в ней четверть века спустя после написания «Л-II» будет пленен алжирскими пиратами М. де Сервантес, также вспоминающий о Леонском заливе в новелле «Лиценциат Видриера» («El licenciado Vidriera»; 1613).

[157] Примечания: 157

Залив Йерес — бухта у южного берега Франции.

[158] Примечания: 158

Фламандские банки. — Песчаные отмели — банки (получили такое название, поскольку образующие их дюны по форме напоминали скамьи, *ит.* banco) чрезвычайно осложняли мореплавание у берегов Северной Фландрии (совр. Голландии), но привлекали стаи тунцов как места нерестилищ.

[159] Примечания: 159

Дублон — золотая монета высокой стоимости, составлявшей от 2 до 4 эскудо (см. примеч. 5 к гл. 8 «Л-III»).

[160] Примечания: 160

Счетные кружочки — маленькие металлические диски, служившие неграмотным для ведения счета.

видели! — обнаружилось, что все денежки, которые я собрал в морях, на земле давно не в ходу. А если где-то ими еще и пользовались, то в другом, не менее глубоком и потаенном месте![161]

Но, живя в море, я страстно желал найти при возможности какой-нибудь корабль, который я нагрузил бы своей добычей, чтобы тот — пускай за половину ее стоимости — доставил бы груз в Толедо, к моей Эльвире, чтобы наша дочь с таким приданым вышла замуж за того, кто наверняка остался бы им доволен и не попрекал ее тем, что она — дочь глашатая; и вот, движимый этим желанием, я два или три раза всплывал на пути кораблей, шедших с Востока, криками над водой призывая их остановиться, думая при этом, что они меня поймут и заметят, и, хотя они так и не стали «верными гонцами», которые доставили бы мои сокровища или их половину в Толедо, где они пригодились бы людям, меня согревала любовь, каковую я продолжал питать к роду человеческому. Однако, когда я их звал, они или меня не замечали, или метали в меня гарпуны и дротики, чтобы меня убить, так что мне приходилось убираться восвояси в свое морское обиталище.

---

[161] Примечания: 161

...не менее глубоком и потаенном месте! — Возможно, имеется в виду Ад.

Иногда же я хотел, чтобы Толедо стал морским портом, дабы я мог усыпать его своими богатствами, от коих хотя бы малая толика досталась бы жене и дочке. И вот в таких желаниях и мечтах проходила моя жизнь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ В ЛЕС НА ОХОТУ, ОТСТАЛ ОТ СВОИХ И ВСТРЕТИЛ ПРАВДУ[162]

Когда я отбился от товарищей, я встретил Прав-

---

[162] Примечания: 162

...встретил Правду. — В аллегорическом образе Правды в самом простом понимании слова (антропоморфном воплощении общего понятия) концентрируется нарративно-метафорическая сущность всего «Ласарильо», то есть иносказательный строй романа в целом как бы возводится во «вторую» степень. Глава 15 также отмечает слом в развинти сюжета «Л-II», связанный с возвращением Ласаро на землю и с его «обратным» — на сей раз публичным — перевоплощением: из тунца — в человека. Душа вочеловеченного Ласаро — в отличие от вполне человеческой, но добродетельной и даже героической души Ласаро-тунца, вдруг — и вновь — оказывается пристанищем грехов, которыми отмечена человеческая природа. Правда — действующее лицо последних глав истории Ласаро — должна выступить в роли воспитателя и наставника героя, с которой справляется весьма формально: пережив очередную смерть (пребывание в толедской темнице)

и возрождение (выход из тюрьмы в праздник Вознесения Богоматери), Ласаро, по сути, не меняется и возвращается к своей прежней жизни. См. также с. 599 паст. изд.

ду, которая мне сказала, что она — дочь Божия и спустилась с неба на землю, чтобы жить на ней и быть полезной людям, но что все ее попытки обжиться среди людей закончились ничем, ибо побывала она и у сильных мира сего, и у малых, и для нее не нашлось места в домах знати, и многие другие ее прогоняли, так что, видя такую к себе неприязнь, она удалилась на скалу посреди моря.

Она мне поведала о многих чудесах, происходивших с самыми разными людьми, но ежели бы я стал обо всех них Вашей Милости писать, это растянулось бы надолго и увело меня в сторону от рассказа об испытанном мною. Но ежели будет на то воля Вашей Милости, я пошлю Вам реляцию обо всём, что с ней случилось. Я же, вернувшись к своему королю, рассказал ему всё, что с Правдой произошло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО, ПРОСТИВШИСЬ С ПРАВДОЙ И ОТПРАВИВШИСЬ С ДАМАМИ-ТУНЦАМИ ТУДА, ГДЕ ОНИ МЕЧУТ ИКРУ, ПОПАЛ В СЕТИ И ВНОВЬ СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ

Утешившись этими словами и вернувшись ко двору, я прожил в море в свое удовольствие еще какое-то время. И тут пришло время женам тунцов метать икру, и король приказал мне сопровождать их на нерест, так как с ними всегда должен был быть кто-то, кто бы их охранял и защищал. На ту же пору генерал Лиций, который, будь он здоров, отправился бы с ними в дорогу, заболел. А с тех пор, как я поселился в море, да-

мы-тунцы нерестились уже два, а то и три раза, откладывая икру каждый год. Я взял с собой две тысячи вооруженных тунцов, а сопровождали мы более пятисот тысяч беременных дам.

Простившись с королем, мы отправились в путь и через считанные дни оказались в Гибралтарском проливе, пройдя через который очутились близ городков Кониль и Вехер[163] — владений герцога де Медина-Сидония, где нас ждала засада. Я был предупрежден об этой опасности и о том, что именно здесь тунцы несли наибольшие потери, и я приказал всем быть начеку. Но поелику жены были одержимы желанием отложить икру именно на этой отмели, очень для того подходящей, как бы мы ни оберегались, в течение восьми дней мы лишились более пятидесяти тысяч на-

[163] Примечания: 163

...близ городков Кониль и Вехер... — Речь идет о центрах тунцового промысла недалеко от Кадиса, на побережье Атлантического океана. В главе «О городе Кониль и о ловле тунцов» из книги «О самом важном и достопримечательном на испанской земле» («Libro de grandezas y cosas memorables de España»; 1549), ее автор, Педро де Медина (о нем см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-II») писал:

> За мысом Трафальгар, тремя лигами западнее, на морском побережье находится городок Кониль, который также называют Торре де Гусман. Это и есть место тунцового промысла, то есть ловли огромных рыб, именуемых тунцами. Их ловят только в мае и в июне. Они приходят из моря стадами, словно свиньи, собравшись по тысяче, по две или около того голов <...>.
>
> ***Цит. по: Lazarillo 1988: 233.***

Рассказывая о ловле тунцов, автор «Л-II» многое заимствует у Педро де Медина, что побудило С. Максимо Салюдо выдвинуть гипотезу о том, что именно Медина и был создателем «Ласарильо-тунца» (см.: Máximo Saludo 1969). Однако в сочинении беллетристических вымыслов Педро де Медина замечен не был, а вот его «Книга о самом важном…» фигурирует в описи части библиотеки Мендосы, найденной в его последнем мадридском жилище.

ших дам. И, видя, какие потери мы несем, те из нас, кто был при оружии, решили сопровождать их на мелководье и, если кто-либо захочет их схватить, когда они мечут икру, рубить мечами разбойников и их сети на куски. Но вышло всё наоборот, учитывая силу и ловкость людей, столь превосходящих в этом тунцов, и нападавшие на нас и наших дам захватили нас со всеми потрохами, нисколько от наших мечей не пострадав, но только от того выиграв, так как мои товарищи, попав в плен, лишались чувств и, хватая ртами воздух, теряли оружие, чего не случилось со мной; напротив, схватив шпагу ртом, я таки здорово порезал их сети, в которых вместе со мной оказалась моя милая вторая супруга.

Рыбаки, удивленные этим зрелищем, попытались отнять у меня шпагу, но, когда они тянули ее у меня изо рта, вместе со шпагой показалась и моя рука, в нее вцепившаяся, а на голове у меня обозначились человеческие глаза, и нос, и верхняя половина рта. Весьма напуганные этим зрелищем, одни крепко схватили меня за руку, в то время как другие начали тянуть меня за хвост, словно шкуру из набитого доверху мешка. Я оглянулся вокруг и увидел подле себя мою Луну, обессиленную и испуганную, столь же, если

не больше, чем рыбаки, к коим я обратился на человеческом языке с таковыми словами:

— Братья, придите в себя, и пусть никто не пытается зацепить меня багром, ибо знайте, что я такой же человек, как и вы; но, стащив с меня до конца рыбью кожу, вы раскроете мою великую тайну.

Я сказал это, ибо те мои товарищи, что были со мной, лежали возле меня, многие — мертвыми: их головы разбили баграми, которые имели при себе во время ловли на такой случай рыбаки-разбойники. И такими же словами я умолил их, чтобы они сжалились и отпустили на волю бывшую со мной мою спутницу и супругу. Они же, весьма испуганные увиденным и услышанным, исполнили мою просьбу.

И когда моя спутница, в страхе, заливаясь слезами, расставалась со мною, я обратился к ней на языке тунцов:

— Луна, жизнь моя, плыви с Богом, и больше не попадайся в сети, и поведай обо всём королю и всем моим друзьям, и прошу тебя, чтобы ты блюла мою и свою честь.

Ничего не ответив, она, страшно испуганная, прыгнула в воду.

Меня же и моих товарищей из воды достали,

на моих глазах всех поубивали на отмели, а меня бросили на песок, наполовину человеком, а наполовину, как было сказано, тунцом, в ужасе ожидавшим, что его разделают и закоптят. В тот же день, когда рыбаки закончили лов, они начали расспрашивать меня, и я им правдиво отвечал, умоляя достать меня из рыбьей кожи полностью. Но они этого не сделали, а вечером погрузили меня на здоровенного мула, предназначенного для перевозки тяжестей, и отправились со мной в Севилью, где доставили ко дворцу его сиятельства герцога де Медина: мое появление там произвело такой фурор и такое потрясение, какого не знала Испания во все времена. И в таком мучительном состоянии они продержали меня восемь дней, на протяжении коих я рассказывал им о том, что со мной произошло.

Под конец я начал чувствовать, что моя рыбья часть начала портиться и разлагаться, лишенная воды, и я умолил сеньору герцогиню и ее супруга, во имя Господа, чтобы они достали меня из этого заточения, поелику то было в их власти; они же, поняв, какие я испытываю муки, распорядились так и сделать. И было решено, что по всей Севилье будет объявлено, чтобы все собрались посмотреть на мое превращение, и на одной

из городских площадей перед домом герцога воздвигли помост, чтобы я был всем отовсюду виден, и там собралась вся Севилья; и площадь была вся запружена людьми, и улицы, и крыши, и террасы на верхних этажах домов. Затем герцог послал за мной, и меня вытащили из клетки, которую для меня соорудили, когда достали из моря, — а было сделано это с умыслом, ибо вокруг меня всегда толпилось столько народу, что, если бы меня не отделяли от толпы прутья клетки, то меня бы непременно задушили. «О, великий Боже! — сказал я про себя. — Что же во мне есть столь необычное? Человек в клетке — такое уже было, к его великому несчастию, и не раз; и птиц в клетке все видели; но вот рыба в клетке — нечто невиданное».

Итак, меня достали из клетки, водрузили на щит и понесли в окружении пятидесяти вооруженных алебардами солдат, которые с трудом расчищали в толпе проход.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО В СЕВИЛЬЕ НА ГЛАЗАХ ТОЛПЫ ПРЕВРАТИЛСЯ ИЗ РЫБЫ В ЧЕЛОВЕКА

И вот, положив меня на помост, одни стали тянуть меня за ту часть тела, что уже была свободна, другие — за рыбий хвост, и извлекли меня из рыбьей чешуи на свет божий в том виде, в каком мать родила, а от тунца осталась лишь кожа. Мне дали плащ, чтобы я укрылся, а герцог приказал, чтобы мне принесли его дорожное платье[164], которое я надел, хотя оно и было мне коротковато, и меня приходили приветствовать и поздравлять

[164] Примечания: 164

Дорожное платье. — В отличие от повседневной строгой одежды, дорожное платье было ярким и пышным: обычай испанцев наряжаться, отправляясь в путь, вызывал недоумение у иностранцев и критику гуманистов.

множество людей, так что всё то время, что я провел там, я ни на одну ночь не смог сомкнуть глаз, ибо и ночью ко мне шли посетители, чтобы меня увидеть и обо всём расспросить, и почитали за счастье пообщаться со мной хотя бы накоротке.

По прошествии нескольких дней после обнаружения моего истинного облика я заболел, ибо жить на суше мне стало невмоготу, так как стал я привычен к морской пище, а земная мне не подходила, и я не смог ее переносить и уже не сомневался в том, что вместе с моими мучениями закончится и моя жизнь. Но Богу было угодно избавить меня как от этой, так и от других напастей, и, когда я увидел, что снова могу ходить, я испросил у владетельных сеньоров разрешения их покинуть, каковое они дали мне с великой неохотой, ибо, как мне казалось, хотели навсегда оставить меня подле себя, чтобы слушать мои рассказы о чудесах, которые со мной произошли, а также о многом другом, что я им плел и чему они полностью доверяли, так как видели мое чудесное превращение.

Но в конце концов, несмотря на всё, они дали мне свое согласие и приказали снабдить меня для дороги всем необходимым. За мной, читатель,

— в Толедо, где я очутился накануне Успения[165], так сильно, как никто на свете, желая увидеть жену и дочь, заключить их в объятия, чего не испытывал ни разу за все прошедшие четыре года, ибо в морях не обнимаются, а тычутся мордами друг в друга.

Когда спустилась ночь, я пошел к своему дому, который оказался пустым; и тогда я пошел к дому сеньора архипресвитера, где все уже спали, и начал так сильно стучать в дверь, что их разбудил. На вопрос, кто там, я назвал себя и в ответ услышал очень раздраженный громкий голос моей Эльвиры:

— Поищите, где выпить, в другом месте, и, кто бы вы ни были, грех в такой час издеваться над вдовами. Вот уже три или четыре года, как Господь прибрал моего злосчастного мужа, который утонул в море на глазах его хозяина и многих других, видевших, как он скрылся под водой. К чему ваши насмешки?

И она ушла спать, не желая более ни видеть, ни слышать меня. Я снова начал стучать в дверь, и мой господин архипресвитер, страшно разгневанный, встал с постели и выглянул в окно,

---

[165] Примечания: 165

...накануне Успенья. — Успение Богоматери (у католиков — праздник Вознесения Девы Марии) приходится на 15 августа.

возопив во весь голос:

— Безобразие! Кто это беспокоит добрых людей? Хотел бы я знать, кто вы такой, чтобы завтра наказать вас за вашу наглость. Шляетесь в такой час и ломитесь в двери почивающих, стучите дверными молотками и поднимаете шум, нарушая наш сон и покой!

— Сеньор, — сказал я, — если вы хотите знать, кто я, не надо так раздражаться; ибо знайте, что я — ваш слуга, Ласаро де Тормес.

Едва я произнес эти слова, как возле моих ушей просвистел камень, брошенный со всей злостью, а потом и второй, и третий, и еще один, так что вся улица вокруг меня оказалась усыпанной булыжниками; затем в меня бросили опаливший меня факел. Поняв, что я — в опасности и раздумывать некогда, я бросился бежать по улице куда глаза глядят и отбежал на довольно большое расстояние, а он остался у окна, громко крича:

— Посмей еще явиться со своими шуточками — и получишь по заслугам!

Я собрался с мыслями и задумал повторить попытку позднее, не желая никому больше открываться; а так как уже была глухая ночь, я решил провести ее остаток тут же, чтобы поутру снова отправиться к дому архипресвитера. Но из

этого ничего не вышло, так как какое-то время спустя по улице проходил с дозором альгвасил, который отобрал у меня шпагу и отъел в тюрьму; и хотя я знал кое-кого из окружения судебного пристава и обратился к ним по именам и назвал себя, они посмеялись надо мной, сказав, что прошло уже более трех лет, как я погиб в походе на Алжир, и отправили меня в камеру, где меня и застало утро, когда все добрые люди начали одеваться и принаряжаться, чтобы идти в церковь — праздновать столь великий праздник. И я бы мог быть с ними, если бы меня все признали, но в темницу вошел арестовавший меня альгвасил и приказал заковать мои ноги в кандалы, а на шее закрепить тяжелую цепь и заключить меня в карцер, что и было исполнено.

— Вы, господин, у коего манеры и обходительность коррехидора[166] и который выдает себя за городского глашатая, лучше посидите денек-другой, пока мы не узнаем, кто вы, шатающийся ночью по городу, чтобы залезать в дома священнослужителей. Ведь, по правде говоря, камзол, что надет на вас, вам не по размеру, и пахнете вы не вином, как подобает вашему ремеслу, а неж-

[166] Примечания: 166

Коррехидор — глава муниципального городского управления, осуществлявший надзор над местной администрацией и судьями.

нейшей амброй. В конце концов, вы сознаетесь, хотите того или нет, у кого вы украли этот камзол, так как ежели его кроили для вас, то это портной украл у вас больше трех вар[167] материи.

«Не в добрый час мы прибыли сюда»[168], — подумал я про себя. Однако вслух сказал, что не промышляю воровством и не делал того, что он говорит.

— Промышляете или не промышляете, — сказал он, — но вот сейчас из дома коррехидора выходит архипресвитер, настоятель церкви Святого Спасителя, который говорит, что вчера ночью воры хотели его обокрасть, проникнув силой в его дом, не защитись он градом камней, и что они назывались именем Ласаро де Тормес, его слуги. Я ему рассказал, что наткнулся на вас возле его дома, и он подтвердил мои слова, и поэтому мы решили посадить вас на цепь.

Тюремщик сказал:

— Глашатай, за которого вы себя выдаете, жил в этом городе, но погиб по пути в Алжир, и я его хо-

---

[167] Примечания: 167

Вара — мера длины, несколько различавшаяся в разных областях Испании; в Кастилии равнялась 0,835 м.

[168] Примечания: 168

«Не в добрый час мы прибыли сюда»... — Вероятно, цитата из неустановленного произведения.

рошо знал. Да будет Господь к нему милостив! Он мог зараз доставить из одного дома в другой две асумбры[169] вина, не считая кувшинчика![170]

«О, я несчастный, — сказал я про себя, — ведь мои испытания еще не кончились! Мои беды наверняка возвращаются: отчего все, кого я знаю и с кем разговариваю, кого почитаю за друзей, меня не узнают и знать не желают? До чего дошла моя злая судьба, идущая против меня, если моя жена, которую я более всего люблю в этом мире и которая любит меня, меня не узнаёт?»

Я начал умолять тюремщика, дал ему денег, чтобы он пошел к ней и сказал, где я, чтобы она вызволила меня из тюрьмы. А он, смеясь надо мной, взял реал и обещал всё сделать, хотя ему казалось, что я мухлюю: ведь если бы я был тем, за кого себя выдавал, он бы меня узнал, так как сотни раз видел, как я входил в тюремные камеры, чтобы сопровождать преступников, приговоренных к телесным наказаниям, и что я был лучший из глашатаев с самым чистым и

---

[169] Примечания: 169

Асумбра — мера жидкости, чуть более двух литров; также этим словом обозначали порцию вина, до краев заполнявшую кувшин *(ср. рус.* поллитровка).

[170] Примечания: 170

...не считая кувшинчика! — Имеется в виду кувшинчик с вином «на пробу», который был неизменным атрибутом глашатая.

громким голосом в Толедо. Наконец я так надоел ему, что он пошел и привел с собой — ни много ни мало — моего господина архипресвитера, и, чтобы выслушать меня, он вошел туда, где я был заключен, и принесли свечу: и я почувствовал радость, которую, должно быть, испытывают души на небесах после своего освобождения, и заговорил, плача не столько от печали, сколько от радости:

— О, мой сеньор Родриго де Йепес[171], настоятель церкви Святого Спасителя, посмотрите, в каком положении находится ваш верный слуга Ласаро де Тормес, истязаемый, закованный в железо, испытавший за три года самые удивительные и опасные, самые невиданные и неслыханные приключения!

Он поднес свечу к моему лицу и сказал:

---

[171] Примечания: 171

..мой сеньор Родриго де Йепес... — Вдруг возникающее имя настоятеля храма Св. Спасителя созвучно главному мотиву романов о Ласаро — мотиву вина, так как фамилия архипресвитера отсылает к названию области Йепес в Кастилии, известной своими винами.

— Слышу голос Иакова и вижу лицо Исава![172] Брат мой, правда, что речью вы похожи на того, кем представляетесь, но ликом — ничуть.

Тут-то я всё понял и попросил тюремщика сделать такую милость и принести зеркало, что он и исполнил. И когда я заглянул туда, то увидел, что я сам на себя не похож, особенно цветом лица, которое прежде было красным, как гранат, точнее, как зерна граната, а теперь стало желтым, как резеда, да и черты его очень изменились. Я перекрестился и сказал:

— Теперь, сеньор, глядя на себя, я не удивляюсь, что ни ваша милость, ни кто другой из моих друзей меня не узнают, так как я сам себя не узнаю. Но, ваша милость, присядьте, а вы, сеньор алькальд, дайте нам немного времени, и вы удостоверитесь, что я не лгу.

Он удалился, и, оставшись наедине с его милостью, я — чтобы убедить его — в подробностях рассказал ему обо всём, что было в нашей жиз-

---

[172] Примечания: 172

Слышу голос Иакова и вижу лицо Исава! — Аллюзия на эпизод из Книги Бытия, в котором Иаков, желая получить благословение своего отца Исаака, предназначающееся тому из сыновей, кому принадлежит первородство, обманом выдает себя за своего старшего брата Исава. Ослепший Исаак слышит голос гладкокожего Иакова, но, ощупав его руки, обернутые козлиными шкурами, принимает его за волосатого Исава. Ср.: «Иаков подошел к Исааку, отцу своему; и он ощупал его, и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы» (Быт. 27: 22).

ни с самого нашего знакомства — день за днем. Затем я вкратце поведал ему, что произошло со мной, и как я был тунцом, и что за то время, что я был в море, и от тамошней пищи и воды у меня изменился цвет кожи и лицо, которого я давно не видел. Под конец, крайне удивленный, он сказал:

— То, о чем вы рассказываете, в нашем городе хорошо известно и об этом много говорилось: в Севилье видели человека-тунца; и доказательства, которые вы приводите, также доподлинны. Но я всё еще очень сомневаюсь. Вот что я сделаю для вас: приведу сюда Эльвиру, мою служанку, и она, на ваше счастье, быть может, вас узнает.

Я его горячо поблагодарил и стал просить его, чтобы он дал мне руку для поцелуя и свое благословение, как то когда-то было, но он не согласился.

Прошел этот день и еще три, по истечении которых утром в темницу вошел помощник коррехидора со своими сподручными и писец, и начали меня допрашивать, и, возможно, разозлившись на меня, решили посадить меня верхом, но не на лошадь, а на кобылу[173]. Я не

[173] Примечания: 173

...посадить... верхом...на кобылу. — То есть предать пытке (здесь «кобыла» — деревянный станок, орудие дознания).

выдержал и горько разрыдался, тяжело вздыхая и всхлипывая, жалуясь на свою злосчастную, так долго преследующую меня судьбу. Со всем тем, приложив немало усилий, я упросил помощника коррехидора отложить пытку, которую не перенесу, а чтобы он в том удостоверился, всмотрелся бы в мое лицо, что он и сделал, подведя меня к свету, и сказал:

— Воистину, какие бы силы ни нужны были этому грешнику, чтобы забираться в дома, сейчас, кажется, судя по его состоянию, их у него нет. Оставим его в покое, пока ему не получшает или пока он не помрет. И снимем с него оковы.

И вот они меня оставили.

Я стал умолять тюремщика вернуться в дом моего сеньора и со своей стороны и от моего имени просить его выполнить обещание, которое он мне дал, и привести ко мне мою жену; и я дал тюремщику еще реал, так как денежки никому не помешают, и он исполнил мою просьбу и вернулся с ответом, что они-де оба завтра ко мне придут.

Утешенный сим известием, я эту ночь спал лучше, чем до того, и во сне ко мне явилась моя госпожа и подруга Правда, выглядевшая крайне разгневанной, и сказала мне:

— Ты, Ласаро, так и не хочешь исправиться: в море ты обещал мне не отдаляться от меня, а как только вышел на сушу, ни разу на меня не взглянул. Поэтому Божий суд и решил тебя покарать тем, чтобы на твоей родине и в твоем доме никто тебя бы не признал — вплоть до того, чтобы тебя водрузили, как злодея, на пыточную кобылу. Завтра придет твоя жена, и ты с честью выйдешь отсюда, и отныне начнешь жизнь с чистого листа.

И она удалилась. Очень обрадованный этим видением, я покаялся и в слезах признал, что всё случившееся со мной было справедливым наказанием, ибо я запутался в паутине лжи, которой было немало в моих рассказах, так что даже правда казалась в них чудесной выдумкой, а что не было выдумкой, могло испугать людей до смерти.

А когда настало утро, мое лицо стало таким, каким было прежде, и мой сеньор и моя жена признали меня и, ко всеобщему удовольствию, привели меня домой, где я увидел свою дочь, настолько выросшую, чтобы стать нянькой для младшеньких. И через какое-то время, когда я отдохнул, я снова начал выпивать и закусывать, так что вскоре вернулся к себе прежнему и к

своей хорошей жизни.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ В САЛАМАНКУ И ЗАВЕЛ ТАМ ДРУЖБУ С РЕКТОРОМ, С КОТОРЫМ ВСТУПИЛ В ДИСПУТ, И КАК ОН ПРОВОДИЛ ВРЕМЯ СО СТУДЕНТАМИ

Пожив какое-то время в свое удовольствие, хорошо одетый и весьма обласканный, задумал я отправиться посмотреть Испанию, погреться на солнышке — уж больно надоела мне жизнь под водой. Размышляя над тем, куда бы направить свой путь, я решил посетить Саламанку, о которой слышал, что она — пристанище всех наук. А еще потому, что мне давно хотелось попытаться обставить кого-нибудь из тамошних попиков

или *длиннорясников*[174], то бишь лиценциатов[175]. А поелику город таковыми полон, от него законниками несет за версту, хотя да охранит Бог мой дом от угара его ночей! По прибытии я отправился пройтись по городу и после стольких лет морской жизни был восхищен увиденным, превосходившим всё, что я о городе слышал.

Я хочу рассказать об одном случае, который со мной приключился, когда я шел по одной из главных городских улиц. Увидел я человека, едущего верхом на осле, которого шатало из стороны в сторону и который был столь усталым, что, сколько ни силился, не мог ни продвинуться вперед, ни вернуться назад. И тогда человек закричал: «Ну, сеньор бакалавр! Так мы никуда не тронемся, хотя я подумываю вернуться!» Но, решив, что тот, к кому обращены его слова, двигался бы живее, если величать его более почетным званием, он заговорил: «Ну, сеньор лиценциат! Пошевеливайся, ко всем чертям!» — и ткнул того палкой с

---

[174] Примечания: 174

Длиннорясники (исп. mantilargos) — бурлескное именование, образованное сложением слов «manto» — «плащ» и «largo» — «длинный». Одеяние студентов того времени мало отличалось от одеяния священнослужителей.

[175] Примечания: 175

Лиценциат — звание, присваивавшееся тем, кто окончил университет, выдержав ряд особых экзаменов, и дававшее право заниматься преподавательской деятельностью.

острым наконечником. Поглядели бы вы, какие тот начал выделывать коленца! Взад, вперед, лиценциат — туда, всадник — сюда! Никогда в своей жизни, ни в морских владениях, ни на суше, я не видел столь важного лиценциата, которому бы все уступали дорогу и на которого вышло бы поглазеть столько народу!

Я узнал тогда, что господа должны иметь какие-то звания, которыми они выделяются среди прочих, как я выделялся силой и доблестью среди тунцов. Но, тем не менее, ценятся они поболе меня, так как, хотя тунцы и облекли меня титулом, мне не дозволено было использовать его за пределами, отвоеванными моими собственными усилиями. И сознаюсь, сеньор, что на протяжении какого-то времени мне больше хотелось прозываться лиценциатом-ослом, чем Ласаро де Тормес.

Движимый этим желанием, привлеченный шумом, я как-то зашел в один колехио[176], где увидел множество студентов и услышал множество голосов, так что все они до единого надрывались не столько от полученных знаний, сколько от криков. И среди многих мне известных лиц (хотя

[176] Примечания: 176

Колехио — студенческая корпорация, члены которой носили одежду специальных цветов и нередко жили под одной кровлей.

меня не знал никто), я — по воле Божией — узнал своего толедского приятеля, с которым был дружен в добрые времена; он служил двум сеньорам студентам и производил более всего шума, хотя его хозяева были одними из самых старших в колехио. И поскольку он был слуга и по дому, и по учебе[177], то смог представить им меня так хорошо, что меня позвали к обеду, и не только. Правда, обедали мы по-университетски: скудная еда, плохо приготовленная и по-нищенски сервированная, но, будь я проклят, если от нее осталась хоть одна неразгрызенная косточка!

За едой мы говорили о разных вещах, но по моим замечаниям и возражениям оба сеньора прекрасно поняли, что я из своего жизненного опыта почерпнул поболе, чем они — из своих занятий. Я рассказал им кое-что из того, что произошло с Ласаро, причем так складно, что все начали спрашивать, где я учился — во Франции, во Фландрии или в Италии, и, если бы Господь позволил мне вспомнить одно-другое словцо на латыни, они были бы потрясены. Чтобы не дать им повода спросить меня о чем-то, что могло

[177] Примечания: 177

...слуга и по дому, и по учебе... — Имеется в виду человек, сопровождавший студента на занятия и нередко игравший роль своего рода секретаря-помощника.

поставить меня в тупик, я старался не выпускать нить беседы из рук. Однако они, вообразив, что я — персона более важная, чем та, которой представляюсь, решили заставить меня поучаствовать в ученом диспуте. Я же, зная, что все они, как и я, латыни не знают, так что я не мог перед ними осрамиться, согласился. Ибо тот, кого уважали тунцы, кои, состязаясь, бьются рылами, сможет за себя постоять среди тех, кто сражается языком.

Диспут был назначен на следующий день, и поглазеть на него был приглашен весь университет. Пусть Ваша Милость увидит Ласаро — в наиславнейшем из городов, среди стольких докторов, лиценциатов и бакалавров, коими воистину, будь их вдесятеро меньше, можно было бы засадить все испанские угодья, а блеском их превосходительств примасов[178] — затмить весь мир целиком! Поглядите на разноцветье одеяний разных Орденов и степеней, на то, как чинно они рассаживаются в зависимости от звания и независимо от человека!

Перед тем как выставить меня на всеобщее обозрение, они хотели надеть на меня одежды

---

[178] Примечания: 178

Примас — высший церковный сан.

своего колехио, но Ласаро отказался, ибо был пришлым и не обучался в этом университете, и должен был не забавлять, удивляя, но быть оценен по тому, как он доказывает свою ученость (а таковая у него была), независимо от того, к какому он принадлежит Ордену и какое у него звание, будь он просто — «с улицы». Говоря по правде, я видел всех такими важными и заносчивыми, что, могу признаться, был более испуган, чем пристыжен, или не столько испуган, сколько пристыжен тем, что меня выставят на посмешище. Когда Ласаро занял свое место (я — студент!) и был представлен ученому миру — а я, как и они все, сумел сохранить величественный вид, — ректор захотел вступить со мной в спор первым, что было среди них делом невиданным. И вот он задал мне достаточно трудный и каверзный вопрос, требуя, чтобы я сказал, сколько бочек воды вмещает море; но я, как человек, море прекрасно изучивший и недавно из него вышедший, смог весьма неплохо ответить ему, заявив, что, если он сможет собрать всю морскую воду в один сосуд, я ее количество тут же измерю и с точностью ему отчитаюсь. Услышав мой быстрый и прямой ответ, принятый за неимением лучшего, и оказавшись в затруднительном положении, в

каковое он думал сам меня поставить, видя свою беспомощность, ректор предложил мне самому измерить море, а затем сообщить ему результат.

Смущенный моим ответом, он поставил передо мной другую проблему, думая, хватит ли мне знаний и находчивости, чтобы решить вторую задачу так же, как я решил первую. Он попросил меня сказать, сколько дней прошло со времени сотворения Адама до сего часа, как если бы я всегда присутствовал в мире с часовым маятником в руке, считая эти дни, хотя, по правде говоря, я и числа прожитых мной самим дней не помню, разве только то, что какое-то время был слугой у священника, какое-то — поводырем у слепца и всё такое прочее, так что своих хозяев я пересчитывал лучше, чем свои дни. Но, тем не менее, я ему ответил, что не более семи, так как, когда первые семь прошли, начались другие, и так — до настоящего момента; и так и будет до конца света. Видели бы Вы, Ваша Милость, Ласаро — доктора из докторов, самого поднаторевшего из лиценциатов!

И так как первые две проблемы я разрешил, на третьей ректор решил взять верх, думая меня очернить перед всеми, хотя одному Господу известно, что в этот момент чувствовал Ласаро

в смущении сердечном, не выказывая при этом никакой заносчивости. Ректор же востребовал, чтобы я ответил на его третий вызов; и я тут же парировал, что готов принять и третий, и всякий другой вплоть до следующего дня. Он же потребовал, чтобы я указал, где край света. «Что еще за каверзы? — сказал я про себя. — И как мне ответить, если я всего-то мира не обошел? Спросил бы он меня, где край моря, я бы что-нибудь придумал». Тем не менее я отвечал, что край света — в этой самой аудитории, где мы находимся, и что он наглядно в том смог бы убедиться, если бы всерьез об этом поразмыслил, и, если бы это не было правдой, я бы счел себя недостойным вступить в колехио.

Видя, как я справляюсь с ответами на его вопросы, только и думая о том, как объявить мне шах, он получил мат, задав мне — чеканя каждое слово — четвертый вопрос: каково расстояние от земли до неба? Видели бы Вы, Ваша Милость, как я какое-то время солидно откашливался, не зная, что ему ответить, так как он вполне мог быть осведомлен о том, что этого пути я еще не проделывал. Если бы он попросил рассказать о распорядке жизни тунцов и о том, на каком языке они говорят, я бы это сделал с большей

основательностью; но при всём том я не промолчал, но ответил, что небо от земли совсем недалеко, так как наше пение там слышно, сколь бы тихо ни пел, ни говорил человек, и что, если он мне не хочет верить, пусть сам поднимется на небеса, а я запою очень тихим голосом, и если он меня не услышит, то я готов поплатиться за свое невежество. Уверяю Вашу Милость, что молодчаге-ректору пришлось умолкнуть и предоставить другим задавать мне вопросы; но когда они увидели, что ректор посрамлен, не нашлось никого, кто захотел бы вступить в дело, а потому все молчали и хвалили мои ответы. Никогда не видел я себя столь всеми восхваляемым, этаким «сеньором-чего-изволите».

Слава Ласаро возрастала с каждым днем, и частично ей я был обязан платью, которым меня одарил добрый герцог, так как, если бы не оно, эти проклятые долгополые продолжали бы меня презирать, как я презирал тунцов-предателей, хотя и не подавал виду. Ко мне стекалась уйма народу: одни — чтобы одобрить мои ответы, другие — поразвлечься, глядя на меня и мне внимая. Ввиду столь великих моих способностей, имя Ласаро было на устах у всех и разносилось по всему городу звучнее, чем среди тунцов.

Мои хозяева пожелали пригласить меня с ними поужинать, и я был не против, хотя поначалу отказался, следуя тамошнему обычаю, то есть отговариваясь тем, что якобы приглашен другими. Не хочу расписывать, что было у нас на ужин, так как он *был ужином лиценциатов,* но я хорошо видел, что он был подан в обмен на книги[179] и посему столь аристократичен.

После того, как мы поели и скатерти со стола были убраны, на посошок мы разложили карты, что было там обычным занятием, и, разумеется, в этом деле я был более подкован, нежели в диспутах с ректором. Наконец, на столе появились деньги, неведомо откуда взявшиеся. Мои сотрапезники, как весьма ловкие в этом искусстве, знали тысячи приемов обмана глаз, так что, будь на моем месте кто-то другой, он давно бы испустил дух, так как я был на грани проигрыша; но под конец я так их сделал, что они заплатили за всё, и я в придачу к ужину положил в кошель

[179] Примечания: 179

...он был ужином лиценциатов... *что... был подан в обмен на книги...* — «Ужином лиценциатов» именовалась трапеза, которую лица, выдержавшие экзамены на получение звания лиценциата, выставляли своим профессорам; она отличалась большим обилием и разнообразием, чем каждодневный стол студентов, о скудости которого писали все сатирики того времени. Изысканность «ужина лиценциатов», как видно из текста «Л-II», обеспечивалась и тем, что выпускники университета могли расстаться со своими, очень недешевыми, книгами.

более пятидесяти выигранных реалов. Так что не связывайтесь с тем, кто был господином среди тунцов! Всегда будьте с Ласаро начеку. И перед прощанием с ними я захотел сказать им что-нибудь на языке тунцов, но они меня не поняли. Потом, опасаясь мести с их стороны, ибо для нее у них имелись все основания, я отбыл оттуда, думая о том, что не всё всегда гладко выходит.

Посему порешил я вернуться домой, где хорошо зажил благодаря своим пятидесяти выигранным реалам и кое-чему еще, о чем ради чести промолчу. Я прибыл в свой дом, где всё было в наилучшем виде, кроме полного отсутствия денег. Тут-то я и вспомнил о тех дублонах, что исчезли в море, и, конечно, расстроился, думая про себя, что, если бы знать, что дело пойдет так же хорошо, как в Саламанке, я бы открыл в Толедо школу, предназначенную для изучения языка тунцов, и у меня бы отбою в учениках не было. Затем, хорошенько всё обдумав, я понял, что дело это — невыгодное, так как бесполезное. Так что пришлось мне отказаться от этой затеи, хотя мне так хотелось бы остаться в истории столь древнего города основателем прославленного университета и изобретателем нового языка, доселе никому из людей на земле не ведомого.

Вот что произошло после того, как я отправился в Алжир. Обо всём остальном Ваша Милость со временем узнает. Остающийся Вашим верным слугой,

Ласаро де Тормес.

Конец

Хуан де Луна
Вторая часть
«ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА, извлеченная из старинных хроник города Толедо». Сочинение ХУАНА де ЛУНА, кастильца, переводчика с испанского Языка. С посвящением сиятельнейшей принцессе донье ГЕНРИЕТТЕ де РОГАН[180]

---

[180] Примечания: 180

...сиятельнейшей принцессе донье Генриетте де Роган, — О какой именно представительнице этого обширного семейства идет речь, доподлинно установить не удалось.

Вторая часть «ЖИЗНИ *Хуан де Луна*

ЛАСАРИЛЬО

С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА,

извлеченная
из старинных хроник
города Толедо».
Сочинение ХУАНА де ЛУНА,
кастильца, переводчика
с испанского языка.

С посвящением
сиятельнейшей принцессе
донье ГЕНРИЕТТЕ де РОГАН

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРИВИЛЕГИИ[181]

Милостью Короля[182]

и в силу предоставленной им

Привилегии

разрешается

Роле Бутонне[183], парижскому книгопродавцу, печатать, отдавать в печать, продавать и сбывать книгу, озаглавленную «Вторая часть жизни Ласарильо с берегов Тормеса» и проч.,

и воспрещается

Всем прочим лицам, независимо от

---

[181] Примечания: 181
В оригинале приведено по-французски.

[182] Примечания: 182
Милостью Короля... — Имеется в виду король Франции Людовик XIII (1601—1643; правление: 1610—1643 гг.).

[183] Примечания: 183
Роле Бутонне (ум. 1639) — парижский книгоиздатель, открывший свой магазин примерно в 1610 г.

их происхождения и состояния, печатать и отдавать в печать означенную Книгу, ни отдельно на испанском, ни на французском языке, ни на двух языках одновременно, продавать и распространять любые другие ее экземпляры, кроме напечатанных или отданных в печать означенным Бутонне,

и всё указанное —

В течение и в продолжение полного и непрерывного шестилетнего срока со дня окончания печати книги, род страхом изъятия Всех экземпляров, а также других наказаний, предусмотренных настоящей Привилегией.

Дано в Париже 9 января 1620 года

Подписано Королем в его Совете

***Ренуар*[184]**

---

[184] Примечания: 184

Ренуар. — Имеется в виду Никола Ренуар, один из секретарей Людовика XIII и кузен другого Никола Ренуара (ум. ок. 1650), создателя прозаического перевода «Метаморфоз» Овидия (1-е изд. — 1606). Самое известное произведение, привилегия на издание которого подписана Ренуаром, — это пасторальный роман Оноре д'Юрфе (1568—1625) «Астрея» («L'Astree»; публ. 1607—1628).

Скреплено большой печатью желтого воска на простом хвосте[185]

[185] Примечания: 185

Простой хвост (фр. simples queues) — лоскут, образованный надрезом с краю пергамента, на котором написан документ; печать навешивалась или прикреплялась на этот лоскут.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Случай, подвигнувший меня, друг читатель, на издание «Второй части Ласарильо с берегов Тормеса», таков: мне в руки попалась книжонка, в которой рассказывалось о его жизни нечто, в чем не было ни капли правды. Большая ее часть повествует о том, как Ласаро упал в море, обернулся рыбой, называемой «тунец», и прожил там много лет, найдя себе жену из рода тунцов и

прижив с ней детей[186], в своем рыбьем естестве во всём походивших на родителей. Рассказывается в ней и о войнах тунцов, в которых Ласаро был полководцем, и о прочих небылицах, столь же нелепых, сколь лживых, и столь же неосновательных, сколь бессмысленных. Не следует сомневаться, что ее сочинитель хотел описать глупый сон или же приснившуюся глупость. Итак, эта-то книга и стала той причиной, по которой я решился выпустить в свет сию «Вторую часть», изданную слово в слово, без изъятий и добавлений, в точности как я прочел ее в тетрадях, хранившихся в архиве толедской малины[187]. Она совпадала с тем, что сотню раз у камелька зимним вечером я слышал от бабки и теток, и с тем, что я впитал с молоком кормилицы; к тому же они с соседками не единожды спорили: как же, если верить «Второй части», Ласаро провел столько времени в воде и не потонул? Одни были за, другие против; первые приводили слова самого Ласаро, который-де так наелся, что был набит

---

[186] Примечания: 186

...найдя себе жену из рода тунцов и прижив с ней детей... — Неточность: о детях Ласарильо-тунца в «Л-II» ничего не говорится.

[187] Примечания: 187

...хранившимся в архиве толедской малины. — В оригинале: «jacarandina» — «шайка воров». Пародия на литературный троп «найденного манускрипта» и «автора как издателя».

пищей до самой макушки[188] и вода не могла в него проникнуть. Один добрый старик, умелый пловец, стремясь доказать, что это дело посильное, сослался на свой опыт и рассказал, что видел человека, который, купаясь в Тахо[189], глубоко нырнул, угодил в подводные пещеры и пробыл там с заката до восхода, пока солнце своим сиянием не указало ему путь; а когда его домашние и друзья уже устали оплакивать его и искать его тело для погребения, он вышел из воды целым и невредимым. Другой сомнительной чертой его жизни считалось то, что в Ласаро никто не узнавал человека и все, кто его видел, принимали за рыбу[190]. На это один добрый каноник (который, будучи уже преклонных лет, всё время проводил сидя на солнце вместе с пряхами) отвечал, что

---

[188] Примечания: 188

...набит пищей до самой макушки... — В «Л-II» ничего не говорится об обжорстве Ласаро во время кораблекрушения, а лишь о том, как он пытался спастись, «замещая» соленую морскую воду любимым вином (ср. с. 103 наст. изд.).

[189] Примечания: 189

Тахо — крупнейшая река Пиренейского полуострова, протекает в Испании и Португалии.

[190] Примечания: 190

...в Ласаро никто не узнавал человека и все. кто его видел, принимали за рыбу. — На самом деле в «Л-II» главного героя, вернувшегося из царства тунцов, принимают не за рыбу, а за самозванца, выдающего себя за Ласарильо, который будто бы погиб в Алжирском походе (ср. с. 161—162 наст. изд.).

подобное даже более вероятно, и ссылался на мнения множества древних и новых писателей, среди которых Плиний, Элиан[191], Аристотель и Альберт Великий[192]. Они подтверждают, что в море водятся особые рыбы, у которых самцов зовут тритонами, а самок — нереидами, общее же для всех название — морские люди; до пояса у них тело отлично сложенных людей, а ниже пояса — рыбье[193]. И я заявляю: не будь это мнение подтверждено достойными доверия писателями, хватило бы для оправдания испанского невежества одного лишь дозволения, полученного рыбаками от господ инквизиторов; дело бы дошло до инквизиции, усомнись рыбаки в том, чему их благородия разрешили представляться в определенном виде. На сей счет, пусть это и

---

[191] Примечания: 191

Элиан Клавдий (ок. 170 — после 222) — римлянин, писавший на греческом языке, автор книг «О природе животных» («Περί ζώων ίδιότητος») и «Пестрые рассказы» («Ποικίλη Ιστορία»), предназначенных как для поучения, так и для развлечения. Полные сказочного вымысла, вплоть до эпохи Возрождения они воспринимались как источники «достоверных» сведений по древней и по естественной истории.

[192] Примечания: 192

Альберт Великий (1193—1280) — средневековый немецкий теолог и алхимик, член ордена доминиканцев. Как многие естествоиспытатели того времени, имел в народе славу чародея.

[193] Примечания: 193

Они подтверждают, что в море водятся особые рыбы, у которых самцов зовут тритонами, а самок — нереидами, общее же для всех

название — морские люди; до пояса у них тело отлично сложенных людей, а ниже пояса — рыбье. — Речь идет соответственно о следующих работах: «Естественная история» Плиния Старшего (см.: IX.5), «История животных» Элиана (см.: XVI.21), «О возникновении животных» Аристотеля (см.: IV.3.767b) и «О животных» Альберта Великого (см.: XXIV. De mereidibus). На авторитет этих авторов ссылался испанский гуманист Педро Мехиа (1497—1551) в собрании опытов на разные темы «Лес различного чтения» («Silva de varia leccion»; 1540), отстаивая подлинность, «морских людей» (см.: 1.22—26).

посторонний моему рассказу предмет, расскажу о происшествии, случившемся с одним моим земляком-сельчанином. Дело было так: один раз его разыскивал инквизитор, чтобы попросить прислать груш, которые, как ему доводилось слышать, у того вырастали отменные. Бедный крестьянин, не зная, чего угодно его благородию, так ужаснулся, что заболел, пока от друга не узнал о сути просьбы. Поднявшись с постели, он пошел в сад, вырвал дерево с корнем и прямо с плодами отослал инквизитору, заявив, что не желает иметь у себя повод для новых требований. Вот так их боятся, не только селяне и подлое сословие, но даже господа и знать. Заслышав слова «инквизитор» и «Инквизиция», все дрожат сильнее, чем осина на ветру. Вот о чем хотел я предуведомить читателя, дабы тот знал, что сказать, когда в его присутствии будут обсуждать подобные вопросы.

Равно предупреждаю его, что меня следует считать лишь летописцем, но никак не сочинителем книги, за которой читатель сможет провести час-другой своего времени. Если она придется ему по вкусу, пусть ждет третьей части, содержащей смерть и завещание Ласарильо; если же нет, пусть примет мое почтение.

Vale[194].

[194] Примечания: 194
Будь здоров *(лат.)*.

с посвящением

сиятельнейшей принцессе

донье

Генриетте де Роган

Сиятельнейшая и превосходительнейшая Принцесса!

Сочинителям свойственно посвящать свои творения тем, кто покровительствует им своим положением и защищает их своей властью.

Решив выпустить в свет вторую часть Лизни великого Ласаро с берегов Тормеса, зерцала и образца испанской умеренности, я посвятил ее Вашему сиятельству, чье положение и власть защитят сие бедное сочинение (кое и в самом деле бедно, ибо повествует о Ласаро) и не отдадут его на глумление и растерзание злым и болтливым языкам, что с поистине сатанинской яростью стремятся уязвить и

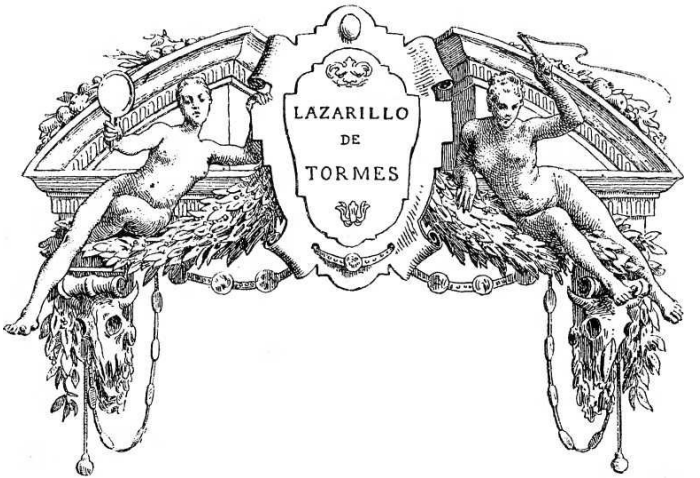
опорочить искреннейшие и скромнейшие начинания.

Осознаю, сколь дерзостно Было посвятить столь ничтожное творение столь великой принцессе; но у ничтожества его есть оправдание — нужда в высокою и действенною покровительстве и благоволении Вашего сиятельства.

Потому смиренно прошу Вас извинить посвящение и снизойти до сей малой услуги, обратив взор на желание, с которым преподносится это прошение, коим всегда было и будет употребление моей жизни и сил на служение Вам.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга

Х. де Луна



ГЛАВА ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ ЛАСАРО ПОВЕСТВУЕТ О ТОМ, КАК ОН ПОКИНУЛ ТОЛЕДО И ОТПРАВИЛСЯ ВОЕВАТЬ В АЛЖИР

От добра добра не ищут. Говорю это к тому, что недолго смог я пожить доброй жизнью, подаренной мне судьбой, ибо непостоянство неотступно следовало за мной, как в жизни доброй и изобильной, так и в жизни дурной и полной невзгод. Итак, жил я в лучшее время, чем доводилось ветхозаветным праотцам, ел лучше монаха на пиру, пил лучше знахаря, одевался лучше иезуита и держал в кармане две дюжины реалов, верных, как мадридский перекупщик; у меня был дом — полная чаша, дочка — словно веточка, привитая к фамильному древу[195], и должность, которой

[195] Примечания: 195

...дочка — словно веточка, привитая к фамильному древу... — Намек на то, что отцом девочки мог быть не сам Ласаро, а архипресвитер.

мог позавидовать сторож толедской церкви, выгонявший из храма собак. Но до меня дошел слух о походе на Алжир[196], который взволновал меня и, как верного сына, сподвиг на то, чтобы пойти по стопам славного отца моего Томе Гонсалеса (Царствие ему Небесное)[197]. Я возжелал оставить в грядущих веках пример и образец отнюдь не поводыря хитрого слепца, грызуна-хлебоеда у скуповатого священника, слуги нищего дворянина и глашатая чужих злодеяний; нет, мне хотелось прославиться просвещением мавров, погрязших в слепоте своих заблуждений, взятием и потоплением предерзостных корсарских кораблей, служением отважному капитану из ордена Св. Иоанна, у которого я устроился лакеем, с тем условием, что вся моя добыча останется у меня (так оно и вышло). Наконец, мне хотелось явить образец боевого клича и воодушевления,

[196] Примечания: 196

...слух о походе на Алжир... — Речь идет о той же, что и в «Л-II», злосчастной военно-морской экспедиции 1541 г. (см. также примеч. 1 к гл. 2 «Л-II»).

[197] Примечания: 197

...чтобы пойти по стопам славного отца моего Томе Гонсалеса (Царствие ему Небесное). — Согласно «Л-I», отец Ласарильо погиб в походе на остров Джерба близ берегов Туниса (ср. с. 11 наст. изд.).

восклицая «Сантьяго!» и «Рази, Испания!»[198].

Я распрощался с моей возлюбленной супругой и ненаглядной дочерью. Дочь попросила меня не забыть привезти ей мавритенка, а жена — прислать с первой оказией невольницу да в придачу горсть берберских цехинов[199], чтобы тем утешиться в мое отсутствие. Попросив увольнения у архипресвитера, моего господина, я поручил ему заботиться о благополучии жены и дочери. Отбыл я из Толедо веселым, довольным и в добром расположении духа, как и всякий, кто отправляется на войну преисполненный надежд, окруженный большим числом друзей и соседей, спешащих по тому же пути в стремлении улучшить свою участь. Мы добрались до Мурсии[200], чтобы затем в Картахене[201] погрузиться на

---

[198] Примечания: 198

...восклицая «Сантьяго!» и «Рази, Испания!». — По преданию, эти испанские боевые кличи впервые прозвучали в сражении с маврами при Лас-Навас де-Толоса в 1212 г.

[199] Примечания: 199

Цехин — золотая венецианская монета, чеканившаяся в 1284—1797 гг. и бывшая международной торговой валютой.

[200] Примечания: 200

Мурсия — город на юго-востоке Испании, центр одноименной провинции.

[201] Примечания: 201

Картахен — портовый город в провинции Мурсия, в XVI—XVII вв. бывший одной из главных баз испанского флота на Средиземном море.

корабли; там со мной случилось нежелаемое, и я изведал, что фортуна, вознеся меня на высоту своего превратного колеса и на вершину земного благополучия, в своем стремительном беге стала низвергать меня на самое дно.

Произошло так, что, добравшись до постоялого двора, увидел я подобие человека, больше смахивавшего на козла из-за клочковатых и мохнатых своих одежд. Шляпу он нахлобучил так, что лица не было видно; рукой он прикрывал щеку, а у ноги болталась шпага в лиможских ножнах;[202] шляпа была скроена на плутовской манер, без макушки, чтобы пар выходил из головы, а куртка — по французской моде, вся изрезанная, изорванная — ни одного живого места! Рубахой ему служила собственная плоть, видневшаяся под решетом верхней одежды; штанами — то же самое; один чулок был цветастый, другой — зеленый, и оба едва доходили ему до щиколоток; обут он

[202] Примечания: 202

...шпага в лиможских ножнах... — Одно из «темных мест» оригинала; предлагаемое комментаторами чтение limoja условно, и они сами признают, что о каких-либо особенных лиможских ножнах ничего не известно.

был на манер босоногих братьев[203] — в обноски-шлепанцы. По перу, пришитому к шляпе, я заподозрил в нем солдата. Так рассудив, я спросил его, откуда он и куда путь держит; он поднял глаза, чтобы посмотреть, кто спрашивает, и узнал меня, а я — его: то был дворянин, которому я прислуживал в Толедо, и я весьма удивился, встретив его в таком одеянии. Заметив мое изумление, тот сказал:

— Немудрено, друг Ласаро, что ты поразился, застав меня в таком виде; но скоро пройдет твое изумление — я расскажу тебе, что произошло с тех пор, как я бросил тебя в Толедо, до нынешнего дня. Возвращаясь домой с меной дублонов, чтобы заплатить кредиторам, встретил я женщину, чье лицо было укрыто плащом. Дергая меня за накидку, проливая слезы, вздыхая и всхлипывая, она нежно просила меня помочь ей в беде. Я попросил ее рассказать, что за несчастье с ней случилось, ибо дольше рассказывать о сути дела, чем помогать. Она же, не переставая плакать

---

[203] Примечания: 203

...обут... на манер босоногих братьев... — Босоногие (descalzos) — реформаторское крыло ордена кармелитов (создан в Палестине в XII в.), последователей Тересы де Хесус (Teresa de Jesús; 1515—1582). Чтобы подчеркнуть свой аскетизм, не носили никакой другой обуви, кроме альпаргат — грубых плетеных сандалий с подошвой из дрока или пеньки.

и краснея, словно девица, поведала мне, что я должен был сделать: нужно было сопроводить ее в Мадрид, где, как ей рассказали, обретался кабальеро, который похитил ее честь, но тем не удовольствовался и заодно украл у нее все драгоценности, не сдержав обещания взять ее в жены; в случае моего согласия она обещалась оказать мне ту услугу, каковую обычно оказывают находящиеся в долгу женщины. Я утешил ее, как умел, вселив в нее надежду на то, что, если ее недруг всё еще жив, она обязательно с ним поквитается. Итак, мы не мешкая отправились в столицу[204], докуда я ее и сопроводил, оплатив все ее издержки. Сеньора, хорошенько знавшая, куда направляется, отвела меня к роте солдат, которые встретили ее радушно и отвели к капитану, чтобы тот зачислил ее в перевязчицы ран. Обратив ко мне бесстыжий взгляд, она произнесла: «Ступайте, сеньор простофиля, для этого я

---

[204] Примечания: 204

...отправились в столицу... — Здесь содержится косвенное указание на время действия и допущенный автором анахронизм. Если учесть, что пунктом назначения был назван явно Мадрид, то описанное происходило в то время, когда королевский двор располагался в этом городе. Между тем Мадрид впервые стал столицей Испании в 1561 г. В 1601—1606 гг. двор пребывал в Вальядолиде, а после статус столицы уже окончательно закрепился за Мадридом. Соответственно, описанные события никак не могли происходить раньше 1560-х годов — на 30—40 лет позже, чем в «Л I».

здесь и нужна». Смекнув, что меня обвели вокруг пальца, я принялся с пеной у рта грозить ей, что, не будь она дамой, я бы душу из нее вытряс. Один бывший там солдатик подошел и с издевкой дернул меня за нос, но не посмел дать пощечину, иначе его сразу можно было бы хоронить. Видя, что дело не выгорело, я, ничего не сказав, удалился чуть быстрее, чем шагом, чтобы посмотреть, не погонится ли за мной какой-нибудь дюжий вояка, желая меня прикончить. Ведь если б я с каким-нибудь новобранцем схватился да и убил его (а как же иначе?), то какая мне в этом честь и слава? Но выскочи на меня капитан или какой другой удалец, он бы ножом получил столько раз, сколько есть песчинок на дне морском. А раз погнаться за мной никто не дерзнул, то ушел я весьма довольный. Я стал искать ночлега, но приличествующего себе не обрел и теперь вот стою перед вами. Мог бы я податься в лакеи или в прислужники к пяти-шести штопальщицам[205], но лучше уж помереть с голодухи, чем служить на таких должностях.

В заключение мой славный хозяин сказал, что не нашел купцов-земляков, которые могли бы

[205] Примечания: 205

...к пяти-шести штопальщицам... — Имеются в виду сводни, которые среди прочих услуг восстанавливали девственность.

ссудить ему денег, не имел в кармане ни гроша и не ведал, где переночевать. Поняв, в какой переплет он угодил, я предложил ему половину кровати и ужина. Он принял подарок. Когда мы собрались ложиться, я сказал ему повесить одежду на спинку кровати — для ползавшей по ней публики в постели было тесновато.

Утром я попытался встать, сильно не шумя, протянул руку за одеждой — и тщетно, поскольку предатель похитил ее и скрылся. Я думал умереть прямо в кровати от досады, и лучше бы так оно и случилось; тогда бы я избежал подобных смертей в дальнейшем.

— Держи вора! Держи вора! — заголосил я; сбежались люди с постоялого двора, застали меня в чем мать родила и принялись шарить по углам в поисках одежки. Все хохотали как сумасшедшие, а я ругался как извозчик, посылая ко всем чертям вора и хвастуна, полночи донимавшего меня рассказами о величии своей персоны и знатности своего рода.

Единственным средством (поскольку другого не сыскалось) было примерить на себя лохмотья того бахвала, пока Господь не пошлет иной одежды, но они были настоящим лабиринтом: без конца, без начала, куртки от туфель не отличишь.

Ноги я сунул в прорези для рук, вместо обуви примерил платье, а о чулках и говорить нечего — они походили на рукава от мантии судейского; сандалии на мне сидели словно колодки, ибо подошв у них не было. Шляпу я напялил наизнанку, чтобы казалась не такой засаленной; умолчу о разном пешем и конном люде, который прогуливался по моему телу[206]. И в таком-то обличье я и предстал перед хозяином, пославшим за мной; тот, удивившись этакому пугалу, так расхохотался, что мышцы его зада расслабились, и из него вывалилось такое, о чем, из почтения к этому господину, подобает умолчать. Очухавшись, хозяин спросил, с чего это я так вырядился; я ему всё рассказал, а он, вместо того чтобы сжалиться, отругал меня и выставил вон. Он сказал так: если уж я такого человека приютил у себя в кровати, то и в другой раз затащу вора, но уже к нему домой.

[206] Примечания: 206

...умолчу о разном пешем и конном люде, который прогуливался по моему телу. — Речь, разумеется, идет о блохах. Один из тех случаев, где автор для создания комического эффекта обращается к витиеватому барочному слогу.

ГЛАВА ВТОРАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО СЕЛ НА КОРАБЛЬ В КАРТАХЕНЕ

Так уж получалось, что я недолго задерживался у своих хозяев; так вышло и с этим, правда, не по моей вине. Оказался я бесприютным, брошенным и удрученным, в одеянии, над которым все глумились и насмехались. Одни мне говорили:

— Недурная шляпа с фальшивыми полями; наверное, так модники ходят.

А другие:

— Куртка у вас модная, похожая на свинарник: когда она на теле вашей милости, то по нему бегают такие откормленные хряки, что их можно закалывать и, засолив, посылать вашей супру-

ге[207].

Один армейский носильщик мне сказал:

— Сеньор Ласаро, Богом клянусь, из ваших чулок так хорошо видны икры! А в сандалиях вы просто вылитый апостол[208].

На что начальник альгвасилов отозвался:

— Сеньор, наверное, маврам собрался проповедовать.

И так они мне перемывали косточки, что я уже думал повернуть домой, но не сделал этого, решив, что худая получится война, если на ней я не наживу больше, чем потерял. К тому же я ощущал, что от меня бегали как от прокаженного.

Мы погрузились на корабль в Картахене. Он был весьма велик и богато нагружен. Поднялись паруса и отдали нас во власть ветра, который нес корабль и двигал его с большой скоростью. Земля исчезла из виду, а на море разыгрался встречный ветер, вздымавший паруса до небес. Буря усиливалась, надежда таяла, а моряки и кормчие ее не

---

[207] Примечания: 207

...на теле вашей милости... бегают такие откормленные хряки, что их можно закалывать и, засолив, посылать вашей супруге. — Ср. примеч. 12 к гл. 1.

[208] Примечания: 208

...вылитый апостол. — Шутливое выражение «по-апостольски» (a la apostólica, a lo apostólico, apostólicamente) означало, в зависимости от контекста, «бедно» или «пешком» (здесь, вероятно, в первом значении).

вселяли. Поднялся такой стон и плач, как будто я оказался на проповеди о Страстях Господних. В таком гаме нельзя было разобрать приказов; кто-то бежал на один борт, кто-то на другой; мы галдели, как котельщики[209]. Все исповедовались кому придется, и кое с кем случилось так, что он исповедал грехи одной потаскухе, а та даровала ему отпущение так, словно сотню лет носила сан.

В мутной воде рыбаку раздолье. Увидев, как все заняты, я сказал себе: «Коли помирать, так с набитым брюхом»[210]. Я спустился в трюм, где в изобилии нашел хлеб, вино, пироги и соленья, которым никто еще не сказал «А что вы тут делаете?». И принялся я пожирать всё, что видел, и набивать себе желудок, чтобы наесться впрок

---

[209] Примечания: 209

...галдели как котельщики. — Данное сравнение, вероятно, основано на том, что профессия котельщика (мастера, изготовляющего котлы) предполагает высокий уровень шума, а потому ее представителям, разговаривающим в ходе работы, приходится громко кричать, чтобы услышать друг друга.

[210] Примечания: 210

...я сказал себе: «Коли помирать, так с набитым брюхом». — В оригинале употреблена испанская поговорка «Muera Marta, y muera harta» (букв.: «Умри, Марта, и умри сытой»), часто встречающаяся в литературе Золотого века (в частности, в «Дон Кихоте») и указывающая, в зависимости от контекста, на отчаянную храбрость перед лицом опасности (ср. *рус.* «Двум смертям не бывать...») либо на стремление удовлетворить собственные прихоти, не считаясь с обстоятельствами.

к Судному дню. Ко мне спустился один солдат, который хотел попросить его исповедать; но, увидев, что я в бодром расположении духа и с отменным аппетитом, удивился, как это я мог есть перед лицом смерти. А я ему ответил:

— Ем, чтобы морская вода, которой я напьюсь, когда буду тонуть, мне не повредила.

От моей простоты он чуть со смеху не лопнул. Я исповедовал многих: они слова не могли от страха молвить, да и я особо не вслушивался. Капитаны и значительные лица, а с ними два священника, спаслись в шлюпке; я был дурно одет и потому туда не поместился.

Наевшись до отвала, я подошел к бочонку доброго вина и разбавил то, что влезло ко мне в брюхо; я уж и забыл, что бушует гроза и на каком я вообще свете.

Корабль начал тонуть кормой вниз, вода входила в него, как к себе домой. Командир роты схватил меня за руки и в предсмертной агонии попросил меня выслушать грех, который он собирался исповедать. Грех состоял в том, что он не исполнил епитимью — совершить паломниче-

ство к дому Богоматери в Лорето;[211] было это для него весьма удобно, но он хоть и собирался, да обещанного не исполнил. Я сказал ему, что данной мне властью переменяю епитимью, и вместо Лорето он должен отправиться в Сантьяго[212].

— Ах, господин! — сказал он. — Хотел бы я совершить покаяние, да не смогу, ибо вот-вот нахлебаюсь воды.

— Коли так, — заметил я, — то налагаю новую епитимью: выпить всю воду в море.

Но так он и не выполнил клятвы, и многие выпили столько же, сколько он. Когда вода дошла мне до рта, я сказал ей: «От ворот поворот»; даже если б я открыл свои врата, она не смогла бы туда проникнуть, ибо тело мое так напиталось вином, что походило на полный бурдюк.

---

[211] Примечания: 211

Дом Богоматери в Лорето — один из крупнейших центров католического паломничества. По преданию, дом, где жила Дева Мария, располагался в Назарете и был найден императрицей Еленой Равноапостольной (ок. 250—330) во время путешествия по святым местам в 326 г.; по ее повелению над этим домом была выстроена церковь. В XIII в., во время нашествия турок, дом Богоматери был будто бы перенесен ангелами сначала в Далмацию, а затем в Италию, в небольшой городок Лорето. Предание о перенесении «Святой хижины» сложилось к началу XIV в. и было наиболее систематически изложено итальянским гуманистом Флавио Бьондо (1392—1463). В 1491 и 1507 гг. подлинность святыни и отпущение грехов за паломничество в Лорето подтверждались особыми папскими буллами.

[212] Примечания: 212

Сантьяго (полное название: Сантьяго-де-Компостела) — город в

Галисии (северо-запад Испании), начиная с XI в. — крупнейший центр паломничества. По преданию, в городском соборе покоятся мощи апостола Иакова Старшего; поклонение им дарует отпущение грехов и привлекает огромное число паломников со всей Европы.

К месту крушения приплыло множество рыб, будто бы на зовы о помощи с корабля; и стали они пожирать плоть несчастных утопленников[213] (причем не в мелкой воде!), как будто паслись на выгоне. Они и меня хотели казнить, но я схватился за шпагу и, не тратя времени на беседы со столь подлым людом, охаживал их не жалея сил. Они мне шептали:

— Мы не желаем тебе зла, лишь хотим узнать, каков ты на вкус.

Я так усердствовал, что за полчетверти часа истребил не меньше пятисот тунцов, желавших устроить себе пиршество из плоти грешников. Уцелевшие рыбы наелись мертвечины и оставили общество Ласаро, не сулившее им выгод.

Я оказался безраздельным властителем дна морского. Проплывая от одного места к другому, я видел разные чудеса: бесчисленные остовы и тела людей, немало сундуков, полных жемчуга и золота, множество оружия, шелков, холста и пряностей. Меня разбирало от зависти и сожаления, что ничего такого нет у меня дома, отчего,

---

[213] Примечания: 213

К месту крушения приплыло множество рыб... и стали они пожирать плоть несчастных утопленников... — Х. де Луна с большой точностью следует автору «Л-II» в описании первого столкновения Ласарильо с тунцами (ср. с. 104 наст. изд.), далее, впрочем, развивая сюжет в ином направлении и избавляя его от фантастики «рыбного царства».

как говорят бискайцы, я был готов «отведать хлеба, смоченного в сардинном масле»[214]. Я сделал всё, что мог, а мог я немногое. Открыл я большой сундук, набил его дублонами и драгоценнейшим жемчугом, взял канатов из тех, что в изобилии там лежали, привязал его и, связав одни канаты с другими, сделал один, настолько длинный, что счел его достаточным для подъема на поверхность. Если мне удастся вытащить отсюда всё это богатство, говорил я про себя, то в целом свете нельзя будет сыскать трактирщика жирнее меня. Построю себе дома, буду жить на ренту, куплю себе толедскую виллу с садом; моя жена будет называться «дон»[215], а я — «сеньор»; выдам дочь замуж за самого богатого пирожника в округе. Все придут меня поздравлять, а я скажу, что славно потрудился, добывая богатство не из недр земных, а из глубин морских, не вымокший от пота, но просоленный, как вяленая треска. В жизни не был я столь счастлив, если не считать

---

[214] Примечания: 214

...«отведать хлеба, смоченного в сардинном масле». — Точный смысл и источник этого приписанного бискайцам изречения не установлен.

[215] Примечания: 215

...моя жена будет называться «дон»... — Присвоение титула «дон» (особенно если это делали женщины, не замечая, что оно предписано лишь мужчинам) было обычным предметом насмешек в литературе Золотого века.

одного обстоятельства: стоило мне открыть рот, как я оказался бы погребенным со своими сокровищами до второго пришествия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВЫБРАЛСЯ ИЗ МОРЯ

Оказавшись в шаге от гибели, я трепетал; будучи в шаге от богатства — радовался. Смерть меня пугала, но клад веселил мой взор и побуждал меня бежать смерти и наслаждаться сокровищем. Я снял с себя обноски, оставленные мне в благодарность за службу моим хозяином, оруженосцем. Привязав канат к ноге, я начал плыть, пусть и не очень умело; в час опасности у меня словно крылья выросли на ногах, а руки превратились в весла. Рыбы, проплывавшие мимо, бросились меня кусать, подталкивая меня и служа мне опорой. Они кусались, я брыкался, и так мы приблизились к поверхности воды, где

случилось то, что обрушило на меня несчастья. Я вместе с рыбами попался в расставленные рыбаками сети; почуяв улов, они дернули их с такой силой, что в меня начала проникать вода, причем стремительно. Не в силах сопротивляться, я начал тонуть; так бы и случилось, когда бы рыбаки, в обычной для них спешке, не вытянули улов в суденышки. На скверный запах я плевать хотел, мне случалось пить и похуже: вспомнилась мне моча господина архипресвитера, которую как-то раз жена заставила меня выпить под видом вина из Оканьи[216].

Когда рыбы оказались в лодке, а я среди них, рыбаки начали тянуть за веревку, по которой, как говорится, до клубка дойти можно. Увидев, что к ней привязан я, они в изумлении заголосили: «Что за рыба в человеческом облике? Дьявол это или призрак? Потянем-ка за этот канат да посмотрим, что у него к ноге привязано». Тянули они с такой силой, что лодка начала крениться; поняв, что это небезопасно, они перерубили веревку, а вместе с нею — и все надежды Ласаро выбиться из грязи в князи. Рыбаки положили меня на живот, чтобы вышла вода, а заодно и выпитое мной

[216] Примечания: 216

Оканья — город в центре Испании, близ Толедо, некогда крупный центр виноделия.

вино. Увидев, что я не умер (что было бы для меня никак не хуже), они дали мне немного вина, и от него я снова стал полон сил, словно светильник, в который плеснули масла. Задали мне тысячу вопросов; я ни на один не ответил, пока меня не покормили. Собравшись с духом, я сперва спросил, куда девалась веревка, которую я примотал к ноге. Мне ответили, что ее перерубили, чтобы уйти от опасности. Вот тут и погибла Троя, а с нею — взлелеянные Ласаро мечты, тут и начались его беды, невзгоды и мучения. Нет на свете большего горя, чем стать богачом и оказаться на седьмом небе, а потом очутиться в нищете и в лапах неслухов. На воде возвел я свои фантазии, и вода же их потопила. Я рассказал рыбакам, чего я заодно с ними лишился из-за рассечения пут. Они испытали на себе столь великий гнев, что один из них чуть не наложил на себя руки.

Самый умный из рыбаков сказал, что недурно было бы вернуть меня в море и посторожить, пока я не выберусь. Остальные поддержали его слова; и, невзирая на неудобства, которые я им доставил, стояли на своем, уверяя меня: коли я знаю дорогу, то доберусь с легкостью (как будто я собирался за пирожками или в кабак). Алчность так застила им глаза, что меня уже хотели бро-

сить в воду, но тут (на счастье мне, на беду ли) появилось там, где мы стояли, судно, пришедшее помочь им перевозить улов. Они замолчали, чтобы другие не узнали об открытом ими кладе; но нелегко им было оставить злой умысел. Корабли пристали к берегу; меня бросили к рыбам, чтобы спрятать, а потом вернуться и при возможности снова начать поиски. Двое схватили меня и поволокли в хибару, стоявшую рядом. Один из них, не причастный тайне, спросил, кого это они притащили; ему ответили — морское чудовище, выловленное с тунцами. Оказавшись в этом свинарнике, я попросил у них какого-нибудь тряпья, чтобы можно было прикрыть наготу и показаться на людях. Мне ответили: «Это потом, сначала хозяйке по счетам заплатим»[217]. Из этого тайного наречия я ничего не понял.

Молва о чудовище разнеслась по всей округе. В лачугу валом валил народ, чтобы поглазеть на меня, а рыбаки не хотели меня показывать, уверяя, что ждут разрешения от господина епископа и инквизиторов, а до тех пор не положено.

---

[217] Примечания: 217

Мне ответили: «Это потом, сначала хозяйке по счетам заплатим». — «Темное место» оригинала (характерно, что непонятность этой фразы отмечена самим Ласарильо). По-видимому, оборот воровского жаргона или не дошедшая до нас региональная поговорка; приблизительный смысл: «Давай сначала обсудим кое-что важное».

Я же пребывал в изумлении, не зная ни что говорить, ни что делать, ибо не догадывался об их намерениях. Случилось со мною то же, что и с рогоносцем, который о своих рогах узнаёт последним. А эти черти замыслили такое, до чего сам сатана бы не додумался, и заслуживает это особой главы и особого внимания.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВОЗИЛИ ПО ИСПАНИИ

От поблажки и воры плодятся; рыбаки, видя, какой выгодный им выпал случай, тут же ухватили его за чуб[218], а потом уже и за всё тело. Видя, сколько народу ходит посмотреть на новую рыбку, решили они возместить себе убытки, понесенные от перерезанного каната на моей ноге, и послали к господам инквизиторам просить о

---

[218] Примечания: 218

...видя, какой выгодный им выпал случай, тут же ухватили его за чуб... — Образ из античной мифологии, крайне распространенный в литературе Ренессанса и барокко. Бог Кайрос (*лат.* Cærus, *греч.* Καιρός — букв.: «Случай»), персонификация удачного мгновения, изображался крылатым и лысым, с одной лишь прядью волос на голове. Увидеть его можно было только лицом к лицу. Считалось, что если Кайроса сразу же не поймать за чуб, он повернется спиной и помчится прочь; а так как ухватить безволосый затылок невозможно, удачный момент будет упущен.

соизволении показывать по всей Испании рыбу с человеческим лицом. Они легко добились желаемого с помощью гостинца из лучшей пойманной ими рыбы, поднесенного их святейшествам. Когда бедный Ласаро благодарил Господа за то, что Он спас его из чрева китова[219] (а это было столь же великим чудом, сколь малыми были моя сноровка и смекалка, ибо плаваю я как топор), схватили меня четверо рыбаков, более похожих на заплечных дел мастеров, распявших Христа, чем на людей. Они связали мне руки и нацепили мне бороду и ржавый шлем, не позабыв об усах, отчего я стал похож на дикого человека, каких ставят в садах[220]. Ноги мне обернули листьями рогоза, и я уподобился горной форели.

Я оплакивал свое злосчастье, рыдал, сетуя на жребий и фортуну: «Кто же ты, то, что меня преследует? В жизни я тебя не видел и не знаю тебя;

---

[219] Примечания: 219

...Ласаро благодарил Господа за то, что Он спас его из чрева китова... — Намек на историю библейского пророка Ионы, проглоченного огромной рыбой и через три дня выброшенного на берег невредимым (см.: Ион. 2: 1—11).

[220] Примечания: 220

...дикого человека, каких ставят в садах. — В Средние века и эпоху Возрождения пользовались популярностью изображения «дикого человека» — гиганта с длинной бородой и усами, покрытого волосами и шерстью, одетого в звериные шкуры и вооруженного дубиной. Скульптурами «дикого человека» часто украшали сады.

но если можно по действию определить причину, то по тому, что я перенес, думаю, что нет русалки, василиска, аспида и львицы с новорожденными львятами беспощаднее тебя. Лестью ты возвышаешь людей и нежишь их на вершине твоих услад и богатств, а потом низвергаешь их в бездну бедствий и лишений, столь же огромных, сколь велики были твои щедроты».

Один из моих катов подслушал эту беседу с самим собой и крикнул мне зычным голосом:

— Если сеньор тунец скажет еще хоть слово, то мы вас либо засолим вместе с вашими собратьями, либо сожжем как чудовище. Господа инквизиторы повелели нам, — продолжил он, — возить вас по градам и весям Испании и показывать всем как диво и чудо природы.

Я клялся им, что я не тунец, не чудище или еще какое страшилище, а человек, такой же, как все остальные; а если и выбрался из моря, то лишь потому, что попал туда вместе с теми, кто утонул во время алжирского похода. Они тут же оглохли, и тем хуже становилась их глухота, чем меньше они хотели слышать. Поняв, что все мои мольбы им — что об стенку горох, я набрался терпения и начал ждать, пока время, которое всё лечит, не исцелит и мою беду, причиненную этими черто-

выми любителями превращений.

Меня положили в бадью, сделанную наподобие бригантины;[221] если она наполнялась водой, а я садился, то вода доставала мне до рта. Ног я не мог поднять, потому что они были связаны веревкой, один из концов которой торчал из-под обода этой посудины, так что если стоило мне, к несчастью своему, хоть пикнуть, то меня окунали, как лягушку, и приходилось мне хлебать больше, чем больному водянкой. Я сжимал зубы, пока не чувствовал, что тот, кто дергает за веревку, слабеет; тогда я высовывал голову наружу, словно черепаха, учась на собственном опыте.

Вот в таком виде меня всем и показывали, и столько народу собиралось посмотреть на меня (каждый при этом платил куартильо[222]), что они за день заработали двести реалов. Растут доходы — растут и аппетиты, и именно поэтому они призадумались о моем здоровье. Чтобы сохранить его, они устроили совет и обсудили,

---

[221] Примечания: 221

Бригантина. — Так в Средиземноморье XIII—XVI вв. называли быстроходные парусно-гребные суда.

[222] Примечания: 222

Куартильо — старинная медная монета; в XV в. ее стоимость составляла 1/4 реала (см. примеч. 13 к Р2 «Л-I»). Впоследствии фактически была уравнена с куарто (для сравнения: 8,5 куарто составляли 1 реал; см. также примеч. 2 к гл. 10).

не стоит ли меня на ночь вытаскивать из воды, ибо боялись, что от избытка влажности и холода может сократиться моя жизнь — а ценили они ее пуще собственной, поскольку получали от нее барыши. Они решили всё время держать меня в бадье, полагая, что со временем привычка превратится в природу; так что бедный Ласаро промокал, как рис или пенька в запруде.

Оставляю благочестивому размышлению участливого читателя вообразить, что я мог ощущать в таком положении, оказавшись узником столь необычной темницы. Я был пленником в земле свободы, порабощенным коварством этих алчных кукольников; а хуже всего переносил я то, что приходилось изображать немого, не утратив дара речи. Не мог я даже раскрыть рта, ибо мой страж всегда был настолько бдителен, что, пока никто не видел, наполнял его водой, опасаясь, как бы я не заговорил.

Пищей мне служил размоченный хлеб, который бросали зрители, желавшие посмотреть, как я ем; так что за те полгода, что я провел в этой ванне, не приходилось мне есть почти ничего иного, и я помирал с голоду. Моим питьем была вода из бадьи, пусть и не очень чистая, но зато более питательная, чем хлеб, особенно когда у меня

от холода случился понос, длившийся столько же, сколько мое пребывание в водяном чистилище.

ГЛАВА ПЯТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ДОСТАВИЛИ В СТОЛИЦУ

Эти изверги возили меня из города в село, а из села в деревню, а из деревни на хутор; и были при этом довольны, как в праздник Пасхи. Они глумились над бедным Ласаро и приговаривали, напевая:

— Славься, славься, рыбка, что кормит нас без труда!

Мой гроб возили на телеге. Со мной путешествовало трое: возница, тот, кто дергал меня за веревочку, когда я пытался заговорить, и рассказчик моей жизни. Сей последний произносил речи, повествуя о необычайном способе, каковым меня изловили, и врал при этом, как портной

накануне Пасхи[223]. Когда мы проезжали по безлюдным местам, мне позволяли говорить — и это наибольшая милость, какой я от них удостоился. Я спрашивал у них, какого черта им взбрело в голову возить меня в рыбном садке. Мне отвечали, что иначе бы я погиб в одно мгновение; раз уж я рыба, то без воды жить точно не смогу. Видя их упорство, я решил и вправду стать рыбой и убеждал сам себя, что коли всем я представляюсь рыбой, то, значит, морская вода меня преобразила; как говорится, глас народа — глас Божий. Вот поэтому в дальнейшем я молчал, как на мессе.

Меня привезли ко двору, сулившему большую наживу, ибо придворные, как это часто бывает с людьми праздными, — большие охотники до диковинок. Среди толпы, пришедшей поглазеть на меня, оказалось двое студентов. Они, разглядев как следует мою физиономию, сказали вполголоса, что поклянутся у алтаря, что я не рыба, а человек, и что, будь они судейскими, вывели бы дело на чистую воду и хорошенько начистили бы спины плетьми. В сердце своем я воззвал к Господу, чтобы так и произошло, а меня бы вытащили

[223] Примечания: 223

...врал... как портной накануне Пасхи. — Поговорка, аналогичная русской «Врал с три короба»; в народе у портных была устойчивая репутация лжецов и мошенников.

оттуда. Хотелось мне им помочь, сказав «Сеньоры бакалавры правы!»; но едва я раскрыл рот, как мой страж тут же наполнил его водой. Из-за криков, издаваемых всей толпой, когда я окунулся (вернее, меня окунули), добрые лиценциаты не смогли продолжить свое рассуждение.

Мне бросали хлеб, который я уписывал прежде, чем тот успевал как следует промокнуть; не досталось мне и половины того, что я раньше едал. Вспоминал я о толедском довольстве и друзьях своих немцах, равно как и о том добром вине, что я нахваливал на площадях. Я молил Господа повторить чудо в Кане Галилейской[224] и не позволить мне сгинуть во власти воды, моего злейшего недруга.

Я раздумывал над тем, что сказали студенты, тем более что из-за всеобщего галдежа никто больше их не услышал. Снова уверившись в том, что я человек, я воспрянул духом, хотя жена не единожды заявляла мне, что я-де сущий зверь, а толедские юноши говаривали: «Сеньор Ласаро, нахлобучьте шляпу, а то рога торчат».

Всё это, а заодно и пребывание в мокроте, по-

---

[224] Примечания: 224

...*чудо в Кане Галилейской...* — Согласно Евангелию от Иоанна, первое чудо, совершенное Иисусом Христом — превращение воды в вино во время брачного пира в Кане близ Назарета (см.: Ин. 2: 1—11).

вергло меня в сомнение — в полном ли смысле слова я человек или нет; но когда я услышал речь сих благословенных прозорливцев, то более не сомневался и попытался вырваться из лап пленивших меня халдеев.

Однажды ночью, в самый тихий ее час, видя, что мои сторожа спят без задних ног, я попробовал развязать себя, но из-за того, что веревки промокли, не преуспел. Я думал было закричать, но решил, что ни к чему это не приведет, ибо первый же, кто услышит крик, заткнет мне глотку целым ведром воды.

Видя, что двери моего спасения заперты, с великим нетерпением я принялся барахтаться в своем болотце; и так я потрудился и изощрился, что бадья перевернулась, и я вместе с нею. Вся вода растеклась; очутившись на свободе, я громко позвал на помощь. Насмерть перепуганные рыбаки, узнав, что я натворил, прибегли к спасительному средству, а именно заткнули мне рот, набив туда травы, и, чтобы заглушить мои крики, сами стали еще громче орать: «Стража! Стража!» Так поступая, они к тому же с невиданной быстротой снова наполнили бадью водой из бывшего рядом колодца. Выскочил хозяин с алебардой, а с ним и все, кто был на постоялом

дворе, — иные с вертелом, иные с дубьем; сбежались туда и соседи, а также случившийся рядом альгвасил с шестью легавыми. Трактирщик спросил у моряков, что происходит; они ответили, что это воры пытались похитить их рыбку. Один как помешанный орал: «Держи ворье! Держи ворье!» Пока проверяли, не выскочили ли воры в дверь и не упрыгали ли по крышам, мои блюстители вернули меня обратно в лохань.

Так случилось, что вся пролившаяся вода просочилась через дыру в нижние покои и на кровать, где спала служанка, которая из человеколюбия приютила в ней священника, за ее благосклонностью пришедшего той ночью на постоялый двор. Они так перепугались потопа, изливавшегося на их постель, и издаваемых всеми воплей, что, не зная, что делать, выпрыгнули из окна в одеждах Адама и Евы, только без фиговых листков на срамных частях. Луна сияла так ярко, что могла поспорить и с дневным светилом. Увидев их, все заорали: «Держи ворье! Держи ворье!» Легавые и альгвасил бросились за ними и почти сразу же настигли, ибо любовники были босы и не могли бежать по камням; их незамедлительно препроводили в тюрьму. Рыбаки с утра пораньше выехали из Мадрида в Толедо, так и не узнав, что

сотворил Господь с недалекой девицей и благочестивым священником.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ПРИВЕЗЛИ В ТОЛЕДО

Труд человеческий — суета, знание — неведение, а сила — немощь, если Бог их не укрепляет, не наставляет и не направляет. Все мои усилия лишь усугубили бдительность и усердие моих стражей. Разгневанные вчерашним ночным сражением, они всыпали мне столько палок, что я чуть не помер, и приговаривали:

— Что, гнусная рыбешка, сбежать вздумала? Забыла уже нашу доброту — ведь мы же тебя не убили? Ты прямо как дуб, у которого желуди

палкой выколачивать надо[225].

Изможденного, отлупленного и до смерти голодного, меня доставили в Толедо. Они поселились рядом с площадью Сокодовер в доме у одной вдовы, чьи вина я нахваливал в бытность глашатаем. Меня разместили в покоях на нижнем этаже, куда сходилась куча народу.

Среди зевак оказалась моя Эльвира[226], державшая за руку дочку. Когда я их увидел, то не сдержался и разрыдался так, что пролил два Нила из слез. Я плакал и вздыхал, но тайно, чтобы не лишиться того, что мне так было дорого; смотря на них, я желал иметь тысячу глаз, чтобы вволю наглядеться. Впрочем, лучше бы те, кто лишали меня речи, отняли у меня и зрение, ибо, хорошенько рассмотрев жену, я обнаружил — сказать страшно!.. — что брюшко у нее сильно округлилось. Я был поражен и ошеломлен; но если разумно рассуждать, то нечему тут было

---

[225] Примечания: 225

...прямо как дуб, у которого желуди палкой выколачивать надо. — Испанская поговорка (о нерадивом или неуступчивом человеке).

[226] Примечания: 226

...моя Эльвира... — Хуан де Луна заимствует имя жены Ласаро из «Л-II», далее, однако, именуя ее Бригитой (см. с. 195 наст. изд.). Непоследовательность в именовании, скорее всего, вызвана простой небрежностью автора.

удивляться, ибо архидиакон, мой господин[227], говорил перед моим отбытием на войну, что будет поступать с моей женой, как со своей собственной. Более всего меня огорчало, что никак нельзя было себя убедить, что ребенок мой, ибо меня дома не было больше года. Когда я жил совместно с нею и она мне говорила: «Не думай, Ласаро, что я тебе изменяю, а если ты так взаправду считаешь, то очень зря», то я был так счастлив, что бежал от дурных мыслей о ней, как черт от ладана. Я проводил жизнь в беспечности и довольстве и не ревновал, почитая ревность болезнью безумцев.

Много раз я про себя думал, что в родительских делах многое зависит от понимания. Сколько раз так бывает, что одни отцы души не чают в детях, которым от них досталось одно лишь имя, а другие по невесть откуда взявшейся прихоти ненавидят чад своих, полагая, что жены навесили им на головы ветвистые украшения! Принявшись считать месяцы и дни, я обнаружил, что пути к утешению отрезаны. Я вообразил, что моя благоверная страдает водянкой, но сие благочестивое размышление продолжалось недолго,

---

[227] Примечания: 227

...архидиакон, мой господин... — Ошибка автора: в «Л-I», «Л-II» и в остальном тексте «Л-III» (за исключением еще одного места, см. примеч. 2 к гл. 8) покровитель Ласарильо именуется архипресвитером.

ибо стоило ей выйти, как две старухи стали переговариваться. Одна сказала:

— Ну как тебе наша архипресвитерша? Муженек-то ей и не нужен.

— От кого же она брюхата? — спросила другая.

— От кого? — продолжила первая. — Да от сеньора архипресвитера, и чтобы не было позора, когда она без мужа в дому разродится, он выдает ее за Пьера-французика[228], а он такой же податливый, как мой куманек Ласаро.

Тут и переполнилась чаша моего терпения: от напряжения мое сердце аж взмокло под водой, и, не имея сил более сопротивляться, я рухнул без чувств на дно своего свинячьего корыта. Вода беспрепятственно проникала во все мои входы и выходы, так что казалось, что я умер — против своего желания, которым всегда было жить так, как велит Господь и позволяют силы, наперекор невзгодам и злокозненной фортуне. Раздосадованные рыбаки всех выгнали наружу и с большой осторожностью вытащили мне голову

---

[228] Примечания: 228

Пьер-французик. — В оригинале: «gabacho». Первоначально данное слово было презрительной кличкой пиренейских горцев, живших на границе с Францией; они зарабатывали на жизнь отхожими промыслами, исполняли самую грязную работу и считались людьми нечистоплотными, грубыми и подлыми. Со временем этим прозвищем стали именовать французов.

из воды. Обнаружив, что я бездыханен и сердце мое не бьется, они сами начали задыхаться в рыданиях, оплакивая потерю, для них немалую. Меня извлекли из корыта и стали принуждать к изблеванию того, чего я наглотался, но безуспешно, ибо смерть уже захлопнула за собою дверь. Они белого света невзвидели, да и сами стали кипенного цвета, словно на Белое воскресенье;[229] не ведали они, как умирить или хотя бы умерить свои муки и горести. В конце концов их тройственный совет постановил, что с наступлением ночи меня отнесут к реке и бросят в оную с камнем на шее, чтобы то, что прежде было моим истязателем, стало мне могилой.

[229] Примечания: 229

...стали кипенного цвета, словно на Белое воскресенье... — В католическом литургическом календаре Белым именуется следующее воскресенье после Пасхи. Название связано с обычаем носить вплоть до этого дня белую одежду, полученную при таинстве крещения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЛАСАРО НА ДОРОГЕ ВДОЛЬ ТАХО

Пусть никто не отчаивается, какие бы невзгоды его ни угнетали, ибо, когда меньше всего ждешь, Господь распахнет окна и двери своего милосердия и явит, что нет ничего невозможного, и Он умеет, может и хочет превратить замыслы злодеев в целительные животворящие лекарства для тех, кто верует в Него. Этим грубым живодерам казалось, что смерть не шутит, ибо это у нее не в обычае; и потому они засунули меня в мешок и, водрузив на мула подобно бурдюку с вином (вернее, с водой, ибо как раз ею был я наполнен до макушки), отправились в Куэста-дель-Кар-

мен[230], опечаленные, словно везли хоронить собственных отца и мать. Угодно было моей доброй судьбе, чтобы положили меня на пузо и, едучи ртом вниз, я вдруг стал исторгать через него воду, словно открытый шлюз или свайный молот.

Я пришел в себя и, переведя дыхание, понял, что я уже не в воде и не в мерзостной лохани. Но, где я нахожусь и куда меня везут, я не ведал, слышал только: «Надо бы для верности разыскать колодец поглубже, чтобы его быстро не нашли». По этой нитке я дошел до клубка, представил, что сейчас будет, и, раз уж двум смертям не бывать, услышав голоса других людей, я вскрикнул:

— Спасите, ради бога! Стража, стража!

Голоса исходили от дозорных, которые откликнулись на мой призыв обнаженными шпагами; досмотрев мешок, они нашли там бедного Ласаро, похожего на вымоченную треску. Тут только нас и видели — всех отправили в тюрьму; рыбаки рыдали, оказавшись в заключении, а я смеялся, очутившись на воле.

Их поместили в застенок, а меня — в койку. Утром у нас взяли показания; они сознались,

---

[230] Примечания: 230

Куэста-дель-Кармен — гористая местность к северу-западу от Толедо.

что таскали меня по Испании, но заявили, что творили это в полном убеждении, что я — рыба, и даже получили на то разрешение от господ инквизиторов. Я же обо всём рассказал правду, особенно о том, что эти негодяи так меня связали, что я пикнуть не мог.

Послали за архипресвитером и моей милой Бригитой, чтобы подтвердить, тот ли я Ласаро с берегов Тормеса, за которого себя выдаю. Сперва вошла моя жена и, как следует оглядев меня, сказала, что я и вправду чем-то смахиваю на ее муженька; но казалось ей, что я — не он, ибо, хоть я и был скотиной, но скорее москитом[231], чем китом, или волом[232], нежели рыбой. Сказав сие, она отвесила низкий поклон и удалилась. Адвокат моих истязателей потребовал меня сжечь, ибо я, без сомнения, чудовище, что он и собирался доказать. «Видно, и вправду преследует меня какой-то чародей, — говорил я сам себе, — и превращает меня по собственной прихоти». Судьи заставили его замолчать.

---

[231] Примечания: 231

...ибо. хоть я и был скотиной, но скорее москитом... — То есть пьяницей (москиты, по распространенному поверью, самозарождались в вине).

[232] Примечания: 232

...или волом... — То есть импотентом (волы не дают потомства). Последнее обвинение, прозвучавшее из уст жены, должно казаться верхом цинизма.

Вошел сеньор архипресвитер; увидев меня всего бледного и сморщенного, как старушечье брюхо, он заявил, что знать меня не знает. Я напомнил ему кое-что из бывших с нами происшествий, порою весьма секретных; например, спросил, помнит ли он ночь, когда он голым пришел ко мне в спальню, сказал, что боится обитающего в его комнате домового, и улегся между мною и женой. Чтобы я больше не подавал таких знаков, он признал, что я на самом деле Ласаро, его добрый друг и слуга. Суд завершился свидетельством сеньора капитана, который вытащил меня из Толедо, и тех, кто спасся в шлюпке во время бури, подтверждавших, что я и есть Ласаро, слуга архипресвитера. Всё это согласовывалось с рассказом о времени и месте, где, по словам рыбаков, я был пойман. Каждого из них приговорили к двум сотням плетей и изъятию имущества: одна часть — королю, другая — узникам, а третья — Ласаро.

У них нашли две тысячи реалов, двух мулов и одну повозку; после уплаты издержек мне перепало двадцать дукатов[233]. С моряков спустили

---

[233] Примечания: 233

Дукат — серебряная монета, чеканившаяся в Венеции с 1543 г.

шкуру, если не все семь[234], я же стал богат и счастлив, ибо никогда в жизни не держал в руках столько денег сразу. Пошел я домой к другу, где опрокинул несколько мер вина, чтобы отбить мерзкий вкус воды, раздухарился и начал гулять по-графски, славимый друзьями, внушающий ужас врагам и всеми любимый.

Прошлые бедствия казались мне сном, нынешнее преуспевание — тихой гаванью, а будущие надежды — райским садом наслаждений. Тяготы учат смирению, а благоденствие распаляет гордыню. До тех пор, пока не кончились эти двадцать монет, если бы сам король назвал меня братом, я бы счел это оскорблением. Когда нам, испанцам, достается реал, мы держимся князьями; и даже когда его нет, самомнение у нас всегда отыщется. Спросишь распоследнего нищего, кто он такой, и он ответит, что по меньшей мере потомок

[234] Примечания: 234

С моряков спустили шкуру, если не все семь... — Здесь фразеологизм следует понимать во втором значении (т. е. не «выпороли», но «отобрали имущество»).

готов[235], просто нелегкая судьба загнала его в угол, ибо привычно безумному миру возвышать низких и принижать высоких. Но даже если так и есть, он себя в обиду не дает, ценит себя выше всех и скорее умрет с голоду, чем примется за работу; если какому-нибудь ремеслу и учится, то спустя рукава, и потом либо вовсе не работает, либо всё делает из рук вон плохо, так что во всей Испании сейчас не сыскать сносного чиновника. Помню, был в Саламанке один сапожник; когда ему приносили что-нибудь на починку, он заводил целую речь, жаловался на фортуну, что вынуждает его обратиться к столь презренному ремеслу, хотя он из такого-то рода и сын таких-то родителей, знатностью своей известных всей Испании. Как-то раз я спросил его соседа, что за родители у этого самохвала; и выяснилось, что отец его работал давильщиком винограда, а зимой покольщиком свиней, мать же была чистильщицей потрохов,

---

[235] Примечания: 235

...потомок готов... — Испанская высшая знать вела свою родословную от вестготов, основавших на территории Испании королевство, просуществовавшее с 418 по 721 г. Происхождение от готов должно было подчеркнуть как древность рода, так и отсутствие в нем «нежелательных» арабских и еврейских примесей. Обладатели «нечистой крови» пользовались со стороны «готов» презрением и дискриминировались на государственном уровне. «Готская гордыня» (soberbia gótica) представлялась многим иностранным путешественникам национальной чертой испанцев.

то есть служанкой у торговца требухой.

Купил я себе сильно поношенный бархатный камзол и такого же состояния плащ из грубого сеговийского сукна;[236] также я носил шпагу, кончик которой выдирал камни из мостовых. После выхода из тюрьмы я так и не навестил жену, чтобы заставить ее желать моего прихода и отомстить за презрение, которым она меня одаривала. Я был непоколебимо уверен, что она, увидев меня в таком костюме, непременно раскается и примет меня с распростертыми объятьями; но ей хоть кол на голове теши.

Придя к ней, я заметил, что она недавно родила и вышла замуж. Увидев меня, она крикнула:

— Уберите от меня эту недовымоченную рыбешку, этого гусака ощипанного, а не то, жизнью отца клянусь, я встану и вырву ему глаза.

На это я невозмутимо ответил:

— Не спешите так, сеньора лярва, раз уж ни вы меня мужем не признаёте, ни я вас женой, оставьте мне мою дочь, и мы разойдемся друзьями. Я накопил достаточно приданого, — продолжил я, — чтобы с большим почетом выдать ее замуж.

---

[236] Примечания: 236

...плащ из... сеговийского сукна... — Кастильский город Сеговия в описываемые времена был одним из главных центров текстильного производства.

Казалось мне, что эти двадцать дукатов — словно пять монет Хуана-Богом-отмеченного[237], который, как только их тратил, тут же находил в мошне еще пять; но поскольку Ласарильо был от дьявола, со мною ничего подобного не произошло, как можно убедиться из следующей главы.

Сеньор архипресвитер воспротивился моей просьбе, заявив, что дочь-то не моя, в доказательство чего предъявил крестильную книгу, из которой при сопоставлении с записью о браке следовало, что дочка родилась через четыре месяца после моего знакомства с женой. Меня выставили ослом, а ведь прежде я гордо восседал на жеребце, считая своей дочерью чужую.

Я отряхнул прах с ног и умыл руки в знак того, что я невиновен и ухожу навсегда. Повернулся я спиной и удалился так невозмутимо, как будто никогда их в глаза не видел. Разыскав своих друзей, я рассказал им, в чем было дело; они меня утешали, для чего особого труда не требовалось. Не хотелось мне возвращаться к ремеслу глашатая, ибо тот бархатный камзол порядком изменил

[237] Примечания: 237

Хуан-Богом-отмеченный — популярный испанский фольклорный персонаж, восходящий к апокрифическому образу Вечного Жида, иерусалимского сапожника, обреченного на мучительное бессмертие за уничижительные слова, адресованные ведомому на Голгофу Христу.

мою жизнь.

Прогуливаясь, встретил я по пути к воротам Висагры[238] у монастыря Св. Иоанна[239] старую знакомую. Поздоровавшись, она сообщила мне, что супруга моя стала куда ласковей, узнав, что у меня водятся деньги, особенно после того, как французик отделал ее как бог черепаху. Я попросил рассказать, что с нею стряслось; она поведала, что как-то раз сеньор архипресвитер с моей женой собрались, чтобы обсудить, не стоит ли вернуть меня и выгнать французика, выдвигая доводы за и против. Совещание было не настолько тайным, чтобы новобрачный его не подслушал; на следующий день он притворился, что идет работать в оливковую рощу, куда наша с ним супруга принесла ему в полдень обед. Он привязал ее к дереву, предварительно раздев, а потом всыпал ей более сотни плетей и, не удовольствовавшись тем, сделал из ее одежды узел, поснимал с нее драгоценности и всё унес с собою,

---

[238] Примечания: 238

...по пути к воротам Висагры... — Имеются в виду крепостные ворота Толедо; неясно, однако, идет ли речь о «старых» (существовали с X в.) или «новых», построенных в дополнение к ним (1559 г.).

[239] Примечания: 239

Монастырь Св. Иоанна. — Имеется в виду Королевский монастырь Св. Иоанна (Сан-Хуан-де-лос-Рейес), возведенный в 1477—1526 гг. по распоряжению «Католических королей» Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского.

бросив ее связанной, раздетой и израненной; она бы непременно умерла, если бы архипресвитер не послал ее разыскивать.

Затем она добавила, что убеждена — пошли я просителей, меня приняли бы как ни в чем не бывало, ибо она слышала, как моя Эльвира говорит: «Ах я несчастная! Почему же я не пустила к себе доброго Ласаро, всем добрякам добряка, ни лукавого, ни дотошного, позволявшего мне делать что хочется?»

Эта весть перевернула меня с ног на голову, и я готов был последовать совету доброй старушки, но сначала решил посоветоваться с друзьями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО СУДИЛСЯ С СОБСТВЕННОЙ ЖЕНОЙ

Мы, мужчины, — из породы кур-несушек: если хотим сделать что-нибудь доброе, кричим об этом и кукарекаем, но если замыслили зло, не желаем, чтобы хоть кто-нибудь о том проведал и помешал нам сотворить недоброе. Пошел я к одному другу, а встретил там троих сразу, ибо с тех пор, как завелись у меня деньги, друзья расплодились, как мухи в гнилом плоде. Я сообщил им, что задумал вернуться к жене и уйти от злых языков, ибо знакомое худо лучше неведомого добра. Замысел мой разнесли в пух и прах, говорили, что я мужичонка мало того что бесхребетный, так еще и безмозглый, поскольку вздумал спутаться с

потаскухой, лярвой, гулящей девкой, подстилкой и, наконец, чертовой ослицей, ибо именно так называют в Толедо поповских любовниц.

Такого они мне наговорили и так меня убедили, что я решил не звать и не просить. Увидев, что их советы и доводы убедительны, добрые друзья мои (а вернее — самого черта!) пошли дальше и посоветовали — как будто это их собственное семейное дело — вывести пятна и стереть кляксы с моей чести. Раз уж дела моей супруги катятся под гору, надо бы подать в суд и на нее, и на архипресвитера, и это ни во что мне не обойдется, ибо они сведущи во всём, что касается суда. Один из них, поверенный по безнадежным делам, предлагал мне сотню дукатов в случае победы. Другой, защищавший в суде уличных потаскух, заметил: будь он в моей шкуре, меньше чем на двести не согласился бы. Третий уверял меня (ему-то, легавому, виднее), что видел дела менее ясные и более мутные, но приносившие тем, кто их затеял, бессчетную прибыль. Еще я поначалу думал, что отец бакалавриус даст мне на лапу и хорошенько ее подмажет, чтобы мы отказались от иска, и попросит вернуться к жене, и в итоге будет мне больше чести и дохода, чем без суда.

Они нахваливали дело и прельщали меня

большими надеждами; мой разум оказался в их полной власти и не знал, как ответить на их софистику. Впрочем, я догадывался порою, что лучше простить и унизиться, чем прибегать к крутым мерам; так я исполнил бы труднейшую из Господних заповедей — возлюбить врага своего, тем более что жена никогда и не поступала со мной по-вражески. Напротив, благодаря ей я стал возвышаться в свете и приобрел известность — на меня показывали пальцем и говорили: «Смотрите, вон идет *покладистый* Ласаро»[240]. Ее трудами получил я и должность, и доход. Архидиакон[241] говорит, что дочка, мол, не моя; так это или нет, но Господь, прозревающий все души, знает, как оно на самом деле, — может быть, как я ошибался, так и он заблуждается. А может, кто-нибудь из тех, кто читает и смеется над моей глупостью так, что весь рот в слюне и борода в пене, сам воспитывает детей какого-нибудь святого отца. Он работает, горбатится в поте лица, чтобы обогатить тех, кто обеднил его честь,

---

[240] Примечания: 240

...покладистый *Ласаро.* — В оригинале: «pacífico». Труднопереводимый эвфемизм, который, в зависимости от контекста, может означать и «рогоносец», и «пассивный гомосексуалист».

[241] Примечания: 241

Архидиакон... — Х. де Ауна снова ошибается в титуле покровителя Ласарильо (ср. примеч. 3 к гл. 6).

и твердо верит, что если и есть на свете верная жена, то уж точно у него; может и так получиться, друг читатель, что рога со своего фамильного герба придется тебе приделать на голову[242].

Итак, оставлю каждого при своем мнении: все эти глубокие рассуждения ни к чему не привели, и я подал иск против архипресвитера и собственной супруги. У меня всё еще водилась свежая деньга, и потому в одни сутки их упекли в тюрьму: его — в архиепископскую, ее — в общественную[243]. Адвокаты советовали мне не переживать из-за денег, которые уйдут на судебное дело, ведь всё потом выйдет боком не мне, а святому отцу; потому я, желая побольше навредить и увеличить издержки, давал сколько просят. Они были как никогда расторопны, сообразительны и неугомонны; чуя золото, как мухи чуют мед, они времени даром не теряли.

Меньше чем за неделю дело далеко продвинулось, а мое богатство далеко отступило. С

---

[242] Примечания: 242

...рога со своего фамильного герба придется тебе приделать на голову. — В оригинале обыгрывается родовое имя Кабеса-де-Вака (букв.: «Коровья Голова»).

[243] Примечания: 243

...их упекли в тюрьму. его — в архиепископскую, ее — в общественную. — Представители духовенства были подсудны только особому церковному суду; тюрьмой им, как правило, служили подземелья епископской резиденции.

уликами трудностей не возникло, поскольку альгвасилы застали негодяев на месте преступления и доставили в тюрьму в одном исподнем; свидетели были многочисленны, а показания — правдивы. Но тут славные адвокаты, а с ними поверенный и секретарь суда, узнав о недуге моего кошелька, сами стали валиться с ног, и ради одного-единственного шага приходилось их шпорить сильнее, чем наемного мула. Волокита началась такая, что когда о ней прознали архипресвитер и его присные, то стали хорохориться и давать направо и налево; они уподобились гирям на часах, поднимаясь всё выше с каждым падением моих присных. Они так развернулись, что уже через две недели вышли из тюрьмы под залог, а еще меньше чем за неделю, благодаря лжесвидетелям, суд принудил Ласаро принести извинения, оплатить издержки и навсегда покинуть город Толедо.

Я принес извинения, каковой кары вполне заслуживал, ибо с двадцатью эскудо[244] в кармане вздумал судиться с тем, у кого денег куры не клюют. Пришлось мне продать последнюю рубашку, чтобы оплатить издержки, так что в изгнание я

[244] Примечания: 244

Эскудо — ценная монета в 3,4 г золота; соответствовала 350 мараведи (см. примеч. 21 к Р1 «Л-I»).

отправился в чем мать родила. В одно мгновение я пребывал в довольстве, судился со значительным лицом святой толедской Церкви, что одним лишь государям под силу; друзья меня уважали, враги — страшились, и был я в положении знатного господина, не терпящего издевательств над своей честью. А уже в следующее я был изгнан, но уйти мне пришлось не из земного рая, прикрыв срам фиговым листком, но из города, который был мне так дорог и где я получил столько даров и испытал столько наслаждений, а наготу я прикрывал отрепьями, найденными в куче мусора. Я прибегнул к обычному утешению всех страждущих: кто оказался в самом низу колеса фортуны, непременно будет снова вознесен на вершину.

Настала пора вспомнить, что сказал мне однажды друг мой слепец (в том, что касается проповедей, он был настоящий златоуст): все сущие на свете люди поднимались и спускались по колесу фортуны, только одни в сторону его движения, а иные — в противоположную. Вот в чем заключалось различие: тот, кто двигался вместе с колесом, так же легко опускался, как поднимался; те же, кто шел против движения, задерживались на вершине дольше других, пусть и с большим трудом. Получалось, что я вертелся

вместе с колесом, да с такой скоростью, что не успевал оказаться наверху, как тут же низвергался в бездну всякого рода горестей. Я сделался плутом из самых продувных, а раньше был всё равно что монахом; мог я с основанием сказать: наг я родился, наг и умру[245], ничего не теряю, ничего не обретаю.

И отправился я тогда в Мадрид, прося по пути милостыню; знакомого ремесла вовек не забудешь. Я всем рассказывал о своих невзгодах, одни переживали, другие смеялись надо мной, третьи подавали милостыню; жену с детьми мне теперь кормить не надо было, а самому себе хватало на еду и даже на питье. В том году так уродилось вино, что, куда я ни стучался, всюду спрашивали, не хочу ли я выпить, ибо хлеба у них самих не было. Я никогда не отказывался, и так не раз получалось, что я натощак выпивал до четырех кувшинов вина и становился веселее, чем девица накануне праздника. Если говорить начистоту, плутовская жизнь — настоящая жизнь, а другие

[245] Примечания: 245

...наг я родился, наг и умру... — Парафраз известного библейского изречения: «<...> наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» (Иов 1: 21).

и жизнью назвать нельзя;[246] если бы богачам она была по нраву, они бы оставили свои имения по примеру древних философов, которые для ее обретения бросали всё, чем владели. Говорю «обретения», ибо жизнь философская и плутовская — едины; единственное различие в том, что философы из любви к ней избавлялись от пожитков, а плуты и ничего не теряют, и ее обретают. Те отвращались от имущества, чтобы не отвлекаясь созерцать дела природные и божественные и следить за движением небесных светил; а эти — чтобы вольно нестись по просторам своего хотения. Те бросали имущество в море, эти — на дно желудков; те презирали его, прозревая в нем упадок и погибель, эти же — потому, что с ним приходят забота и труд, не подобающие их ремеслу, ибо плутовская жизнь беззаботнее жизни королей, императоров и Пап. Ради нее я решил вступить на путь более свободный, менее опасный и ничуть не скучный.

---

[246] Примечания: 246

...плутовская жизнь — настоящая жизнь, а другие и жизнью назвать нельзя... — Следующая далее похвала плутовской жизни вдохновлена «Гусманом де Альфараче» (ср.: 1.2.4); по мере развития жанра подобные панегирики становились «общим местом» плутовского романа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО СЛУЖИЛ НОСИЛЬЩИКОМ

Нет такого ремесла, науки или искусства, где, чтобы достичь совершенства, не нужно напрягать все умственные силы. Предположим, сапожник тридцать лет прозанимался своим делом; скажите ему сделать башмаки, широкие в носах, высокие в подъеме и перевязанные шнурками. Ну что, сделает он их? Прежде чем сделать пару по вашему заказу, он искалечит вам ступни. Спросите философа, почему мухи гадят на белое черным, а на черное — белым. Он покраснеет, как девица, застигнутая за бритьем известного места при свечах, и не найдет, что ответить; а если и ответит, то уж точно оставит без внимания

тысячу других глупостей.

Рядом с Ильескасом[247] встретил я архиплута, которого знал в лицо; я пришел к нему как к оракулу, чтобы спросить, как подобает мне поступать в новой жизни, чтобы не загреметь за решетку. Он ответил мне: чтобы не перепачкаться пылью и соломой, следует присовокупить к праздности Марии трудолюбие Марфы[248], то есть к плутовскому ремеслу добавить работу кухарем, конюхом, забойщиком скота или же носильщиком, дабы оная служила защитой плутовству. И еще сказал он мне, что так и не сделал этого за все двадцать лет, что посвятил плутовскому ремеслу, из-за чего намедни схлопотал двести плетей за праздношатание;[249] я поблагодарил его за предупреждение и внял его совету.

---

[247] Примечания: 247

Ильескас — небольшой город, расположенный на полпути из Толедо в Мадрид.

[248] Примечания: 248

...присовокупить к праздности Марии трудолюбие Марфы... — Аллюзия на эпизод из Евангелия от Луки. Сестры Марфа и Мария приняли у себя Иисуса; пока Марфа готовила угощение, Мария сидела у ног Иисуса и слушала Его проповедь. Когда Марфа пожаловалась на праздность сестры, Иисус ответил: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10: 41—39). В христианской богословской традиции Марфа и Мария воплощают два пути к спасению — путь мирянина и путь монаха, «жизнь деятельную» и «жизнь созерцательную».

[249] Примечания: 249

...двести плетей за праздношатание... — В XVI в. в большинстве стран Западной Европы были приняты жесткие меры по борьбе с нищими и бродягами; «праздношатание» каралось поркой плетьми, ссылкой на каторгу и другими наказаниями, вплоть до смертной казни.

Добравшись до Мадрида, я купил себе крученую веревку и встал с ней посреди площади, довольный, как кот на Масленицу. Усердному и Бог подает: первым моим нанимателем стала девица (да простит Он меня, коли солгу) лет восемнадцати, холеная, словно послушница. Она сказала мне следовать за собой и провела по стольким закоулкам, что я подумал — либо ей за прогулки платят, либо она издевается; наконец мы добрались до дома, в котором я по потайной двери, дворику и пляшущим там дамочкам опознал притон. Мы вошли к ней в келью, и она спросила, не хочу ли я принять плату за работу тут же; я сказал, что подожду, пока не доберемся до места, куда нужно было доставить узел. Я нагрузил себя поклажей и потопал в сторону Гвадалахарских ворот;[250] там она-де собиралась сесть в повозку и отправиться на ярмарку в Нахере[251]. Вещи у нее были необременительные, по большей части

[250] Примечания: 250

Гвадалахарские ворота — в описываемое время — проход в городской стене на улице Калье Майор (главной улице Мадрида), в районе которого располагался торговый центр города.

[251] Примечания: 251

Нахера — город в Наварре, на севере Испании.

соусницы[252], румяна и духи; по пути я узнал, что она уже восемь лет занимается своим ремеслом.

— Распечатал меня, — рассказывала она, — приходской священник из Севильи, откуда я родом, и сделал это с таким благочестивым рвением, что я до сих пор благочестиво к нему рвусь. Он поручил меня монахине, которая полгода снабжала меня всем необходимым. Оттуда меня вытащил один капитан; с тех пор жизнь бросала меня то туда, то сюда, пока не прибило к вам. Видит Бог, не надо было мне уходить из-под покровительства святого отца, что заботился обо мне, как о дочери, и любил, как сестру! В конце концов пришлось мне работать, чтобы было на что жить.

В таких разговорах мы дошли до повозки, готовой уже отправиться; я положил туда свою ношу и попросил об оплате. Болтунья ответила, что с удовольствием расплатится, и залепила мне такую оплеуху, что я повалился наземь, а потом сказала:

— Что за олух просит денег у женщин моего ремесла? Забыли уже, что я вам сказала в веселом доме? Я вознаградила бы вас собою, если бы вы того пожелали.

---

[252] Примечания: 252

Соусница — здесь: тарелочка для растирания румян и других косметических средств.

Она скакнула в повозку, словно кобыла; пришпорили коней, а в боку почему-то отдалось у меня. Сидел я словно дурак набитый, не понимал, что же со мной произошло, и думал, что если и дальше так пойдет, то к концу года быть мне большим богатеем.

Не успел я оттуда удалиться, как прибыла другая повозка, из Алькала-де-Энарес[253]. Из нее повыпрыгивали пассажиры — все до одного либо шлюхи, либо студенты, либо монахи. Один из последних, францисканец, спросил меня, не соблаговолю ли *я* доставить его скарб в монастырь. Я с радостью согласился, прикинув, что он уж точно не обведет меня вокруг пальца, как та волчица. Я схватил его кладь, оказавшуюся такою тяжестью, что еле ее поднял, но надежда на хороший заработок придавала мне сил. Когда я добрался до монастыря, то едва дышал, уж больно он был далеко; монах взял свой узел и, сказав «Бог тебе подаст», захлопнул за собою дверь. Я стоял и ждал, пока он выйдет заплатить, но он всё не показывался, и я постучал в привратницкую. Вышел привратник, спросил, чего мне надо; я ответил: пусть мне заплатят за доставку прине-

[253] Примечания: 253

Алькала-де-Энарес — город близ Мадрида, в описываемое время — крупный торговый и университетский центр.

сенной мною клади. На это он посоветовал мне проваливать подобру-поздорову, ибо они никогда ничего не платят, и захлопнул дверь, сказав, чтобы я больше не стучал, ибо наступил тихий час; а если постучу, меня ждет сотня ударов поясом[254]. Я весь похолодел. Один из нищих, сидевших у дверей привратницкой, сказал мне:

— Ступай себе, братец, эти отцы не держат денег, ибо живут на дармовщину.

— Да пусть живут на что хотят, только они заплатят мне за работу, не будь я Ласаро.

И я в превеликом гневе снова постучал в дверь. Оттуда вышел послушник в еще большем гневе и, даже не спросив «Чего ты тут забыл?», так меня пихнул, что я свалился, как перезрелая груша, а потом плюхнулся на меня коленями и надавал ими с полдюжины тычков и еще столько же ударов поясом. Наставил он мне столько синяков, как будто обрушил на меня сарагосскую часовую

[254] Примечания: 254

...сотня ударов поясом. — Францисканцы традиционно подпоясывались грубой веревкой, удары которой должны быть весьма болезненными.

башню[255].

Я провалялся полчаса, не в силах подняться. Размышлял я о своей горькой судьбине и о силище послушника, которой он принудил меня к послушанию. Лучше бы он служил его королевскому величеству, чем объедался на милостыню для бедных; впрочем, они и на это неспособны, ибо редкостные лодыри. Это славно изобличил император Карл V, когда глава ордена францисканцев предложил ему для войска двадцать две тысячи монахов, возрастом не старше сорока лет и не моложе двадцати двух. Непобедимый император ответил, что они ему ни к чему, ибо для их прокормления понадобится двадцать две тысячи котлов с мясом; тем самым он дал понять, что монахи пригоднее для еды, чем для работы[256]. Да простит меня Бог, но с той поры я терпеть не мог этих чернецов, и, когда я их видел, казались они мне то ли трутнями, то ли губками, жадно

---

[255] Примечания: 255

...будто обрушил на меня сарагосскую часовую башню. — Неясно, о какой именно из многочисленных башен Сарагосы идет речь. Эти слова могут, например, относиться к сторожевой башне дворца Альфахерия, возведенного арабскими правителями Сарагосы («Новая башня»), или к колокольне монастыря Ла Сео.

[256] Примечания: 256

Это славно изобличил император Карл V ~ монахи пригоднее для еды, чем для работы. — Данный исторический анекдот не зафиксирован ни в одном другом источнике и, по всей вероятности, сочинен автором.

впитывающими жир из котла. Я решил оставить свое нынешнее ремесло, но сначала подождать сутки, словно умерший внезапной смертью[257].

[257] Примечания: 257

...подождать сутки, словно умерший внезапной смертью. — Видимо, намек на обычай (не зафиксированный в сводах законов, но достаточно распространенный в силу традиции) не хоронить умерших внезапной смертью до истечения суток.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВСТРЕТИЛ СТАРУЮ СВОДНЮ, И ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

Изнуренный и голодный, я медленно брел по улице и, переходя площадь Себада[258], встретил старую богомолку с клыками, что у твоего кабана. Она подошла ко мне и попросила отнести сундук подруге, живущей по соседству, посулив за это четыре куарто[259]. Услышав сие, я возблагодарил Бога за то, что из столь омерзительных уст исходят столь сладостные слова — «я дам тебе че-

---

[258] Примечания: 258

Себада — ныне не существующая площадь в историческом центре Мадрида.

[259] Примечания: 259

Куарто — мелкая медная монета ценой в 4 мараведи (см. примеч. 21 к Р1 «Л-I»). Ср. примеч. 5 к гл. 4.

тыре куарто». Я сказал, что согласен, и с большой охотой, но так меня и подмывало схватить эти четыре куарто, а ноши не таскать, ибо в таком состоянии я скорее годился на роль груза, чем носильщика. С превеликими трудами я загрузил на себя сундук, огромный и тяжеленный; добрая старушка попросила нести его осторожно, ибо там хранились флаконы с духами, крайне для нее ценными. Я сказал, что бояться нечего, и я пойду потихоньку, чему и сам был рад, ибо от голода еле ноги передвигал.

Мы дошли до дома, куда нужно было доставить сундук; он был встречен с большим восторгом, особенно одной толстощекой и коренастой девицей (я был бы не прочь, если бы такие вошки завелись у меня в постели), которая в полном восхищении заявила, что хочет поставить сундук у себя в потайной комнате. Я отнес сундук куда следует; старуха вручила ей ключ и повелела хранить до своего возвращения из Сеговии[260], куда она отправляется навестить родственницу и откуда думает вернуться через четыре дня. На прощание она обняла девушку, шепнула ей пару слов на ушко, от коих та стала пунцовее

[260] Примечания: 260
Сеговия. — См. примеч. 7 к гл. 7.

розы; мне это показалось милым, но было бы еще милее, если бы я хоть чего-нибудь наконец поел. Старуха попрощалась со всеми обитателями дома, попросив у родителей девушки прощения за несдержанность, на что услышала в ответ, что их дом — в ее полном распоряжении. Вручив мне четыре монеты, она шепнула, что если я завтра утром приду к ней домой, то смогу заработать столько же.

Я радовался, как на Пасху или Иванов день;[261] поев на три куарто, четвертую монету я припас, чтобы заплатить за ночлег. В голове у меня рождались мысли о чудотворной силе денег, ибо стоило старухе вручить мне горстку монет, как я ощутил себя легче ветра, отважнее Роланда и сильнее Геркулеса.

О злато, недаром великая часть людей мнит тебя богом! Ты — податель всех благ и корень всех несчастий. Ты изобрело все искусства и поддерживаешь их в совершенстве; во имя твое науки ценятся и вольномыслия запрещаются, грады укрепляются и башни их ниспровергаются, царства создаются и тут же разрушаются. Ты хранишь добродетель — и губишь ее; во имя

---

[261] Примечания: 261

...радовался^ как на... Иванов день... — См. примеч. 9 к Р2 «Л-I».

твое целомудренные девицы блюдут себя, во имя твое лишаются девства. Наконец, нет трудности, которую ты не одолеешь, тайника, куда ты не проникнешь, кручи, которую ты не сровняешь с землей, пригорка, который ты не вознесешь к небесам.

Наутро, как и было условлено, я пришел домой к старухе; она сказала мне, что мы вместе пойдем за сундуком, оставленным накануне. Владельцам дома она объявила, что вернулась за сундуком, ибо по дороге в Сеговию, в пол-лиге от Мадрида, встретила родственницу, также отправившуюся ее навестить; он ей потребовался, потому что там есть чистое белье — постелить гостье. Дородная деваха вернула ей ключ, поцеловав и стиснув в объятиях еще крепче, чем раньше; снова перешепнувшись, они помогли мне взвалить на плечи сундук, который показался мне легче, чем вчера, поскольку на этот раз мой желудок был полон.

Спускаясь по лестнице, споткнулся я о какую-то штуковину, которую, несомненно, сам дьявол туда подсунул, и прямо вместе с сундуком покатился вниз, где стояли родители невинной девушки. Я расшиб себе нос и переломал ребра. От перенесенных ударов чертов сундук раскрыл-

ся, и оказалось, что в нем — пригожий юноша со шпагой и кинжалом. Он был одет в дорожное[262], без плаща. Его штаны и куртка были из зеленого атласа, а перья на шляпе — того же цвета; носил он перламутрового цвета чулки с красными подвязками, а туфли — белые, сделанные под альпаргаты[263]. Он изящно поднялся на ноги и, отвесив нам светский поклон, вышел наружу через дверь.

Родители были поражены внезапным видением и так переглядывались, что походили на паяцев. Придя в себя от изумления, они призвали двух своих сыновей, которые, узнав о происшедшем, судорожно выхватили шпаги и, воскликнув «Смерть ему! Смерть!», отправились на розыски этого вертопраха. Впрочем, шел он быстро, так что настигнуть его им не удалось.

Тем временем оставшиеся дома родители заперли дверь и хотели было поквитаться со сводней, но та, заслышав шум и поняв его причину, уже вышла через потайную дверь, а невеста — вслед за нею. Тут они поняли, как их провели и одурачили, и пошли вымещать злобу на

---

[262] Примечания: 262

Он был одет в дорожное... — См. примеч. 1 к гл. 17 «Л-II».

[263] Примечания: 263

Альпаргаты. — См. примеч. 9 к гл. 1.

мне, разбившемся в лепешку и лежавшем без движения; если бы не это обстоятельство, я сам бы пошел по следу того, кто принес мне столько несчастий. Вошли братья, обливаясь потом и задыхаясь, ругаясь и клянясь, раз уж не догнали негодяя, умертвить свою сестру, а вместе с нею и сводню. Когда им сказали, что те уже бежали через заднюю дверь, раздались новые богохульства, ругательства и проклятья. Один говорил:

— Да пусть явится сюда сам дьявол, а с ним прорва чертей, я их как мух перебью! Ну где же вы, черти, зря я вас, что ли, зову? Знаю, вы там у себя боитесь моего гнева и носа оттуда не смеете высунуть. Увидел бы я этого труса, дунул бы, его в такие места бы унесло — только его и видали!

А другой продолжал:

— Догони я его, порвал бы на такие мелкие кусочки, что ничего крупнее уха не нашли бы! Если он еще жив (да даже если и мертв), ни за что от меня не скроется, я его из-под земли достану.

Вот так они грозились и хвалились, а бедный Ласаро всё ждал, что грянет из сгустившихся над ним туч. Я больше опасался слуг, числом не то десять, не то двенадцать, чем этих вояк. И стар, и млад кучей навалились на меня: одни лягались, другие били кулаком; иные дергали меня за во-

лосы, иные — шлепали по щекам. Не напрасно я боялся, ибо мальчишки тыкали в меня грошовыми иголками, от которых я чуть волком не выл; служанки так меня щипали, что в глазах мутнело. Одни говорили: «Давай его убьем»; другие — «Нет, лучше бросим в нужник». Так меня молотили, что казалось мне — угодил я на мельницу или на сукновальню.

Заметив, что я уже не дышу, они бросили меня терзать, но угрожать не перестали. Отец, во всей толпе либо самый зрелый, либо самый прогнивший, приказал им отпустить меня и заявил, что если я правдиво расскажу, кто похитил его честь, то мне больше не причинят вреда. Их желания я выполнить не мог, ибо сам не ведал, кто он таков, и вообще в первый раз увидел его, когда тот восстал из своего гроба[264]. Поскольку я ничего не говорил, за меня снова принялись. Тут-то и стал я стонать, рыдать и оплакивать свои несчастья, тут-то и стал я вздыхать и хулить свою непостоянную фортуну, вечно изобретавшую новые средства уязвить меня. Как мог, попросил я их оставить меня в покое, ибо я расскажу им, в чем было дело. Так они и поступили, в ответ на что я

[264] Примечания: 264

...когда тот восстал из своего гроба. — Сравнение сундука с гробом — очередная отсылка к евангельскому сюжету о воскрешении Лазаря.

в точности рассказал, что именно случилось, но правде они верить не захотели. Видя, что гроза от меня не отступает, я решил их по мере сил обмануть и пообещал показать им злодея. Меня перестали молотить и посулили золотые горы, потом спросили, как он зовется и где живет. На это я ответил, что не ведаю ни имени, ни улицы, где он живет, но покажу им дом, если меня туда отнесут, ибо после такого дурного обращения ноги мои ходить отказывались. Они тут же подобрели, налили мне вина, от которого я хоть чуточку пришел в себя, и, как следует вооружившись, взяли меня под мышки, как шлюху, и поволокли по улицам Мадрида.

Те, кто меня видел, говорили: «Смотри-ка, его в тюрьму ведут»; другие же возражали: «Нет, в больницу»; но все били мимо цели. Я был в растерянности и замешательстве, не знал ни что говорить, ни что делать, ибо, позови я на помощь, на меня бы донесли страже, чего я боялся пуще смерти. О побеге нечего было и думать, не только из-за перенесенных переломов, но и из-за того, что я находился между отцом, сыновьями и родственниками, которых по такому случаю собралось восемь или девять. Все они были вооружены до зубов, как святой Георгий. Мы ходили

вдоль улиц, бродили по закоулкам, а я так и не понимал, где я и куда их веду.

Мы дошли до площади Пуэрта-дель-Соль[265], и на одной из ведущих к ней улиц я увидел красавчика, который шел на цыпочках, подоткнув плащ и держа в одной руке здоровенную перчатку, а в другой — гвоздику. Руками он размахивал, как двоюродный брат герцога Инфантадо[266], жестикулировал и мотался из стороны в сторону. В нем я тут же признал своего хозяина — эскудеро, похитившего в Мурсии мою одежду; не сомневаюсь, что кто-то из святых угодников прислал его туда, ибо никого из них я не забыл упомянуть в своих молитвах. Видя, что случай уже показывает мне лысину[267], я ухватил его за чуб и решил убить сразу двух зайцев: расквитаться с этим бахвалом и заодно избавиться от державших меня извергов. Я сказал им следующее:

— Внимание, сеньоры, — сюда идет любовник,

---

[265] Примечания: 265

Пуэрта-дель-Соль — центральная площадь Мадрида.

[266] Примечания: 266

Руками он размахивал, как двоюродный брат герцога Инфантадо... — Одно из «темных мест» оригинала. Герцоги дель Инфантадо принадлежали к знатнейшим фамилиям Испании (грандам). Неясно, содержится ли здесь намек на какое-либо конкретное лицо.

[267] Примечания: 267

Видя, что случай уже показывает мне лысину... — См. примеч. 1 к гл. 4.

похитивший вашу честь; он переоделся, чтобы остаться неузнанным.

Они, ослепленные яростью, без лишних слов спросили меня, где он. Я указал на него, и тут же на него набросились, схватили за ворот, повалили на землю и надавали тысячу пинков, тумаков и зуботычин. Один из молодчиков, брат девицы, собрался было проткнуть ему грудь шпагой, но отец ему помешал; вызвали караул, а побитому связали руки. Видя, что поднялась заваруха и все при деле, я счел за благо улепетнуть и схорониться как можно лучше. Мой славный эскудеро узнал меня; решив, что это мои родичи так просят у него одежду, он кричал:

— Оставьте меня, оставьте, я заплачу за два платья.

Но с помощью кулаков ему заткнули рот. Окровавленного, измочаленного и покалеченного, его потащили в тюрьму; я же покинул Мадрид, проклиная свое ремесло и того, кто его первый выдумал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ОТПРАВИЛСЯ НА РОДИНУ, И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИМ ПО ДОРОГЕ ТУДА

Я хотел было отправиться в путь, но сил на исполнение желаемого не хватало, и потому я на несколько дней задержался в Мадриде. Время я провел недурно: помогая себе костылями, без которых я передвигаться не мог, я побирался по домам и по монастырям, пока не ощутил в себе силы снова пуститься в странствия. Подбил меня на это рассказ одного нищего, сидевшего на солнышке с товарищами и искавшего блох. Это была та же история о сундуке, какую я вам рассказал, с таким добавлением: тот, кого приняли за человека из сундука и посадили в тюрьму,

смог доказать обратное, ибо в час, когда совершалось дело, он сидел в гостинице, и никто в квартале не видел его в ином платье, чем то, в котором его схватили. Впрочем, за это его всё равно провели с позором по улицам как бродягу и изгнали из Мадрида. И потому он вместе с родителями девицы разыскивал подстроившего всё носильщика, поклявшись, что первый, кто найдет злоумышленника, должен будет с помощью шпаги превратить его в решето.

Я намотал услышанное на ус и натянул повязку на глаз, а также сбрил бороду (из-за чего стал смахивать на монашка из детских игр[268]); в таком обличье, думалось мне, и мать родная меня не узнает.

Из Мадрида я отправился в Техарес[269], дабы узнать: вдруг, вернувшись в родные пенаты, я смогу обмануть фортуну и она меня не узнает.

---

[268] Примечания: 268

...стал смахивать на монашка из детских игр... — Намек на распространенный в то время обычай из благочестивых побуждений наряжать детей в монашеское одеяние.

[269] Примечания: 269

Техарес. — Из этой деревни близ Саламанки, согласно «Л-I», происходили родители Ласарильо (см. с. 10 наст. изд.).

Путь мой лежал мимо Эскориала[270] — здания, воплощавшего всё величие монарха, возводившего сей дворец (тогда еще не достроенный), и достойного числиться среди чудес света. Но я не сказал бы, что строителя привлекло приятство тамошних мест, ибо земля там бесплодная и гористая. Скорее тому причиною мягкость климата (который и летом таков, что достаточно сесть в тени — и не будешь ни мучиться от жары, ни страдать от холода) и его большая польза для здоровья.

Меньше чем за пол-лиги от селения мне попалась шайка цыган, устроивших свой табор на каком-то хуторе. Увидев меня издалека, они поначалу приняли меня за своего, что при моем наряде было немудрено; когда я приблизился, они поняли, что обманулись. Поначалу меня избегали, ибо, когда я показался, они устроили что-то вроде совета или ученого диспута. Мне сказали, что это окольная дорога на Саламанку, зато прямая — на Вальядолид. Поскольку мои дела не принуждали меня идти в определенный

[270] Примечания: 270

Эскориал. — Имеется в виду знаменитый дворец-монастырь Сан-Лоренсо-де-Эль-Эскориал, расположенный в 50 км от Мадрида; возводился по повелению Филиппа II (1527—1598; правление: 1556—1598 гг.) с 1563 по 1584 г.

город, я сказал (ибо так оно и обстояло), что перед возвращением на родину мне хотелось бы побывать в Вальядолиде.

Один из старых цыган спросил меня, откуда я родом; узнав, что из Техареса, пригласил меня отобедать из любви к тамошним местам, ибо сам был из Саламанки. Я принял приглашение, и на сладкое меня попросили рассказать о своей жизни. Просьбу я незамедлительно исполнил, стараясь, сколь возможно, уложить великие дела в краткие и сжатые слова. Когда я дошел до истории с лоханью и поведал о том, что приключилось со мной в Мадриде в доме хозяина гостиницы, все хохотали как сумасшедшие, особенно один цыган и одна цыганка, просто-таки заливавшиеся смехом. Я начал краснеть и стал весь пунцовый; цыган — мой земляк, заметив это, сказал:

— Не надо краснеть, братец мой, ибо эти сеньоры смеются не над вашей жизнью, достойной скорее восхищения, чем осмеяния; и раз уж вы так подробно поведали о ней, будет справедливо расплатиться с вами тою же монетой, так же доверяя вашему благоразумию, как вы верили нашему. Если сеньоры дадут на то соизволение, я объясню вам причину смеха.

Каждый дал свое согласие, ибо все хорошо знали, что осмотрительность и многоопытность цыгана не дадут ему выйти за пределы здравого рассудка.

— Знайте же, — продолжил он, — что те, кто покатывался со смеху и хохотал до слез, — не кто иные, как священник и девица, выпрыгну вшие из окна голышом, когда потоп из лохани чуть было не поглотил их. Быть может, они захотят рассказать, по каким протокам несло их течение, пока не вынесло сюда.

Новоиспеченная цыганка попросила слова, взывая к снисхождению благородных слушателей[271], и гулким, размеренным, низким голосом начала повествование:

— В тот день, когда я ушла, вернее сказать — выпрыгнула, из отчего дома и угодила в каталажку, меня разместили в покоях скорее темных, чем чистых, и скорее тошнотворных, чем богато украшенных. Отца Урвеса, который присутствует среди нас и не даст мне солгать, держали в застенке, пока он не назвался священником; тогда

---

[271] Примечания: 271

...взывая к снисхождению благородных слушателей... — В оригинале упоминается риторическая фигура «captatio benevolentiae», означающая «заранее просить у слушателей прощения за возможные изъяны речи, чтобы расположить их к себе и заслужить доверие».

его тут же отвели к названому епископу[272], который вынес ему строжайшее порицание за то, что он вздумал утонуть в столь мелкой водице и устроил такое позорище. Но он пообещал быть осторожнее и сдержаннее, да так, что и земля под ногами не узнает, куда он ходит, и его отпустили, запретив в служении на месяц. Я же оказалась под стражей алькайда;[273] он был молод и пригож, я тоже была девица не из дурных, потому и жила я там как у Христа за пазухой. Тюрьма была моим райским садом и королевским дворцом, полным всякого рода наслаждений; родители мои, пусть и негодовали из-за допущенных мной вольностей, делали всё, чтобы выпустить меня на волю. Впрочем, труды их оказались тщетными, ибо алькайд тоже делал всё, чтобы я не вырвалась из-под его власти. Сеньор лиценциат, здесь присутствующий, бродил вокруг тюрьмы как ищейка, пытаясь со мной заговорить. Это ему удалось через посредство умелой сводни,

---

[272] Примечания: 272

...к названому епископу... — В оригинале: «obispo de anillo» — заместитель епископа, на которого возлагалось исполнение некоторых функций своего патрона (в том числе судопроизводство).

[273] Примечания: 273

Алькайд — комендант крепости или начальник тюремной стражи; не путать с алькальдом (городским судьей или градоначальником; ср. примеч. 9 к Р5 «Л-I»).

первой в своем деле; она переодела его в юбку и лиф одной из своих служанок, а бороду замотала повязкой, будто бы от зубной боли. На этом свидании и родился замысел моего побега.

На следующий день был намечен прием у графа де Миранда, в конце которого должны были плясать цыгане. С ними-то и сговорился Каниль (ибо так теперь зовется сеньор викарий). Он так всё подстроил, что благодаря его хитроумию мы наслаждаемся желанной свободой и его обществом, лучшим на свете. Накануне званого вечера я ластилась к алькайду сильнее, чем кошка к колбаснику, и раздавала клятв больше, чем моряк в бурном море. Теперь он был мне обязан и ответил еще большими милостями, позволив мне попросить всё, что мне угодно, лишь бы его взор по-прежнему наслаждался мною. Я учтиво отблагодарила его, сказав, что нет для меня горшей муки, чем отказать своему взору в наслаждении этим юношей. Видя, что всё идет как по маслу, я попросила его, если это не трудно, отвести меня на вечер. Это показалось ему затруднительным; но он уже дал слово, к тому же и слепой божок любви[274] послал в него стрелу, так что пришлось

[274] Примечания: 274

...слепой божок любви... — Амур часто изображался с повязкой на глазах (ср.: «любовь слепа»).

согласиться.

Старший альгвасил тоже был в меня влюблен и повелел всем стражникам и самому алькайду блюсти меня и никуда не переводить из тюрьмы. Чтобы сохранить всё в тайне, алькайд одел меня пажом, в наряд из зеленого дамаста[275] с золотыми позументами. Плащ был из зеленого же бархата, с желтой атласной каймой; шапочка — с перьями и лентой, усыпанной бриллиантами; жабо — с кружевами; чулки — цвета соломы, со здоровенными подвязками; туфли — белые в дырочку; шпага и кинжал — позолоченные от души. Мы вошли в зал, в котором толпилось видимо-невидимо дам и кавалеров. Мужчины были галантны и отважны, женщины — статны и прекрасны; многие укрывали лица плащами и шалями. Каниль был разодет, как петух; увидев меня, он приблизился так, что я оказалась между ним и алькайдом. Начался вечер, на котором я увидела разные вещи; о них я умолчу как о не имеющих касательства к делу. Наконец, вышли цыгане и принялись скакать и плясать. Двое из них разругались из-за прыжков; слово за слово, и один уличил другого во лжи. За это уличен-

[275] Примечания: 275

Дамаст — шелковая ткань с рисунком (обычно цветочным).

ный ударил его ножом в голову, откуда хлынуло столько крови, как будто зарезали быка. Гости, поначалу думавшие, что это такой розыгрыш, забегали и закричали: «Караул! Убивают!» Стражники переполошились, все присутствовавшие похватались за шпаги; я тоже достала свой клинок и, увидев его в руке, задрожала от страха. Преступника поймали, и некто, специально для того подготовленный, заявил, что в зале есть алькайд, которому его можно сдать. Старший альгвасил подозвал алькайда, чтобы передать ему убийцу. Он хотел увести меня с собой, но боялся, как бы меня не узнали, и поэтому указал мне один уголок и велел спрятаться там и ждать, пока он не вернется. Когда эта вошь[276] от меня наконец отцепилась, я взяла за руку отца Каниля, всё это время бывшего рядом, и мы в два прыжка выскочили на улицу, где нас ждал один из этих сеньоров; он отвел нас в табор. Когда раненый, которого все считали убитым, увидел, что мы свободны, то встал и сказал: «Ну всё, сеньоры, пошутили, и хватит. Я цел и невредим, и мы всё это устроили лишь для того, чтобы праздник получился веселее». Он снял колпак, под которым

[276] Примечания: 276

...эта вошь... — В оригинале: «ladilla» — «лобковая вошь».

был спрятан стальной шлем, а на нем — бычий пузырь, как следует наполненный кровью и лопнувший от удара ножом. Все от такой шутки рассмеялись, кроме алькайда, которому она доставила одну лишь досаду.

Он направился к условленному месту и, не найдя меня там, принялся искать. Он спросил старую цыганку, не видала ли она пажа такой-то и такой-то наружности; она, тоже особо подготовленная, ответила, что видела, как паж выходит с каким-то мужчиной, держащим его под ручку, и говорит ему: «Пойдем-ка к святому Филиппу»[277]. Он тут же ринулся разыскивать меня, но тщетно, ибо он пошел на восток, а мы убежали на запад.

Прежде чем покинуть пределы Мадрида, мы обменяли мой наряд, выручив еще двести реалов сверху; ленту я сбыла за четыреста эскудо и по возвращении отдала двести этим сеньорам, ибо так обещал им Каниль. Вот и весь рассказ о моем освобождении; если же сеньору Ласаро угодно что-нибудь еще, пусть лишь спросит и его жела-

---

[277] Примечания: 277

...«Пойдем-ка к святому Филиппу». — Мадридский монастырь Св. Филиппа (основан в 1546 г., снесен в 1838 г.) пользовался дурной славой. Подле его стен собирались обычно для того, чтобы обмениваться новостями и слухами, договариваться о разного рода делах (в том числе незаконных), торговать с рук и т. п. В частности, завсегдатаями площади перед монастырем считались солдаты, проститутки и воры.

ние исполнят так, как подобает угождать столь знатной особе.

Я поблагодарил ее за учтивость и сам сколь можно учтивее попрощался со всеми. Пол-лиги меня провожал старик. По пути я спросил его, все ли из обретавшихся там цыган родом из Египта[278], на что он ответил: египтян в Испании днем с огнем не сыщешь, а все цыгане — священники, монахи, монахини и воры, сбежавшие из тюрем или монастырей; но самые лихие из них — монахи-расстриги, сменившие созерцательную жизнь на деятельную. Он пошел обратно в табор, а я на своих двоих поплелся в Вальядолид.

[278] Примечания: 278

...родом из Египта... — До XIX в. цыгане считались в Европе потомками древних египтян.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЛАСАРО НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ В ЛИГЕ ОТ ВАЛЬЯДОЛИДА

Каким же раздумьям предавался я всю дорогу, как ломал голову над добрыми цыганами, над их жизнью, обычаями и нравами! Немало я поражался тому, как стражи порядка вообще дозволяют разбойникам жить в открытую и не таясь, ибо всякий знает, что нет у них иного закона и обычая, кроме воровства.

Они — приют и укрывище душегубов, церковь богоотступников и училище злодейств; особенно я изумлялся, как монахи могут променять свою беспечную жизнь на полную лишений и гонений цыганщину. Ни за что бы я не поверил, что ста-

рый цыган говорит правду, если бы он не показал мне в четверти лиги от табора укрывшихся в овчарне цыгана с цыганкой. Он был крепыш, она же — толстушка; у него не было загара от солнца, да и ей небо явно не посылало беспощадного зноя. Он напевал один стих из псалмов Давида, а она отзывалась ему другим. Добрый старик предупредил меня, что цыгане на самом деле — монах и монахиня, только неделю тому назад присоединившиеся к его общине, взыскуя жития по более строгому уставу.

Я добрался до постоялого двора в одной лиге от Вальядолида и увидел, что у ворот его сидит старуха из Мадрида вместе с давешней девицей. Из дверей вышел некий красавчик и позвал их есть. Я был так разряжен, что остался неузнанным — никогда я не расставался с повязкой на глазу и плутовским своим платьем; впрочем, сам-то я узнал того Лазаря, вылезшего из гробницы[279], из-за коего мне столько пришлось претерпеть. Я подошел к ним узнать, не подадут ли мне чего-нибудь; подать они не могли, ибо им самим не хватало. Юноша, послуживший им интендантом, оказался столь великодушен, что заказал

[279] Примечания: 279

...узнал того Лазаря, вылезшего из гробницы... — Ср. примеч. 7 к гл. 10.

себе, возлюбленной и старой сводне крохотный кусочек свиной печенки с каким-то соусом; всё, что разместилось на тарелке, я бы стрескал в два глотка. Хлеб оказался грязным, как скатерть, а оная — как ряса кающегося или половая тряпка.

— Ешь, душа моя, — говорил ей юный господин, — это яство, достойное королей.

Сводня ела молча, чтобы не терять времени, а также потому, что на всех явно не хватало. Они принялись вылизывать тарелку, да так, что слизали с нее глазировку. Когда сия нищая и скорбная трапеза завершилась, доставив им более голода, нежели сытости, знатный влюбленный стал оправдываться тем, что на постоялом дворе перебои с едой.

Поняв, что мне ничего не достанется, я спросил хозяина, нет ли чего поесть; он ответил мне: как заплатишь, так и пообедаешь. Он хотел подсунуть мне требухи, я попросил чего-нибудь другого, на что мне предложили четверть козленка, которого влюбленный не стал заказывать по причине дороговизны. Мне захотелось пустить им пыль в глаза, и потому я заказал козленка. Уселся я у края стола, и тут началось зрелище, которое стоило увидеть: в единый кус я пожирал шесть глаз, ибо влюбленный, его госпожа и сводня не могли их

отвести от моего пиршества.

— Что же это? — сказала девица. — Этот нищий козленка ест, а нам досталась только жалкая печенка?

Юноша ответил, что просил уже у хозяина куропаток, каплунов или кур, и ему ответили, что других яств не было. Я же знал, как всё было на самом деле — он либо не хотел платить, либо не мог и потому посадил их на диету, — но предпочел вкушать пищу молча. Этот козленок притягивал как магнит — стоило отвернуться, как все трое уже нависли над тарелкой. Бесстыжая сучка взяла кусочек и сказала: «С вашего позволения, братец»; не успев получить оное позволение, она уже сунула его в рот. Старуха изрекла: «Не лишайте грешника его пищи», на что девица ответила: «И не лишу, ибо собираюсь хорошо ему заплатить».

И тут же принялась она так спешно и яростно поглощать пищу, как будто не видела ее с неделю. Старуха взяла кусочек попробовать; юноша, сказав «Неужели так вкусно?», набил себе рот кусманом величиной с кулак. Заметив, что меня объедают, я сгреб всё, что осталось в тарелке, и заглотил одним махом; такой получился кус, что не пролезал ни туда, ни сюда.

Пока мы так состязались, на постоялый двор въехали двое кабальеро, облаченных в солдатские жилеты, со шлемами на голове и с щитами в руке; при каждом было два ружья — одно на боку, другое на луке седла. Они спешились, сдав мулов лакею, и спросили хозяина, нет ли чего поесть; тот ответил, что яств у него в изобилии, а пока они готовятся, господам следует пройти в залу. Старуха, вышедшая поглядеть, что за шум, вернулась, прикрыв лицо руками и сгибаясь, как монах-послушник. Говорила она вполголоса и извивалась в разные стороны, будто бы при родах. Сколь можно тихо она произнесла:

— Нам конец! Братья Клары (ибо именно так звали девицу) у ворот.

Девица принялась дергать и рвать на себе волосы, а также шлепать себя по щекам, будто одержимая бесом. Юноша был не робкого десятка и утешал их, призывая не отчаиваться, ибо рядом с ним никакая беда не страшна. Я же, обожравшись козленка, сидел с набитым ртом, а когда услышал, что идут эти молодчики, подумал, что вот-вот помру со страху. Так бы, наверное, и случилось, но раз глотка у меня была забита, то душа, не найдя выхода, вернулась в привычное обиталище. Итак, эти богатыри вошли и, завидев

сестру и сводню, завопили:

— Мы их нашли, мы их схватили, мы их убьем![280]

От этих криков я так перепугался, что грохнулся на пол и от удара выплюнул козленка, которым давился. Две женщины спрятались за своим кабальеро, как цыплята прячутся от коршуна под крыльями курицы. Он доблестно схватился за шпагу и ринулся на непрошеных гостей с таким неистовством, что они от испуга остолбенели; слова застыли у них в устах, а шпаги — в ножнах. Он спросил, кто они и откуда, после чего бросился на одного из них, отобрал шпагу и нацелил ему в глаза, а другой шпагой метил в другого врага; при каждом движении шпаг они дрожали, как осины на ветру.

Старуха и сестра, увидев, как присмирели оба Роланда, подошли к ним и обезоружили их. Пришел хозяин, привлеченный шумом, от всех нас исходившим (ибо я к тому времени уже встал и держал одного из братьев за бороду). Показался он мне одним из одеяльных быков, каких представ-

---

[280] Примечания: 280

Мы их нашли, мы их схватили, мы их убьем! — Аллюзия на знаменитый афоризм Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил».

ляют у меня на родине:[281] поначалу мальчишки от них бегают, потом мало-помалу смелеют, а когда понимают, что быки мало того что не бешеные, так и вовсе не настоящие, отбрасывают страх, подходят и закидывают всяким сором. Когда я понял, что эти пугала не так страшны, как кажутся, то раздухарился и накинулся на них смелее, чем позволял мне до того страх.

— Да что же это, — сказал хозяин, — такие безобразия да в моем доме?

Женщины, кабальеро, а с ними и я принялись голосить, что это-де разбойники, преследовавшие нас, чтобы ограбить; видя, что они без оружия, а мы с победой, трактирщик сказал:

— Разбойники? В моем доме?

Он схватил их и, помогая нам, упек в подвал, не слушая ни один из доводов, приводимых ими в свою защиту. Слуга братьев, ушедший задать мулам корма, вернулся и спросил, где его хозяева. Трактирщик воссоединил его с ними, а заодно забрал их ларцы, сундуки и чемоданы и запер,

---

[281] Примечания: 281

Показался он мне одним из одеяльных быков, каких представляют у меня на родине... — Имеется в виду игра в «шуточных быков» (toros de mentirijilla), в отдельных областях Испании сохранившаяся до наших дней и в старину, по-видимому, имевшая ритуальное значение. Участник, изображавший быка, набрасывал на себя одеяло, и, держа в руках палку, на конце которой была закреплена маска с рогами и колокольчиком, бегал по улицам, пугая и преследуя прохожих.

но сначала раздал ружья, как будто они принадлежали ему. За еду он с нас ничего не попросил, ибо мы подписали иск, поданный им против братьев, в котором он, как (по собственным словам) добровольный помощник инквизиции и судья сей области, приговаривал всех троих к вечной ссылке на галеры и двумстам ударам плетью перед постоялым двором.

Они потребовали суда в вальядолидской канцелярии, куда и доставил их добрый трактирщик вместе с тремя своими слугами. Несчастные думали, что окажутся перед присяжными, а попали к инквизиторам, ибо хитроумный трактирщик добавил в дело кое-какие речи, сказанные ими против служителей святой инквизиции — что есть преступление совершенно непростительное. Всех их бросили в темные казематы, откуда, как они вскорости поняли, никак нельзя было ни написать отцу, ни обратиться хоть к кому-нибудь за помощью. Там-то мы их и оставим под бдительным надзором, а сами вернемся к нашему хозяину, которого встретили на дороге.

От него мы узнали, что господа инквизиторы повелели ему привести свидетелей, подписавших иск, но он по-дружески советует нам скрыться. Девица дала ему колечко с пальца и

попросила сделать так, чтобы мы не являлись на глаза инквизиторам; это он пообещал исполнить. Грабитель сказал это, чтобы мы пустились в бега, ибо при допросе свидетелей могло выясниться его лиходейство, причем уже не первое.

Через две недели состоялось в Вальядолиде аутодафе[282], где я среди прочих кающихся разглядел и наших троих бедолаг; рты у них были заткнуты кляпами, как и полагается богохульникам, осмелившимся злословить служителей святой инквизиции, людей столь же святых и непорочных, сколь отправляемое ими правосудие. Облачением им служили колпаки и санбенито[283], на которых были написаны их злодеяния и положенный за них приговор. Жалко мне было слугу, ухаживавшего за мулами, ибо он

[282] Примечания: 282

Аутодафе — в Испании и Португалии XV—XVIII вв. — торжественная религиозная церемония, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, а также оглашение и приведение в исполнение приговоров осужденным инквизицией. Наиболее известным и «зрелищным» элементом аутодафе было публичное сожжение на костре «упорствующих» еретиков, однако в зависимости от тяжести вины наказание осужденных могло варьироваться: денежный штраф, телесные наказания, ссылка на галеры и др.

[283] Примечания: 283

Санбенито — одеяние наподобие рясы, которое носили осужденные инквизицией; на нем, как правило, были изображены условные знаки, указывавшие на вину и приговор (черти и адское пламя — нераскаянный еретик, приговоренный к сожжению; косой крест — покаявшийся еретик и т. п.).

платил не по своим счетам; а вот к остальным я не питал особой жалости, ибо меня они тоже не жалели. Приговор хозяина подтвердился, при этом к нему прибавили еще триста плетей (итого им досталось по пятьсот); потом их сослали на галеры, где удали и дерзости у них порядком поубавилось.

Я же отправился искать удачи. Много раз на лугу Магдалины[284] мне попадались две подруги; они меня ни разу не узнали и думали, что и я не узнал их. Через несколько дней я наблюдал, как благочестивенькая девица направляется в непотребный дом, где она зарабатывала на хлеб себе и своему хахалю; старуха же занималась привычным ремеслом в городе.

[284] Примечания: 284

Луг Магдалины — в описываемые времена — зеленое поле на берегу реки Эстева, за пределами городских стен; излюбленное место гуляний жителей Вальядолида; ныне включено в черту города и застроено.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ПРИСЛУЖИВАЛ СРАЗУ СЕМИ ДАМАМ

Я добрался до Вальядолида уже с шестью реалами в кармане, ибо люди, видя, какой я тощий и бледный, подавали мне щедрой рукой, да и я принимал милостыню отнюдь не скупой ладонью. Сразу же направившись к старьевщику, я купил у него за четыре реала и один куартильо плащ из шерстяной ткани, сношенный, рваный и трещащий по швам; наверное, им владел какой-нибудь португалец. В нем, а также в широченной, как у францисканца, шляпе высотой с печную трубу, купленной за реал, я и расхаживал по городу, опираясь на палку. Те, кому я попадался на глаза, смеялись, и всякий давал мне прозвище: одни

нарекли меня трактирным философом, другие говорили: «Вот святой Петр к празднику нарядился»[285], третьи же: «Сеньор португалишка![286] Вам салом туфельки не смазать?» Хорошо хоть не называли меня горе-лекарем из больницы[287]. В ответ на эти разговоры я притворялся глухим и не отзывался.

Пройдя пару улиц, я встретил даму в фижмах и туфлях без задника на высоченной подошве, в накидке из шелковой ткани, покрывавшей ее по самую грудь; она гладила по голове какого-то мальчика. Она спросила меня, знаю ли я, где найти хорошего лакея; я ответил, что присоветовать могу лишь самого себя, а если придусь по нраву, то мной можно будет распоряжаться как личной собственностью. В одно мгновение мы договори-

---

[285] Примечания: 285

...«Вот святой Петр к празднику нарядился»... — Намек на обычай по праздникам облекать статуи святых в специально сшитые для них богатые одеяния.

[286] Примечания: 286

Сеньор португалишка. — В оригинале: «ratino» — слово, заимствованное из португальского языка (ср. *португ.* ratinho — букв.: «крысеныш»; перен.: «жалкий», «негодный») и служившее уничижительным прозвищем жителей пограничной с Португалией области Эль-Бьерсо. Возможно, использовано применительно к Аасаро потому, что он носит плащ, принадлежавший португальцу.

[287] Примечания: 287

Хорошо хоть не называли меня горе-лекарем из больницы. — В Испании Золотого века врачи были обычным предметом насмешек.

лись; на жизнь и пропитание она посулила мне три куартильо. Я вступил в должность, подав ей руку; трость я выбросил за ненужностью, ибо пользовался ею единственно для того, чтобы притворяться больным и разжалобливать.

Она услала мальчика домой, велев ему передать служанке, чтобы та накрыла на стол и приготовила еду; два часа она таскала меня по разным закоулкам. В первый визит госпожа сказала мне подойти к дому раньше нее, спросить хозяина или хозяйку и сказать: «Госпожа моя Хуана Перес (ибо именно так ее звали) прибыла и просит соизволения поцеловать руки вашей милости». Также она предупредила меня, что бы я в ее присутствии не смел надевать шляпу, даже если она где-нибудь встанет. Я ответил, что обязанности слуги мне известны и я буду их неукоснительно исполнять.

Страстно желал я наконец увидеть лицо своей новоиспеченной госпожи, но она всё время прятала его под вуалью. Она объявила, что не сможет содержать меня в одиночку, но зато спросит у своих соседок, не нужен ли кому слуга; они мне дадут обещанное жалованье, а пока все не договорятся (много времени это не займет), она будет мне выплачивать свою долю. Она спросила меня,

есть ли мне где ночевать; я ответил, что негде.

— Вам будет ночлег, — сказала она. — Мой муж — портной, вы можете спать с подмастерьями. Большего удобства, — продолжила она, — вам не сыскать во всём городе, ибо вам предстоит за три дня послужить шести госпожам, и каждая из них даст вам один куарто.

Я чуть не обмер от напыщенного тона этой женщины, казавшейся мне женой по меньшей мере какого-нибудь дворянина из новых[288] или богатого мещанина. Также меня смутило, что за несчастные три куартильо в день мне придется обслуживать сразу семь хозяек. Но потом я решил, что лучше уж это, чем совсем ничего, да и работа назревала непыльная, а от пыльной я бегал, как от самого черта. Всегда мне казалось — лучше питаться капустой и чесноком, палец о палец не ударяя, чем есть кур с каплунами и при этом надрываться.

По возвращении домой она отдала мне покрывало и туфли, чтобы я, в свою очередь, передал их служанке. Тут я понял, чего мне хотелось; эта

---

[288] Примечания: 288

...дворянина из новых... — В оригинале: «caballero pardo» — букв.: «бурый рыцарь». Этим выражением назывались те, кто, не принадлежа по происхождению к дворянскому сословию, особым королевским указом приобретал часть его привилегий (например, освобождение от податей), чаще всего за военные заслуги.

дамочка приглянулась мне — бойкая, смугленькая, хорошо сложена, жаль только, лицо у нее блестело, как обожженный горшок.

Она дала мне куарто и велела приходить дважды в день, в восемь часов утра и в три часа пополудни, чтобы проверить, угодно ли ей выйти из дому. Я направился в кондитерскую и пирожком за четыре мараведи исчерпал свой дневной рацион. Остаток дня я, подобно хамелеону, питался воздухом[289], ибо собранная на дороге милостыня у меня уже закончилась. Я не решался снова бродить с протянутой рукой — если бы хозяйка узнала об этом, то сожрала бы меня заживо.

Я пришел к ней в три часа; она ответила, что выходить не хочет, и предупредила, что отныне за те дни, когда она остается дома, платить не будет, а когда будет выходить только раз в день, то не даст больше двух мараведи. И еще сказала: раз уж она предоставляет мне ночлег, то я должен служить ей прежде других дам и наречься ее личным слугой. Ночлег был такой, что вполне того заслуживал, и даже больше — спать приходилось

---

[289] Примечания: 289

...подобно хамелеону, питался воздухом... — Распространенное поверье, описанное еще Плинием Старшим (23—79 н. э.) (см.: Естественная история. VIII.51).

с подмастерьями, на большом столе, а укрыться можно было только одним драным покрывалом на всех. Так я провел два дня, питаясь теми объедками, которые можно было купить на четыре мараведи; по их истечении в цех моих хозяек вступила жена кожевника, с которой я битый час проторговался за два очаво[290]. Наконец, за пять дней я сменил семь хозяек, а жалованья получил семь куарто.

Я начал отменно питаться, да и пить недурно, но и не сильно дорого, дабы знать свой шесток. Вот список моих других хозяек: вдова легавого, жена садовника, племянница (как она уверяла) капеллана босоногих кармелиток, гулящая девка и жена торговца требухой, моя любимица, каждый раз при вручении мне монетой угощавшая меня супом из потрохов, которого я перед уходом опорожнял три или четыре миски, отчего жизнь мне казалась раем. Последняя была богомолкой: задавала она мне работы больше остальных, ибо приходилось всё время таскать ее по монахам, с которыми она уединялась, а потом прямо лучилась от счастья. У нее был не дом, а улей: одни

[290] Примечания: 290

Очаво — одна из самых мелких медных монет, равнялась половине куарто (см. примеч. 2 к гл. 10) или двум мараведи (см. примеч. 21 к Р1 «Л-I»).

заходили, другие уходили, и все приносили ей набитые котомки; мне, как верному секретарю, давали пару кусочков мяса, которое из этих котомок шло ей в пищу. В жизни другой такой ханжи не видывал! Когда она шла по улице, всегда опускала очи долу, не выпускала четок из рук, молилась прямо на людях. Все ее знакомцы просили за себя молиться, ибо ее моления так быстро до Бога доходят; она же в ответ называла себя великой грешницей, и в этом пусть и лгала, но против истины не грешила.

У каждой из моих хозяек был свой условленный час; когда одна мне говорила, что не хочет выходить из дому, я шел к другой, покуда не исполнял работу. Мне указывали час, когда нужно было приходить за ними, причем вовремя — если по грехам своим я чуть запаздывал, сеньора облаивала меня прямо перед теми, кому наносила визит, и грозилась, что найдет себе более разумного, умеренного и аккуратного слугу, если я не прекращу свои безобразия. Те, кто слушал ее надменные крики и угрозы, явно думали, что в день я получал от нее два реала, а годового жалованья выходило тридцать дукатов. Когда дамы шли по улице, то казались женами верховного судьи Кастилии или, на худой конец, какого-нибудь

судейского из канцелярии.

Как-то раз случилось так, что племянница капеллана и жена легавого встретились в церкви и одновременно засобирались по домам; заспорили, кого я должен отвести первой, и устроили такую свару, что мне показалось, будто я в тюремной камере. Начали меня дергать, одна за один конец, другая за другой, да так яро, что порвали мне плащ. Предстал я перед ними нагишом, ибо под плащом ни черта у меня не было, только лохмотья от рубашки, похожие на рыбачью сеть. Те, кто увидал мой стручок, выглядывавший из-под рваной рубашки, чуть со смеху не лопались; гам стоял такой, что церковь казалась кабаком. Одни глумились над бедным Ласаро, другие слушали дам, перемывавших друг другу косточки. Я спешил поскорее собрать обрывки своего плаща и не слышал, о чем они разглагольствовали; разобрал только, что вдова говорила:

— Да откуда у этой потаскушки столько гонора? Вчера воду носила, теперь ходит в тафтяном платье, а платили за это, знамо дело, души из чистилища.

Другая дама отвечала ей:

— У самой-то, у пустомели, тафтяная накидка, а получила ее за одно «спасибо» и «Господи поми-

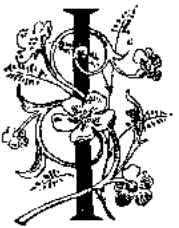
луй»; а если я раньше и работала водоноской, так она и посейчас винопийцей служит.

Зеваки принялись их разнимать, ибо они уже друг дружке в волосы вцепились. Я же наконец собрал обрывки бедного своего плащика, выпросил две булавки у случившейся рядом святоши, кое-как скрепил их и тем прикрыл срам. Пока они грызлись, я пошел домой к портнихе, которая велела мне прийти к одиннадцати часам, ибо собиралась на обед к подруге. Увидев меня в столь плачевном виде, она крикнула мне:

— Думаете получать от меня деньги — и являетесь ко мне как последний плут? Я за меньшую цену могла найти себе слугу в модных чулках, в брыжах, с плащом и шляпой; а вы всё, что я даю, пропиваете.

«Попьянствуешь тут, — сказал я про себя, — на семь куарто в день, и то в лучшем случае, а ведь порой мои хозяйки, чтобы не платить, вовсе из дому не выходят!» Она велела подмастерьям подлатать обрывки моего плаща, и они в спешке сшили их вверх ногами. Вот в таком виде я и вышел провожать ее.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ЛАСАРО РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ НА ЗВАНОМ ОБЕДЕ



Мы летели как на крыльях, ибо дама боялась, что ей жратвы не достанется. Добрались мы до дома ее подруги, где собрались жены других приглашенных. У моей хозяйки спросили, могу ли я стоять на страже у двери; та ответила, что могу. Мне сказали:

— Постой-ка тут, братец, отъешься, как на Масленицу.

На пир собралось немало ухажеров; каждый из карманов доставал то куропатку, то курицу; один вытаскивал кролика, другой — парочку голубей; этот — мясо барашка, тот — кусок филея,

а о свиной или кровяной колбасе и упоминать не стоит; нашелся и такой, кто принес, завернув в платок, целый пирог, какой продается за реал. Снедь сдали повару, а пока она готовилась, молодые люди возились с дамами, резвились с ними, как козлики, пущенные в огород. То, что они там вытворяли, мне не пристало описывать, а читателю — созерцать.

Когда закончилась комедия, началось объедение: дамы ели так, что Господи помилуй, а кавалеры пили до положения риз. На столе ничего не осталось, дамы всё припрятали к себе в карманы и завернули в платки. А из своих карманов кавалеры повытаскивали верхосытку: кто-то доставал яблоки, кто-то сыр, кто-то оливки, а один из них — петух сего курятника, слюбившийся с портнихой, — вынул полфунта варенья.

Мне пришелся по вкусу такой способ хранить еду при себе; я собрался в первых же штанах, какие пошлет мне Бог, сделать три-четыре кармана, причем один — из хорошей кожи, особо сшитый для того, чтобы наливать туда бульон. Раз уж такие богатые и важные господа таскали еду в карманах, да и дамы носили при себе всё готовое, то мне, мальчику на побегушках у потаскух, это и вовсе не зазорно.

Затем был черед слуг обедать, и ни шиша для нас не осталось, кроме бульона и похлебки; я аж изумился, как это дамы не слили их себе в рукава. Только-только мы сели есть, как в зале с нашими хозяевами послышался страшный шум. Там разбирались, какая у кого была мать и что был за отец. Исчерпав слова, они принялись за кулаки и для разнообразия стали друг друга колотить, лупцевать, щипать, пинать и зуботычить; они так рвали друг на друге одежду и волосы, так друг друга колошматили, что походили на сельских мальчишек во время крестного хода. Насколько я понял, ссора разыгралась из-за того, что кое-кто из них не желал ничего платить дамам, настаивая, что хватит с них и съеденного.

Так случилось, что по улице проходил патруль; услышав шум, патрульные постучали в дверь с криками «Откройте именем закона!».

При этих словах одни ринулись сюда, другие туда; одни побросали плащи, другие — шпаги; тот избавлялся от обуви, а та — от накидки; в общем, все испарились, попрятавшись в меру своих способностей.

Мне убегать было незачем, потому я остался на месте, и, раз уж меня назначили привратником, открыл, дабы мне не вменили в вину

сопротивление властям. Первый из вошедших легавых сцапал меня за шкирку и сказал, что я арестован. Схватив меня, они заперли дверь и принялись искать источник шума; при обыске они не оставили в покое ни единый уголок, клозет, подвал, погреб, чердак или нужник. Никого не обнаружив, они взяли у меня показания; я досконально изложил всё, что было на этом собрании и что они вытворяли. Они изумились, что из моего рассказа выходит, что собралась толпа народу, а найти никого не нашли. Сказать по правде, я и сам сильно смутился, ибо было там двенадцать мужчин и шесть женщин. В простоте своей я сказал (и даже поверил), что, по-моему, все собравшиеся и шумевшие были не иначе как привидениями. Надо мной всласть посмеялись, и альгвасил спросил тех, кто обследовал погреб, хорошо ли они всё осмотрели. Уверяли, что хорошо, но он, не удовольствовавшись их ответом, велел зажечь факел; войдя в двери, они увидели, что одна из бочек вертится.

Перепуганные легавые задали стрекача, вопя:

— Бог свидетель, правду этот человек говорил, тут кругом одни бесы!

Альгвасил, превосходивший их в хитроумии, остановил бегство и сказал, что черта не боится.

Он подошел к бочке, открыл ее и увидел внутри мужчину с женщиной. Не хочу говорить, в каком виде он их обнаружил, дабы не оскорбить целомудренный слух добродетельного и высоконравственного читателя; скажу только, что их яростные борения и завертели бочку, послужив причиной их позора и выставив на всеобщее обозрение то, чем они занимались втайне. Голубков вытащили наружу: он смахивал на Купидона со стрелой, она же на Венеру с колчаном. Оба предстали в чем мать родила, ибо, когда постучалась стража, они в кровати наносили друг другу набожные лобзания и в поднявшейся суматохе не успели прихватить одежду; спрятаться они догадались в пустой бочке, где и продолжили свое благочестивое занятие.

Все поражались красоте любовников; им бросили два плаща и передали их под надзор двум легавым. Потом поиски продолжились, и альгвасил нашел огромный глиняный сосуд с оливковым маслом, а в оном — одетого мужчину, по грудь в это масло погруженного. Когда его обнаружили, он хотел было выскочить наружу, но не обладал такой ловкостью, чтобы не разбить при этом сосуд о землю. Масло захлестнуло служителей закона по самые шляпы и бесцеремоннейшим

образом их испачкало. Легавые принялись крыть последними словами свое ремесло и даже ту шлюху, которая преподала им его азы.

Промасленный господин, поняв, что его никто не хватает — мало того, все от него шарахаются как от зачумленного, — принял решение скрыться. Альгвасил кричал: «Лови его, лови!» — но все перед ним расступались. Он выскочил через потайную дверь, прямо на бегу мочась маслом; то, что он потом отжал из одежды, больше месяца горело в лампаде перед образом Богоматери Скорбей. Все стражники искупались в масле; они честили того, кто их туда затащил, и я к ним присоединился, ибо меня сочли сводником, за что полагалось вываливать в перьях. Они выползли наружу, как сардинки, оставляя за собой жирный след.

Настолько они разгневались, что клялись Богом и святым Четвероевангелием перевешать всех, кого найдут. Я дрожал вместе с другими арестантами; легавые же пошли искать спрятавшихся в закромах с хлебом. Когда они вошли внутрь, на них с двери рухнул тюк с мукой и всех их ослепил. Они заорали: «Сопротивление властям!»

Стоило им разжать веки, как они тут же слипались от масла и муки. Те, кто нас держали,

бросили нас и побежали спасать альгвасила, который орал как резаный. Только они вошли, как и у них в глазах потемнело от муки и воды; так и шатались они, как будто играя в жмурки, натыкаясь друг на друга и стукаясь так, что ломались челюсти и вылетали зубы. Поняв, что стражники уже не так грозны, мы набросились на них, а они на самих себя, да так яро, что без сил рухнули на пол, обрушивая друг на друга удары и пинки. Они дрыгались и верещали не сильнее, чем мертвецы; только кто-нибудь разевал рот, как он тут же набивался мукой, точно у каплуна, которого на убой откармливают. Мы связали им руки-ноги, поволокли их, словно свиней, в погреб и бросили их в масло, словно рыбешек на сковородку; они ворочались, как поросята в луже. Заперев двери, мы разошлись по домам.

Хозяин дома, бывший за городом, вернулся и обнаружил, что двери заперты и никто не отзывается — ибо его племянница, которая и предоставила свое жилище для описанного мною пиршества, ушла к отцу, убоявшись дяди. Он велел разломать замки и, увидев, что его дом усеян мукой и залит маслом, так разозлился, что начал голосить как пьяный. Спустившись в погреб, хозяин обнаружил там разлитое масло

и валяющуюся в нем стражу. Обуянный гневом оттого, что дом разделали под орех, он схватил дубинку и отколотил альгвасила и легавых до полусмерти. Он призвал соседей, те вытащили их на улицу, где мальчишки закидали их грязью, сором и нечистотами, — настолько они вываляли в муке, что никто их не узнавал.

Когда они пришли в себя и поняли, что они уже на свободе и на улице, то пустились наутек. Тогда-то и стоило бы крикнуть: «Держи стражу, а не то убежит!» Плащи, шпаги и кинжалы они побросали и более к ним не возвращались, дабы никто не узнал об их позоре. Хозяин дома забрал всё себе в возмещение понесенного им ущерба.

Выходя наружу, я нашел один плащ, и недурной; сбросив свой, я надел новый. Я возблагодарил Бога за то, что выбрался из передряги с прибытком, чего раньше за мной не водилось, ибо всегда мне доставались одни тумаки и шишки.

Вернувшись к портнихе, я увидел, что весь дом — вверх дном, а портной, супруг ее, колошматит ее палкой за то, что вернулась без накидки и туфель, зато с сотней бежавших за ней мальчишек. Я пришел как раз вовремя, ибо, едва завидев меня, портной оставил жену и набросился на меня, так заехав кулаком, что заставил меня расстаться

с последними зубами. Он надавал мне не то десяток, не то дюжину ударов, от которых я изблевал то немногое, что успел съесть.

— Как же тебе, — приговаривал он, — скотине, кобелю разэтакому, не стыдно ко мне домой являться? Сейчас ты у меня за всё ответишь.

Он позвал слуг, которые притащили одеяло и стали меня на нем подбрасывать, к вящему своему удовольствию и горшей моей печали. Затем меня, сочтя мертвым, уложили на портновский стол. Уже ночью я пришел в себя и шевельнулся; тут же грянулся со стола и сломал руку. Когда настал день, я еле-еле дополз до дверей одной церквушки, где и принялся жалобным голосом клянчить милостыню у прихожан.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО СДЕЛАЛСЯ ОТШЕЛЬНИКОМ

Растянувшись у церковных дверей и размышляя о прошлом, я задумался о своих злоключениях, пережитых со дня, когда я пошел в услужение к слепому, и вплоть до дня нынешнего; и понял я: как рано ни вставай, солнце быстрее не взойдет, а коли будешь много работать, то можешь и не разбогатеть. Верно говорит пословица — лучше тот, кому Бог подает, чем тот, кто рано встает. Я потому себя и поручил Ему, чтобы финал вышел лучше, чем завязка и середина.

Случился рядом со мной почтенный старец-отшельник, седобородый, в руках державший посох и четки, с которых свисал череп величиной

с доброго зайца. Видя мои страдания, добрый старец обратился ко мне с нежными и сладостными словами утешения, спросив, откуда я и что довело меня до такого состояния. Кратко и сжато я поведал ему о долгих своих скитаниях и горьком пути паломника. Он весьма удивился услышанному и, явив милосердие и жалость, предложил меня приютить. Я принял приглашение и как мог (а мог я едва-едва) добрался вместе с ним до отшельничьей обители, располагавшейся на скале в одной лиге от тех мест. К ней было пристроено жилище со спаленкой и кроватью; во дворе находился водоем со свежей водой, орошавшей садик, скорее забавный, чем обширный.

— Здесь, — изрек добрый старик, — уже двадцать лет живу я вдали от суеты и беспокойства человеческого. Здесь, брат мой, расположен земной рай; здесь я созерцаю дела божеские и человеческие; здесь я пощусь, когда сыт, и ем, когда голоден; здесь бодрствую, когда не могу спать, и сплю, когда меня одолевает сон; здесь я живу в одиночестве, когда со мной нет спутников, и в обществе, когда не одинок; здесь я пою, когда счастлив, и плачу, когда печален; здесь я работаю, когда я не празден, и празднствую, когда не тружусь; здесь я размышляю о том, как дурно

прожил свою прежнюю жизнь и добродетельно проживаю нынешнюю; наконец, здесь всё неизвестно и всё ведомо.

Возвеселился я в сердце своем, слушая велеречивого отшельника, и потому попросил его рассказать что-нибудь об отшельнической жизни, казавшейся мне наилучшей из всех возможных.

— Что? — ответил он. — Да лучше ее не бывает! Настолько она прекрасна, что понять это сможет лишь тот, кто уже ее вкусил. Но, впрочем, время не терпит, ибо приблизился обеденный час.

Я попросил его исцелить мне руку, болевшую нестерпимо; это он проделал с такой легкостью, что больше она мне мучений не доставляла. Мы поели по-королевски и выпили по-немецки[291]. По завершении трапезы, посреди послеобеденного сна, мой добрый богомолец вдруг раскричался:

— Умираю! Умираю!

Я вскочил и обнаружил, что у него перехватило дыхание; видя это, я спросил, не умирает ли он.

---

[291] Примечания: 291

...выпили по-немецки. — В Испании Золотого века немцы считались образцовыми пьяницами; эта репутация была во многом создана гвардейцами Карла V. В частности, она отражена в гл. 1 «Л-II» (см. с. 97—100 наст. изд.).

— Да, да, да... — отозвался он и, повторяя свое «да», через час и впрямь испустил дух.

Я впал в уныние — если сей человек умрет без свидетелей, то могут счесть, что это я его умертвил, и за это лишить меня жизни, которую я с такими трудами поддерживал. Для такого дела серьезных свидетелей не потребуется, ибо своим видом я напоминал скорее разбойника с большой дороги, чем честного человека.

Выбежав из обители, я начал высматривать, не идет ли кто-нибудь, кого можно определить в свидетели недавней смерти; как следует оглядевшись, я увидел, что неподалеку пасется скот. Я помчался туда (но не без труда, ибо еще не вполне оправился от портняжной потасовки) и увидел шестерых или семерых пастухов, а с ними — четыре-пять пастушек, укрывшихся в тени под вербами рядом с чистейшим и прозрачным источником. Пастухи музицировали, а пастушки пели; одни танцевали, другие плясали; иной держал пастушку за руку, иной — спал у нее на коленях, в общем, они пережидали жару за любезностями и комплиментами.

Насмерть перепуганный, я приблизился к ним, моля безотлагательно последовать за мной, ибо отшельник вот-вот умрет. Кое-кто за мной пошел,

а прочие остались стеречь стадо. Войдя в обитель, пастухи спросили у отшельника, хочет ли он умереть, на что тот ответил «да» (и солгал, ибо не он сам желал умереть, а его против воли принуждали). Заметив, что он без умолку повторяет свое «да», я спросил, желает ли он назначить пастухов своими душеприказчиками и исполнителями завещания; он ответил: «Да». Я спросил, признаёт ли он меня своим единственным законным наследником; он ответил: «Да». И затем я спросил, признаёт ли он, что всё его имущество, нынешнее и будущее, достанется мне в награду за оказанные мною услуги; и он снова ответил: «Да».

Я надеялся, что при жизни он больше ничего не скажет, но увидел, что дыхание у него еще не иссякло, и, чтобы он не употребил его во вред, продолжил свои расспросы и повелел одному из пастухов записывать всё им сказанное. Пастух, за неимением чернильницы и пера, исполнил поручение угольком на стене. Я спросил, не хочет ли отшельник, чтобы пастух за него расписался, ибо сам это сделать не в состоянии, на что тот, прежде чем умереть, ответил: «Да, да, да».

Мы устроили ему похороны, соорудив ему в саду могилу (наспех, опасаясь, что он возьмет да и воскреснет); я предложил пастухам перекусить,

от чего они отказались, сказав, что пора перегонять овец на другое пастбище. Они удалились, принеся мне свои соболезнования.

Хорошенько заперев дверь обители, я обошел ее от и до, обнаружив огромный кувшин доброго вина, такой же кувшин оливкового масла и два кувшина поменьше, с медом. Также у него нашлось два куска сала, немало вяленого мяса и немного сушеных фруктов. Я порадовался находкам, но всё же рассчитывал на нечто иное: сундуки отшельника были набиты полотном, а в углу одного из них оказалось женское платье. Этому я весьма поразился, а еще больше — тому, как же у столь обеспеченного человека не нашлось ни гроша денег. Я собрался было идти к могиле и допытываться у отшельника, куда он их спрятал; мне казалось, что в ответ он скажет: «Олух, ты думаешь, что в этой глуши, где нет защиты от воров и злодеев, я стану держать деньги в ларце и поставлю под удар то, что любил больше всего на свете?»

Это изречение, будто бы и вправду услышанное из его уст, и сподвигло меня обыскать каждый закоулок; ничего не найдя, я задумался, куда бы я на его месте спрятал деньги так, чтобы никто не смог их отыскать. И сказал сам себе: «Вон в том

алтаре». Подойдя к нему, я снял переднюю часть алтаря с пьедестала, сделанного из грязи и глины; с одной стороны я увидел трещинку, в которую могла бы пролезть серебряная монета. Тут кровь у меня вскипела, а сердце заколотилось; я схватил мотыгу и меньше чем в два удара повалил половину алтаря на землю и обрел погребенные там реликвии, а именно — котел, доверху заполненный монетами. Я сосчитал деньги — там оказалось шестьсот реалов. Такую радость испытал я от находки, что, казалось, еще немного — и лишусь жизни. Вытащив деньги наружу, я закопал их в яме за пределами обители — чтобы, если меня вдруг оттуда выгонят, мои любимцы им не достались.

Совершив описанное, я облачился в рясу отшельника и отправился в город, дабы объявить приору братства о случившемся; перед этим я не забыл вернуть алтарь в прежнее положение. Я застал там всех братьев, обслуживавших обитель, которая была посвящена святому Лазарю, в чем я усмотрел доброе для себя предзнаменование. Перед братьями я предстал седым и благообразным, что особо ценится в подобных делах; впрочем, было одно неудобное обстоятельство — я был безбородым, ибо бороду недавно сбрил, а отрас-

тить не успел. Тем не менее, узнав из рассказа пастухов, что усопший назначил меня своим наследником, они передали обитель мне.

Касательно бороды: вспоминается, что мне говорил один монах. Ни в его ордене, ни в других, даже переживших глубокие преобразования, не назначали главным человека, не отрастившего себе длинную бороду. Бывало и так, что годных к исполнению этой должности отстраняли и избирали вместо них бородачей (как будто доброе правление зависит от волос, а не от зрелого и умелого разумения).

Мне наказали вести образцовую и достохвальную жизнь, достойную моего предшественника, ибо его почитали за святого. Я пообещал жить добродетельно, подобно Геркулесу. Меня предупредили, чтобы я просил милостыню лишь по вторникам и в субботу, иначе монахи меня покарают. Я согласился исполнять всё, что мне ни прикажут, прежде всего потому, что не хотел больше нарываться на них, уже испытав на себе тяжесть монашеских рук.

Я стал попрошайничать у дверей тихим, смиренным и благочестивым голоском, прямо как обучил меня слепец. Делал я это не из-за нужды, а по привычке и обычаю попрошаек, которые чем

больше имеют, тем больше и наглее клянчат. Люди, слышавшие, как кто-то говорит: «Подайте на лампадку господину святому Лазарю», открывали дверь, видели меня и пугались. Они спрашивали, куда делся отец Ансельмо (ибо именно так звали этого добряка), а я отвечал, что он умер. Одни говорили: «Подай Господь ему всех благ, ибо он был так добр». Другие: «Душа его уже вкушает райское блаженство». Третьи: «Царство Небесное тому, кто так жил! Шесть лет он горячей пищи не пробовал», а иные добавляли: «Только хлебом и водой обходился».

Кое-какие безмозглые богомолки падали на колени и призывали имя отца Ансельмо. Одна спросила меня, что стало с его рясой; я ответил, что теперь сам ее ношу. Она вытащила ножницы и, не говоря ни слова, принялась отрезать первый попавшийся под руку кусок, каковой располагался у меня в промежности. Почуяв, за какие части она принялась, я заорал благим матом, думая, что меня хотят оскопить. Видя мое потрясение, она сказала:

— Не пугайся, брат, ибо я лишь хочу получить реликвию от блаженного, а за ущерб, нанесенный рясе, я тебе заплачу.

— О! — говорили иные. — Воистину, не пройдет

и полугода, как его причислят к лику святых, ибо он столько чудес сотворил.

К могиле валило столько народу, что в доме стало не протолкнуться, так что пришлось перенести ее под навес, располагавшийся рядом с обителью. С тех пор я просил на лампадки уже не святому Лазарю, а блаженному Ансельмо. Никогда не понимал, зачем нужно просить пожертвования на освещение святых; впрочем, этого дела я касаться не буду, а то как бы худа не вышло.

В город ходить мне совсем не хотелось, ибо я мог найти всё, что нужно, в обители. Но, чтобы не сказали, что я, мол, разбогател и потому не прошу подаяния, я отправился туда на следующий день, где со мною произошло то, о чем расскажет читателю

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ЛАСАРО ВЗДУМАЛ СНОВА ЖЕНИТЬСЯ

Удача на коне, а неудача под конем; невезучему всякая беда семь бед рожает. Не раз мы видали, как многие поднимались из праха земного и незнамо как становились богатыми, знатными, уважаемыми и почитаемыми. Вы спросите — мудр ли сей человек? — и вам скажут: да, как сивый мерин. Благоразумен ли?

Да, как осел. Есть ли у него особые достоинства? Да, как у дочки сельского пентюха. Тогда откуда же ему такое счастье привалило? И ответят вам: от Фортуны.

Напротив, разумных, мудрых, находчивых, наделенных сотней добродетелей, достойных

править целым королевством, унижают, изгоняют, обирают до нитки и втаптывают в грязь. А если спросите причину, вам скажут: их преследует несчастье. Оно-то, полагаю, и следовало за мной, и преследовало меня, являя вселенной пример и образец своего могущества, ибо с самого ее сотворения не бывало человека, столь беспощадно гонимого жестокосердной Фортуной.

По своему обыкновению, я шел по улице и просил подаяния для господина святого Лазаря, ибо в городе я не осмеливался побираться во имя блаженного Ансельмо; это годилось только для легковерных дурачков, перебиравших четки у могилы, где, как представлялось им, совершались великие чудеса. Подойдя к одной двери, я начал просить так же, как у других, но с лестницы донеслось:

— Отче, что же вы не поднимаетесь? Что это за новости такие? Заходите же, заходите.

Я поднялся по лестнице, довольно скудно освещенной, и на полпути какие-то женщины стали обхватывать меня за шею, сжимать мне руки, запуская при этом свои конечности в карманы; в потемках вместо кармана они угодили в ширинку. Одна из них крикнула:

— Это еще что такое?

На что я ответил:

— Птичка. Если ее пощупать, она вылетит.

У меня допытывались, почему я целую неделю не появлялся. Когда мы поднялись на самый верх лестницы, то они смогли разглядеть меня при дневном свете, проникавшем в окна, и от увиденного вытаращились друг на друга и застыли, словно марионетки. Затем они рассмеялись, да так, как будто им платили за это; говорить уже никто не мог. Первым разговорился мальчик, воскликнувший:

— Это же не мой папаня!

Когда раскаты смеха поулеглись, женщины, коих было четыре, спросили, для кого я собираю милостыню. Я ответил, что для святого Лазаря.

— А почему вы? — спросили они. — У отца Ансельмо плохо со здоровьем?

— Почему же плохо? — ответил я. — У него ничего не болит, ибо он уже с неделю как преставился.

Услышав сие, они разрыдались, да так, что как ни велик был хохот этих дам, а плач оказался сильнее. Одни голосили, другие рвали на себе волосы, а совместно они исполняли столь неблагозвучную музыку, что походили на простуженных монахинь. Одна говорила:

— Что же мне делать, несчастной, без мужа, без совета и опоры? Куда податься? Кто защитит меня? Ох, беда какая! За что мне такие мучения?

Другая ревела и заливалась:

— О зять мой, господин мой! На кого же ты нас оставил не попрощавшись? Внучата мои, сироты горемычные! Где же ваш добрый папочка?

Дети в этой несогласной мелодии брали самые высокие ноты: все рыдали, все орали, повсюду раздавались стоны и причитания.

Когда чуть отхлынули воды сего потопа, у меня спросили, как и отчего он умер. Я рассказал о его смерти, а также о завещании, делавшем меня законным наследником. Что тут началось! Слезы превратились в угрозы, стоны — в богохульства, а причитания — в вопли ярости.

— Вы, надо понимать, разбойник, умертвивший его, чтобы ограбить, но не хвалитесь этим, — сказала самая молодая из женщин, — ибо сей отшельник — мой муж, а эти трое мальчиков — его сыновья. Если вы не отдадите нам всё его имущество, мы отдадим вас под суд, и вас повесят; а если суд этого не сделает, то вас ждут кинжалы и шпаги, которые убьют вас хоть тысячу раз, будь у вас хоть тысяча жизней.

Я сказал, что у меня есть надежные свидетели,

перед которыми и было составлено завещание.

— Всё это враки и небылицы, — сказали они, — ибо в тот же день, когда он, по-вашему, умер, он был здесь и сказал, что никаких спутников не имеет.

Поскольку завещание составлял совсем не нотариус, а эти бабы мне грозили смертью, я решил, памятуя к тому же об опыте общения с судом и исками, умаслить их речами — вдруг с их помощью удастся отстоять то, что на суде я точно потеряю. Еще я решил так поступить потому, что новоиспеченная вдова своими рыданиями тронула меня и разжалобила. Итак, я велел им успокоиться, ибо со мной они ничего не потеряют: если я и принял наследство, то лишь потому, что считал покойного неженатым, ибо о вступлении отшельников в брак слыхом не слыхивал.

Они, отбросив печаль и уныние, развеселились, сказав, что моя неопытность и неумелость в таких делах сразу бросается в глаза — ведь я не знал, что, когда говорят об «уединенном отшельнике», то отнюдь не подразумевают уединения от женщин. Напротив, редкий отшельник в свободные от созерцаний часы обходится без женщины, хотя бы одной; с нею он от созерцания переходит к деянию, подражая иной раз Марфе,

иной — Марии[292]. Ибо кому, как не им, знать волю Господа, постановившего, что «нехорошо человеку быть одному»[293]. Вот так они, как подобает покорным сыновьям, содержат одну женщину или сразу двух, обеспечивают их, пусть даже и милостыней.

— Особо следует упомянуть о горемыке, содержавшем сразу четырех: вон ту бедную вдовушку, меня, сиречь свою родную мать, этих двух (его сестер), не считая троих мальчиков, его сыновей — по крайней мере, таковыми он их считал.

Затем та, которую назвали его женой, сказала, что не хочет называться вдовой этого гнилого старикашки, даже не вспомнившего о ней перед смертью; она была готова поклясться, что и дети не от него; так что отныне брачный договор она расторгает.

— А что сказано в договоре? — спросил я.

Мать ответила:

— Брачный договор, составленный мною, когда моя дочка вышла замуж за этого мерзавца, заклю-

---

[292] Примечания: 292

...от созерцания переходит к деянию, подражая иной раз Марфе, иной — Марии. — См. примеч. 2 к гл. 9.

[293] Примечания: 293

...волю Господа, постановившего, что «нехорошо человеку быть одному». — Согласно Библии, слова Бога перед сотворением помощников для Адама — сначала животных, а затем Евы (Быт. 2: 18).

чался вот в чем... хотя, чтобы вам всё объяснить, придется начать издалека. Жила я в селении Дуэньяс[294] в шести лигах отсюда, и было у меня три дочки от троих разных отцов. По самому здравому предположению, ими были монах, аббат и священник, ибо я всё лучшее всегда отдавала Церкви. Я переселилась в этот город, чтобы бежать от слухов, которыми захолустные местечки всегда полнятся. Все меня называли церковной вдовушкой, ибо по грехам моим все трое скончались. Хоть на их место и заступили другие, но были это люди малого достатка и еще меньшего почета, к тому же, не удовольствовавшись взрослой овцой, повадились они ходить за малыми и нежными овечками. Уразумев неминуемую опасность (а также то, что былого довольства уже не вернуть), я сказала «хватит» и переселилась сюда, где поднялась такая молва о моих дочках, что ухажеры к ним слетались, как мухи на мед. А из числа оных никого я так не ценю, как лиц духовного звания, ибо это народ, умеющий хранить тайны, богатый, домовитый и терпеливый.

Однажды в числе других пришел просить подаяния монах из обители святого Лазаря, которому

---

[294] Примечания: 294

Дуэньяс — небольшой городок близ Вальядолида.

сия девица так пришлась по нраву, что он по святости и простоте своей попросил у меня ее руки и сердца. Я согласилась отдать ее замуж при следующих условиях:

Во-первых, он обязуется содержать наше хозяйство, а то, что мы заработаем сами, либо потратим на тряпки, либо отложим впрок. Во-вторых, если моей дочке захочется завести себе какого-нибудь сослужителя, поскольку жених в церковных делах уже слаб, то он будет молчать об этом, как молчат прихожане на мессе. В-третьих: всех рожденных ею детей он будет считать за своих собственных и впоследствии завещает им всё, чем владеет и будет владеть; а если она останется бездетной, то сделает ее своей законной наследницей. В-четвертых: он не будет входить в дом, если увидит на подоконнике кувшин, котел или другую посуду; это будет знак, что сейчас его место занято. В-пятых: если он будет дома и туда придет кто-нибудь другой, то пусть спрячется там, где мы укажем, пока оный не удалится. В-шестых, и в-последних: пусть приводит дважды в неделю кого-нибудь из друзей или знакомых, способного за собственный кошт устроить нам славную пирушку.

— На этих-то условиях, — продолжила она, — и

принес этот несчастный клятву моей дочери, а она — ему. Для заключения брака священник не понадобился — он сказал нам, что это не обязательно, ибо главное в супружестве — единство в желаниях и согласие в стремлениях.

Я немало перепугался от того, что мне наговорила эта вторая Селестина[295], а особенно — от условий, на которых она выдала свою дочку замуж. Я растерялся и не знал, что сказать, но они сами проложили дорогу моей страсти, ибо вдовушка обняла меня за шею и изрекла:

— Если б у этого ничтожества был такой же ангельский лик, как у вас, я бы его полюбила.

И с этими словами она поцеловала меня. От поцелуя у меня внутри загорелось бог знает что и стало меня сжигать заживо. Я сказал ей, что ежели она желает перестать быть вдовой и принять меня в мужья, то я соблюду не только те условия, на которые подписался старик, но и любые, какие она пожелает прибавить. Удовольствовавшись тем, она сказала, что хочет лишь того, чтобы я отдал им всё, что находится в обители, а уж они

---

[295] Примечания: 295

Селестина — колдунья, персонаж произведения Фернандо де Рохаса (ок. 1470—1541) «Трагикомедия о Калисто и Мелибее» («Tragicomedia de Calisto y Melibea»; 1499—1502; уже в XVI в. его стали называть просто «Селестиной»); ее имя стало нарицательным для обозначения сводни.

это сберегут. Я согласился, но лишь потому, что намеревался припрятать денег на черный день.

Бракосочетание назначили на утро, а вечером приехала повозка, в которой они вывезли всё до последнего гвоздя, не пощадив ни напрестольной пелены, ни облачения святого. Я втюрился по уши и потому отдал бы и птицу Феникс вместе с водами Стикса, если б они о том попросили. Оставили мне одну только дерюгу, чтобы валяться на ней подобно псу.

Когда моя будущая супруга, приехавшая вместе с повозкой, увидела, что денег нет, то весьма рассердилась, ибо старик говорил ей, что деньги у него есть, только вот не сказал, где именно. Она спросила меня, знаю ли я, где спрятан клад; я ответил, что нет. Она, хитрюга, схватила меня за руку и потащила искать; мы излазили все закоулки и тайники в обители, не обойдя стороной и основание алтаря; увидев, что его недавно двигали, она заподозрила недоброе. Обняв и поцеловав меня, она сказала:

— Милый, скажи, где денежки, и мы сможем устроить веселую свадьбу.

Я продолжал твердить, что о деньгах ничего не знаю; она снова взяла меня за руку и повела гулять вокруг обители, всё время глядя мне

прямо в лицо. Когда мы дошли до места, где был зарыт клад, я невольно отвел глаза и глянул в ту сторону. Она позвала мать и велела ей искать под камнем, куда я спрятал клад; там-то они и нашли деньги, а я — погибель. Я притворился, что ничего не знаю, и сказал:

— Поглядите-ка, вот на это мы и заживем припеваючи.

Она снова меня обласкала, а потом, поскольку уже вечерело, они отправились в город, велев мне приходить к ним домой завтра утром, чтобы сыграть там самую веселую свадьбу на свете. «Даст Бог, хоть в малом да повезет», — подумал я про себя.

Всю ночь я разрывался между надеждой и страхом, что эти бабы меня надуют, хотя как можно было заподозрить коварство в столь прелестном личике? Я всё же не оставлял надежды насладиться этой птичкой, и потому мне казалось, что та ночь растянулась на целый год.

Еще толком не рассвело, а я уже запер обитель и пошел жениться, как ни в чем не бывало, позабыв, что я уже женат. Я явился, когда все только вставали; меня приняли с такой радостью, что я счел себя счастливцем, отбросил все страхи и начал хозяйничать, как у себя дома. Мы так

обильно и вкусно поели, что мне казалось — я очутился в раю. На пир пригласили шесть-семь подружек невесты. После трапезы мы принялись танцевать, чего я не умел, но меня принудили против воли. Пляска в монашеском одеянии — хорошенькое было зрелище, прямо обхохочешься!

Вечером, когда мы уже успели славно поужинать и еще лучше выпить, меня отвели в весьма приятные покои, где располагалась большая кровать, куда мне велели лечь. Пока моя супруга раздевалась, служанка меня разула и сказала снимать рубашку, поскольку следовавшие далее обряды предписывали полностью обнажиться. Я повиновался. Первым делом мне велели поцеловать ее в задний проход, уверяя, что в этом и состоит первый обряд. Затем вчетвером меня схватили (две за ноги, две за руки) и с превеликим усердием связали меня четырьмя веревками, концы коих привязали к четырем столбам кровати. Распяли меня, словно святого Андрея[296].

Все рассмеялись, увидев моего маленького дружка, и вылили на него целый кувшин холодной воды. Я завопил; мне приказали заткнуться, а не то худо будет. Они взяли здоровенный котел

[296] Примечания: 296

Распяли... словно святого Андрея. — Апостол Андрей был, по преданию, распят на косом кресте (в форме буквы Х).

с кипятком и окунули туда мою голову; меня обожгло, и, что было гораздо хуже, за каждый крик меня стегали так, что я решил — пусть творят что хотят. Мне сбрили бороду, волосы, брови и ресницы.

— Потерпите, — говорили они, — церемонии скоро закончатся и вы получите то, чего так страстно желаете.

Я умолял их оставить меня в покое, ибо всякое желание у меня уже успело пропасть. Между тем мне обрили лобок, и одна из дам, самая дерзкая, вытащила нож и сказала товаркам:

— Подержите его хорошенько, я ему подрежу ядрышки, чтобы больше не мучил соблазн жениться. Отец пустынножитель, наверное, подумал, что всё нами сказанное — святая правда? Так вот, не святая она, даже не блаженная. Тоже мне, бабам вздумал верить! Сейчас и увидишь, что за это бывает.

Поняв, что мое хозяйство в опасности, я так рванулся, что порвал одну веревку и сломал один из столбов. Я протянул руку к своим бубенцам и так их сжал в кулаке, что хоть пальцы мне отрежь, а до них не доберешься. Чтобы я не разломал всю кровать, меня развязали и завернули в покрывало. Затем меня подбрасывали на одеяле до тех

пор, пока не бросили полумертвым.

— Эти церемонии, сеньор, — говорили они, — кладут начало вашему браку. Завтра, если желаете, приходите снова, и мы довершим остальные обряды.

Вчетвером меня вынесли вон из дому, положив посреди улицы, где и застиг меня рассвет; мальчишки начали гонять меня и так надо мной глумиться, что я бежал от их гнева в церковь прямо к алтарю, где в это время служили мессу. Когда священники увидели образину, недвусмысленно схожую с чертом, какого малюют у ног архангела Михаила[297], то тут же пустились в бегство, а я — за ними, дабы скрыться от гонений, устроенных мальчишками.

Народ в церкви загалдел; одни кричали: «Глядите, черт!», другие: «Смотрите, безумный!» Я тоже кричал, что я не черт и не сумасшедший, а просто несчастный человек, доведенный до такого состояния своими грехами.

Услышав это, все успокоились; священники вернулись заканчивать мессу, а ризничий дал

---

[297] Примечания: 297

...чертом, какого малюют у ног архангела Михаила... — В католическом церковном искусстве распространены изображения архангела Михаила, попирающего ногами побежденного им дьявола (см.: Откр. 12: 7—9).

мне покрывало с могилы, чтобы укрыться. Я забился в угол и там предался размышлениям о превратностях фортуны и о том, что, куда ни пойди, всюду найдешь горе. И вот так я и решил остаться в этой церкви до конца дней своих (ибо, судя по пережитым мной бедам, он уже не за горами); тем самым я избавил бы священников от труда разыскивать меня в другом месте после смерти.

Вот, друг читатель, и вся полностью изложенная вторая часть жизни Ласарильо, без прибавлений или изъятий, ровно в таком виде, как я услышал ее от своей прабабки. Если она пришлась тебе по вкусу, дождись третьей — останешься доволен не меньше.

Конец

Дополнения

Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго,

писанный им самим на гишпанском языке,

с коего переведены на французской,

ныне же с последняго — на российской

Репринтное воспроизведение московского издания 1775 г.

<в fb2-файле пропущено>

Приложения

С.И. Пискунова

ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛАСАРО ДЕ ТОРМЕС И МЕТАМОРФОЗЫ ПЛУТОВСКОГО ЖАНРА

I

Кто и когда написал «Жизнь Ласарильо с Тормеса»

Испанский плутовской роман, а точнее, пикареска — один из самых загадочных феноменов европейской литературы середины XVI — первой половины XVII века. В науке до сих пор идут споры о происхождении пикарески, о корпусе текстов, которые составляют этот жанр, о том, сколь долго он просуществовал, где и когда испанский пикаро как герой жанра завершил свой путь, а если ему как одному из его прообразов — евангельскому Лазарю — была дарована «вторая» жизнь, то в каком качестве и обличье он продолжил свое странствие но пространствам романа Нового и Новейшего времени. Исследователи сходятся лишь в одном: классическую пикареску отличает не только и не столько присутствие в ней образа плута — ведь он встречается и в древних мифах в образе так называемого «трикстера»

(пародийного двойника «культурного героя», изворотливого оборотня, пособника богов и вредителя одновременно), и в «животном» эпосе, и в восточных рассказах о проделках хитрецов, и во французских фаблио, и в немецких шванках. Характерная черта пикарески — вполне привычный для современного читателя, но новаторский для XVI—XVII веков тип вымышленного литературного повествования, где главный герой выступает и как рассказчик, и как действующее лицо. Именно форма повествования от первого лица отличает пикареску от внешне схожих с ней собраний анекдотов, циклизованных вокруг образа главного героя, например, от «народной книги» о Тиле Уленшпигеле. При этом плутовская автобиография может быть оформлена то как письмо, то как рассказ-исповедь, то как мемуары и даже как путевые заметки.

Первым классическим образцом пикарески и одним из лучших творений испанской барочной прозы стал роман Матео Алемана (Mateo Alemán; 1547—1614?) «Гусман де Альфараче» («Guzmán de Alfarache»; ч. 1 — 1599, ч. 2 — 1604)[298]. В «Гусмане» повествование ведется от лица пикаро, который,

[298] Примечания: 298
Перевод на русский язык см. в изд.: Алеман 1963а; Алеман 19636.

оказавшись на каторге (гребцом на галерах) и пережив религиозное просветление, пытается осмыслить и нравственно оценить всё, что с ним произошло с момента его рождения. Гусман не без иронии характеризует маргинальное социальное положение и нравственный облик своих родителей, отыскивая в истории собственного появления на свет истоки своей далеко не праведной жизни. Дурная наследственность — одна из «магистральных» (Л.Е. Пинский) тем пикарески, напрямую связанная с темой грехопадения, с убежденностью писателя-моралиста в испорченности человеческой природы.

Сюжет романа Алемана развивается как ряд возвышений и падений героя, связанных с его поначалу удачными мошенничествами и их последующим разоблачением. Образ Гусмана подчеркнуто протеистичен, ускользающе-многолик (Протей — одно из вошедших в историю жанра определений сущности пикаро[299]). Это проявляется в постоянной смене социальных «масок»-ролей Гусмана, его убеждений, а также в

[299] Примечания: 299

Впервые оно появляется в латиноязычном посвятительном стихотворении Руя Фернандеса де Альмада ко Второй части романа Алемана: в нем поэт намекает на ускользающий от взора наблюдателя облик героя-авантюриста.

самом стиле его речи, в которой смешаны патетика и смиренность, горечь и бравада, бесстыдное выставление напоказ своих пороков и морализаторские рассуждения.

Гусман де Альфараче — настоящий пикаро. Он не просто плут, а выразитель характерного для эпохи барокко ощущения социального и духовного кризиса, краха ренессансного «мифа о человеке», воплощающего веру в природное совершенство Человека, способного — невзирая на свое происхождение и превратности судьбы — собственными усилиями возвыситься до своего идеального прообраза (ведь он создан Творцом по Своему образу и подобию!). Эпоха барокко вспомнила о том, что человек, как говорил современник Гусмана Принц Датский, — всего лишь жалкая «квинтэссенция праха». Конечно, еще оставалась надежда на то, что если «нет правды на земле» (по слову пушкинского Сальери), то она есть где-то «выше», но на земле, куда ни посмотри, царят лицемерие и обман, а человеческой судьбой распоряжается слепая Фортуна.

На «Гусмана де Альфараче» как на жанровый прецедент будут ориентироваться многие испанские прозаики, бросившиеся с Алеманом спорить, Алеману подражать, алемановский тип

повествования совершенствовать. Строго говоря, именно Алемана следовало бы считать творцом жанра — то есть главой «рода».

Но у Алемана был предшественник, создатель книжечки (объемом она никак не роман, а, скорее, повесть), опубликованной без указания имени автора в Антверпене в 1553 году под названием «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения» («La vida de Lazarillo de Tormes, y de sus fortunas y adversidades»)[300]. Ни одного экземпляра этого, «заграничного»[301], издания «Ласарильо», считавшегося вымыслом книготорговца Ж.-Ш. Брюне (J.Ch. Brunet)[302], но ставшего в 2015 году доказанным историко-литературным фактом (см.: Rodríguez 2015), до нас не дошло[303], а сохранились считанные экземпляры четырех

[300] Примечания: 300

По всей видимости, скалькированное с житийных текстов название повести, не соответствующее жанру письма-исповеди Ласаро (см. об этом с. 581 наст. изд.), а также ее разделение на главы-рассказы, или трактаты (tratados), как и названия глав, принадлежат нс автору «Ласарильо», а его изд ателю/из дателям (см.: Rico 2006: 13— 17). В последнем издании «Ласарильо», вышедшем под грифом Испанской Королевской академии, Ф. Рико от деления повести на «рассказы» отказался (см.: Lazarillo 2011).

[301] Примечания: 301

Антверпен, крупнейший издательский центр заальпийской, «северной» Европы, находился за границами Испанского королевства, но в пределах Священной Римской империи — владении династии Габсбургов, к которой принадлежал правивший Испанией с 1516 по 1556 г. король Карлос I, провозглашенный в 1519 г. императором Священной

Римской империи Карлом V.

[302] Примечания: 302

Брюне сообщал о существовании этого издания в своем «Справочнике книготорговца» (Manuel du Libraire) 1820 г. (см.: Rodríguez 2015).

[303] Примечания: 303

Однако — и на это текстолога обратили внимание также совсем недавно — именно антверпенский «Ласарильо» 1553 г. (книгоиздатель Мартин Нуций, *исп.* Martín Nució, *нем.* Martin Nutius) лег в основу публикации повести в томе «Романисты — предшественники Сервантеса» из знаменитой серии «Библиотека испанских писателей» (см.: Anbau 1846).

изданий, датируемых 1554 годом: три из них осуществлены в самой Испании — в типографиях Бургоса, Алькала-де-Энарес[304] и Медина-дель-Кампо, четвертое — вновь в Антверпене, у того же книгоиздателя[305]. Все эти издания, так или иначе (напрямую или опосредованно, например, через гипотетическое «первое» издание повести в Алькала-де-Энарес 1553 года[306]), восходят к антверпенскому «Ласарильо» 1553 года, которое, тем не менее, далеко не все ученые согласны считать его первым изданием (editio princeps), предполагая существование пока не найденного издания 1550 года[307].

Открытым остается и вопрос о личности автора «Ласарильо». Первым (по времени выдвижения) претендентом на эту роль стал Хуан де Ортега (Juan de Ortega; ум. 1557), с 1552 по 1555 год — генерал ордена Св. Иеронима, что само по себе

---

[304] Примечания: 304

Сохранившееся издание Алькала 1554 г. помечено издателем как «второе, исправленное и дополненное». См. также Преамбулу к примечаниям к «Жизни Ласарильо с Тормеса» (далее — «Л-I»).

[305] Примечания: 305

См. также Преамбулу к примечаниям к «Л-I».

[306] Примечания: 306

См.: Rodríguez López-Vázquez 1989.

[307] Примечания: 307

См.: Caso González 1972; Ruffinatto 1990; Ruffinatto 2001; обобщающий обзор — Martin-Baños 2007.

могло бы объяснить невозможность появления его имени на обложке книжицы, полной сатирических выпадов в адрес лицемерных, лишенных сострадания, жадных до земных благ клириков, содержащих наложниц, внебрачных детей и покровительствующих тем, кто, подобно толедскому городскому глашатаю Ласаро, готов покрывать их грехи. На Ортегу как на творца «Ласарильо», сочиненного-де им еще в молодости, во время учебы в Саламанкском университете, указал в 1605 году историк Ордена Хосе де Сигуэнса. Свое утверждение Сигуэнса основывает на слухе о том, что после смерти Ортеги в его келье был найден переписанный рукой покойного текст «Ласарильо» (см.: Rico 2006: 34). Однако в те времена рукописные версии многих произведений часто функционировали наравне с печатными, тем более что «Ласарильо» был включен в «Список запрещенных книг» (1559), составленный инквизитором Фернандо де Вальдесом (Fernando de Valdes; 1483—1568) в первые годы царствования Филиппа II (Felipe II; 1527—1598; правление: 1556— 1598 гг.). Любивший, по уверениям Сигуэнсы, литературу и острое слово, Ортега действительно мог сделать собственноручный список небольшого текста популярной

повести. Однако никаких иных свидетельств литературной активности генерала-иеронимита не осталось и его авторство никакими иными доказательствами, кроме слов Сигуэнсы, не подкреплено[308].

Два года спустя Ортегу как возможного автора «Ласарильо» надолго — почти на три века — заслонил другой, значительно больше для этой роли подходящий, претендент — поэт[309] и историограф Диего Уртадо де Мендоса (Diego Hurtado de Mendoza; 1503—1575). Фламандский библиограф Валерий Андрес Таксандр в своем каталоге книг испанских писателей («Catalogas clarorum Hispaniae scriptorum»; 1607) сообщал о нем как об авторе «комментария к Аристотелю», истории войны в Тунисе[310], стихотворений на

[308] Примечания: 308

Два с лишним века спустя версию об авторстве Хуана де Ортеги поддержит один из первопроходцев прочтения повести как эстетически значимого текста М. Батайон (см.: Bataillon 1968).

[309] Примечания: 309

Вместе с Хуаном Босканом (Juan Boscán; 1490—1542) и Гарсиласо де ла Вега (Garcilaso de la Vega; 1501—1536) Диего Уртадо де Мендоса был основоположником испанского петраркизма — течения, объединявшего поэтов, сочинявших стихи в жанрах и размерами итальянских последователей Франческо Петрарки: одиннадцатисложные любовные сонеты, эклоги, элегии, оды, послания. Петраркистский цикл сонетов, адресованных некой Марфизе, есть и у Мендосы. Однако Мендоса писал не только сонеты, но и антисонеты, сонеты-пародии, в том числе «сонет о сонете». А еще — он сочинял кансьонес (песенки) в средневеково-народном стиле, используя традиционный восьмисложный стих.

Особенно ему удавались редондильи, которые позднее будет высоко ценить один из лучших барочных лириков Лопе де Вега.

[310] Примечания: 310

Основанное на непроверенных сообщениях сведение. Главное сочинение дона Диего-хрониста — «Гранадская война» («La Guerra de Granada»), повествующее о восстании морисков в горах Альпухарры (1568—1571 гг.), было опубликовано после смерти автора, в 1627 г.

«романском» (т. е. испанском) языке, а также сочинителе «развлекательной книги» (libro de entretenimiento) «Ласарильо с Тормеса».

Автор составленной годом позднее «Испанской библиотеки» («Hispaniae bibliotheca»; 1608) иезуит Андреас Скотт, в свою очередь, писал: «<...> считается, что Диего Уртадо де Мендоса в молодые годы, будучи студентом Саламанкского университета, где он изучал гражданское право, сочинил сатирическую забавную [satyricum illud ludricum] книгу “Ласарильо с Тормеса”» (цит. по: Rico 2006: 36).

Эта атрибуция, подхваченная первыми испанскими библиографами Томасом Тамайо де Варгасом (1589—1641) и Николасом Антонио (1617—1684) и подтвержденная «Словарем авторитетов» («Diccionario de Autoridades»; 1726— 1739), была принята всеми издателями XIX — начала XX века (под именем Диего Уртадо де Мендоса «Ласарильо» опубликован и в томе Библиотеки испанской литературы 1846 года). Однако в 1888 году авторство Мендосы[311] было поставлено под сомнение французским испанистом Альфредом

[311] Примечания: 311

Мы предпочли этот, более привычный для русской традиции, вариант сокращения фамильного имени дона Диего используемому в Испании «Диего Уртадо».

Морелем-Фасьо (Alfred Morel-Fatio; 1850—1924), указавшим на несовпадение «простонародного» стиля анонимной книжицы, ее откровенной антицерковной, реформистской направленности и мировоззрения и литературных вкусов (какими они виделись критику) члена влиятельнейшего аристократического семейства, воина и крупного дипломата (см.: Morel-Fatio 1888): Мендоса был в составе миссии, посланной Карлом V в Англию (1537—1538 гг.) для достижения договоренности о браке принца Филиппа и Марии Тюдор, позднее, с 1539 по 1547 год — послом в Венеции и представителем Карла на Тридентском соборе, в 1547— 1552 годах — послом в Риме и командующим испанским гарнизоном в Сиене.

Напротив, по мнению Мореля-Фасьо, автор «Ласарильо» должен был быть писателем-маргиналом, знакомым с бытом народных низов и черпающим вдохновение в фольклоре (откуда сам образ Ласаро-побирушки в анонимную повесть и пришел)[312], а также — религиозным вольнодумцем-«эразмистом», то есть после-

[312] Примечания: 312

На самом деле, из народной речи в повесть пришло прозвание «ласарильо» — как нарицательное обозначение «сирых», «несчастненьких», «убогих», чаще всего — больных проказой, болезнью св. Лазаря (см.: Cejador y Fráuca 1976: 13—14).

дователем нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1469—1575), труды которого вдохновляли европейских реформаторов (хотя сам Эразм за Люггером не пошел, оставшись в лоне Католической церкви)[313].

Этими соображениями авторитетного французского испаниста авторство Мендосы, казалось, было окончательно опровергнуто, и многие десятилетия, уже не полагаясь на свидетельства библиографов XVII—XVIII веков, ученые искали автора «Ласарильо» в одном из двух, указанных Морелем-Фасьо, направлений. Прежде всего — среди эразмистов, появившихся в Испании вскоре после восшествия на престол (1516 г.) привезенного в страну из «заграницы» внука «католических королей» Изабеллы и Фернандо (Фердинанда) по материнской линии и обладателя короны императора Священной Римской империи Максимилиана по отцовской — Карла, родившегося и выросшего в Бургундии, не знавшего Испании и ее языка, ее полувосточного

[313] Примечания: 313

Эразмисты скептически относились к догмам Римской церкви и нравам католических клириков, мечтая о восстановлении чистой, не замутненной позднейшими истолкованиями вере первых христиан, о христианской Церкви как сообществе соединившихся во Христе и живущих по законам любви братьев. Об испанском эразмизме и его месте в испанском Возрождении см.: Abellán 1982; Пискунова 1998.

жизненного уклада, поклонника средневекового рыцарства и любителя рыцарских романов, воспитанного на «североевропейский», настороженно-враждебный по отношению к папскому Риму лад.

Также, считал Морель-Фасьо, создатель «Ласарильо», скорее всего, был не только эразмистом, но и «новым христианином»[314], каковых среди испанских эразмистов действительно было немало. «Новые христиане» (или «конверсос», от *исп.* conversos — «обращенные») с особым рвением искали в сочинениях Эразма ответы на мучившие их сомнения, порожденные расхождением заветов Христа и нравов и образа мыслей служителей Римской церкви, присвоивших себе исключительное право общения с Богом и толкования Его воли, руководствуясь при этом Вульгатой — раннесредневековым латинским переводом Библии. А вот для Эразма, первого европейского филолога-классика, сакральная «неприкосновенность» Вульгаты была сомнительна: в ней нидерландский гуманист находил множество

[314] Примечания: 314

«Статусы о чистоте крови», начавшие выходить в Испании в последнее десятилетие правления Карла (первый был издан в 1547 г.), делили испанцев на «старых» и «новых» христиан: к последним относились все, у кого в роду — вплоть до четвертого колена — были евреи или арабы.

несоответствий текстам Ветхого и Нового Заветов на древнееврейском и греческом языках.

Автор «Ласарильо» также лишен пиетета по отношению к Библии: послание толедского городского глашатая Ласаро, адресованное некоему важному лицу — «Вашей Милости», полно пародийными аллюзиями и бурлескными парафразами тех или иных мест Священного Писания, прекрасное знание которого демонстрирует скрывшийся за маской Ласаро автор. Словно бы и не имея перед собой такой цели, простодушный Ласаро обличает лицемерие служителей Церкви и отсутствие милосердия у «добрых людей» (los buenos), к которым так мечтает прибиться его матушка и к которым, в конечном счете, «причаливает» он сам: эти благочестивые христиане, за редким исключением, лишены сострадания (не говоря уже о братской любви к ближнему), зато весело смеются над рассказами слепца о том, как он «воспитывает» своего изворотливого слугу. Автор «Ласарильо» если и не еретик, то разрушитель традиций. Не только «Рассказ третий...» «Л-I», где хозяин Ласаро, разорившийся

эскудеро[315], гордящийся сомнительной «чистотой» своей крови и питающийся объедками, которые Ласаро выпрашивает на толедских улицах, демонстрирует полную непригодность к самостоятельной жизни: повесть в целом являет собой развернутое отрицание кодекса чести, главной ценности рыцарско-феодального мира. В Испании раннего Нового времени честь (el honor) превратилась в фальшивый фетиш — la honra, отождествляющий ее обладателя не столько с дворянским происхождением, сколько с принадлежностью к «старым христианам» (понятие «крестьянская честь» — одна из тем испанского театра XVII века).

Сужение круга гипотетических претендентов на авторство «Ласарильо» до группы эразмистов-«новых христиан» лишь по видимости облегчило ученым задачу «вычисления» автора повести: «новыми христианами» при ближайшем изучении вопроса оказались очень многие мыслители, писатели, врачи, натурфилософы, да и религиозные и государственные деятели

[315] Примечания: 315

Эскудеро — низший слой идальгии как общего обозначения испанского дворянства, которое, помимо эскудеро, включало в себя также идальго-землевладельцев (таких, как сервантесовский Алонсо Кихано — Дон Кихот), кабальеро и грандов.

испанского Возрождения (см.: Пискунова 1998). Однако, движимые этой установкой, исследователи продолжают обращаться к фигурам известных гуманистов — братьев Хуана и Альфонсо де Вальдес (Juan de Valdés; 1509—1541; Alfonso de Valdés; 1490—1532), первый из которых, придворный маркиза де Вильена, после отъезда в Италию в 1534 году был осведомителем Карла V при дворе Папы Климента VII, а второй — секретарем-латинистом императора[316]. Вспоминают и о философе Хуане Луисе Вивесе (Juan Luis Vives; 1492—1540), одном из самых влиятельных — во всеевропейском масштабе — эразмистов первой половины шестнадцатого столетия (см.: Calero 2006). Правда, Хуан де Вальдес известен исключительно как автор серьезных — «наставительных» — диалогов на богословские, этические и филологические темы: «Диалога о христианской доктрине» («Diálogo

[316] Примечания: 316

Огромные, но отвергнутые научными кругами, усилия доказать, что автором «Ласарильо» является Альфонсо де Вальдес, в 2000-е годы предприняла Роса Наварро Дуран (см.: Navarro Duran 2002; Navarro Durán 2003). На фоне массированной пиар-компании в защиту своей гипотезы, которую ведет Наварро Дуран, отстаивая авторство А. де Вальдес, давняя попытка М.-Х. Асенсио (см.: Asensio 1959) очень осторожно связать «Ласарильо» с именем его брата — Хуана кажется вполне допустимой. Только вот дух «наставительных» диалогов Хуана, однозначно твердого в своих эразмистских убеждениях, мало совместим с амбивалентно-уклончивым (об этом подробнее далее) строем мышления автора «Ласарильо».

de doctrina cristiana»; 1529), «Диалога о языке» («Diálogo de la lengua»; 1535?), а вот Альфонсо принадлежат диалоги сатирические: «О том, что происходило в Риме» («Diálogo de las cosas acaecidas en Roma»; 1527?) и «Диалог о Меркурии и Хароне» («Diálogo de Mercurio y Carón»; 1530)[317]. Однако между диалогом — даже беллетризированным, лукиановского типа[318], включающим действие, развертывающееся в фантастической обстановке (например, на берегах Стикса, как то происходит в «Диалоге о Меркурии и Хароне»), — и романом (а «Ласарильо» — это своего рода «маленький» роман!), при всём их генетическом родстве, существует принципиальное различие: основным предметом изображения в диалоге является идея, мысль и/или представление, которое автор хочет донести до слушателя или со слушателем обсудить, в то время как герой романа или повести, даже если это — герой-идеолог или фантазер, одержимый неким замыслом-планом, — прежде всего человек в его земном измере-

[317] Примечания: 317

Запрещенные в Испании к печати, диалоги Альфонсо были впервые опубликованы в Италии после смерти автора в 1540-х годах.

[318] Примечания: 318

Имеются в виду произведения позднегреческого писателя Лукиана Самосатского (ок. 120—180), автора сатирических диалогов «Разговоры богов» и «Разговоры в царстве мертвых».

нии, со своей переживаемой лично участью. Да и адресованы диалоги Вальдесов не читателю «развлекательных книжиц», а элите: гуманистической, придворной, церковной.

Поэтому с начала XX века испанисты начали искать автора «Ласарильо» среди представителей «низовой», народной культуры, прежде всего среди сочинителей и исполнителей пьес для площадного театра — авторов и актеров (те и другие обозначались тогда одним словом — autores). Так в ряду предполагаемых авторов повести появились актер и драматург Лопе де Руэда (Lope de Rueda; первые десятилетия XVI в. — 1565)[319], а вслед за ним — со значительно большими на то основаниями — Себастиан де Ороско (Sebastián de Horozco; 1510—1579), сочинитель одноактных стихотворных пьес[320], представляющих сценки из толедской жизни, а также составитель сборников испанских пословиц и поговорок (мода, введенная в гуманистический обиход Эразмом). Гипотезу об Ороско как авторе «Ласарильо» выдвинул еще в 1914 году издатель

[319] Примечания: 319

Гипотеза Ф. де Хаана (см.: Haan 1903).

[320] Примечания: 320

Их издание было осуществлено в 1874 г. Хосе Мариа Асенсио (José María Asensio; не путать с Manuel José Asensio, см. сноску 19 к наст. ст.).

первого комментированного издания «Ласарильо» Х. Сехадор-и-Фраука, обративший внимание на то, что в «представлении» Ороско на сюжет «Евангельской истории из девятой главы от Иоанна» («Representaciyn de la Historia evangélica del capítulo nono de San Juan») выведены слепой и его слуга Ласарильо, мстящий хозяину за издевательства. И хотя комическая пара слепой и мальчишка-поводырь была известна в Европе, по крайней мере, с четырнадцатого столетия, сцена со слепым и его слугой в пьесе Ороско во многих деталях воспроизводит именно знаменитый эпизод с местью слепцу из «Рассказа первого...» «Ласарильо» (см.: Cejador y Franca 1976).

Поэт-шут Ороско[321], с учетом его «новохристианского» происхождения, а также сатирической направленности и площадного комизма его сочинений, по многим параметрам подходил бы на роль автора «Ласарильо». Но нет в его стихотворных сценках даже следов той гениальности, которой отмечена внешне простая, но предель-

[321] Примечания: 321

О происхождении и роли писателей и поэтов-шутов в испанской культуре см.: Márquez Villanueva 1985—1986; Зеленина 2013.

но суггестивная проза творца «Ласарильо»[322]. Да и рукописный «Песенник» («Cancionero»), в котором собраны сочинения Ороско (опубл. 1874), может включать в себя произведения, написанные и после 1554 года: тогда сценка из «Евангельской истории...» — всего лишь переделка эпизода из «Ласарильо» 1554 года.

То обстоятельство, что автор «Ласарильо» не только имя героя, но и многие темы повести заимствовал из фольклорной традиции, а также тот факт, что некий Ласаро «со своим ослом» или в ином виде мелькает в литературных текстах первой половины XVI века, подвигло одного из авторитетнейших исследователей и издателей «Ласарильо» Х. Касо Гонсалеса выдвинуть предположение, что сохранившиеся издания повести[323] — плод бытования в читательской среде на протяжении 1520—1540-х годов рукописных копий созданной безымянным автором (автор есть у каждого произведения, даже фольк-

[322] Примечания: 322

Более всего к ней применимо понятие «проза поэта», которая отличается тем же качеством, что и поэзия: для последней — по определению Ю.Н. Тынянова — характерна «теснота стихового ряда» (Тынянов 1965: 69). В этом смысле проза «Ласарильо» схожа с прозой Пушкина, автора «Повестей Белкина».

[323] Примечания: 323

На момент появления трудов Х. Касо Гонсалеса было известно лишь о трех изданиях книги.

лорного!) еще в конце XV века «Книги о Ласаро» — по аналогии с «Пра-Фаустом» Гёте ученый именует ее «Пра-Ласарильо» (см.: Caso González 1966; Lazarillo 1967). А фольклорное произведение существует, как известно, анонимно и в вариантах. При этом первоначальный текст подвергается разного рода изменениям, порожденным не только неизбежными при переписке ошибками, но и творческими новациями переписчиков. Иными словами, по мысли Касо Гонсалеса, «Ласарильо» в дошедшем до нас виде, включая его продолжения — дополнения-вставки в издание Алькала-де-Энарес 1554 года, анонимно опубликованную в 1555 году в Антверпене одновременно с переизданием «Ласарильо» 1554 года «Вторую часть» («Л-II»)[324] — следует рассматривать как плод письменной обработки полуфольклорного текста-прототипа.

Но к оценке анонимности «Ласарильо» есть и другой подход, согласно которому отсутствие имени автора на титуле каждого из сохранившихся изданий — одна из сторон глубоко оригинального художественного замысла автора, заставившего героя самого рассказывать о своей жизни, что, как уже говорилось, не было принято в традици-

[324] Примечания: 324
См. о них в Преамбуле к примечаниям к «Л-II».

оналистском вымышленном повествовании[325]. А. Кастро писал по этому поводу:

> Вопрос о происхождении «Ласарильо» будет иметь второстепенное значение до тех пор, пока мы не соотнесем его с творческой установкой автора <...> Как еще объяснить принятое писателем решение — взять своего ничего из себя не представляющего героя и выставить его на всеобщее обозрение? Обыденная жизнь — нечто, полностью противоположное героическому деянию, — здесь повествует о себе самой. Таково было гениальное решение... И для того, чтобы как-то сгладить подобную дерзость, истинный автор остается в тени. Автобиографичность «Ласарильо» и его анонимность — две стороны одной медали.
>
> ***Castro 1960: 136***

Таким образом, вопрос об авторе «Ласарильо»

---

[325] Примечания: 325

«От первого лица» писали письма, исповеди, автобиографии, донесения-реляции (например, Колумб — об открытых им землях), то есть тексты-документы. Вымышленные же истории — прежде всего популярнейшие рыцарские романы — велись от лица псевдореального хрониста-повествователя.

затрагивает самую суть этой внешне незамысловатой повести, то, что делает ее столь сложной для любых интерпретаций, — ее принципиальную *двойственность,* противоречивость авторского замысла и парадоксальность текста, возникшего на стыке речи и письма, фольклора и литературы, вымысла и реальности, жизни и книги, что было унаследовано у автора-анонима и Сервантесом — автором «Дон Кихота». Поэтому сегодня большинство публикаторов «Ласарильо» придерживается той точки зрения, что его создателем — и об этом свидетельствует обилие имеющихся в повести отсылок к самым разнообразным письменным источникам: к трудам античных авторов и к сочинениям Эразма, к творениям современников-итальянцев (соседей по эпохе Возрождения) и испанской прозе и поэзии XV — первой половины XVI века — был весьма образованный человек. Может быть, клирик, но не исключено, что и представитель образованного городского сословия (его составляли адвокаты, служащие городских управ, университетские профессора, врачи, купцы и некоторые ремесленники, например, златошвеи, вроде отца Лопе де

Вега)... Но он мог быть и кабальеро...[326]

Установлению личности анонима могло бы помочь определение времени создания повести, очевидно коррелирующее со временем развертывания изображаемых в ней событий, хотя и необязательно вплотную примыкающих к моменту ее написания (ср.: Rico 2006: 20). Но временной разброс отсылок повествователя к тем или иным историческим фактам — и по сию пору главный камень преткновения для ученых-«лазарилистов».

Все гипотезы, связывающие повесть с плеядой гуманистов-эразмистов 1520—1530-х годов, относят ее создание ко второй половине 1520-х, что подкрепляется имеющимися в самой повести явно не случайно включенными в нее историческими аллюзиями и прямыми указаниями. Так, в одной из заключительных фраз «письма» говорится: «Всё это случилось в тот самый год, когда победоносный наш император вступил в славный город Толедо и созвал кортесы» (с. 94 наст. изд.). Кроме того, маленький Ласаро — здесь

---

[326] Примечания: 326

В не столь уж далекие от «Ласарильо» Средние века лучшие галисийско-португальские «кантигас де амиго» *(португ.* cantigas de amigo — букв.: «песни о милом»), сочиненные якобы от лица влюбленной крестьянской девушки, слагал португальский король Диниш (см. о нем примеч. 7 к гл. 2 «Л-II»).

следует вернуться к началу его исповеди — слышал от матери, что его отец пал «за веру в походе на Джербу» (с. 13 наст. изд.).

Но в каждом из этих упоминаний есть доля неопределенности: Карл V собирал в Толедо кортесы — совещательную палату представителей знати, духовенства и городов — дважды: в 1525 году и в 1538—1539 годах. Походов на Джербу — остров, расположенный в заливе Габес (Gabes) у побережья Туниса и населенный берберами, — также было два: один состоялся в 1510 году, другой — в 1520-м. Для сторонников «ранней» датировки «Ласарильо» (да и для непредвзятого комментатора) очевидно, что в обоих случаях речь идет о событиях 1510 и 1525 годов, так как именно первый поход на Джербу, в котором испанский флот и армия понесли большие потери и который закончился неудачей, запечатлелся в народной памяти (как остаются в ней эпические битвы, заканчивающиеся гибелью или пленением главных героев), а вот второй, — по сути, малозначительный, хотя и вполне успешный, антипиратский рейд, — остался незамеченным. Поэтому и матушка Ласарильо, стремясь героизировать образ пропавшего мужа, вспоминает о походе 1510 года. То же касается и кортесов:

именно кортесы 1525 года были отмечены особой пышностью и праздничностью (молодой король, шесть лет как ставший императором, одержал накануне победу над французами в битве при Павии, пленив самого Франциска I[327]), в то время как в 1538—1539 годах праздновать было нечего (накануне был заключен, для Испании унизительный, мир в Ницце, а вскоре умерла родами королева Изабелла).

Но есть в тексте повести, а также в ее интертексте, запечатлевшем историко-литературный контекст ее возникновения, и отсылки к значительно более позднему времени — 1540-м годам, а то и к началу 1550-х. И тогда время написания и публикации повести максимально сближаются: между сочинением «Ласарильо» и его гипотетическим первоизданием (или же — первоизданиями), как уже отмечалось, прошел год-два — не более.

Предположение о создании «Ласарильо» в начале 1550-х годов наиболее последовательно отстаивает один из самых авторитетных испан-

---

[327] Примечания: 327

Упоминаемые Ласаро «заботы, которые тревожат французского короля» («los cuidados de el Rey de Francia». — С. 40 наст. изд.), вполне вероятно, относятся к этому историческому эпизоду, хотя позднее они часто фигурируют в испанских присказках о заботах, одолевающих человека.

ских филологов — академик Франсиско Рико (см.: Rico 2006), считающий, что, если, опираясь на слова Ласаро, и следует ориентировать его рассказ на ранние даты — 1510 и 1525 годы (хотя первый продолжатель повести, автор «Л-II», подчеркивает ученый, исходит из того, что в «Л-I» говорится о кортесах 1538— 1539 годов), то речь всё равно должна идти о времени, к которому приурочены похождения Ласарильо, но не о времени создания повести. Последнее же запечатлено в целом ряде повествовательных деталей, относящих изображаемый в ней исторический фон к концу 1540-х — началу 1550-х годов, то есть почти ко времени ее написания — 1552—1553 годам (в данном случае разделять два времени — время написания и время описываемое Рико отказывается).

Так, служба Ласаро в Толедо у эскудеро («Рассказ третий...») приходится на некий неурожайный год, когда городские власти «решили, чтобы все пришлые бедняки покинули город» (с. 61 наст. изд.). Этот год можно установить. Хотя власти Испании с первых десятилетий XVI века вели борьбу с толпами голодающих жителей деревень, заполнявших города в поисках пропитания, ситуация по-настоящему обострилась лишь в 1540-е годы, а упоминаемый Ласаро указ об изгнании пришлых

бедняков из Толедо, за коим последовали строгие меры, был издан городскими властями 21 апреля 1546 года (см.: Rico 2006: 22).

К тому же времени, если не к началу 1550-х годов, должны быть отнесены и мечтания хозяина Ласарильо, обладателя полуразрушенного поместья в окрестностях Вальядолида, о том, как дорого стоил бы его дом, если бы был возведен в самом городе на Береговой улице. Именно к началу 1550-х годов стоимость недвижимости в Вальядолиде, исполнявшем с 1543 по 1559 год функцию столицы страны, тем более на его самой шикарной, тянущейся вдоль высокого берега реки Писуэрги, улице необыкновенно возросла.

В пользу гипотезы о создании «Ласарильо» в начале 1550-х годов свидетельствует и то, сколь органично вписывается повесть в литературный контекст 1540—1550-х годов, — время популярности жанра вымышленного письма-послания, обретшего литературный статус после публикации писем Аретино (1537) в Италии и «Домашних посланий» («Epistolas familiares»; 1539?—1542) А. де Гевара в Испании, — а именно под письмо-послание стилизовано повествование Ласаро. На пике популярности в 1540—1550-е годы находился и «Золотой осел» Апулея, классический

образец повествования от первого лица[328], особенно востребованный после переиздания 1536 года[329]. К этому же периоду относится и еще один из текстов — предшественников «Ласарильо»: опубликованный в Севилье в 1542 году рыцарский роман «Бальдо» («Baldo») — прозаическое переложение итальянской бурлескной поэмы «Бальдус»[330].

Напротив, в середине 1520-х годов, уверен Рико, автор «Ласарильо» оказался бы почти в полном литературном одиночестве. Да и общее настроение в середине XVI века было иным, чем в годы так называемого «первого Возрождения»[331], когда гуманистическое сообщество Испании было еще далеко от скепсиса и отчаяния середины столетия, вполне отразившихся в «Ласарильо». Публикация повести и ее первоначальный успех

---

[328] Примечания: 328

О влиянии «Золотого осла» на «Ласарильо» и специфике перволичного повествования в обоих произведениях см. с. 591—594 наст. ст.

[329] Примечания: 329

См. сноску 74 к паст. ст.

[330] Примечания: 330

См. сноску 76 к наст. ст.

[331] Примечания: 331

Так испанские историографы именуют испанское Возрождение первой половины XVI в., в отличие от позднего, «второго», Возрождения, пришедшегося на годы правления Филиппа II (см.: Пискунова 1998: 13—15).

— свидетельства начинающегося кризиса испанского Возрождения, пережившего недолгий рас цвет в первые десятилетия после восшествия на испанский престол императора Карла V, но уже во второй половине 1540-х годов накрытого огненной волной инквизиционных преследований, пик которых пришелся на 1555—1558 годы. «Почему, написанная во второй половине 1520-х годов, повесть была опубликована лишь в начале 1550-х?» — задаются справедливым вопросом Ф. Рико и другие ученые. Почему никаких следов ее распространения, хотя бы в рукописном виде, не осталось? Где всё это время был ее автор?

Предлагаемый нами логичный и простой ответ на эти вопросы мог бы вывести ситуацию из тупика, примирив сторонников ранней и поздней датировок времени написания повести: он сводится к предположению о существовании двух редакций «Ласарильо» — ранней, или *первой,* созданной во второй половине 1520-х годов, и поздней, или *второй,* условно говоря, «окончательной» *редакции,* относящейся ко второй половине 1540-х — началу 1550-х годов и опубликованной в 1553 году в Антверпене и, возможно, как уже говорилось, в Алькала-де-Энарес.

Первую редакцию, почти вдвое меньшую, чем

«Ласарильо с Тормеса» 1554 года, мы бы назвали своего рода наброском, получившим условное завершение[332] и безусловное авторское воплощение в окончательной, второй редакции. Но объединяет обе редакции не стихия народного творчества (как считал Касо Гонсалес — создатель гипотезы о «Пра-Ласарильо»), а личность и судьба автора, который, подготовив первую редакцию повести во второй половине 1520-х годов и не предприняв никаких усилий для ее завершения и публикации, четверть века спустя, в конце 1540-х — начале 1550-х годов, вернулся к своему «студенческому» творению, чтобы превратить историю Ласаро в предназначенное для опубликования в виде отдельной книги художественное произведение. В частности, он расширил свое сочинение за счет включения в «письмо» Ласа-

[332] Примечания: 332

Повесть многим критикам (да и читателям) кажется незаконченной, но она не «не закончена», а не завершена, так как имеет условный конец, что весьма характерно для жанра романа Нового времени (ср. конец «Евгения Онегина» или «Войны и мира»), первым образцом которого «Ласарильо» фактически является.

ро «Рассказа третьего...»[333], столь важного для трансформации повести из повествования об изворотливости и стойкости мальчика-слуги в книгу о современном драматическом положении Испании, о вырождении традиционной опоры испанской государственности — идальгии, о крахе ренессансных представлений о человеке — творце своей судьбы. Вкупе с изображением паразитизма и развратного образа жизни четвертого хозяина Ласаро — монаха-мерседария, с разоблачением (в «Рассказе пятом...») духа торгашества и обмана, пропитавшего все сферы жизни Римской церкви, словно провидя то время, когда уложения Тридентского собора будут объявлены законами, по которым будет жить испанское государство, «Ласарильо» 1554 года создает лапидарный образ исторической обреченности Испанской империи.

Соединить в художественном целом «Ласари-

---

[333] Примечания: 333

Характерно, что именно в «Рассказе третьем...» «Л-I» сосредоточены почти все отсылки к литературным и историческим реалиям середины 16-го столетия. (Соответственно, написанные во второй половине 1520-х годов, два первых рассказа «помечены» своими историческими «маркерами».) Что же касается рассказов с четвертого по седьмой, то ко второй редакции повести мы, с некой долей уверенности, отнесли бы «Рассказ пятый...», явно разрушающий полифонический строй предыдущего повествования (подробнее см. с. 583 наст. изд.), и наверняка — Пролог.

льо» два во многом между собой различающихся образа героя, две половины (до и после женитьбы) его не столь уж долгой жизни (Ласаро — автору письма около 25 лет)[334], и одновременно свести в частной истории героя-повествователя две эпохи в жизни испанского государства, восход и печальный закат правления Карла V, когда-то триумфально въезжавшего в Толедо, мог лишь человек, проживший свою — целую — жизнь со времени сочинения первой редакции повести до создания последней — той, в которой игровая (но не наигранная!) непосредственность детского восприятия вселенной, готовность мальчика-слуги противостоять вызовам жестокого мира «добрых» людей покрылись патиной горечи разочаровавшегося в современниках немолодого автора.

Двадцать пять лет «Пра-Ласарильо» пробыл там, где только и мог быть, — среди бумаг автора, вместе с ним, там, где находился сам автор, очевидно не собиравшийся свой прозаический опыт

---

[334] Примечания: 334

Если считать, что в год гибели отца — 1510 г. — Ласарильо было восемь лет (как он сам о том сообщает) и что между въездом Карла V в Толедо (то есть годом женитьбы Ласаро — 1525 г.) и самим актом сочинения письма прошло какое-то время (год или два), необходимое, чтобы слухи о его женитьбе на наложнице архипресвитера как-то улеглись. Эти подсчеты, входящие в авторский замысел, проделывали многие критики. Об их отношении к личности самого автора см. с. 574 наст. изд.

публиковать. Возможно, потому же, почему не увидели свет ни диалоги Вальдесов, ни многие другие сочинения реформистской направленности, запрещенные цензурой и оставшиеся лежать в тайниках и архивах после первых, вспыхнувших в конце 1520-х годов преследований «еретиков», прежде всего близкого к эразмистам, но более простонародного, пронизанного сектантским мистицизмом движения «алюмбрадос» (*исп.* alumbrados — букв.: «просветленных»). А возможно, и потому, что в глазах самого автора его первый «Ласарильо» выглядел как «безделка», а не как сочинение серьезной (эразмистской или иной другой) направленности, публикация коего стоила бы «государевой службы», на которую рассчитывал сочинитель — Диего Уртадо де Мендоса, известный среди современников под прозванием «Посол», тот, чье имя в качестве автора «Ласарильо» и называли ближайшие потомки. Оно само по себе может служить объяснением судьбы повести: публиковать такого рода бурлески под восходящим к XII веку родовым именем было бы

явной непристойностью[335].

Конечно, Диего Уртадо де Мендоса — не гуманист-эразмист в классическом понимании слова: он не был пропагандистом идей Эразма, да и сам жанр проповеди был ему совершенно чужд. Но Мендоса конечно же читал сочинения Эразма и Вальдесов (пускай и неопубликованные!), критически относился к Римской церкви в ее тогдашнем состоянии (ему довелось столкнуться и с Папой Павлом III, и с Папой Юлием III лицом к лицу!), понимал насущность католической реформы (для чего, собственно, и задумывался Тридентский собор, в организации которого Мендоса принимал непосредственное участие[336]). Знал он и о движении «алюмбрадос», которым сочувствовали и образованные горожане, и пред-

---

[335] Примечания: 335

Не включаясь в дискуссии Шекспироведов, можно заметить, что никто из спорящих об авторстве пьес Шекспира не опровергает тот факт, что графу Рэтленду (а то и самой королеве Елизавете) было бы не к лицу выступать сочинителем пьес для народного увеселения.

[336] Примечания: 336

Заседавший с 1545 по 1563 г. в Триденте (совр. Тренто) и — недолго — в Болонье Собор закончился тем, чем заканчиваются многие исторические утопические проекты — торжеством Контрреформации и сожжением на кострах Инквизиции прелатов-реформаторов. Мендоса энергично участвовал в подготовке Собора в 1542 г. и представлял на нем сразу после его открытая (в 1545—1546 гг.) интересы Карла V, но, судя по всему, не смог направить ход соборных дискуссий в реформаторское русло.

ставители дворянской знати, в том числе герцог де Эскалона, в поместье которого — вплоть до смерти герцога в 1529 году — собирался кружок «просветленных». Рассказывая о своих странствиях со слепцом на пути от Саламанки к Толедо, Ласаро не случайно упоминает Эскалону не только как название места, в котором они оказываются, но и как часть фамильного имени владельца: «Находились мы в Эскалоне — городе, принадлежавшем одному герцогу, носившему такую фамилию», — повествует толедский глашатай (с. 23 наст. изд.)[337]. Бывал в Эскалоне и Мендоса — ведь герцог приходился ему дедом по материнской линии.

Мендоса родился в Альгамбре, где находилась резиденция его отца — генерал-губернатора «королевства Гранада» (бывшего Грандского эмирата, отвоеванного испанцами у арабов в 1492 году) Иньиго Лопеса де Мендоса, маркиза де Мондехар, графа де Тендилья (Iñigo López de Mendoza, marqués de Mondéjar, conde de Tendilla; 1440—1515), человека, славившегося воинской доблестью и религиозной веротерпимостью. Сын «великого Тендильи» вырос в окружении

[337] Примечания: 337
См. также примеч. 28 к «Рассказу первому...» «Л-I».

красоты «земного рая», сотворенного арабскими мастерами[338], под звуки арабской речи (арабский — один из многих языков, которыми будет владеть полиглот Мендоса[339]), в среде, открытой всем культурам прошлого и настоящего. Автор «Ласарильо» во многом воплощал идеал человека Возрождения на испанский лад, соединив в себе воина и поэта, комментатора Аристотеля и шутника-острослова, ценителя слога римских ораторов и знатока народной речи[340], государственного деятеля и собирателя книг и древних рукописей. Он неплохо разбирался и в судопроизводстве, и в торговле, и в банковских операциях. (В последние годы жизни, начиная с 1555-го, ему пришлось заниматься тем, чем позднее придется заняться и Мигелю де Сервантесу, — снабжением

---

[338] Примечания: 338

Альгамбра была взята не штурмом, а многомесячной осадой и сохранилась почти в нетронутом виде.

[339] Примечания: 339

Итальянскому и латыни Диего, его четверых братьев и двух сестер, равно как и другим наукам, обучил специально привезенный отцом из Италии известный профессор-гуманист Пьетро Мартире д'Ангьера (Pietro Martire d'Anghiera; 1457—1526). Позднее, в университетах, Мендоса доучил и выучил арабский, древнегреческий и древнееврейский. Он знал и многие живые языки, в том числе и редкий для того времени английский.

[340] Примечания: 340

Интерес к народному слову Мендоса унаследовал от своего прадеда — прославленного поэта 15-го столетия Иньиго Лопеса де Мендоса,

маркиза де Сантильяна (Iñigo López de Mendoza, marqués de Santillana; 1398—1458), который был не только первым испанским подражателем Данте и Петрарки, но и составителем сборника народных пословиц.

испанского флага.)

В Саламанке, а также в Падуе, Риме и, возможно, в Болонье Мендоса изучал гражданское и каноническое право, хотя когда именно — трудно установить: процесс обучения мог растянуться на все 1520-е годы, так как университетские лекции и диспуты Мендоса-студент чередовал с участием в сражениях[341], которые вел Карл V с французскими войсками в Италии и во Франции, с арабами, берберами и турками — в акватории Средиземного моря. Человек двухметрового роста и огромной физической силы (таким его и запечатлел Тициан), младший сын «великого Тендильи» в совершенстве владел и оружием, и тактикой ведения боя. Счастье, что, помимо letras (так именовались в Испании «словесные науки и искусства»), отец, скончавшийся в 1515 году, успел обучить сына и воинскому искусству — armas: он умер, оставив Диего — шестому (да еще рожденному во втором браке) ребенку и к тому же младшему сыну — не столь уж большое наследство. Поэтому перед Диего был один путь — королевская служба. И он долгие годы служил Карлу V — и мечом, и словом... Скорее всего, он

[341] Примечания: 341

Благо, военные походы, как правило, приходились на весенне-летнее время года, а осень и зиму можно было посвящать учебе.

был в Толедо и в 1525 году, когда в древнюю столицу Кастилии (постоянной столицы у Испании при правлении Карла V не было) въезжал «победоносный» император. Можно предположить, что первая редакция «Ласарильо» была сочинена после этого события (но до смерти деда). Вероятно, в год сочинения повести (1528?) Мендосе было столько же лет, сколько и Ласаро в момент завершения письма, — двадцать пять[342]. Эта литературная игра-стилизация была не только пробой пера Мендосы-прозаика, но и частью веселого времяпровождения — назовем их условно — «саламанкских студентов», способом повеселить товарищей, того же юного герцога де Альба.

С начала 1530-х годов Мендоса — если полагаться на его слова из известного письма принцу Филиппу от 1553 года[343] — находился на королевской службе, в основном за пределами

[342] Примечания: 342

Где-то в подтексте первых глав повести затаился и своего рода присущий автору «комплекс сироты» — чувство одиночества и оставленности, незащищенности ребенка перед жестокостью жизни, которое он передал и герою-повествователю. Мендоса потерял горячо любимого отца, бывшего для него воплощением силы и власти, защитником и дарителем — всем! — когда ему было двенадцать лет! Больше, чем Ласаро. Но ведь и утрата его была значительно большей!

[343] Примечания: 343

В нем Мендоса пишет о «двадцати двух годах» своей «безупречной службы» императору (см.: González Palencia, Mele 1941—1943/II: 283—285).

Испании. Он возвращался на полуостров: в 1531 (?) году, чтобы проститься с единственной родной и по отцу и по матери, горячо любимой сестрой — Марией Пачеко, скончавшейся в Португалии в Спорту, где она, предводительница восстания комунерос в Толедо (1521—1522 гг.)[344], укрывалась от преследований Карла V;[345] в Гранаду, чтобы окончательно решить наследственный спор со старшим братом (по отцу) Луисом. Потом были морская экспедиция в Тунис (1535 г.), посольство в Англию...

В 1539 году Мендоса получил назначение посланником в Италию, где прошли лучшие тринадцать лет его жизни... Он поселился в Венеции на Большом канале, во дворце, двери которого будут широко открыты для итальянских поэтов, художников, ученых-гуманистов, для торговцев старыми книгами и предметами старины. По рассказам современников, ведя переговоры с Портой, испанский посол ухитрялся вывозить из Константинополя целые суда, груженные

---

[344] Примечания: 344

См.: ИИ 2012: 451-453.

[345] Примечания: 345

Не опасаясь недовольства императора, Мендоса навещал ее в Португалии и написал на ее смерть эпитафию, оправдывающую всю прожитую Марией жизнь. См. также Преамбулу к примечаниям к «Л-II».

греческими и арабскими рукописями. На приобретение книг, картин, разного рода изделий итальянских мастеров Мендоса денег не жалел и постоянно в них нуждался... Не всегда ему хватало и дипломатического такта и выдержки, особенно при общении с Римом. И, естественно, у него появилось немало врагов и в Римской курии, и в числе приближенных Карла (их было немало и у его многочисленного влиятельного рода!). На имя императора пошли доносы, в которых Мендосу обвиняли в растратах, в неумении вести дипломатические переговоры, в неуместном поведении... В 1552 году, после потери испанцами восставшей Сиены — события, вызвавшего страшный гнев Карла, дон Диего был отправлен императором в полную отставку (причем в грубой, унизительной форме). В начале 1553 года он вернулся в Испанию — с обязательством принять посвящение в Ордене Алькантара, для чего было необходимо провести год в орденском монастыре Сан Бенито близ Бадахоса и возглавить гарнизон в крепости Алькантара на португальской границе. Это была фактическая ссылка... Именно тогда, в 1552—1553 годах, по предположению П. Хауральде Поу (см.: Jauralde Pou 2012), Мендоса написал «Ласарильо». Мы бы сказали: дописал,

завершил, подготовив повесть к изданию и разослав ее рукописи (возможно, что не одну![346]) знакомым ему издателям (в Антверпен, в Алькала-де-Энарес...).

Впрочем, если согласиться с теми учеными, которые считают, что до антверпенского издания «Ласарильо» 1553 года было еще издание 1550-го, а также с некоторыми другими фактами, можно предположить, что Мендоса вернулся к завершению «Ласарильо» несколько раньше, скорее всего, после публичной ссоры с Папой Павлом III в 1547 году, воскресившей в испанском после «лучшие» чувства по отношению к католическому клиру, уже вполне проявившиеся в первых главах повести. Тогда вторую редакцию «Ласарильо» следовало бы датировать 1548—1552 годами...

В определении времени создания повести гипотеза П. Хауральде Поу практически полностью совпадает с выкладками Ф. Рико. Но Рико отвергает какие-либо попытки идентифицировать имя автора, оставаясь на твердой почве установленных фактов. Предлагаемая нами гипотеза лишь

---

[346] Примечания: 346

О том, что Мендоса важные для него тексты отдавал на переписку по многу раз (вот автор «Дон Кихота» этого просто не мог себе позволить!), свидетельствует то, что в его архиве осталось двенадцать (а все ли найдены?!) рукописных экземпляров «Войны в Гранаде».

включает в гипотезу Хауральде Поу[347] фактор «двухэтапного» рождения шедевра.

О публикации «Ласарильо» знали некоторые друзья и родственники Мендосы, а возможно, и Филипп II: в письме, написанном Мендосой в мае 1557 года и адресованном его племяннику Франсиско де Мендоса, лицу, очень влиятельному при дворе (в его руках фактически находились серебряные рудники в Новой Индии и банковские контакты с Антверпеном!), автор «Ласарильо» попросит адресата «с запозданием» передать королю «известную книжицу» (el librillo)[348]. Если речь идет о «Ласарильо», то, скорее всего, о «Ласарильо» 1555 года издания — вкупе со «Второй частью...»[349], которая и вызовет больше всего возмущения у Инквизиции, запретившей в 1559

---

[347] Примечания: 347

Независимо от Хауральде Поу, в последние годы авторство Д. Уртадо де Мендоса отстаивает Х. Коренсиа Крус (см.: Corencia Cruz 2013a; Corencia Cruz 2013b), опирающийся не столько на биографию Мендосы, сколько на сопоставление «Ласарильо» с другими пародийными сочинениями Мендосы-прозаика, большинство из которых написано в жанре вымышленного бурлескного послания (но не с «Войной в Гранаде», созданной по совсем другим жанровым и стилевым принципам). См. также: Hurtado de Mendoza 1890.

[348] Примечания: 348

Цит. по: Agidlo y Cobo 2011: 227.

[349] Примечания: 349

См. Преамбулу к примечаниям к «Л-II».

году повесть вместе с ее продолжением. Но «Ласарильо» будет ожидать еще третье превращение и еще одно — хотя и не последнее — возвращение к читателю в новом виде.

Самые трудные для Мендосы годы — с 1553-го по 1555-й, — совпали с периодом расставания Карла V с властью, с безмерными владениями Империи. Всё это время Филипп, даже после вступления на королевский трон в 1556 году, будет находиться за границей: он вернется в Испанию лишь в 1559 году, чтобы затем уже практически не покидать страну, запершись изнутри и постаравшись изолировать испанцев от всяких контактов с европейским миром. За годы смены власти в стране главный инквизитор Вальдес успеет развернуть массовое преследование «лютеран» (еретиков) в Вальядолиде и других городах, отправить на костер десятки вероотступников и подготовить уже упоминавшийся «Список запрещенных книг»... К этому времени Мендоса уже получил право вернуться к исполнению государственных поручений, хотя и не к дипломатической деятельности. Тем не менее к королю он явно имел доступ. Иначе в 1568 году, к несчастью, не оказался бы в Мадриде в королевском дворце в комнате, примыкающей к опочивальне умира-

ющего принца Карлоса, где вступил в открытую, с применением оружия, схватку с одним из придворных... Результат — новая опала, тюремное заключение в Медина-дель-Кампо — и ссылка на родину, в Гранаду: Мендоса должен будет участвовать в подавлении восстания гранадских мавров в горах Альпухарры и описывать ход военных действий. «Войну в Гранаде» Мендоса будет слагать, взяв за образец творения римских классиков — Цицерона и Плиния, тех самых, на которых оглядывается и Ласаро в Прологе. Этот Пролог критикам иногда хочется передать самому автору. И автор в Прологе действительно присутствует — но присутствует, отсутствуя, как незримый создатель глобального иронического фона, на который спроецировано послание Ласаро и на котором искреннее намерение толедского глашатая стать вторым Туллием и Плинием превращается в карикатурный жест. Но «Война в Гранаде» пишется ответственно и всерьез. А «Ласаро», загнанный Вальдесом в подполье, просится на волю...

В этом же, 1568 году умирает Вальдес. На должность нового Великого инквизитора подбираются различные кандидаты. Их отбором занимается старый друг Мендосы, будущий секретарь Выс-

шего совета Инквизиции историограф Херонимо Сурита (Jerónimo Zurita; 1512—1580), а также секретарь Филиппа II и «секретарь Инквизиции» Хуан Лопес де Веласко (Juan López de Velasco; 1530—1598), ученый-гуманист, историограф и придворный космограф. Им или Мендосе, а может быть, и Филиппу II, приходит на ум мысль переиздать «Ласарильо», представив это как замысел Инквизиции, хотя для Инквизиции он выглядит странновато: зачем уважаемому учреждению возвращать в оборот недавно запрещенные книги?![350] Но есть заинтересованные лица, и есть корыстный (хотя «корыстным» его назвать трудно!) интерес у самого короля: хорошо бы, чтобы Мендоса, у которого нет прямых потомков[351], завещал свою библиотеку и прочее имущество (рукописи, произведения искусства — ничего другого у него нет! Всю недвижимость он давно продал) Его Величеству, озабоченному напол-

[350] Примечания: 350

Вместе с автором «Ласарильо» в число амнистированных авторов попали Торрес де Наарро (см. сноску 60 к наст. ст.) и поэт Кристобаль Кастильехо (Cristóbal de Castillejo; 1490—1556), возглавлявший традиционалистскую антипетраркистскую линию развития испанской поэзии.

[351] Примечания: 351

Правда, у Мендосы был незаконнорожденный сын, которого он опекал в Вальядолиде в 1555—1557 it. Он упомянут в завещании Мендосы: отец ему оставил деньги на прожитье.

нением вновь воздвигаемого дворца Эскориала «духовной» жизнью... Свою библиотеку король собирает давно. Но библиотека Мендосы — лучшая в стране (она до сих пор, хотя и пострадавшая от пожаров и от времени и, возможно, не вполне «комплектно» переданная королю, хранится в Эскориале). Взамен Мендоса получит право вернуться в Мадрид и увидеть свою повесть вновь опубликованной[352].

Веласко в задуманном предприятии отводится ведущая роль — душеприказчика Мендосы"[353] и редактора и корректора «Ласарильо»: из повести будут убраны главы о монахе ордена Милости (Милосердия) и о продавце папских грамот, а также пародирующие Священное Писание фразы. Но при этом — ученые внимательно отнеслись к данному факту только в 1980-е годы[354] — в «Ласарильо» Веласко (как иногда называют эту редакцию повести) были исправлены и много-

---

[352] Примечания: 352

В 1574 г. Мендоса попросил Суриту в письме снять ему дом в Мадриде и, не успев его обжить, умер в мадридском дворце своего родственника от случайной травмы ноги, повлекшей гангрену, ампутацию, сепсис...

[353] Примечания: 353

По приказу Филиппа II Веласко почти пятнадцать лет надзирал за доставшимся Филиппу в наследство имуществом Мендосы, включая его бумаги, а также коллекцию книг и древних рукописей.

[354] Примечания: 354

См.: Ruffinatto 1990.

численные (в том числе и смысловые) опечатки, имеющиеся во всех сохранившихся изданиях 1554 года (в каждом — свои). Причем сделано было это весьма уместно и тонко, так, как это мог бы сделать только сам автор. Поэтому и высказывалось предположение, что, внося исправления в текст, Веласко использовал имевшийся у него экземпляр гипотетического editio princeps[355], воплощающий, как это принято считать, подлинную авторскую волю[356]. Но, как выяснилось в 2010 году, помимо имевшихся у Инквизиции экземпляров всех существовавших на тот день изданий «Ласарильо», Веласко мог воспользоваться и указаниями самого автора.

В 2010 году палеограф Мерседес Агульо-и-Кобо (Mercedes Agulló y Cobo), изучая архивы Национальной библиотеки, обнаружила среди бумаг Веласко лежащие в отдельном ящике (хотя и не очень тщательно отсортированные от бумаг

---

[355] Примечания: 355

Поэтому начиная с 1990 г. публикаторы «Ласарильо» (см., например: Lazarillo 2001) стали использовать издание Веласко как самый адекватный источник для восстановления спорных мест сохранившихся изданий повести.

[356] Примечания: 356

Показательно, что Веласко убрал и разделение повести на главы, что было сделано только при переиздании «Ласарильо» в 1554 г., так как в издании 1553 г. этого разделения, как теперь стало ясно, не было (нет его и в издании, подготовленном Арибау).

картографа) рукописи Мендосы, а среди них — страничку с одной-единственной загадочной фразой: «Бумага (точнее, “связка бумаг”, *исп.* legajo de papeles. — *С.П.)* с исправлениями для издания “Ласарильо” и “Пропал<л>адии”[357]». Очевидно, что эта запись относилась именно к осуществленному Веласко в 1573 году изданию под одной обложкой этих двух отредактированных инквизиционной цензурой сочинений. Найденная Агульо фраза и дополнительные изыскания легли в основу ее книги «Возвращаясь к авторству “Ласарильо”» (см.: Agallo y Cobo 2010), в которой исследовательница доказывает, что среди бумаг автора «Войны в Гранаде» лежали адресованные Веласко письменные указания Мендосы — автора «Ласарильо» по исправлению текста.

«Исправленный “Ласарильо”» мог быть для Мендосы своего рода возвращением в молодость, к «Ласарильо» конца 1520-х годов... Для нас уже в первых двух главах повести ясно видна ее новаторская композиция, основанная на изысканнейшей игре повествовательных точек зрения, несколько заслоненная историей служ-

[357] Примечания: 357

«Пропалладия» («Propalladia»; 1517) — сборник пьес одного из основоположников испанского театра Бартоломе Торреса де Наарро (Bartolomé Tones Naharro; 1485?—1524?).

бы Ласаро у продавца папских грамот (булл), в которой не только судьба самого Ласаро уходит куда-то на второй план. Исчезает двуголосие, пронизывающее повествование в других эпизодах. На первый план выходит то, о *чем* рассказывается, а не *как*. А именно на такой эффект рассчитано традиционное «реалистическое» повествование, создающее образ «обыденной жизни <...>, повествующей о себе самой», если вспомнить слова А. Кастро. Отсюда — распространенный среди критики XIX—XX веков метод прочтения «Ласарильо» как вершины ренессансного реализма.

II
Как сделан «Ласарильо»

«Нельзя не согласиться с теми, кто видит в повести о Ласарильо одно из первых и ярких проявлений реалистического искусства в Испании», — писал известный советский испанист З.И. Плавскин, находящий в анонимной книжице «правдивый рассказ о доподлинной реальности» (Плавскин 1994: 88, 78). Ученый шаг за шагом прослеживает жизненный путь героя повести, не забывая упомянуть и о том, что она написана в «автобиографической форме».

Главная цель рассуждений Плавскина — показать, что «во всей книге <...> автор “Ласарильо” <...> верен жизненной правде», что «эта достоверность повествования обнаруживается <...> в точном воспроизведении мельчайших деталей окружающего быта <...> и находит свое высшее проявление в искусстве портретирования <...>» (Там же: 88). Остается лишь уточнить немаловажную «деталь»: о каком «авторе» идет речь? *Кто* воспроизводит мельчайшие детали? *Кто* проявляет необычайное искусство портретирования? Где и как — если следовать «правде жизни» — Ласаро научился и читать, и даже писать, где сумел овладеть «искусством портретирования» и умением оснащать свой рассказ точными выразительными деталями? Тайна сия велика есть. З.И. Плавскин сетует на то, что в повести «за кадром» осталось превращение «наивного ребенка в прожженного плута» (Там же), но не менее интересно, каким образом «прожженный плут» стал писателем-новатором[358].

Считая автобиографическую форму «Ласарильо» всего-навсего «формой», то есть тем, чем при анализе достовернейшего рассказа о жизни

[358] Примечания: 358

Этим вопросом, в частности, задавались П. Данн (см.: Dunn 1983) и К. Гильен (см.: Guillén 1983).

Испании XVI века можно попросту пренебречь, не различая по существу образы и функции автора и повествователя, в роли которого выступает герой (в образе самого героя — две его ипостаси: повествователя и действующего лица), адепты реалистической трактовки «Ласарильо» упускают из виду величайшую условность, иллюзию, фикцию, на которой зиждется вся конструкция повести: в соответствии с ней роль повествователя отдана автором персонажу-плуту, и это *никак* — ни психологически, ни прагматически — не мотивировано. Но мотивировано эстетически, мотивировано художественным, то есть жанровым, замыслом автора.

По внешней форме «Ласарильо» — не что иное, как «рассказанное письмо» (epístola hablada)[359]. Все современные прочтения повести так или иначе базируются на этом, безусловно верном, наблюдении. Однако разные исследователи конкретизируют его в разных, зачастую резко расходящихся между собой, направлениях. Большие споры вызывает *цель* написания «эпистолы» Ласаро, достаточно туманно выраженная в Прологе, предваряющем повествование. Пролог,

[359] Примечания: 359
Одним из первых это заметил К. Гильен (см.: Guillén 1957: 268).

начинающийся с выразительно-ударного «я» (Yo), акцентирующего особую роль субъекта повествования, выстроенного в ракурсе его мировидения, обращен к адресату письма (а в его лице — к имплицитному читателю повести), обозначенному инициалами V. M. (Vuestra Merced — *исп.* Ваша Милость). К. Гильен, а вместе с ним и вслед за ним Ф. Рико (см.: Rico 2006: 15—23) считают, что письмо Ласаро «Вашей Милости» является своего рода актом послушания, попыткой самооправдания, направленной на развеивание дошедших до «Вашей Милости» сплетен, которые ходят в городе по поводу жены Ласаро и благодетеля героя — архипресвитера церкви Св. Спасителя, женившего Ласаро на своей служанке (а по сути, наложнице). Эта ситуация, образующая «обстоятельственный фон» письма Ласаро, явственно обрисовывается лишь в конце «Рассказа седьмого...» и обозначена словом «caso» (случай)[360].

Против подобного толкования цели послания Ласаро выступает автор одного из самых солидных исследований, посвященных «Ласарильо», В. Гарсиа де ла Конча, который считает, что форма обращения Ласаро к таинственному

---

[360] Примечания: 360

См. также примеч. 6 к Прологу «Л-I».

адресату письма — Vuestra Merced — отнюдь не свидетельствует о высокопоставленности адресата: письмовники того времени советовали употреблять слова «Ваша Милость» при обращении пишущего и к своей ровне. Исследователь настаивает на том, что адресат послания Ласаро — отнюдь не церковный чин или служащий Инквизиции, желающий получить отчет о поведении архипресвитера, и что упоминаемый в «Рассказе седьмом...» «случай» не является основным поводом для сочинения письма, главное назначение которого — изображение достойных всеобщего внимания персоны и жизни Ласаро. Эта жизнь продолжается и в момент написания письма, так что и переписка героя с «Вашей Милостью» может быть продолжена, что прекрасно уловил издатель повести из Алькала де-Энарес и что затем вошло в жанровый узус «пикарески» (см.: García de la Concha 1981: 15—46).

Вслед за Р.-У. Труменом (см.: Truman 1969) В. Гарсиа де ла Конча связывает замысел повести с ренессансной полемикой вокруг «homines novi» («новых людей») и интерпретирует ее как реплику в этом, шедшем преимущественно между итальянскими гуманистами, споре. Главной подоплекой послания толедского глашатая

испанский исследователь считает гордость, похвальбу (ostentación), самовозвеличивание «нового человека» в светско-гуманистическом понимании слова — выходца из низов, добившегося благодаря собственным усилиям, уму и житейской хватке, ценой многих испытаний и унижений стабильного социального положения и материального благополучия. Теперь он жаждет славы в потомстве, о чем и заявляет в Прологе:

> Рассудил я за благо, чтобы столь необычные и, пожалуй, неслыханные и невиданные происшествия стали известны многим и не были сокрыты в гробнице забвения, ибо может случиться, что, прочтя о них, кто-нибудь найдет здесь нечто приятное для себя, и даже тех, кто не станет в них особенно вдумываться, они позабавят.
>
> ***С. 7 наст. изд.***

Непонимание со стороны Ласаро неуместности и беспочвенности своего самоутверждения, более того, позорности своего социального положения и образует *иронический подтекст* повести. Для читателя «Ласарильо» должна быть интересна

не старая, как средневековый мир, история о слепце и мальчишке-поводыре, а то, *как* Ласаро рассказывает о своем первом наставнике и как его *рассказ преломляется в зеркале авторской иронии.*

Но, полемизируя с Ф. Рико о цели написания «письма», В. Гарсиа де ла Конча совпадает с ним в однозначной фиксации жанровой традиции, в которую встраивается «Жизнь Ласаро де Тормес»: это — эпистолография, точнее, *эпистолярная автобиография.* Перволичный рассказ толедского городского глашатая Ласаро о своей жизни с момента его появления на свет до момента сочинения письма создает «рамочную» *повествовательную перспективу,* связующую отдельные эпизоды повести в художественное целое. Таким же образом точка зрения Ласарильо — участника происходящего, которую, возвращаясь мысленно к пережитому, так или иначе воспроизводит Ласаро — автор письма, выстраивает повествование в границах отдельных эпизодов — «этапов» «антивоспитания»[361] слуги разных господ: смена господина знаменует начало нового испытания. Но, как уже говорилось, само послание Ласаро

[361] Примечания: 361

О «Ласарильо» как «романе воспитания» «наоборот» см.: Vilanova 1989b.

«Вашей Милости» заключено в некие интонационные кавычки — подсвечено трудноуловимой, но вездесущей иронией автора — творца повести. Именно *перспективизм*, сложно организованная игра различными повествовательными точками зрения (автора, Ласаро-повествователя, Ласаро-персонажа, имплицитного читателя повести), всё время меняющимися, скользящими по поверхности текста и одновременно уводящими на глубину, и превращает, по мысли В. Гарсиа де ла Конча, автобиографическую эпистолу в роман (см.: Garcia de la Concha 1981).

Но и в «письме», жанре, лишенном собственного тематического содержания (письма можно писать о чем угодно), и в автобиографии, которая сосредотачивается исключительно на обстоятельствах и фактах жизни повествующего, необязательно присутствие личности, «человека внутреннего»: это — элемент факультативный. Первая в истории европейской культуры автобиография, которая построена на теме превращения «человека внешнего» (успешного карфагенского ритора, искателя славы и жизненных радостей) в личность — «человека внутреннего», — это «Исповедь» («Confessiones»; ок. 400) Аврелия Августина, находящаяся у истоков родившегося

с ней и омонимичного ей жанра. «Исповедь» блаженного Августина имеет (в отличие от автобиографии, каковой она первоначально была задумана) собственное смысловое и жанровое содержание — покаяние, неотъемлемое от самоаналитической рефлексии. Поэтому Х.-Р. Яусс небезосновательно посчитал «Исповедь» основным жанровым прообразом «Ласарильо» (см.: Jauss 1957). Но «Исповедь» в испанской повестушке *тотально деконструирована,* перестроена, *непредумышленно* спародирована: жанр, сущностно нацеленный на самосознание и самораскрытие «человека внутреннего» перед лицом Всевышнего, в «Ласарильо» используется «наоборот» — как способ самооправдания и самоутверждения «человека внешнего» в его материально-безличностной, телесной самости перед «лицом» безликой «Вашей Милости». Однако, будучи спародированной — если использовать слово «пародия» в его максимально широком смысле — в высказывании-похвальбе героя, исповедь в ее исконном значении сохраняется в авторском (и читательском) горизонте ожидания как не реализованная эпохой Возрождения в целом и «христианским гуманизмом» в частности возможность осуществления подлин-

ного «нового человека» — человека-личности в понимании Эразма Роттердамского и его последователей. Ведь именно Эразм в период назревающего кризиса Возрождения (наряду с Петраркой, Возрождение подготовившим) был прямым и непосредственным продолжателем Августина. В программном трактате Эразма «Оружие христианского воина» («Enchiridion militis christiani»; 1502) «человеку внутреннему» посвящен особый раздел.

Правда, в повести нет *различимых следов эразмизма как религиозно-гуманистической доктрины* (критику Церкви и церковников можно отнести и на счет традиционного народного антиклерикализма), но есть — и здесь Ф. Маркес Вильянуэва и другие исследователи, многие годы отстаивающие эразмистское прочтение «Ласарильо»[362], правы — явственно уловимый, хотя и трудно фиксируемый эразмистский «дух». Этот дух можно было бы обозначить как *апофатический эразмизм.* Поскольку главная трудность в определении параметров «идеологического кругозора» (М.М. Бахтин) автора «Ласарильо» заключается — как не раз отмечали критики — в его

[362] Примечания: 362

См.: Márquez Villanueva 1968; Asensio 1959; Gilman 1966, Lázaro Carreter 1972; Vilanova 1989b.

молчании: создатель повести не только умалчивает о многих обстоятельствах жизни Ласаро, но и нигде открыто не выдает своей «веры». Поэтому, если многочисленные случаи молитвенных обращений Ласарильо-ребенка к Богу[363] сторонники эразмистского прочтения повести считают одним из подтверждений своей правоты, то отрицающий связь «Ласарильо» с эразмизмом В. Гарсиа де ла Конча пишет о «молитве в душе» как общепринятой житейской практике, указывая на то, что мысленные молитвенные обращения героя повести к Богу, например его молитвы о том, чтобы Господь призвал к себе как можно больше обитателей Македы (см. с. 33—34 наст. изд.), также небескорыстны — ведь только на поминках изголодавшийся на службе у скупого священника мальчик мог сытно поесть. «Бог на потребу» (Deus ad usum) — делает вывод ученый — отнюдь не «Бог в душе» эразмистов и тем более

[363] Примечания: 363

«Уповаю на Господа Бога, что ныне пребывает он в раю <...>», — говорит Ласаро о своем отце-воре (с. 11 наст. изд.); матушка Ласаро, отдавая его в услужение к слепцу, «уповает на Бога» (с. 13 наст. изд.); «<...> после Бога даровал мне жизнь этот слепой <...>», — подытоживает Ласаро суть жизненных уроков, преподанных ему слепцом (с. 15 наст. изд.); «Господь вам воздаст за это», — подбадривают слушатели слепца, наблюдая за его «воспитанием» мальчишки-плута (с. 20 наст. изд.). Но особенно часто Бог в представлении Ласаро выступает как сила, споспешествующая его замыслам и делам, спасающая от нужды и от смерти, ведущая его к вершинам благополучия.

не мистический Бог близких к эразмистам «просветленных» (см.: García de la Concha 1981: 158).

Да, Ласарильо молится как все, *но и не как все.* Пускай Бог для него во многом — ad usum Lazaro, но он — не фикция, не кажимость, каковым является в мире наживы и официального культа. Молитва вечно голодного мальчика, прислуживающего скряге-священнику, в отличие от молитв слепца или продавца булл, — не изысканный или грубо разыгранный спектакль, а идущее от сердца, искреннее обращение к высшей силе, которая, как думается Ласаро, ведет его по жизни. К тому же представления о мире и о себе Ласаро-повествователя и мироощущение Ласарильо-действующего лица далеко не во всём совпадают. Если Бог Ласаро-повествователя — это санкция его сомнительного благополучия, то Бог Ласарильо-подростка — опора и подмога малых и беззащитных, униженных и добровольно унижающих самих себя ради ближнего. Конечно, этот Бог не мистичен и не трансцендентен, а максимально приближен к «природному» мировосприятию Ласарильо. Он доступен и даже повседневен, как «общепринят», обыден мир, в котором обитает герой, те немногие вещи, которые его окружают, те люди, которым он служи!'

и с которыми встречается, как обыкновенен он сам, как близок к разговорному язык, на котором написана повесть. Но всё это «общепринятое» в сверхуплотненном художественном пространстве книги-метафоры получает дополнительный смысл и особое символическое значение.

Сквозной знаковый мотив повести — мотив вина, к которому Ласарильо испытывает особое влечение со времени своей службы поводырем слепца и которое не раз «дарует» Ласаро жизнь. Вокруг «вина» выстраивается и центральный пассаж «Рассказа первого...» — эпизод с кражей напитка из кувшина слепца, в донышке которого Ласарильо проделывает дырку и высасывает вино через соломинку, пока хозяин прикрывает горлышко рукой, а также злобно-шутливое предсказание слепца о спасительной роли вина в жизни его слуги (см. с. 18—19, 26 наст. изд.). Вино, как и хлеб, — символические кровь и плоть Христовы, главные атрибуты таинства причастия (евхаристии), которое пародируется в «Рассказе втором...», где Ласарильо превращается в дьяволенка-трикстера, блаженствующего в хлебном раю и изгоняемого из него священником[364].

---

[364] Примечания: 364

См. также примеч. 15 к «Рассказу второму...» «Л-I».

Путь из «хлебного рая» один — на землю, в Дом Скорби в Толедо, в кормильцы и наперсники хозяина-призрака. И — далее — в услужение к монаху-мерседарию, обстоятельства пребывания Ласаро у которого покрыты тайной: в «Рассказе четвертом...» на первом плане — башмаки, которые то и дело снашивает хозяин Ласарильо и которыми (надо думать — опять же сношенными) он однажды одаривает и слугу (здесь есть где разгуляться воображению критиков-фрейдистов, памятующих о том, что башмаки в испанском фольклоре означают сексуальную связь).

Всё в повести предстает в двойном, даже в тройном освещении. Всё раздваивается и *раз*-троивается, как раздваиваются анонимный автор и нарративное «я», нарратор и актант, адресат письма Ласаро и имплицитный читатель повести. И всё остается единым, неразделенным, причудливо переплетенным, всё отражает гротескный строй сознания героя в его обеих ипостасях, структуру народного сознания, не различающего верх и низ, материю и дух, сознания неокультуренного, необученного, «идиотического». И даже если В. Гарсиа де ла Конча частично прав, когда утверждает, что религиозность Ласаро-ребенка — это старохристианская религиозность (см.: García

de la Concha 1981: 155—174), то эразмистским, косвенно-ироническим является авторский ракурс видения мира и человека, превратившегося из ренессансного конкистадора и творца в рекламного агента.

Ласаро-глашатай гордится своими жизненными успехами, якобы доказывающими, что благодаря талантам и добродетелям человек может добиться кое-чего в жизни. Добиться — вопреки своему отнюдь не знатному происхождению. Наглядный пример тому — он, Ласаро, рано лишившийся отца, сын мельника-вора и женщины, ставшей после гибели мужа прачкой и сожительницей негра-коновала. Очевидно, что простодушие, искренность, самооправдательная исповедальность послания Ласаро «Вашей Милости» окрашены авторским ироническим отношением к Ласаро — отцу семейства. Но в подростке Ласарильо (не такой уж он и ребенок, особенно по тогдашним представлениям!) все эти качества сохраняют свою привлекательность.

Ласаро как действующее лицо повести, как мальчик-поводырь слепца и слуга других господ, как Ласарильо (исп. суффикс «-ильо» имеет уменьшительно-ласкательное значение) в своих поступках прежде всего движим естественным

чувством голода, инстинктом самосохранения (желание отомстить жестокому слепцу — первое и последнее проявление его агрессивности, продиктованной традиционным сюжетом). Мотив «голода», от которого ищет спасения мальчик, объединяет первые три рассказа из семи, составляющих повесть. Правда, в отношения Ласарильо и эскудеро, служба у которого знаменует финал его физических мучений (слепец не давал ему вина, священник — ни вина, ни хлеба, а у эскудеро самого не было ни того, ни другого, так что Ласарильо вынужден был просить милостыню на улице, чтобы накормить и себя, и хозяина), вкрадывается некое чуждое для пикарески начало: голодный Ласарильо *жалеет* своего голодного хозяина.

Движимый не только голодом и обидой, но и состраданием к ближнему, наделенный смирением, позволяющим ему с легкостью просить милостыню (попрошайничество в Испании того времени считалось вполне пристойным занятием, даже профессией), но еще не выродившимся в утрату собственного достоинства, остроумный и наблюдательный, простодушный и сметливый, Ласарильо — сама Природа, судящая людей и современные церковные установления с позиций

естественных потребностей, здравого смысла и христианства в его исконной, не замутненной столетиями церковных толкований форме, о возрождении которой пеклись Эразм Роттердамский и его последователи.

«<...> Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых», — напоминает читателям-слушателям Мория (Глупость), героиня литературного шедевра Эразма Роттердамского «Похвальное слово Глупости» («Moriæ-Encomium, sive Stultitiæ Laus»; 1509), слова апостола Павла (Эразм 1971: 200; ср.: Кор. 1: 27). В сложном полижанровом генезисе и строении «Ласарильо» слово и мудрость Эразма, его дух свободного исповедания христианского вероучения присутствуют не столько в идеологически-препарированном виде, сколько в образе очень конкретной жанровой модели, на которую «Ласарильо» сориентирован не в меньшей, если не в большей, степени, нежели на автобиографическую эпистолу, исповедь и иные перволичные дискурсивные формы. Это — жанр пародийного похвального слова — энкомия[365], одной из популярнейших ренессансных разно-

[365] Примечания: 365

На связь «Ласарильо» с «Похвальным словом Глупости» обратил внимание еще Ф. Ласаро Карретер (см.: Lázaro Carreter 1972). См. также обстоятельное исследование на эту тему: Núñez Rivera 2002.

видностей менипповой сатиры[366].

«Похвальное слово Глупости» («Похвала глупости» в пер. И. Губера) отличается от многочисленных пародийных восхвалений мужей-рогачей, воротников, блох, лихорадок и прочих достопримечательных вещей, сочинявшихся европейскими (в том числе испанскими) прозаиками и поэтами (тем же Мендосой или не раз навещавшим его в доме на Большом канале поэте-соотечественнике Гутьерре де Сетина) до и после Эразма тем, что у Эразма Глупость сама произносит хвалебную речь в свой адрес, ставя читателя перед необходимостью самостоятельно достраивать иронический контекст данной речи. При этом прямолинейность, однозначность восприятия и оценки слов Глупости исключаются. От читателя Эразма требуется иное: способность постоянно пере страиваться в новый регистр восприятия прочитанного (услышанного), умение

[366] Примечания: 366

О менипповой сатире и архижанре «мениппея» (к менипповой сатире не сводимого), реконструированных М.М. Бахтиным для второго издания «Проблем поэтики Достоевского» (см.: Бахтин 1963), см.: Пискунова 2012. Помимо энкомия, в «мениппову сатиру» входили многие, по-разному тематически ориентированные, поджанры: пародийный трактат, комический эпос, пародийная проповедь, фантастический *диалог о* «превращениях» в стиле Лукиана, «сновидение» (видение), «разговоры в царстве мертвых», «разговоры богов», «беседы зооморфных существ». О судьбе жанра в Испании см.: Schwartz-Lerner 1990.

улавливать относительность и изменчивость вещей и суждений, наслаждаться участием в игре в «обманки» и их разоблачении, которую ведет Мория.

Глупость у Эразма — сущность многоликая и парадоксальная. (Столь же извилиста и парадоксальна ее речь, передразнивающая ученые речи участников университетских споров, схоластических баталий и церковных проповедников.) Она — сама жизнь в ее природном, телесном обличье. Как следование зову плоти, как природно-дионисийское начало бытия, она — залог продолжения рода человеческого. И она же — не замутненная силлогизмами истинная Вера, основанная на любви к ближнему, на даре сочувствия и сострадания. Она — дар «блаженненьких», любимцев Господа. Глупость — это и особый вид безумия (столь сходного с безумием Дон Кихота)[367], и воплощение Здравого Смысла: «Дурак, <...> постоянно вращаясь в самой гуще жизни, приобретает <...> истинную рассудительность» (Эразм 1971: 144). Дурак лишен страха и стыда и обладает да-

[367] Примечания: 367

Ср. рассуждение Мории о двух видах безумия в гл. 38: «отрадное» безумие, исходящее именно от Глупости (а не посылаемое Эриниями из подземного царства), «постигает человека всякий раз, когда какое-либо приятное заблуждение ума освобождает душу от мучительных забот и одновременно досыта поит наслаждениями» (Эразм 1971: 155—156).

ром видеть вторую, внутреннюю, сторону вещей.

> Любая вещь имеет два лица <...>. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь — увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой — безобразие, под изобилием — жалкая бедность, под позором — слава, под ученостью — невежество, под мощью — убожество, под благородством — низость, под весельем — печаль, под преуспеянием — неудача, под дружбой — вражда, под пользой — вред <...>.
>
> ***Там же: 145***

Эразмов Дурак, как и его госпожа Мория, — главные персонажи западноевропейской карнавальной культуры, воссозданной во всех подробностях М.М. Бахтиным через четыреста с лишним лет после того, как Эразм сочинил «Похвальное слово...» (см.: Бахтин 1965). Из недр этой, «народно-смеховой», по определению Бахтина, культуры и возникла карнавализованная проза Эразма, породившая волну подражаний и отозвавшаяся в творчестве крупнейших европейских прозаиков шестнадцатого — восемнадцатого столетий: в «Письмах темных людей»

(«Epistolæ Obscurorum Virorum»; опубл. 1515—1517), в испанской пикареске, в романах Рабле, Сервантеса, Гриммельсгаузена, Стерна… Но Эразм — как и все его последователи — был не просто влеком «веселым бесстрашием» карнавала, но и стремился соединить карнавальную образность с идеалами «христианского гуманизма», с поклонением Христу в «духе и истине».

Диего Уртадо де Мендоса, как уже говорилось, несомненно, Эразма читал. Но главное — использовал предложенную автором «Похвального слова Глупости» повествовательную стратегию: «Похвала Глупости» как разновидность перволичного высказывания и спародированная исповедь вполне органично «перетекают» друг в друга и укладываются в форму «частного» письма. Однако автор «Ласарильо» уже не столь утопически настроен, как Эразм в дни сочинения вдохновенной речи Мории.

В начале главы 31 «Похвального слова Глупости» Мория воспроизводит кочующий на протяжении столетий по сочинениям философов, риторов и богословов список бед, которыми обременена человеческая жизнь:

> <...> жалкое и грязное рождение, <...> детство, сопряженное с бесчисленными обидами, юность, обремененная бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод <...>.
>
> ***Эразм 1971: 147***

Но вопреки всем этим ужасам Мория настроена на веселый, смешливый лад. Глупость появляется на страницах книги Эразма под раскаты «радостного, ликующего смеха»: на ее стороне — ранняя весна, счастливое детство, цветущая юность. Она — щедрая подательница благ, без которых жизнь человека превратилась бы в жалкое унылое прозябание. Ее родина — Счастливые острова, те, по которым в русских сказках текут молочные реки в кисельных берегах. Словам ее создателя Эразма внимают европейские монархи. Выступление Лютера, Реформация, религиозные войны, внутриевропейские распри, казнь ближайшего друга Томаса Мора (Thomas More; 1478—1535), которому и посвящено «Похвальное слово...», отречение от эразмизма императора Карла V, начало Контрреформации — всё это еще впереди.

Но — позади для создателя «Ласарильо», хотя какие-то надежды еще остались: культурные контакты с Северной Европой еще не прерваны (но вот-вот прервутся!), книги издаются (но уже запрещаются), Италия остается отдушиной, но — не для всех... «Ласарильо» рождается на рубеже «первого» и «второго» испанских Возрождений, теплящихся надежд и наступившего разочарования. Поэтому автор уже никак не отождествляет себя со своим героем (напротив, Эразм мог бы под каждым словом Мории подписаться), а сам герой становится двуипостасным, двуликим.

Да, Ласарильо-персонаж — сама природа, но природа, неисцелимо испорченная грехопадением. Его рождение — на реке Тормес в небольшом селении подле Саламанки — пародийное переиначивание обстоятельств рождения не только Амадиса Гальского[368] (об этом см. далее), но и Эразмовой Мории: вместо Счастливых (Блаженных) островов — островок-плотина посреди реки, на котором устроена водяная мельница, в родителях — вместо бога богатства Плутоса — мельник-ворюга... Всё это не может не сказаться на отпрыске и его судьбе.

---

[368] Примечания: 368

Амадис Гальский — герой одноименного рыцарского романа Гарси Родригеса де Монтальво («Amadis de Gaula»; сохр. изд. 1508).

Глупость у Эразма начисто лишена наивности и простодушия. Она всё знает и об окружающем мире, и о самой себе: поэтому способна сама на себя взглянуть *со стороны, иронически.* Как ни парадоксально (а энкомий Эразма, как и «Ласарильо», кишит парадоксами), хвастушка Мория скромна и полна сознания собственного достоинства. С большим недоверием она относится ко всякой «учености» и риторскому краснобайству, хотя сама владеет риторическими ухищрениями в совершенстве. Она самодостаточна, и ей не нужно ни за кем тянуться. А вот у Ласарильо есть образец для подражания — «добрые люди». Поэтому по мере взросления его простодушие превращается в самовлюбленность, а сметливость — в недалекую расчетливость. Толедский городской глашатай-рогоносец всерьез собирается состязаться с Цицероном в красноречии и считает необходимым отчитаться перед «Вашей Милостью» в своем, как сегодня бы сказали, «карьерном росте». Он впрямь верит, что девочка, растущая в его семье, — его дочь, а архипресвитер — искренний друг-покровитель. Двусмысленность собственного положения его не смущает (социализировавшись, получив «коронную службу», Ласаро остается маргиналом, так как

умолкнувшие «злые языки» то и дело могут заговорить снова). В структуре повествования он заступает место Глупости, но он — не она: поэтому и в его рассказе веселости и карнавального духа не так уж много. Не раз звучащий на страницах повести смех — жесток и бессердечен. И обращается Ласаро, в отличие от Мории, желающей, чтобы ее слушали, как «рыночного скомороха», не к толпе на карнавальной площади, где все равны, а к загадочной «Вашей Милости». Потому-то его рассказ и замыкается в границы частого, приватного по тону, полного умолчаний, послания. Конечно, в «Ласарильо» сохраняются родившиеся на карнавальной площади образы и мотивы, но они нередко отрицают самих себя (обжорство оборачивается голодом, карнавальные потасовки — взаправдашними выволочками, побоями и сексуальными унижениями). Никакой «большой дороги» в «Ласарильо» нет. Границы мира сужаются: захудалое селение возле Саламанки — Саламанка — ряд местечек между Саламанкой и Толедо — наконец, Толедо (всё в пределах Старой Кастилии). И это — знак времени. Как и то, что популярнейший в первой половине столетия рыцарский роман, жанр всемирной, имперской географической разбросанности

изображенного в нем мира, вытесняется на обочину пасторалью[369]. И от величия Человека, героя гуманистического «мифа о Человеке», ничего не остается. Правда, и человеческого обличья он не утрачивает. Хотя мог бы, подобно Петуху — собеседнику сапожника Мисила из диалога Кристофоро Гнософо[370] «Погремушка» («El Crotalon»; 1553?) или герою «Золотого осла» («Asinus aureus»; вторая половина II века) Апулея[371], чей опыт, как указывают критики[372], был также использован создателем «Ласарильо».

Создатель «Ласарильо» мог позаимствовать у Апулея[373] целый ряд структурообразующих мотивов и сюжетных положений, и в первую очередь миф, который, наряду с осмеянным гуманистическим мифом о «новом человеке», стал

---

[369] Примечания: 369

Пасторальный хронотоп — это крайне малое пространство, некий «зеленый луг» на берегу какой-либо известной читателю реки. Иберийский пасторальный роман (эклога, как именовали его в XVI в., не делая различий между стихотворной, прозаической и драматической эклогами) рождается одновременно с «Ласарильо»: в 1554 г. в итальянской Ферраре выходит в свет «Книга печалей» («Libro das Saudades»), или «Юная девушка» («Menina e moça») португальского поэта Бернардима Рибейру (Bernardini Ribeiro; 1442?—1552?), а в 1559(?) г., там же, — «Диана» Хорхе де Монтемайора (Jorge de Montemayor; 1520—1561), перебравшегося в Испанию португальского поэта-конверсо, перешедшего (хотя и не полностью) с португальского на испанский. Имя Монтемайора — одно из первых в ряду запрещаемых Инквизицией авторов.

[370] Примечания: 370

Псевдоним Кристобаля де Вильялон (Cristóbal de Villalón; ум. после 1588). См. также Преамбулу к примечаниям к «Л-II».

[371] Примечания: 371

Роман Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел», был переведен на испанский язык архидьяконом Диего Лопесом де Кортегана (Diego López de Cortegana; 1455— 1524) еще в 1514 г. и опубликован в 1525-м, но особой популярностью стал пользоваться лишь во второй половине 1530-х — начале 1550-х годов (четыре переиздания на протяжении пятнадцати лет: 1536, 1539, 1543, 1551 гг.).

[372] Примечания: 372

См., например: Molino 1965; Kruse 1959; Ricapito 1978—1979; Vilanova 1989a.

[373] Примечания: 373

А. Блекуа предполагает, что Апулей мог оказать на автора «Ласарильо» и косвенное воздействие — через четвертую книгу пародийного рыцарского эпоса о Рейнальдо Монтольбанском, которая именовалась «Бальдо» («Baldo») (см.: Blecua 1987: 14). Эта «книга о рыцарстве» была опубликована в Севилье в 1542 г. «Бальдо» — в значительной своей части — испанская прозификация бурлескной макаронической поэмы Теофило Фоленго (Teofilo Folengo; 1491—1544; псевдоним: Мерлин Кокай) «Бальдус» («Baldus»; опубл. 1517), написанной на смеси итальянского и латыни.

Интересно, что автор (или авторы?) испанской прозификации изменили повествовательный ракурс оригинала. Под влиянием Апулея (а возможно, и национальной традиции, в том числе арабской, где существовал жанр плутовской повести от первого лица — макама) приключения друга Бальдуса — преступника-плута Сингара (правильнее — Чингара; *исп.* Cíngara), занимающие пять книг творения Мерлина Кокай, они выстраивают как рассказ от первого лица.

«геном сюжета» (термин Ю.М. Лотмана) будущего плутовского романа — об умирающем и воскресающем божестве света Луции, который в философском романе Апулея выступает в обличье человека-грешника, превращенного колдуньей в осла. Пережив множество издевательств и унижений, которым подвергается его тело во время службы у разных хозяев, герой Апулея благодаря чудесному вмешательству богини Изиды, «воскресает» — возвращается в очистившийся в испытаниях человеческий образ.

Так и Ласарильо: в каждом из первых трех эпизодов-главок повести он умирает и возрождается, подобно не только евангельскому Лазарю, но и всякому архетипическому умирающему и воскресающему герою-божеству или же посвящаемому, проходящему ритуал инициации[374]. С другой стороны, «высокая» (отражающая ритуал инициации) тема трагико-комической метаморфозы — превращения, встроенного в ритмы космического бытия, в испанской повести травестируется — до темы плутовского оборотничества. Эта тема

[374] Примечания: 374

Сонет Луиса де Гонгора (Luis de Góngora; 1561—1627) «Muerto me lloró Tormes en su orilla...» («Оплакал Тормес мертвого меня...»; 1594) — свидетельство того, что ритуальный план истории Ласаро, заслоненный ее «реалистическим» прочтением, был открыт читателям Золотого века.

развертывается в ряде формально совпадающих в обоих «романах» метафорических мотивов: службы у разных хозяев, голода, нищенства, жестоких избиений — знаков временной смерти героя. Но в романе Апулея и в испанской повести — разные финалы, обусловленные тем, что фабула «Ласарильо» представляет собой инициацию *«наизнанку»:* серия перерождений героя не приводит к посвящению в таинство, а выводит подростка в пространство обезбоженного взрослого существования. Непосредственно до того, как стать глашатаем, Ласаро — хозяин осла, торгующий водой, то есть полная инверсия образа Луция.

Но существеннее всего то, что перволичное повествование в «Ласарильо» и в «Золотом осле» (если отрешиться от простоте совпадения грамматической формы) принадлежит к качественно разным этапам развития европейской наррации. Повествование от первого лица, являющееся — подчеркнем еще раз — принципиальным художественным открытием автора «Ласарильо», нельзя смешивать с тем, что О.М. Фрейденберг именует *«рассказом»* (здесь и далее курсив наш. — *С.П.*) от первого лица, противопоставляя его «личной *наррации»* (см.: Фрейденберг 1978: 209 сл.). Рассказы от первого лица — «речи» героев —

характернейшая особенность словесных практик всех народов на самом раннем этапе становления литературы, фактически на этапе *до-литературном,* когда слово еще не отделилось от мифа и ритуала, литература — от фольклора, автор текста — от его исполнителя-рассказчика, да и от самого предмета изображения, слово — от вещи, субъект — от объекта. Фрейденберг пишет:

> Греческая литература[375] полна личными рассказами и прямой речью. Так у Гомера, у историков; лирика и реторика выросли как жанры из личного рассказа; роман делает из прямой речи литературную стилизацию <...>.
>
> ***Там же: 213***

Однако у Апулея собственно стилизаторское отношение к слову только намечено: в «Золотом осле» прямая речь героя (как и воспроизведенные им речи других персонажей) не столько повествует, сколько представляет, разыгрывает сцены, стремясь прямо, непосредственно — как то происходит в театре — воспроизвести событие и его

---

[375] Примечания: 375

Примеров из других древних литератур — множество (см., напр., «Старшую Эдду» с ее «речами» и «прорицаниями»).

фон. Она ближе к «речи» участника ритуального действа, чем к повествованию о пережитом. И если «Золотой осел» — рассказ от первого лица, то «Ласарильо», — следуя терминологии О.М. Фрейденберг, — именно «наррация»[376] или «литературная стилизация»[377].

Фрейденберг — как историк греческой литературы — понимает под «античной наррацией» в первую очередь «косвенную речь», то есть привычное и для современных словесных практик повествование (рассказ) от третьего лица. Именно оно заполняло пространство западноевропейской повествовательной прозы и поэзии от их возникновения и до появления испанского плутовского романа (Августин, Боэций, Абеляр и даже Данте — на фоне этой доминирующей

[376] Примечания: 376

Автор данной статьи на всём ее протяжении этого терминологического различения между наррацией (повествованием) и рассказом не придерживался, нередко употребляя слова «рассказ», «речь», «наррация», «история» как синонимы, поскольку и письмо Ласаро — воссоздание живой, разговорной речи.

[377] Примечания: 377

В принципе, вскользь брошенное Фрейденберг определение «литературная стилизация» должно быть отнесено *к роману как таковому*, ведущему жанру новоевропейской литературы, этап становления которого М.М. Бахтин, во многом думающий сходно с Фрейденберг, растягивает на тысячелетие (см. труды о романе, собранные в третьем томе его собрания сочинений: Бахтин 2011). Для Бахтина «литературная стилизация» — лишь *одна* из разновидностей дву-голосого «романного» слова, слова как объекта художественного изображения

(наряду с тем объектом, на который оно, это слово, направлено).

традиции — исключения)[378]. Поэтому новаторство создателя «Ласарильо» может быть вполне оценено лишь при сопоставлении с предшествовавшими ему и окружавшими его прозаическими (а также стихотворными) жанрами, в которых доминировало авторское повествование от третьего лица. Самыми массовыми среди них были рыцарские романы и жития святых.

Первые современные критики «Ласарильо» сразу же попытались прочесть его (да и пикареску в целом) как пародию на «книги о рыцарстве». Но автор «Л-I» не использует ни героя, ни фабулу, ни принципы построения «книг о рыцарстве» с целью вложить в них качественно иное содержание, переводящее повествование в комический план. Пародируются — и то непреднамеренно — отдельные мотивы (например, уже упоминавшийся мотив «чудесного» рождения героя или явление Ласарильо ангела в образе медника в «Рассказе втором...»). Поэтому, если быть точными, по отношению к рыцарскому роману

[378] Примечания: 378

Одно из самых замечательных произведений испанской литературы XIV в. — «Книга благой любви» («Libro de buen amor»; 1343?) Хуана Руиса, архипресвитера Итского (Juan Ruiz, Arcipreste de Hita; ок. 1284 — ок. 1351) — блистательный образец именно долитературного рассказа от первого лица, очень близкого к миметически воссозданному слову у Апулея, хотя Апулей пользуется ритмизованной прозой, а архипресвитер Итский — стихотворным размером «куадерна виа».

«Ласарильо» — не пародия, а «контр-жанр» (термин К. Гильена, см.: Guillén 1983: 204). Анонимная повестушка не вторгается в чужое жанровое поле, не пишется «поверх» чужого текста, а создана *против* него — как *диаметрально противоположный* вариант развертывания универсальных типологических мотивов «пути», «испытания» и «посвящения» (агиографическая версия — «обращения»). «Ласарильо», как и пикареска в целом, не пародирует рыцарский роман, но самим фактом своего появления после и возле «книг о рыцарстве» разоблачает *утопическую иллюзорность* художественного мира рыцарской эпики. Как отмечает Е.М. Мелетинский, «плутовской роман противостоит рыцарскому и диахронически (следуя за ним), и в какой-то мере синхронически, т. е. парадигматически и топологически как его противоположность <...>» (Мелетинский 1986: 236).

Каким же контр-жапром выступает пикареска по отношению к житийной прозе, с которой у нее значительно больше точек соприкосновения хотя бы потому, что главный объект пародии в «Ласарильо» — жанр исповеди — содержит в себе элементы житийного повествования. Г.Д. Гачев проницательно пишет на этот счет:

> Житие и плутовской роман не столь далеки друг от друга, как это может показаться на первый взгляд. Плутовской роман генетически возникает из жития, как его противоположность, и потому их связывают общие принципы осмысления бытия и человека. Герой равно безличен и там и здесь, он лишен индивидуального содержания и осуществляет стоящий за ним общий закон: веры или жизни, Бога или фортуны. И потому он духовно пассивен и страдателен: жизнь предстает как цепь злоключений и там и там, и лишь страдания человека осмысляются как достойные того, чтобы о них поведать в слове. Мир осознается как игралище не зависимых от человека сил: всё во власти Провидения (в житии) — всё во власти случая (в плутовском романе) <...>.
>
> ***Гачев 1964: 65***

Об этом *внешнем* сходстве истории «доброго человека» Ласаро и жизни святого свидетельствует и название, данное повести ее издателем, — «*Жизнь* Ласарильо де Тормес». Но жизнь святого — путь к другой, повой жизни, лежащий через

озарения-просветления и через мученическую смерть. Жизнь Ласаро — путь через мучения голодного желудка к сытой жизни добропорядочных «старых» христиан, в которой нет не только ничего святого, но и ничего светлого, путь выученика слепца-проповедника, его верного ученика и последователя-подражателя, слепо упивающегося благами земного бытия.

Таким образом, в жанровой структуре «Ласарильо де Тормес» просматривается связь (в том числе и связь антагонистическая) почти со всеми жанрами современной ему испанской прозы, равно как и с протороманными традициями прозы античной. Но в то же самое время, как это ни покажется странным, «Ласарильо» (как и «Дон Кихоту») в принципе не нашлось места в жанровой системе испанской прозы второй половины XVI века. Эта небольшая повесть, написанная в форме автобиографического послания, пародирующая исповедь и отдельные мотивы Священного Писания, выстроенная как контр-жанр по отношению к рыцарской эпике и к житийной прозе, вобравшая в себя множество разговорных и полулитературных жанров от божбы до новеллы, оказалась в литературе эпохи «второго» испанского Возрождения, используя образ М.М.

Бахтина, *в жанровом отношении бесприютной.*

Уже первые продолжения «Ласарильо» (если счесть за самое первое из них вставки в издание повести в Алькала-де-Энарес) показывают, что наиболее важная для потомков и для писателей, начиная с Сервантеса, сторона повести — *ее собственно романное содержание* — история перерождения «человека внутреннего» в «человека внешнего» в жестоких обстоятельствах жизни как борьбы за выживание, личностная трагедия героя, представленная как фарс о муже-рогоносце, — осталась совершенно скрытой для читателя. «Ласарильо» воспринимали как нанизанную на историю похождений героя серию комических сценок и сатирических картин, а сами похождения — в духе похождений Осла-Луция, как «метаморфозу»: «превращение». Именно в этом жанровом ключе написана и «Вторая часть» «Ласарильо», которую — с подачи Кристобаля де Вильялон — нередко именуют «Ласарильо-тунцом». Ее автор также предпочел остаться неизвестным, хотя им может вполне оказаться всё тот же... Диего Уртадо де Мендоса[379].

---

[379] Примечания: 379
Подробнее см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-II».

III
«Ласарильо-тунец»

Повествование во «Второй части Ласарильо с Тормеса» (из названия продолжения знаменательно исчезло слово «жизнь») также ведется от первого лица, хотя рассказчик нередко сбивается на третье. Но, по существу, жанровая парадигма «Второй части» по отношению к «Ласарильо» «классическому» значительно смещена — в сторону философской фантастики Лукиана, Апулея и собственно испанских образцов менипповой сатиры. «Вторая часть Ласарильо с Тормеса» вполне органично вписывается в группу произведений типа «Погремушки», «Диалога о превращениях Пифагора» («Diálogo de las transformaciones de Pitágoras»; ок. 1530) — возможно, первого наброска «Погремушки», — «Путешествия в Турцию» («Viaje de Turquía»; 1557), приписываемого как Кристобалю де Вильялону, так и Андресу Лагуне (Andrés Laguna; 1499—1559).

Во «втором» «Ласарильо» фантастическо-аллегорическое повествование выходит на первый план. Поэтому в нем гротескно обнажаются

важнейшие символические мотивы «первого» «Ласарильо», такие как вино или связь героя со стихией воды. Яснее становится *оборотническая* природа Ласаро, персонажа-трикстера.

Большая часть действия «Второй части» (главы с 3 но 16, а всего их в книге — 18) разворачивается в иномире, в подводном королевстве рыб-тунцов, в которое Ласаро попадает после того, как корабль, на котором он плыл в Алжир в надежде разбогатеть, участвуя в очередной военной авантюре, потерпел крушение. Ласаро спасается лишь благодаря огромному количеству вина, выпитому им в начале шторма (так еще раз сбывается предсказание первого наставника Ласарильо — слепца, согласно которому вино дарует Ласаро жизнь): напиток чудесным образом препятствует проникновению воды в рот и нос тонущего солдата. А затем Бог — по проникновенной молитве Ласаро, явно дублирующей постоянные молитвенные обращения героя «Ласарильо» 1554 года к Творцу, — превращает его в тунца (превращение происходит в подводной пещере-гроте, где оказывается утонувший Ласаро: еще один гротескный образ-архетип материнского лона, в котором обретали новую жизнь многие мифические и эпические герои). Ласаро ухитряется

обмануть новых «сородичей» и выдать себя за одного из них, а затем и завоевать своими героическими деяниями место фаворита короля-тунца. Ведь жизнь рыб-тунцов бурлескно-травестийно копирует жизнь людей на земле: у тунцов есть король-правитель, окруженный приближенными (privados), в среде которых выделяется фаворит, фактически распоряжающийся судьбами королевских подданных; у короля-тунца есть армия — его верные солдата, лавры побед которых присваивают генералы и придворные любимчики. У тунцов есть жены и возлюбленные, есть семейные заботы и дружеские обязанности, но в целом их жизнь, как и жизнь людей, — сплошная война, интриги, раздоры, защита своей чести и борьба за место под солнцем монаршей милости. И всё это автор-аноним изображает в откровенно игровой манере, не всерьез, явно наслаждаясь гротескным приложением реалий и понятий, заимствованных из человеческого языка и опыта, к жизни рыб: чего стоят хотя бы шпаги, которые тунцы, наученные Ласаро сражаться «человечьим» оружием, держат во ртах (см., например, с. 122—123 наст. изд.). Рассказ о пребывании Ласаро у рыб и в обличье рыбы увенчан аллегорической встречей героя с Правдой, которую тот находит

на заброшенной скале среди морских просторов, ибо Правде не нашлось места на земле, среди людей (глава 15). Вновь оказавшись среди людей и обретя человеческое обличье (Ласаро вместе с другими рыбами-тунцами, в том числе и со своей «морской» супругой Луной, попадает в рыбацкие сети), пережив унижения, связанные с тем, что его, получеловека-полурыбу, показывают публике как очередное «чудо», герой «Второй части» в конце концов благодаря чудесному вмешательству Правды, являющейся ему во сне и наставляющей его на путь истинный, примиряется и со своей «земной» женой Эльвирой, и со своим покровителем — архипресвитером.

Во «Второй части» нет двусмысленности и многозначности «Ласарильо» 1554 года, возникающих из раздвоения образа героя на повествователя (нарратора) и действующее лицо (актанта), на Ласаро — умудренного жизнью циника и простодушного ребенка, на Ласаро-рассказчика и Ласаро «писателя», наконец, из несовпадения точек зрения повествователя и автора-анонима. Герой «Второй части» — сложившийся человек, зрелый муж, глава семейства, грешный лишь тем, что возмечтал о приумножении своего состояния. Он — рупор авторских идей. Ракурс

его видения мира предопределен авторской установкой на разоблачение несправедливости, царящей в мире, и лицемерия всего, что связано с современными ему социальными институтами (неограниченной королевской властью, системой судопроизводства, продажностью судей и писцов) и церковным культом (как истинный христианин, невзирая на свою формальную непричастность к клиру, Ласаро во время шторма берет на себя миссию сбежавших с корабля трусливых священников и исповедует погибающих товарищей). Он изобретательный и отважный воин, верный друг, нежный муж[380].

Однако человек Ласаро, заключенный в теле тунца, — отнюдь не «человек внутренний», а тот же «человек внешний», поступки которого на протяжении большей части повествования и воспроизводят, и невольно пародируют деяния эпического героя. «Рыцарский роман», героем которого выступает Ласаро, храбро отбивающийся от полчищ тунцов, сражающийся с войсками

[380] Примечания: 380

Характерен эпизод патетического его прощания с Луной, отпущенной рыбаками в море по его мольбе, произнесенной на человеческом языке, конечно же пародийный но отношению к эпизоду расставания Сида-воителя, героя «Песни о моем Сиде» («Cantar de mío Cid»; опубл. 1140) с женой Хименой, но в то же самое время сохраняющий и свой лирический пафос.

короля, несправедливо обрекшего его друга на смерть, берущего в осаду королевский дворец, больше похож на хронику деяний полководцев эпохи Карла V, побеждающих за счет владения новым оружием и новой тактикой боя. Он — не рыцарь, бьющийся с против ником один на один, а тактик и стратег, ведущий свое тунцовое войско в бой (к тому же — искусный дипломат). И что из того, что под его началом сражаются им обученные стаи рыб?! Ласаро повествует о своих героических деяниях всерьез, хотя и слегка посмеиваясь над придуманной для него сочинителем «Л-II» игрой, превращающейся *в развернутую аллегорию человеческой жизни.*

Из испытаний, выпавших на его долю, Ласаро выходит наделенным большим знанием о мире, более тонким и изобретательным умом, но он не становится качественно другим, иным, «новым» человеком. И здесь мало что может изменить загадочная глава 15, точнее, то, что от нее в «Л-II» осталось:[381] она читается как краткая реляция о том, что Ласаро встретил Правду на скале посреди моря. Явление этой аллегорической героини Ласаро во сне, привидевшемся ему в толедском

[381] Примечания: 381
См. примеч. 1 к гл. 15 «Л-II».

застенке в главе 17, ее чудесное вмешательство в его судьбу, также связаны с очередным физическим превращением (никто из жителей Толедо, начиная от жены Лазаро и его господина архипресвитера, не может признать в вернувшемся человеке глашатая, утонувшего в море «при свидетелях» четыре года назад). После данного Правде во сне обещании не отдаляться от нее к проснувшемуся Лазаро возвращается прежний облик, и он занимает свое прежнее место в семье и обществе. При этом в его поведении и нраве ничто не меняется, а где и как он изменил Правде, остается читателю неведомым. Но это — не то многосмысленное молчание, которое отличает первого «Ласарильо», молчание, подобное строфам-отточиям в пушкинском романе, призывающее читателя к сотворчеству и додумыванию. Это — попытка сочинителя вписать свою повесть в еще один жанр — жития, от которого он было отказался, выбросив из заглавия слово «жизнь». Попытка еще раз подчеркнуть назидательную сторону своей книги, которая дополнила бы до завершенного целого ее сатирический план. Автор «Л-II» хочет еще раз напомнить, что в пережитом Лазаро есть поучительный смысл, что за его словами стоит фигура одинокой Правды.

Таким образом, мифопоэтический подтекст первого «Ласарильо», символическая глубина его внешне реалистических образов в «Ласарильо» 1555 года превращаются в живописное иносказание-наставление. И когда Ласарильо-рассказчик, фиксируя мгновение своего очередного триумфа, время от времени обращается к адресату письма (а заодно и к читателю) со словами «Видели бы вы!..», его похвальба звучит вполне недвусмысленно.

Формально имитируя жанр послания, автор «Л-II», по сути дела, не нуждается в фикции письма, в воспроизведении стилистики письменно фиксированной устной речи, рассказа, обращенного к конкретному лицу. «Л-II» — не лишенный изящества риторический дискурс, главной целью которого являются сатирическое обличение пороков Римской церкви и придворной жизни, напоминание о ненадежности и сомнительности всего происходящего в этом мире (таковой и должна быть настоящая мениппова сатира). Мениппейное начало в продолжении «Ласарильо» явно берет верх над романным — угроза, которая будет сопровождать пикареску на протяжении всей ее вековой жизни, подытоженной аллегорическим мениппейным эпосом Б. Грасиана

(Baltasar Gracián; 1601—1658) «Критикон» («El Criticón»; 1651—1657), созданным в ином — неплутовском — жанре, но вобравшим в себя лучшее из арсенала похождений героев-пикаро.

Вклад автора «Л-II» в создание матрицы плутовского жанра долгое время недооценивался. «Вторая фламандская часть не сыграла никакой роли в истории испанского плутовского романа», — утверждал К. Гильен (Guillen 1983: 198; ср.: Rey Alvarez 1987: 89). Сегодня историки пикарески почти единодушно сходятся на том, что автор «Гусмана де Альфараче» не просто читал «Л-II», о чем свидетельствует совпадение ряда эпизодов и мотивов обоих произведений (описание бури на море, встреча с Правдой)[382]. Главное, в чем Алеман осознанно или неосознанно следовал за антверпенским сочинителем, — включение в повествование многочисленных поучительных размышлений и рассуждений героя-пикаро. Алемана всё больше и больше интересует дар его героя, пережившего на каторге религиозное просветление, видеть и судить мир с некой всеобъемлющей точки зрения — с площадки

[382] Примечания: 382

Подробно совпадения мотивов и эпизодов во «Второй части» и в «Гусмане де Альфараче» проанализированы в статье М. Кавильяка (см.: Cavillac 2005).

«сторожевой башни жизни человеческой» (как гласит подзаголовок второго тома «Гусмана»). Но если автор «Ласарильо» 1555 года, пытаясь выписывать для читателя рецепты на все случаи жизни, еще полагается на их действенность, то Матео Алеман и его герой-оборотень, читающий морали, уже ни во что в этой, земной, жизни не верят, полагаясь только на Бога и возможность спасения. Так или иначе, в «Гусмане де Альфараче» — не без посредничества «Ласарильо» 1555 года — «жизнь пикаро» превращается из внешне простой, незатейливой истории в масштабное, сложно выстроенное барочное повествование.

После небывалого успеха «Гусмана де Альфараче», возродившего интерес к «Ласарильо», у которого в последней четверти XVI века было не так много читателей (но среди них были и Алеман, и Сервантес — одних их вполне достаточно!)[383], пути развития жанра пошли в разные стороны. Некоторые плутовские романы семнадцатого столетия утратят героя-плута — например, «Маркос де Обрегон» («Vida del

[383] Примечания: 383

После издания «Ласарильо» Веласко повесть была переиздана только шесть раз, в то время как после публикации первой части «Гусмана де Альфараче» в течение четырех лет (с 1599 по 1603 г.) вышло девять ее переизданий (см.: Guillén 1983: 203).

escudero Marcos de Obregón»; 1618) Висенте Эспинеля (Vicente Gómez Martinez-Espinel; 1550—1624); авторы других, такие как А. де Кастильо Солорсано (Alonso de Castillo Solorzano; 1584—1648?), откажутся от повествования от первого лица; третьи вернутся к форме классической менипповой сатиры, примером тому — «Хромой бес» («El diablo Cojuelo»; 1641) Луиса Велеса де Гевара (Luis Vêlez de Guevara; 1579—1644)... Иные же исповеди плутов, вроде «Жизни Эстебанильо Гонсалеса» («La vida y hechos de Estebanillo González»; 1646), превратятся в подлинные шутовские автобиографии. Ведь одна из закономерностей жизни этого крайне динамичного жанра, как уже было отмечено, заключается в том, что автор каждой новой пикарески всячески стремился противопоставить себя предшественнику.

IV
«Ласарильо» Хуана де Луна

И уже на том этапе жизни пикарески, когда она под пером Висенте Эспинеля вступила на путь откровенного самоотрицания, в Париже, «поверх» и против «Ласарильо» в «плантеновской» редакции

1595 года[384], с учетом опыта Матео Алемана и, вполне вероятно, Франсиско де Кеведо (Francisco de Quevedo; 1580—1645), автора «Бускона»[385], с несомненной оглядкой на их «оппонента» Сервантеса, испанцем-эмигрантом Хуаном де Луна (Juan de Luna; 1573? — после 1635)[386] была написана и опубликована (1620) новая версия продолжения жизнеописания Ласаро — новая «Вторая часть». «Первую» же де Луна отредактировал, осовременив язык оригинала и частично по-своему переписав, ориентируясь на традицию, восходящую еще к первым французским переводам повести. А главным для французских переводчиков и издателей было стремление развлечь читателя рассказами о комических похождениях героя-плуга, максимально прибли-

---

[384] Примечания: 384

См. о ней в Преамбуле к примечаниям к «Л-I».

[385] Примечания: 385

«Бускон» — сокращенное название «Истории жизни пройдохи по имени Дон Паблос, примера бродяг и зерцала мошенников» («Historia de la vida del Buscón, llamado don Pablos; ejemplo de vagabundos y espejo de tacaños»); опубликованная в 1626 г., она была достаточно широко известна в рукописных копиях.

[386] Примечания: 386

О самом Хуане де Луна известно немногое. Автор «третьего» «Ласарильо» («Л-III») был родом то ли из Арагона (де Луна — известная арагонская фамилия), то ли из Кастилии. В 1612 г. эмигрировал во Францию. Учился в Монтобане, где существовала влиятельная протестантская община, к которой де Луна и примкнул, отрекшись от

католицизма. С 1615 г. он жил в Париже, где преподавал испанский язык. Издал учебник испанского для французов и книгу «Домашние беседы» («Diálogos familiares»; 1619), также предназначенную для учебных целей. В 1621 г., после начала новых гонений на гугенотов, перебрался в Англию и поселился в лондонском районе Чипсайд, где, как и в Париже, стал преподавателем испанского. В 1622 г. в Лондоне был опубликован сделанный Томасом Уолкли (Thomas Walkley; 1618—1658) перевод его «Ласарильо». Из английской версии романа, учитывая пуританский настрой англичан, де Луна убрал скатологию и эротические сцены. С 1623 г. де Луна — пастор Англиканской церкви, отец семейства, в котором шестеро детей. Последние сохранившиеся о де Луна сведения (1635 г.) связаны с сообщениями о бракосочетании его двоих дочерей.

женного к персонажам соти и фаблио, анекдотов и латиноязычных скабрезных «фацетий»[387], а также удовлетворить его интерес к испанским нравам и устройству испанской жизни, предоставив «достоверную» (из первых рук!) информацию о близкой, но враждебной «заграннице» (Испания середины шестнадцатого столетия всё еще находилась на вершине европейского могущества). При этом внимание читателя, естественно, переносилось с того, *как* герой видит мир и себя в мире, к тому, *что* из себя этот мир «объективно»-безлично представляет, *что* Ласарильо в мире обнаруживает (в «Л-I», как было отмечено, такой сдвиг — не меняющий, однако, общего замысла автора, — наметился в «Рассказе пятом...»).

Впрямь: мало кто из читателей, да и писателей второй половины XVI — начала XVII века (Сервантес здесь — гениальное исключение) оказался способен уловить сложную игру повествовательных перспектив (точек зрения), на которой был выстроен «Ласарильо» 1554 года. От нее отказался автор «Ласарильо-тунца» («идеологически» к предшественнику очень близкий), и даже Матео Алеман почти целиком передоверил данную мис-

---

[387] Примечания: 387
Фацетия — юмористический жанр эпохи Ренессанса.

сию пикаро-рассказчику, тем самым превратив авторскую иронию, скрепляющую текст «Ласарильо де Тормес», в спонтанную самоиронию кающегося каторжника.

По этому же пути пошел и Хуан де Луна, показавшийся на сцене своего повествования лишь как автор Посвящения и Пролога «К читателю», которые не случайно исчезли из перевода его «Ласарильо» на французский язык, равно как и из большинства позднейших переизданий: зачем нужен автор, если в основной части повествования он полностью заслонен Ласаро-рассказчиком, и по возрасту, и по мировосприятию полностью совпадающим с Ласаро-действующим лицом? Как следствие — совмещение в образе Ласаро у Хуана де Луна таких несовместимых качеств, как аналитический склад ума, склонность к моралистическому философствованию[388], с одной стороны, и доверчивость, которая лишает его способности извлечь хоть какие-то уроки из своего житейского опыта — с другой: и раз, и два, и на третий он становится жертвой незамысловатых

[388] Примечания: 388

В целом, его размышления о сути переживаемых им злосчастий — общие места тогдашнего церковного наставничества безотносительно к противостоянию католиков и протестантов. Впрочем, по степени неверия говорящего в возможность человека как-либо влиять на свою судьбу они, скорее, ближе к лютеровской «ереси».

плутней встречаемых им проходимцев обоего пола, но в особенности — блудливых дам. Иными словами, в Ласаро — персонаже «Л-III» гротескно скрестились черты фольклорного комического *дурака*-«простеца» *(исп.* bobo — букв.: «простак, простофиля») и философа-*шута*. Как уже было отмечено, черты первого явственно проступают и в образе мальчика-служки из книжицы 1554 года, особенно в начале его странствий со слепцом — до удара головой о каменного быка, избавляющего Ласаро от наивной доверчивости, — но вот ничего, что указывало бы на сходство с шутом, в этом герое нет[389]. Правда, шутовского ремесла не чурается его третий хозяин — нищий вальядолидский эскудеро, заявляющий, что готов пойти в услужение к какому-нибудь знатному господину, чтобы угодливо покатываться от смеха над несмешными шутками сеньора (см. с. 68 наст изд.). Показательно, что именно этот персонаж появляется на первых же страницах «Ласарильо» 1620 года в виде ряженого голодранца-шута («<...> один чулок был цветастый, другой — зеленый

[389] Примечания: 389

Разве что Ласаро — начинающий писатель в Прологе вспоминает о шуте, получающем исподнюю рубаху в дар от неудачно выступившего на турнире рыцаря (шуты нередко прислуживали на турнирах в качестве оруженосцев, подбадривая своих господ и веселя публику), но себя-то он сравнивает не с ним, а с самим кабальеро (см. с. 8 наст. изд.).

<...>». — С. 180 наст. изд.), чтобы стащить у Ласаро одежду, оставив ему «в наследство» свое шутовское облачение, а заодно и свое амплуа, которому герой де Луна сохраняет верность на всём протяжении повествования. Ласаро-III то и дело меняет одно одеяние на другое (нередко оставаясь почти голышом), чтобы вновь и вновь смешить непритязательного читателя своими — нет, не физическими изъянами (чем были отмечены многие шуты), — а телесными непотребствами. Правда, в отличие от шута-профессионала он выступает в роли «козла отпущения» не намеренно, а случайно, по воле жестокой Фортуны и людской злобы.

В том, что Ласаро у де Луна — и шут, и «дурак» одновременно, на первый взгляд, нет ничего удивительного: эта два персонажа нередко перечисляются через запятую в ряду других слов-синопимов: «дурак», «шут», «буффон», «плут», «пройдоха», «трикстер», «парасит», «арлекин», тот же «пикаро». И впрямь, нечто общее между ними всеми или между некоторыми из них («буффон» — полный синоним «шута», «трикстер» — мифологический прародитель шута и плута и т. д.) есть, как несомненна *антропологическая* связь между всеми видами смеха, существовав-

шими и существующими в мировой культуре. И всё же шут и дурак — отнюдь не тождественные образы-роли, хотя во многих языках эти персонажи смеховой культуры отождествляются[390].

Шут — отнюдь не «дурак»: «дурак» — одна из ролей, неглупым шутом сознательно разыгрываемая. Дурак — «человек естественный», шут — театральный. Конечно, «дурак» и сам по себе — фигура амбивалентная, двусоставная: его «дурость» на поверку часто оказывается «мудростью» (Айрапетян 2000: 85). Но «мудрость» дурака — не благоразумие или прагматизм, не расчетливость шута — человека «себе на уме»: она — то ли «не от мира сего», то ли — свойство самой жизни, стихийное, дионисийское, витальное начало бытия. А главное, она — не свойство человека-индивида. «Дурак» — в отличие от шута — не «я», а «мировой человек» (Там же), метонимическое олицетворение гротескного «народного тела» толпы на карнавальной площади, истинного героя карнавального действа, по Бахтину. А вот шут, которого Бахтин, отождествив с ним

---

[390] Примечания: 390

«Fool» — в английском, «Narr» — в немецком... И переводятся, как бог переводчику на душу положит, чаще объединяясь под одним производным от Дурака-Шута прилагательным — «шутовской», что, впрочем, вполне объяснимо: «дурацкий» в русском имеет значение, мало связанное с «дурачеством».

дурака, записывает в герои своего утопического карнавала, идя по немецкому следу, — напротив, индивид-маргинал, личность, наделенная острым умом (шуты нередко были советниками королей), самосознанием и скрытым чувством собственного достоинства. Но при этом ломающий комедию самоуничижения — того самого, которое «паче гордости».

Заняв позицию максимального самоумаления, шут выставляет на смех любой (кроме верховного) социальный статус, возвышающий человека над другими, высмеивает притязания на «благородство», независимо от того, подлинное оно или мнимое. Иными словами, шут — принципиальный социальный нигилист и анархист, а его смех во многом подтверждает одну из антропологических теорий происхождения смеха как такового: смех — это реализация чувства превосходства смеющегося над осмеиваемым, демонстрация его силы и власти (см.: Roncero López 2010: 35).

Напротив, смех карнавала, из которого родится и смех Мории, и «благорасположенная ирония» Сервантеса (см.: Пискунова 1998: 232), — это не смех над социально униженным, а смех, уничтожающий социальное неравенство как таковое. Поэтому главный герой карнавала — Дурак и

его главная героиня — Мория — не маргиналы, а Короли «на час», возвышающиеся над хохочущей толпой как ее полноправные представители (так Мировое Древо[391] возносится над поверхностью плодоносящей земли).

Но по мере разложения патриархальной природной общности и средневековой вертикальной картины мира, а вместе с ними — и карнавала как действа, протекающего на границе языческого общенародного празднества и религиозной мистерии, — на сцене Театра Мироздания шут и дурак всё чаще начинают подменять друг друга, друг другу подыгрывать, используя общие символы и приемы. Шут «валял дурака», а дурак примерял шутовской колпак с бубенцами. Карнавал эволюционировал (по Бахтину — деградировал) к маскараду и романтическому гротеску, где шуту — самое место.

И при этом шут-изгой всей душой рвался к растворению в стихии карнавального, народного, низового, оказываясь — ведь карнавал кончается — в наполненной до краев водой бадье. Наподобие той, в которой злодеи-рыбаки возят по ярмаркам Ласарильо из романа де Луна, связав

[391] Примечания: 391

Подробней об этом см. в статье «Дурак как дерево» (см.: Айрапетян 2000: 98).

его путами и не позволяя произнести ни слова под угрозой утопления (см. с. 187—194 наст. изд.). Жестокость, насилие над телом беззащитного *другого* всё чаще и чаще выходят на первый план, реализуясь не в «цирковых», потешных избиениях «невзаправдашнего», потешного противника, в мнимых увечьях, наносимых участниками карнавальных потасовок друг другу (ведь все они — одно телесное и духовное целое!), а в доподлинных мучениях, причиняемых отдельному бедолаге, попадающему «под раздачу». Тема насилия, наряду со скатологическими (связанными с телесными отправлениями) и эротическими мотивами, составляет основное содержание натуралистического плана романа де Луна.

Рассказ о страданиях Ласаро в бадье — воистину апофеоз рождающегося в эпоху классицизма-барокко новоевропейского «реализма», суть которого — в *репрезентативной* достоверности повествования. Установка на *правдоподобие вымысла* к концу шестнадцатого столетия стала общим местом неоаристотелевских поэтик. Ей и следовал Хуан де Луна, уже в Прологе возвестивший о том, что он — не выдумщик, а издатель «хроники», хранящейся в архивах толедской «малины» (см. с. 174—176 наст. изд.). Здесь де

Луна явно подражает автору «Дон Кихота». Но если Сервантес использует образы «хронистов» — «истинных» авторов истории Дон Кихота, чтобы сбить читателя с толку, увести его в область свободного вымысла как такового, то для Хуана де Луна апелляция к «хронике», гротескно соединенная с мотивом «бабьих россказней» у камелька, — чуть ли не сертификат достоверности его повествования, его «опытной» доказуемости (отсюда — ссылка на рассказ старика о том, как некий мнимый утопленник спасся в пещере над водами Тахо).

Поэтому никаких магических превращений человека в рыбу и наоборот в этом «Ласарильо» нет. Как нет и мотива целительного вина. Вино фигурирует у де Луна в его натуральном, сугубо житейском понимании — как некая жидкость, которой герой перед кораблекрушением запивает съеденное и которая вместе с едой заполняет его внутренности и не дает захлебнуться (см. с. 183— 184 наст. изд.).

С едой — еще одним карнавальным мотивом «Ласарильо» — у де Луна происходит та же характерная метаморфоза. «Новый» Ласаро не столько голодает, сколько предается воспоминаниям о разного рода пирушках, которые он наблюдает

или в которых сам участвует. Он смакует названия съедаемых блюд, восторгается размерами «засовываемого в рот» или же в карманы штанов пирующих. Внешне, казалось бы, многое напоминает не столько о нервом «Ласаро», сколько о Рабле (а де Луна явно ориентировался на вкусы французской публики и на национальную традицию). Но у Рабле в пиршествах участвует «весь мир», а у де Луна — одинокий пикаро-прихлебатель, то мысленно завидующий обжорам, то наслаждающийся тем, как другие, глотая слюну, смотрят на его насыщение.

Мотив «вина» в очередной раз появляется у де Луна в очень важном для автора контексте: в конце восьмой главы, переломной для развития сюжета (пуповина, соединяющая героя де Луна со своим прототипом — Ласаро 1554 года, наконец-то перерезана, и на истории с архипресвитером и женой героя-рогоносца ставится крест). В этой главе Ласаро проделывает путь из Толедо в Мадрид, как бы продолжающий движение Ласарильо-I со слепцом, по таким же местечкам Кастилии, где вновь славно уродился виноград («<...> я натощак выпивал до четырех кувшинов вина <...>»). При этом рассказчик сообщает читателю, что он «сделался плутом (то есть

пикаро. — *С.П.)* из самых продувных», и заодно поясняет, что такое настоящая плутовская жизнь. И вот тут оказывается, что это — не череда попыток героя-выскочки приобрести нечто большее, чем то, на что он мог рассчитывать по своему происхождению (такова цель истинного героя жанра), а жизнь аскета («<...> наг я родился, наг и умру, ничего не теряю, ничего не обретаю»), «настоящая», «философская» жизнь, ибо она «беззаботнее жизни королей, императоров и Пап», ибо плуты, ничего не приобретая, вольно носятся «по просторам своего хотения» (с. 201 наст. изд.). Де Луна никак не заботит то, что хвала бескорыстию и беззаботности загадочно-идеализируемой его героем якобы плутовской жизни так и остается похвальбой: в следующей же, девятой, главе Ласаро впрягается в тягло носильщика (не чураясь физического труда, которого он, как и всякий пикаро, то есть странник-побирушник, доселе избегал), а затем становится слугой семерых дам-господ, соглашаясь с тем, что «к плутовскому ремеслу»-де необходимо «добавить работу кухарем, конюхом, забойщиком скота или же носильщиком, дабы оная служила защитой плутовству» (с. 202 наст. изд.).

Но на плутовство как таковое, на изобретатель-

но продуманный трюк, предназначенный для одурачивания ближнего, Ласаро — герой де Луна в силу своей «дурости»-простодушия (а то и врожденной порядочности) мало способен: другие его всегда переиграют. Выходит, Ласаро образца 1620 года — пикаро, но не плут, дурак — но не шут (разве что в шутовские обноски обряжен). И — одновременно какие-то черты каждого из этих архетипов в образе героя де Луна присутствуют, эклектически смешиваются, как и заимствованные де Луна у авторов других пикаресок мотивы, включая важнейший — Колесо Фортуны. И вся эта «смесь» (был в испанской литературе Золотого века и такой жанр) щедро сдабривается «уксусом» разочарования. Де Луна не верит не только в возможность найти справедливость на земле, но и в помощь свыше: его Бог удалился от человечества и пребывает в потаенной трансцендентности.

Поэтому и притязания церковников (речь идет о Римской церкви) на роль посредников между паствой и недоступным Богом — сплошное мошенничество и надувательство. Архипастоpы, монахи, отшельники — вместе с цыганами, каковые оказываются теми же блудливыми монахами-расстригами, — вот пикаро чистой воды.

Жилище отшельника — та «гавань», к которой Ласаро наконец-то, казалось бы, причаливает в предпоследней — пятнадцатой (в художественном плане самой выразительной) — главе романа де Луна. Пародируя в «велеречивом» восхвалении отшельником Ансельмо (заимствованное у Сервантеса имя) своего существования знаменитую оду Луиса де Леона (Luis de León; 1528?—1591) об «уединенной жизни» («Oda a la vida retirada»; 1557?), изящно парафразируя в рассказе о погребении Ансельмо пасторальные эпизоды «Дон Кихота», де Луна предоставляет своему Ласаро возможность продемонстрировать подлинный дар рассказчика-ирониста. Тут герой де Луна неожиданно вспоминает о Боге («Я потому себя и поручил Ему <...>». — С. 228 наст. изд.), который-де должен поучаствовать в «счастливой» развязке его повествования.

Последняя глава романа — целеустремленное развенчание писателем-скептиком этой надежды. Бесстыдно обнаженный, распятый, подобно святому Андрею (на Х-образном кресте), едва не оскопленный, превращенный мальчишками в «карнавальную собаку» (ту, что подбрасывают на одеяле), истерзанный ими до полусмерти, со словами «куда ни пойди, всюду найдешь горе» (с. 240

наст. изд.), Ласаро чудом спасается от мучителей, находя последнее временное прибежище в храме «своего» святого — Лазаря. Затаившись в церковном углу под взятым с могилы покрывалом, он ожидает скорого конца. Евангельская история Лазаря перечеркивается «продолжением» де Луна. Но тут автор обещает читателю третью часть похождений его героя.

Неопределенность финала — классическая черта пикарески. В этом де Луна вполне вписывается в уже сложившуюся жанровую традицию. Поэтому и прочитывался его роман в двух противоположных регистрах: одни издатели представляли «Л-III» как рассказ о приключениях «жизнерадостного» слуги многих господ, другие — завершали сообщением о смерти героя безо всякой надежды на воскрешение[392].

Французские переводчики и издатели второй половины XVII века, после отмены в 1685 году Нантского эдикта, ознаменовавшей полное торжество католицизма, нередко вымарывали из «Ласарильо» де Луна антиклерикальные мотивы, заменяли персонажей-клириков на представителей иных профессий и сословий. Как следствие,

[392] Примечания: 392

Подробнее см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-III» и в коллективной монографии: Meyer-Minnemann, Schikiers 2008.

на первый план выходили мизогинные (то есть женоненавистнические) мотивы, столь близкие массовому народному мировосприятию, а также усиливалась тема противостояния «низового» героя и дворянской знати: так, третий хозяин Ласарильо — вальядолидский эскудеро, то есть третьеразрядный дворянин, да еще сомнительного для испанцев (с точки зрения «чистоты крови») происхождения, в переводах-переделках творения де Луна превращался в «благороднейшего» аристократа. Адаптированным в развлекательную повесть для «народного» чтения роман де Луна (а с ним и история Ласаро) просуществовал до восемнадцатого столетия, когда в Европе (включая уже и Россию) начинается новая эпоха в жизни плутовского жанра. Испанская пикареска уступает место приключенческому нравоописательно-сатирическому роману, классическим образцом которого стали собранные из мотивов, образов и сюжетов испанских плутовских романов и сочинений испанских комедиографов XVII века «Приключения Жиль Бласа из Сантильяны» («L'Histoire de Gil Blas de Santillane»; 1715—1735) Рене Лесажа (Alain-René Lesage; 1668—1747).

V
«Ласарильо» в России

XVIII век, точнее, его вторая половина — время формирования массовой литературы в России, отставшей в этом от Западной Европы[393] на полтора-два столетия. Многие книги для «третьеразрядной» публики воспроизводили модные новинки литературы, адресованной взыскательному и образованному читателю (хотя граница между обоими и тогда, и сегодня очень условна). Русский «Ласарильо» Василия Григорьевича Вороблевского (1730—1797)[394], сделанный с брюссельского, 1701 года (так указано в оглавлении) переиздания брюссельского же издания 1698 года[395], был опубликован в 1775 году (см.:

---

[393] Примечания: 393

О формировании массовой словесности в Западной Европе см.: Чекалов 2008.

[394] Примечания: 394

Сохранились сведения еще об одном переводе романа де Луна, осуществленном в 1766 г. учителем Морского кадетского корпуса Михаилом Пермским, но так и не опубликованном (см.: Руднев 2006). О жизни и деятельности Василия Вороблевского, одного из крепостных графа Н.Б. Шереметева, переводчика и режиссера театра в Кусково, см.: Кузьмин 1959; Кузьмин 1966.

[395] Примечания: 395

См. также Преамбулу к примечаниям к «Л-III».

Вороблевский 1775) и позднее дважды переиздан: в 1792 (под названием «Терпигорев») и 1794 годах. Это был предназначенный для «третьеразрядной» публики аналог уже известных русскому читателю нравоописательных авантюрно-бытовых романов Лесажа[396], использовавшего не только нарративную схему испанской пикарески, но и эксплуатирующего «испанскость» и сюжеты и образы испанской литературы XVII века (прежде всего испанского театра). Самое масштабное творение Лесажа — «История Жиль Бласа из Сантильяны», изданная в переводе на русский язык в 1754 году и выдержавшая до конца столетия шесть переизданий, не сразу, но неотвратимо превратилась в эталон «плутовского романа» в новом понимании жанра — как «вереницы новелл, объединенной личностью главного героя» (ИФЛ-1946: 622), превратившегося тем самым в чистую «функцию сюжета». Как плутовская «шахерезада», соотнесенная с современной жизнью в ее разных измерениях и проявлениях — от политических интриг до театральных склок — и в то же время вознесенная над прямым, непосредственным отображением

[396] Примечания: 396

О значении творчества Лесажа для становления русского романа см.: Le Blanc 1986.

окружающей читателя реальности (действие романа разворачивается в другой стране в семнадцатом — миновавшем — столетии), «История Жиль Бласа» стала в России образцом «высокой» беллетристики. Романы Лесажа сохранили свою привлекательность для русской публики и в XIX веке: в годы славы Вальтера Скотта, Мэтъюрина, Диккенса, Гюго... «Жиль Бласом» зачитывался не только Пушкин, но и Достоевский.

Однако, судя по всему, в «низовой» развлекательно-поучительной литературе, как это ни парадоксально, мода меняется быстрее, чем в «верхних» слоях: к началу XIX века в массовую русскую словесность стремительно вторгаются эпигоны Руссо, Шадерло де Лакло, молодого Гёте, Клингера и др. Но ни на сопереживание, ни на изживание в «бурном» воображении социальных комплексов плутовской роман рассчитан не был: открывающий «Жизнь и приключения Лазариля...» или «Увеселительные приключения Гусман д'Альфараша» (опубликованный в 1785 году русский перевод лесажевской переделки «Гусмана де Альфараче») «простой» читатель эпохи сентиментализма наталкивался в них на жестокость мира, на социальную закомплексованность героя, на метафизическую «старческую» горечь

разочарованного повествователя. Характерно, что к концу жизни чуткий к веяниям времени Вороблевский начинает переводить поделки эпигонов Ж.-Ж. Руссо. Время «Лазариля» в России XVIII века ушло, не успев начаться.

О существовании подлинного, «классического» «Ласарильо» 1554 года русской образованной публике стало известно лишь столетие спустя, когда в номере 12 журнала «Северный вестник» за 1892 год появилась статья профессора Московского университета Николая Ильича Стороженко (1836—1906) «Возникновение реального романа»[397]. В ней известный ученый-англист и американист, уделявший немалое внимание и романским литературам — особенно эпохи Возрождения и романтизма, а также литературам русской и «малорусской» (ведь он возглавлял кафедру всеобщей литературы Московского университета), описывает процесс зарождения и развития жанра романа от «библейских повествований о Юдифи, Эсфири и др.», «древнейших памятников повествовательной литературы» Индии и египетской повести о двух братьях до знаменитых пастушеских романов «Мон-

[397] Примечания: 397
Переизд. в сб.: Стороженко 1902.

темайора, Сиднея и д'Юрфе». Но главная цель Стороженко — воссоздать момент внедрения в литературу «плодотворного принципа реализма» — в виде «реально-бытового романа в Испании» (Стороженко 1902: 56—57). В качестве первого образца такого романа ученый и представляет читателю повесть «Жизнь Лазарильо из Тормеса», изданную, по имевшимся у него сведениям, в Бургосе в 1554 году, которую он подробнейшим и достаточно точным образом (хотя и не без комических анахронизмов) пересказывает. Делает он это не по испанским источникам, а пепользуя труды зарубежных коллег, прежде всего американца Джорджа Тикнора, знатока французской словесности, успевшего за недолгое время пребывания в опасной для путешественников-иностранцев Испании «смутного» времени[398] как-то изучить язык, полюбить испанский народ и испанские романсы. Двадцать лет спустя, будучи профессором Кембриджского университета (Бостон, США) и собрав в основанной им Бостонской библиотеке все доступные на тот момент исследования в области гуманитарных наук,

[398] Примечания: 398

Тикнор путешествовал по Испании с мая по ноябрь 1818 г. (канун восстания генерала Р. Риего 1820 г.) и более туда не возвращался, хотя, уже обосновавшись в Бостоне, часто навещал Европу и подолгу там жил.

Тикнор на протяжении 1838—1848 годов создал свой свод новейших сведений по истории испанской литературы, опубликованный в 1849 году. Трехтомная «История испанской литературы» Дж. Тикнора в переводе Стороженко выходила в Москве на протяжении 1883—1891 годов (см.: Тикнор 1883). У Тикнора Стороженко заимствовал (использовавшуюся позднее не им одним) мысль об «американском золоте», погубившем Испанию, развратившем испанцев и ставшем почвой для появления в стране «паразитов, плутов, авантюристов и других подонков общества», в общем — «пикаро», а также об отражении «нравов и жизни» этих пикаро в плутовских повестях и романах.

Но Тикнор был не единственным источником Стороженко. В статье для «Северного вестника» московский ученый использовал уже упоминавшиеся «Испанские разыскания» А. Мореля-Фасьо, а главное, его перевод бургосского издания «Ласарильо» 1554 года на французский язык (по этому переводу пересказ Стороженко и сделан). При этом Стороженко отметил и некоторые важные особенности поэтики «Ласарильо», которые позднее будут долго не замечаться: в частности, художественное единство испанской повести, ко-

торое создается «автобиографической формой», дающей рассказчику возможность представить всё описываемое в свете своего «наивно-лукавого юмора» (Стороженко 1902: 68; ср.: Сиповский 1909: 346).

Вслед за Стороженко «Жизнь Лазарильо» была высоко оценена и В.В. Сиповским — автором двухтомных «Очерков по истории русского романа», и писателями демократического направления, например, В.Г. Короленко. В 1893 году появился и первый, но очень несовершенный перевод «классического» «Ласарильо» на русский, сделанный якобы с испанского языка, и лишь в 1931-м в издательстве «Academia» была издана первая версия лучшего на сегодняшний день перевода повести, принадлежащего К.Н. Державину[399].

Таким образом, «старая» испанская повесть, кажется, никоим образом не могла ни участвовать в становлении русской прозы в период ее формирования, ни как-либо отозваться в русской литературе в годы ее расцвета в XIX веке и, тем более, в XX. Но в истории литературы помимо контактных связей и непосредственных, прямых, влияний существуют, как известно, связи

---

[399] Примечания: 399
Подробнее см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-I».

бесконтактные, а влияния опосредованные, существует также и то, что М.М. Бахтин называл «памятью жанра». Давно установлено, что «Ласарильо» не в меньшей, если не в большей степени, чем «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» Франсиско де Кеведо и даже классика плутовского жанра — «Гусман де Альфараче» Матео Алемана, отозвался в творчестве многих хорошо и давно известных в России романистов, таких как Лоренс Стерн, Оливер Голдсмит, Чарлз Диккенс, — тех прозаиков, чье мироощущение не утратило связи с евангельским духом, который можно назвать «эразмизмом» в широком смысле слова. Ведь Ласарильо — как герой первых трех глав повести 1554 года, голодный мальчик-подросток, окруженный жестоким злорадным миром «добрых христиан», — чуть ли не единственный персонаж пикарески, который представляет «малых сих» в самом конкретном значении слова.

И пускай Лоренс Стерн будет пародировать детскость Ласарильо печальной взрослой «детскостью» Тристрама Шенди, в своем повествовании так и не перешагнувшего рубеж пятилетнего возраста. Воистину детским, открытым взглядом на мир будут наделены любимые взрослые герои-чудаки Стерна, такие как пастор Йорик — персонаж

«Жизни Тристрама....» и герой-повествователь «Сентиментального путешествия». Естественно, что и весь «стернианский» «слой» русской литературы первой половины XIX века[400] будет, так или иначе, с опытом автора «Ласарильо» связан.

К восторженному почитателю и продолжателю Стерна — Дени Дидро, автору «Племянника Рамо», восходит и особый жанр русской прозы, который Н.В. Живолупова назвала «исповедью антигероя» (см.: Живолупова 1994). Тонкая исследовательница творчества Достоевского, вовсе не думавшая ни о «Ласарильо», ни о приоритете испанской пикарески в плане пародийно-иронической переориентации исповедального дискурса, Живолупова, тем не менее, проницательно обозначила многие параметры жанровой традиции,

[400] Примечания: 400

«Слой» этот был обстоятельно описан и исследован В.В. Виноградовым во многих работах. См., в частности: Виноградов 1976: 251 сл.

восходящей в конечном счете к «Ласарильо»[401]. Главный из многочисленных парадоксов, на которых, согласно наблюдениям Живолуповой, строится «исповедь антигероя», состоит в том, что читатель должен судить о некоем, далеко не идеальном, а зачастую даже отталкивающем существе (выслушивать его, вступать с ним в контакт, сострадать ему — находить в нем «человека внутреннего»), руководствуясь теми сведениями, которые предоставляет ему сам «антигерой». Ускользая из кругозора завершающего, овнешняющего его авторского взгляда, герой-повествователь «исповеди антигероя» (которая не может не стать и своего рода антиисповедью) в конечном счете обретает свободу творческого самоутверждения — ту, на которую делает робкую заявку Ласаро, в Прологе к читателю срав-

[401] Примечания: 401

О том, что оба сквозных архетипических персонажа прозы Достоевского — «смешной человек» и «человек из подполья» — восходят к испанскому пикаро, писал и итальянский русист Стефано Алоэ (см.: Алоэ 1998), имеющий — в отличие от многих пишущих о плутовском романе — вполне адекватное представление об испанской пикареске и о ее генетической связи с «Исповедью» Аврелия Августина. «Человек, который падает в бездну греха и униженности <...>, пессимист и циник, инертный мизантроп, исключенный из общества: не это ли описание пикаро?» — задается риторическим вопросом Алоэ, характеризуя героя Достоевского и констатируя факт «второстепенного, непосредственного влияния» на его появление именно испанского (а не только и не столько жильбласовского) плутовского жанра (Там же: 78).

нивающий себя с Цицероном. Ограничиваясь русской традицией и выстраивая ее от Достоевского[402], Н.В. Живолупова включает в ряд творцов «исповедей антигероя» и Венедикта Ерофеева — создателя поэмы «Москва — Петушки», классического завершения упомянутого жанра на русской почве.

В числе предшественников Ерофеева — влияние некоторых из них, например Стерна и раннего Достоевского, на свое творчество сам автор «Москвы — Петушков» прямо признавал (см.: Ерофеев 2003: 521) — можно назвать и анонимного автора «Ласарильо»[403].

Даже с сугубо формально-композиционной точки зрения «Ласарильо» и поэму Ерофеева сближает многое:[404] и расчлененный на от-

---

[402] Примечания: 402

Влияние Стерна и Дидро на Достоевского — факт общеизвестный.

[403] Примечания: 403

Известно, что писатель сдал все экзамены за первый курс филологического факультета МГУ, в том числе и по зарубежной литературе (а «Ласарильо» изучается именно на этом курсе). То есть Ерофеев вполне мог «Ласарильо» прочесть, а память у создателя Венички, как пишут мемуаристы, была феноменальная.

[404] Примечания: 404

Об этом см.: Бераха 1996. Канадский славист первым заметил и сходство Венички с Ласарильо: «Веничка в отсутствии, а не в отрицании, он Ласарильо, а не лермонтовский Демон последнего дня. Он — в пустоте, протянувшейся между полюсами того, что ушло, и того, что осталось» (Там же: 89).

резки-главки путь-испытание, и встречи героя, стремящегося стать незаметным («как все»), с представителями социального «низа» (если не самого «дна»), и вставные анекдоты и рассказы-исповеди собутыльников, и скатологические и прочие мотивы, связанные с «материально-телесным низом» (правда, у Ерофеева, как и в «Ласарильо», этот самый «низ» перемещается наверх — область глотки, горла, рта: в глотку Ласарильо слепец засовывает свой мерзкий нос в поисках пропавшей колбасы, каковая, непрожеванная, через рот воришки и выскакивает; всё, что «неправильно» употребил Веничка, тем же путем обращается в блевотину...). Вино воскрешает избитого Ласарильо к жизни, беспробудное «винопитие» дает Веничке возможность хоть как-то претерпевать «холод» и «горе» человеческого существования, куда-то двигаться, идти. Сам же мотив целительного «вина» превращается под пером русского писателя в раблезиански-неистощимый перечень разного рода спиртных напитков и самоубийственносмертельных «коктейлей».

В самом имени героя первой пикарески, как и мифологическом подтексте сюжета «Ласарильо», развернута и евангельская тема воскрешения

Лазаря, которую — очевидно, отнюдь того не осознавая, — подхватывает автор «Москвы — Петушков». Его Веничка уподобляет себя не только Лазарю, но и расслабленному, к которому обращены проходящие через поэму рефреном слова Христа «Встань и иди!».

Наконец, именно в «Ласарильо» 1554 года есть не раз затрагивавшаяся нами тема особых отношений героя с Высшей Силой (в лесажевской ветви плутовского жанра она показательно отсутствует). Господь ведет Ласарильо-подростка по жизни, в «Ласарильо-тунце» спасает из моря, превратив в рыбу, в финале романа Хуана де Луна — оставляет на поругание злым мальчишкам (не эти — так им подобные мальчишки в конце поэмы Ерофеева появятся!). Отсюда — уже отмечавшаяся не раз выше постоянная оглядка Ласаро — автора письма «Вашей Милости» на текст Священного Писания, соизмерение всего произошедшего с ним со строками и ситуациями Библии, которая то цитируется в патетическом ключе, то пародируется, то перефразируется: эта же особенность строения «Москвы — Петушков» поражает читателей и критиков поэмы, видящих в ней как бы доселе не виданное, святотатственное отождествление сакрального и профанного.

Но мало кто разглядел в самом главном «предмете» поэмы Ерофеева — теме беспробудного пьянства — связь с ритуалом евхаристии, ключевым сюжетом как «Ласарильо», так и многих других творений испанской прозы Золотого века[405]. В «сакральной пародии» на евхаристию во второй главе «Ласарильо» 1554 года[406] запечатлелась двойственность сознания «христианских гуманистов» шестнадцатого столетия: они продолжали верить в наставления Эразма, в писаниях которого символ «мистического тела Христова» свидетельствует о возможности примирения и воссоединения человечества, и, вместе с тем, не могли не видеть процесса распада, разрушения раннехристианского общинного идеала, развития и распыления любых духовно-телесных общностей в жерновах цивилизации Нового времени. И если об эразмистских кор-

[405] Примечания: 405

Хотя Н.В. Живолупова еще в 1992 г. заметила: «В поэме Ерофеева пьянство героя выглядит как нечто парадоксальное: оно делает Веничку виновным перед Богом и в то же время фамильяризует контакт с ним <...>. Всё это как бы превращает процесс пьянства в акт некоего мистического единения с Богом, в шутовскую, пародийную форму причащения, внутреннее смысловое содержание которого остается неизменным — “кровь Нового Завета”, изливаемая “во оставление грехов”» (Живолупова 1992: 90).

[406] Примечания: 406

См. примеч. 15 к «Рассказу второму...» «Л-I».

нях мироощущения Вен. Ерофеева, о которых пишет современный исследователь (см.: Ready 2010), можно спорить (эразмизм Ерофеева так же апофатичен, как и вся его религиозность[407]), то за разбросанными по тексту поэмы осколками реалий современной творцу советской жизни нельзя не разглядеть образа разлагающегося Тела убитой большевиками России.

Однако стремление Венички в акте совместного распития спиртного причастить к исчезающему народу хотя бы тех увечных, в ком еще теплится жизнь[408], входит в неразрешимое противоречие с надеждой путника попасть в Земной Рай — Петушки, на лоно к своей Царице, к колыбели Младенца-сына. Отдельным, личным, своим Раем Веничка — помимо собственной воли — должен пожертвовать (в этом его участь резко отличается от участи толедского городского глашатая), так как изначально обречен на заклание.

Тема воскрешения Лазаря в «Москве — Петуш-

[407] Примечания: 407

Итоговое размышление на эту тему см.: Липовецкий 2008 (глава «Кто убил Веничку Ерофеева?»).

[408] Примечания: 408

В этом признается Гуревич — протагонист «трагедии в пяти актах» «Вальпургиева ночь, или Шаги командора»: «Да, умысел был: разобщенных сблизить. Злобствующих — умиротворить... приобщить их к маленькой радости... внести рассвет в сумерки этих душ, зарешеченных здесь до конца света...» (Ерофеев 2003: 288).

ках» постепенно уступает место теме жертвоприношения. «<…> плутовская форма сначала выявляется, затем стирается», — справедливо замечает критик (Бераха 1996: 80). Путь-дорога Венички «сворачивается» в сорок ступенек грязного московского подъезда. Винопитие не спасает. Путь духа перекрывает икота. Смеющиеся ангелы отлетают. Ощущение присутствия Высшей Силы окончательно уступает место мании преследования. Глас Божий претворяется в молчание. Оно же (шило, воткнутое в горло, и есть немота) становится финальным пунктом назначения героя.

Бесконечно толкуемая критиками последняя фраза поэмы[409], последние слова Венички — «С тех пор я не приходил в сознание и никогда не приду», — смыкает прошлое и будущее, отменяет время как таковое[410]. Тем самым в поэме Вен. Ерофеева отменяется и не существующий вне времени, сколь бы фиктивным и запутанным оно ни было, новоевропейский нарративный жанр — роман, у истоков которого лежит книжица

[409] Примечания: 409

О ее новейшем прочтении см.: Боснак 2013.

[410] Примечания: 410

Поразительна их перекличка с сонетом Ф. де Кеведо «О краткости жизни…» («Represéntase la brevedad de lo que se vive…»), где первый терцет начинается строкой: «Вчера ушло, а завтра не настало…» («Ayer se fue, y mañana no ha llegado…»).

о Ласаро, сохранившаяся в четырех изданиях 1554 года.

Примечания
ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОДЫ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Начиная с первых попыток научного обоснования выбора текста повести «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения» («La vida de Lazarillo de Tormes, y de sus fortunas y adversidades») для ее публикации (см.: Morel-Fatio 1888), ученые десятилетиями спорили о том, какое из ее трех сохранившихся изданий 1554 года[411], которые по многим деталям — отдельным словам и их группам, синтаксическим конструкциям, опечаткам, использованию пунктуационных знаков, не говоря уже о вставках во «втором, исправленном и дополненном» издании Алькала-де-Энарес, — отличаются друг от друга, ближе всего к утраченному гипотетическому первоизданию (editio princeps) предположительно 1553 года. Долгое время таковым считалось бургосское (на него и ориентировались многие издатели повести, от А. Мореля-Фасьо и Х. Се-

[411] Примечания: 411

На переплетах указано только время и место издания: соответственно Антверпен, Алькала-де-Энарес, Бургос.

хадора-и-Фраука до А. Блекуа и Ф. Рико), тогда как самым новым (а потому якобы менее других отражающим волю автора[412]) — антверпенское, сохранившееся в наибольшем (6 шт.) количестве экземпляров (от прочих осталось только по одному).

Находка в 1992 году в стене старого дома в городе Баркаррота (область Эстремадура на западе Испании) книжного «заклада», где среди других произведений эразмистской направленности было припрятано неизвестное до той поры — четвертое — издание «Ласарильо», напечатанное в том же, 1554 году в городе Медина-дель-Кампо и близкое по ряду характеристик (в частности, использованию готического шрифта) к бургосскому, подвигло Х. Моля (см.: Moll Roqueta 1998) и Ф. Карраско (см.: Lazarillo 1997) переоценить «древность» последнего: по мысли ученых, бургосского «Ласарильо» необходимо рассматривать как модернизированную в плане орфографии перепечатку издания Медина-дель-Кампо, осуществленного, в свою очередь, с editio

[412] Примечания: 412

Установка, сложившаяся при текстологической реконструкции древних памятников.

princeps[413].

С другой стороны, как стало очевидно после более внимательного изучения изданий повести, появившихся после 1554 года, и прежде всего так называемого «Исправленного (в оригинале: castigado — букв.: “наказанного”) Ласарильо», сокращенного и отредактированного Хуаном Лопесом де Веласко (1573)[414], последнее — по точности передачи многих (в том числе и смысловых) нюансов текста — более близко к editio princeps, нежели издания 1554 года. Само же editio princeps, как предположил Х. Касо Гонсалес (см.: Caso González 1972), было впервые опубликовано в Антверпене приблизительно в 1550 году (в дальнейшем мы будем именовать его editio princeps 1550). Там же оно было и переиздано — с рядом существенных изменений — в 1553 году: к последнему (далее — editio princeps 1553) и восходят издания 1554 года, в том числе антверпенское, осуществленное Мартаном Нуцием. Это издание Нуций перепечатал в 1555-м, чтобы продавать

[413] Примечания: 413

Еще до находки в Баркарроте А. Родригес Лопес-Васкес (см.: Rodríguez López-Vázquez 1989) выдвинул убедительное предположение о втором, условно говоря, первоиздании «Ласарильо» — алькалайнском, осуществленном в 1553 г.

[414] Примечания: 414

Подробнее см. с. 578—579 наст. изд.

под общим переплетом с дважды выпускавшейся им на протяжении того же года анонимной «Второй частью Ласарильо с Тормеса»[415]. Несколько опережая Нуция, но используя его первое издание «Второй части...», другой антверпенский книгопечатник, Гильермо Симон, предпринял свою публикацию двух «Ласарильо» как единого большого повествования, сняв в «Л-I» разделение на главки-tractados (в переводе Державина — «рассказы»), осознанно или спонтанно следуя за editio princeps 1550, в котором не было ни деления на главы, ни, тем более, названия глав.

Главная методологическая новация трудов Каso Гонсалеса (см.: Caso González 1972), коренным образом отличающая его подход от традиции, воплощенной в изданиях А. Блекуа (см.: Blecua 1987) и Ф. Рико (см.: Lazarillo 1987), считающих научно обоснованными лишь текстологические построения на базе доступных печатных текстов, — это реконструкция обстоятельств «рождения» и путей распространения «Ласарильо» с учетом такого фактора, как сугубо фольклорные или полуфольклорные (рукописные) формы его бытования.

---

[415] Примечания: 415
Подробней см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-II».

Мысль Касо Гонсалеса о том, что повесть была впервые напечатана в Антверпене в конце 1540-х — начале 1550-х годов, поддержал итальянский испанист А. Руффинато (см.: Ruffinatto 1990; Ruffinatto 2001). Доказательством издания повести в 1550(?) году, по мысли итальянского ученого, является, в частности, то, что издание «Ласарильо» 1554 года у Мартина Нуция сопровождено королевской привилегией, предоставленной издателю на 5 лет. А поскольку антверпенское переиздание книги в типографии сотрудничавшего с Нуцием Гильермо Симона (1555) осуществлено уже без привилегии, то очевидно, что срок ее действия к этому моменту истек, из чего следует, что она, скорее всего, была получена приблизительно в 1549 году.

Одним из главных аргументов в споре А. Руффинато с А. Блекуа и Ф. Рико также стал «Исправленный Ласарильо» Лопеса де Веласко, сориентированный на гипотетический идеальный пратекст повести.

В свою очередь, в 1989 году А. Родригес Лопес-Васкес (см.: Rodriguez López-Vàzquez 1989) предпринял попытку доказать, что в 1553 году «Ласарильо» также был напечатан в городе Алькала-де-Энарес. Это своего рода испанское

editio princeps было осуществлено в типографии крупнейшего книгоиздателя эпохи Карла V Хуана де Брокара, имевшего, кроме печатных домов в разных испанских городах, разветвленную книготорговую сеть, что объясняет незамедлительный успех повести, повлиявший на большое число тут же появившихся (уже у других книгопечатников) переизданий. Существование алькалайнского издания «Ласарильо» 1553 года подтверждается и оперативностью выхода в свет там же, в Алькала, у связанного с Брокаром книготорговца Сальседо, «второго», «исправленного и дополненного», «Ласарильо», датированного 26 февраля 1554 года. Издатель в Медина-дель-Кампо, скорее всего, опирался именно на издание Брокара. (Использование готического шрифта связывает три издания повести: Алькала 1553, Медина-дель-Кампо 1554, Бургос 1554 — в одну цепочку.)

Особую роль в установлении родовой истории «Ласарильо» сыграло и обращение ученых (А. Руффинатто и др.) к обстоятельствам появления так называемого «“Ласарильо” в восьми главах». В 1595 году в знаменитом антверпенском издательском доме Плантенов наследник основателя дома Кристофа Симон Плантен издал «Ласари-

лью» с присоединением к семи главам «Жизни...» первой главы «Второй части...», повествующей о дружбе толедского городского глашатая Ласаро с немецкими гвардейцами; и хотя «Л-II» в целом существенно отличен от «Л-I», его первая глава стилистически очень приближена к «Л-I» и легко пристраивается к данному тексту. При этом Плантен сохранил деление на главы (как в «Ласарильо» 1554 года), но снял их заголовки. В дальнейшем европейские издатели и переводчики «Ласарильо» стали ориентироваться на «плантеновскую» версию «Л-I», и первая глава «Ласарильо-тунца» оказалась надолго (включая переработку «Ласарильо» Хуаном де Луна) инкорпорированной в текст «Ласарильо» 1554 года.

Вместе с тем, мысль о «“Ласарильо” в восьми главах» не принадлежала Симону Плантену. В таком виде повесть уже выходила в свет в нервом переводе на французский язык (Лион, 1560; переводчик и издатель — Жан Согр эн (Jean Saugrain)). Переизданный в 1561 году в Париже, вновь частично переформатированный (8 глав превратились в 32), перевод Согрэна лег в основу первых переводов «Ласарильо» на голландский (1579) и английский языки (1576; сохр. изд. 1586), хотя все последующие его переводы на евро-

пейские языки (в том числе и на французский) делались уже с издания «Ласарильо» в «плантеновской» редакции 1595 года.

Осмысливая факт появления «“Ласарильо” в восьми главах», А. Руффинато выдвинул дискуссионную гипотезу о том, что между 1555 и 1559 годами, то есть в промежутке между публикацией «Ласарильо-тунца» и выходом «Списка запрещенных книг», кто-то из антверпенских книгопечатников уже предпринял издание «Ласарильо» из восьми глав, на которое и ориентировались сначала Ж. Согрэн, а затем и Плантен (см.: Ruffinatto 1990).

Вместе с тем, очевидная для многих современников связь «первой главы» «Л-II» с «классическим» «Ласарильо» и установка на отказ от деления «Л-I» на главы легли в основу гипотезы М. Феррер а-Чивите (см.: Ferrer-Chivite 2004), издателя комментированной «Второй части Ласарильо с Тормеса» (см.: Lazarillo 1993), согласно которой «Пра-Ласарильо» рубежа 1540—1550-х годов включал в себя: (1) не разделенный на главы текст будущего «Ласарильо» 1554 года; (2) все дополнения-вставки из издания Алькала 1554 года; (3) будущую «восьмую главу».

Таким образом, по предположению Феррера-

Чивите, в процессе позднейших изданий «Книга о Ласаро де Тормес» не увеличивалась в объеме, а, напротив, уменьшалась. В частности, завершающую «Пра-Ласарильо» главу с гвардейцами издатель «Ласарильо» 1554 года мог убрать, боясь задеть самолюбие императора Карла V, личная гвардия которого представлена в ней в непристойном виде. Правда, тогда возникает вопрос: почему «пять» лет спустя, еще при жизни императора, эпизод с гвардейцами всё же увидел свет в составе «Второй части...», где много и других замаскированных выпадов против Карла (об этом см. ниже)?

Последнее существенное изменение в выстраивающееся десятилетиями «родовое древо» «Ласарильо» внесло найденное А. Родригесом документальное подтверждение существования антверпенского editio princeps 1553 года, опубликованного Мартином Нуцием, которое из библиографического мифа стало историко-литературным фактом (см.: Rodríguez 2015)[416]. Более того, «исчезнувший» текст этого реально существовавшего, хотя и не сохранившегося editio princeps доступен современным исследователям,

[416] Примечания: 416
Подробнее см. с. 559 наст. изд.

так как был положен в основу имеющегося во многих, в том числе и российских, библиотеках[417] издания повести в серии «Библиотека испанских авторов» под редакцией Б. Арибау (см.: Aribau 1846)[418].

Основным недостатком всех существующих объяснений тех трансформаций, которым подвергался текст «Ласарильо» в процессе его появления на свет и функционирования в читательской среде, является господствующая в сознании текстологов установка на то, что все эти изменения преимущественно объясняются действием обезличенно-анонимных сил (ср. гипотезу Касо Гонсалеса о фольклорном генезисе романа), среди которых фигурируют: намерения издателей, ошибки и «дописки» наборщиков, недосмотры переписчиков, варианты переводчиков, вмешательство цензоров и т. д. Нет главного — воли Автора, который мог участвовать в подготовке текста повести к изданию в Антверпене и в Аль-

[417] Примечания: 417
В том числе — во ВГБИЛ (Москва).

[418] Примечания: 418
Указанию Арибау на то, что он печатает повесть по изданию 1553 г. (с учетом и других ему доступных изданий), до 2015 г. никто не придавал значения, так как само сообщение об этом издании считалось ошибкой памяти или сознательным вымыслом библиофила Ш. Брюне.

кала-де-Энарес (?) в 1553 году[419], в ее разделении на главы и в снятии этого разделения (авторская воля бывает и непоследовательной!), в сокращении «восьмой» главы (возможно, потому, что уже начата «Вторая часть...», для которой эта глава стала органичным началом), в изобретении для «Ласарильо» псевдоагиографического названия (конечно, это мог сделать и издатель), что должно было отвлечь внимание инквизиционной цензуры, еще в 1551 году запретившей издавать вымышленные сочинения без указания имени автора (а житийный текст к вымышленным относиться никак не мог!). Переправив рукопись завершенного в 1552(?) году «Ласарильо» в Антверпен (за границу), автор передал другой, также рукописный, вариант повести в Алькала-де-Эна-

[419] Примечания: 419

И тогда, так и не обнаруженное, pra-editio princeps 1550 г. может быть просто содержанием письменного стола автора, в котором соседствовали: (1) еще до конца не оформившийся «Ласарильо» «классический», просто именуемый «Книга о Ласаро де Тормес», не разделенный на главы и не имеющий Пролога; (2) рассказ о запойных загулах Ласаро в Толедо в компании немецких гвардейцев; (3) наброски аллегорической «Второй части...»; один из них, повествующий о посещении аллегорической Правдой, персонажем главы 15 «Л-II», женского монастыря, попал в «Liber facetiarum» — рукописное собрание расположенных в алфавитном порядке шуток и анекдотов, фигурирующее в истории испанского смеха под именем мифического составителя, некоего Луиса де Пинедо, который, скорее всего, являлся «испанской версией» Козьмы Пруткова. В создании этого сборника-альбома участвовали члены некоего веселого кружка, в том числе и Диего Уртадо де Мендоса, и Кристобаль де Вильялон — один из предполагаемых авторов «Второй

часта...», и некие остроумные дамы. Подробнее о «liber facetiarum» см.: Corencia Cruz 2013a.

рес, дополнив его вставками, которые должны были как го компенсировать изъятие из текста «восьмой» главы и оставить сюжет открытым для продолжения (вероятно, осуществить ту же самую процедуру с текстом, переправленным — явно с оказией — во Фландрию он не успел). Конечно, в этих гипотетических построениях не хватает одного: имени автора, у которого должны были быть возможности устроить публикацию своего произведения и в заграничных владениях Империи, и у главного книгоиздателя Кастилии[420], возможности, которыми писатель из «низов», автор-маргинал, обладать не мог. Зато ими обладал, пускай и «сосланный» в Альканта-ру, Мендоса, друг которого — будущий секретарь Высшего совета Инквизиции Херонимо Сурита, скорее всего, по предположению И. Хауральде Поу (см.: Jauralde Pou 2012), и отвез рукопись «Ласарильо» в Антверпен, куда год спустя была переправлена и состоявшая из семнадцати глав

[420] Примечания: 420

Если бы даже и не существовало издания «Ласарильо» в Алькала-де-Энарес в 1553 г., то были не зависящие друг от друга три испанских издания, организовать синхронное печатание которых мог только человек, тесно связанный с миром книгоиздателей и книготорговцев, каковым и являлся обладатель лучшей в Испании библиотеки.

«Вторая часть...»[421].

Так или иначе, решение текстологических проблем «лазарилистики» в настоящее время не сводится к компьютерным подсчетам частотности слов, употребляемых авторами в текстах совершенно разной жанровой ориентации. Определение лучшего варианта текста всё больше оказывается связанным с решением историко-литературных проблем, в первую очередь — установлением имени создателя первого европейского романа Нового времени.

В настоящем издании «Жизнь Ласарильо с Тормеса» печатается в лучшем на нынешний день русском переводе с испанского языка, осуществленным К.Н. Державиным для издательства «Academia» (см.: Ласарильо 1931). Перевод К.Н. Державина был предположительно выполнен по изданию Х. Сехадора-и-Фрауки 1914 года (см.: Cejador y Fráuca 1976), то есть фактически по бургосскому изданию 1554 года, но с обращением переводчика к тексту «Ласарильо», опубликованному в томе «Испанские романисты — предшественники Сервантеса» «Библиотеки испанских авторов» (см.: Anbau 1846), и, таким

[421] Примечания: 421
Подробней см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-II».

образом, к своего рода первоизданию 1553 года.

Перевод К.Н. Державина 1931 года был воспроизведен в новой редакции издательством «Художественная литература» в 1955 году (см.: Ласарильо 1955) и включен в том Библиотеки всемирной литературы «Плутовской роман» (см.: Ласарильо 1975). Последнее издание с восстановленными нами купюрами и незначительными исправлениями, преимущественно «орфографического» характера (написание заглавных букв в словах «Господь», «Ваша Милость» и др.), легло в основу настоящего издания. В тексте перевода К.Н. Державина также исправлены: явная опечатка («места» вместо прав, «моста» — см. примет. 15 к Р1[422]), а также фактическая ошибка: глагол «пороть» заменен на «баюкать» (так в переводе 1931 года!) — см. примет. 11 к Р1.

В томе воспроизведены иллюстрации Мориса Лелуара (Maurice Leloir; 1851-1940).

[422] Примечания: 422

Здесь и далее под сокращением «Р1» имеется в виду Рассказ первый; аналогично — для сокращений «Р2», «Р3» и т. д.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОД И ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ»

«Вторая часть Ласарильо с Тормеса, его невзгод и злоключений» («La Segunda Parte del Lazarillo de Tormes, y de sus fortunas y adversidades») была впервые опубликована в 1555 году в Антверпене в той же типографии Мартина Нуция, в которой ранее были напечатаны editio princeps «Жизни Ласарильо с Тормеса...» (1553) и одно из ее четырех изданий 1554 года.

Это не сохранившееся, но реконструированное М. Феррером-Чивите (см.: Lazarillo 1993) первое издание «Второй части...» («Л-II»), ее editio princeps, отличалось от последующих тем, что состояло лишь из семнадцати глав, так как не включало главу о пребывании Ласаро в Саламанке. На него и ориентировался другой антверпенский издатель «Л-II» — Гильермо Симон (Guillermo Simón), заново выпустивший обоих «Ласарильо» в том же, 1555 году как единое двухчастное повествование (представив при этом «Л-I» как одну большую «главу» — см. Преамбулу к примечаниям к «Л-I»).

Тогда же, независимо от Симона, Мартин Нуций тоже публикует «Вторую часть...», включавшую уже восемнадцать глав, но также продававшуюся под одной обложкой с вновь переизданным «Ласарильо» 1554 года.

Двухчастный «Ласарильо» образовал небольшой (в 1/8 фолио), но полноценный (с типографской точки зрения) томик. Такой «карманный» формат пользовался особой популярностью в среде запиренейских гуманистов-вольнодумцев и облегчал транспортировку книг через границы.

Включение «Жизни Ласарильо...» в «Список запрещенных книг» 1559 года распространялось и на его антверпенское продолжение. В состав «исправленного» Х. Лопесом Веласко «Ласарильо» 1573 года «Вторая часть...» не вошла. Поэтому ее первое испанское издание относится лишь к 1844 году (см.: Lazarillo 1844—1845). В 1846 году Б. Арибау опубликовал «Вторую часть...» как самостоятельное произведение в том же томе «Новеллисты — предшественники Сервантеса», в котором он переиздал editio princeps «Ласарильо» 1553 года (подробнее см. с. 621 наст. изд.).

Вне Испании «Вторая часть...» вместе с «Жизнью Ласарильо де Тормес...» в аигверпенском издании Мартана Пуция 1555 года продолжала

публиковаться (Милан, 1587; Бергамо, 1597; Милан, 1615) и переводилась (в «плантеновской» версии 1595 года, подробнее см. в Преамбуле к примечаниям к «Л-I») на европейские языки: английский (1596), французский (1598) и итальянский (1635); последний перевод был сделан уже после выхода в свет в 1620 году романа Хуана де Луна, который полностью вытеснил «Вторую часть...» из читательского обихода: все переводы двух «Ласарильо» на другие языки, включая первый русский (1775 года, с французского издания — компиляции двух «частей») XVII—XVIII веков ориентировались исключительно на этот роман (см. также с. 654 наст. изд.).

Достаточно запутанная, хотя и не столь сложная, как в случае с «Ласарильо» «классическим», сосредоточенная в одной географической точке — Антверпене, история издания «Второй части Ласарильо...», свидетельствует о том, что ее автор, как и автор «Жизни Ласарильо...», крайне спешил закончить и передать рукопись книгоиздателю (а тот, в свою очередь, торопился ее опубликовать) и, возможно, даже больше, чем автор «Ласарильо» 1554 года, был озабочен тем, чтобы остаться неузнанным.

В качестве авторов «Л-II» ученые называли

грамматика Кристобаля де Вильялона (Cristóbal Villalón; 1510 — после 1562), которому приписывают многие диалоги «лукиановского» типа, а также королевского картографа, автора знаменитого учебника «Искусство мореплавания» («Arte de navegar»; 1545) Педро де Медина (Pedro de Medina; 1493—1567). Эти гипотезы мотивированы тем, что некоторые образы и эпизоды «Второй части...» (встреча Ласаро с Правдой на скале посреди моря (гл. 15), описание ловли тунцов на кадисском взморье) отсылают к страницам сочинений этих авторов.

После появления новых доказательств того, что Диего Уртадо де Мендоса является автором «Жизни Ласарильо...» (см. с. 579 наст. изд.), Р. Наварро Дуран опубликовала эссе, в котором попыталась доказать, что Мендоса действительно является автором «Ласарильо», но не «первого», а «второго» (см.: Navarro Durán 2010). Если оставить в стороне главную цель Р. Наварро Дуран — защитить «авторские права» на «Л-I» эразмиста Альфонсо де Вальдес, а также используемые ею публицистические приемы (подмена оценки художественного произведения рассуждениями о деловой, нравственной, идеологической, «человеческой» репутации автора), нельзя не от-

метить точность некоторых ее филологических наблюдений.

Характеризуя «Вторую часть...», барселонская исследовательница исходит из жанрового замысла автора — создать аллегорическую сатиру, направленную против государственного уклада карлистской Испании, во главе которой стоит недееспособный правитель, принимающий решения, руководствуясь далекими от реальности представлениями о происходящем в стране, лживыми доносами и плохими советами, озабоченный лишь поиском денег для своих военных авантюр и содержания двора. При этом сатира Мендосы, считает Наварро Дуран, направлена не только против приближенных императора, но и против Карла V лично, жестоко и несправедливо обидевшего своего посла в Риме. Описание загулов немецких охранников императора в Толедо, с которого начинается «Л-II», переходит в рассказ о самом позорном поражении Карла — Алжирской экспедиции осени 1541 года. Вопреки советам командующего флотом Андреа Дориа, император выбрал неудачное время для похода, да еще самолично возглавил его: осенние шторма разметали и затопили большую часть испанской флотилии. При этом погибло много рядовых моряков и пе-

хотинцев, так как все усилия капитанов были направлены на спасение Карла и его приближенных, их лошадей и прочего имущества. Диего Уртадо де Мендоса знал о катастрофе у берегов Африки из уст свидетеля произошедшего — его родного (по отцу) брата Бернардино де Мендоса, командовавшего злосчастной флотилией.

К этому и другим наблюдениям Наварро Дуран можно добавить и то, что центральная коллизия рассказа Ласаро о его службе у короля тунцов связана с сюжетом спасения им своего друга, капитана Лиция, приговоренного королем к смертной казни. Не исключено, что в этом эпизоде могла отозваться трагическая семейная история, пережитая восемнадцатилетним Диего: казнь его свояка (мужа любимой сестры Марии) Хуана де Падилья, возглавившего восстание испанских городов (комунерос) в 1520—1521 годах: Падилья, как и другие предводители восстания, был обезглавлен по приказу Карла V в апреле 1521 года. Рассказ о героическом спасении Лиция — сказочно переигранный, переписанный в духе рыцарской эпики альтернативный вариант этого события, о котором, судя по всему, Мендоса всегда помнил.

В пользу гипотезы Наварро Дуран говорят и

многие детали рассказа Ласаро — персонажа «Второй части...» (их особенно много в аллегорическом повествовании о его пребывании в подводном мире): они свидетельствуют о юридической образованности автора и рассказчика (в «Л-II» герой и автор не раздваиваются, как в «Л-I», а составляют единое целое), о его начитанности в области истории древнего мира и об опыте участия в современных войнах.

Конечно, «Вторая часть...» не просто уступает по своим художественным достоинствам «Жизни Ласарильо с Тормеса...» (хотя ее первые две главы не хуже рассказа о продавце папских грамот), но написана как бы другим человеком. Пусть он использует те же редкие словечки, что и Мендоса — автор «Л-I» и сатир 1540—1550-х годов, пусть он классически и юридически образован, но им движет не творческое (игровое) начало, фантазия любящего смелые шутки молодого человека, а обида и жажда мести, желание пятидесятилетнего сочинителя представить прожитую жизнь переигранной — как сказку с хорошим концом. Заменой сказки для испанцев XVI века был рыцарский роман. По воспоминаниям современников (см.: González Palencia, Mele 1941— 1943/III: 239—240), посол испанского императора в

итальянских государствах, много время проводивший в разъездах, брал с собой в дорогу лишь две книга — «Селестину» Ф. де Рохаса и «Амадиса Гальского», приговаривая, что находит в них больше мудрости, чем в Посланиях апостола Павла. Иронически подсвеченный, местами откровенно спародированный и аллегорически переосмысленный рыцарский роман парадоксально-гротескно соединяется в «Л-II» с жанром «селестинески», представляющим жизнь в ее сниженном виде — без прикрас и ренессансных иллюзий.

Существенным аргументом против отождествления автора «Второй части...» с Диего Уртадо де Мендоса является заявление Хуана Лопеса де Веласко, предваряющее «Исправленного Ласарильо» 1573 года: Веласко объясняет свое нежелание переиздать «Л-II» тем, что его написал не тот человек, который создал «Л-I» (признание, недвусмысленно указывающее на то, что подлинный автор «Ласарильо» Веласко был известен).

Подвигнуть добропорядочного секретаря Филиппа II на ложь могло как желание защитить ироничного «Л-I» от откровенной, легко считываемой современниками сатиричности «Л-II», так и то, что его заявление было неправдой лишь ча-

стично: последняя, восемнадцатая, глава «Второй части...» почта наверняка написана не тем человеком, которому принадлежат предыдущие. Из нее следует, что ее герой-повествователь хорошо знает студенческую жизнь, но плохо — историю самого Ласаро: оказавшись в Саламанке (в окрестностях которой «подлинный» Ласаро родился и вырос), рассказчик открывает для себя город как впервые оказавшийся в нем иноземец. Диспут Ласаро с ректором в Саламанке почти детально воспроизводит главку 28 немецкой «народной книги» о Тиле Уленшпигеле, повествующую о споре героя со студентами в Пражском университете; совпадают и задаваемые герою вопросы, и их последовательность. А поскольку у Мендосы — как у одного из авторов «laber facetiarum» (см. сноску 4* к Преамбуле к примечаниям к «Л-I») — уже был опыт коллективного творчества (знакомый ему и как посетителю мастерских итальянских художников), не исключено, что он, в силу неких обстоятельств, мог передоверить завершение «Второй части...», в которой главным для него была не судьба героя, а разоблачение короля тунцов и его приближенных, некоему антверпенскому «подмастерью».

И в других заключительных главах «Второй

части...» интертекст «всплывает» на поверхность основного повествования, заслоняя и авторскую изобретательность, и героя-повествователя. Так, глава 15, предваряющая «обратное» превращение Ласаро из тунца в человека, представляет собой крайне сжатый набросок-фрагмент некоего развернутого текста, оставшегося (что следует из слов повествователя) за ее пределами (см. примеч. 1 к гл. 15 «Л-II»). В главах 16—17 рассказ о ловле тунцов у побережья Кадиса содержит обширные заимствования из сочинения Педро де Медина «Книга о самом важном и достопримечательном на испанской земле» («Libro de grandezas y cosas memorables de España»; см. также прим. 1 к гл. 16 «Л-II»).

До настоящего времени «Ласарильо-тунец» на русский язык не переводился. Перевод повести осуществлен по научному изданию двух продолжений «Ласарильо», подготовленному Педро М. Пиньеро (см.: Lazarillo 1988).

Переводчик «Второй части...» (и автор данного комментария), сообразно намерению ее анонимного автора максимально следовать «первому» «Ласарильо», решил сохранить название повести в переводе К.Н. Державина, хотя, как уже отмечалось (см. примеч. 2 к Р1 «Л-I»), перевод К.Н.

Державина не учитывает горделивое самоименование Ласаро-повествователя, имитирующее знатное родовое имя: «Ласаро *де* Тормес» (ср. созданное по той же модели «Гусман *де* Альфараче», а не «*из* Альфараче»).

Глава пятнадцатая

Сопоставив данную главу, текст компилятивной «Книги фацеций» Луиса де Пинедо (о ней см. сноску 4* к Преамбуле к примечаниям к «Л-I») и главу 18 диалога К. де Вильялона «Погремушка», исследователь Р.-Г. Уильямс пришел к выводу, что именно де Вильялон является автором всех трех текстов, включая и «Вторую часть Ласарильо с Тормеса» (см.: Williams 1925). Однако, все эти тексты имеют общий источник — «византийский» (испанский литературоведческий термин, аналогичный русскому «позднегреческий») аллегорический роман Алонсо Нуньеса де Рейносо (1492? — после 1552) «История любви Кларео и Флорисеи, и странствия Исеи» («Historia de amores de Clareo y Florisea y de los trabajos de Isea»), опубликованный в Венеции в 1552 г. При этом автором текста в «Liber facetiarum», скорее всего, является Диего Уртадо де Мендоса, бывший одним из редакторов-составителей «Книги фаце-

ций» (см.: Corencia Cruz 2013).

Хуан де Луна
ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА», ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ СТАРИННЫХ ХРОНИК ГОРОДА ТОЛЕДО. СОЧИНЕНИЕ Х. ДЕ ЛУНА, КАСТИЛЬЦА, ПЕРЕВОДЧИКА С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА. С ПОСВЯЩЕНИЕМ СИЯТЕЛЬНЕЙШЕЙ ПРИНЦЕССЕ ДОНЬЕ ГЕНРИЕТТЕ ДЕ РОГАН

Принадлежащая перу испанского протестанта, эмигранта Хуана де Луна «Вторая часть жизни Ласарильо с берегов Тормеса, извлеченная из старинных хроник города Толедо» («Л-III») была опубликована в Париже в 1620 году под одной обложкой с «отредактированным» де Луна «Ласарильо» в издании Плантенов: автор «Л-III» не только внес в «древнюю» повесть множество языковых новаций, но и убрал из ее текста всё, что свидетельствовало о том, что «Ласарильо» — «рассказанное письмо». В том же, в 1620 году отредактированный и дописанный де Луна «Ласарильо» был опубликован на французском

языке, но уже с внесенными французским переводчиком исправлениями (в частности, с новым посвящением и без авторского пролога). В 1660 году вышло первое двуязычное (испано-французское) издание «Ласарильо» де Луна.

«Продолженная» де Луна история Ласарильо имела и во Франции, и в Европе большой успех (переиздания-переделки: Париж, 1678; Лион, 1697; переизд. 1736; Брюссель, 1698), практически полностью вытеснив из читательского обихода «Ласарильо» «классического» («Л-I»), не говоря о полном забвении «Ласарильо-тунца» («Л-II»). «Ласарильо» де Луна был переведен (впервые — в 1622 году) также на английский язык (четыре переиздания на протяжении XVII века), сделав достоянием истории перевод Д. Роулэнда 1576 года, а в 1653-м — на немецкий.

В настоящем издании публикуется первый сделанный с испанского русский перевод романа Хуана де Луна по изд.: Lazarillo 1988. Следуя пожеланию переводчика, издатель и редактор тома сочли возможным сохранить непосредственно в тексте романа де Луна предложенную им версию перевода названия, в котором подчеркнуто, что «Тормес» — река, а не остров или какая-либо иная местность, с которой употребим русский предлог

«с». В комментариях и статье названия всех трех романов о Ласаро унифицированы по предложенному К.Н. Державиным образцу, который, однако, также не может считаться полностью адекватным оригиналу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Фабула этой главы отчасти перекликается с одной из новелл «Декамерона» (см.: IV: 10).

ИСПАНСКАЯ ПИКАРЕСКА ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ[423]

1553

ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОДЫ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades

1555

ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА, ЕГО НЕВЗГОД И ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ»

La Segunda parte de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades

---

[423] Примечания: 423

Одной звездочкой помечены пикарески, написанные либо в форме диалога, либо от третьего лица, то есть утратившие важнейшую примету жанра — автобиографизм, двумя звездочками — пикарески, герой которых может быть назван «добродетельным пикаро» (он не исповедует плутовскую «мораль» и оказался в положении пикаро по воле судьбы).

1599

Матео Алеман
ГУСМАН ДЕ АЛЬФАРАЧЕ
[Первая часть]
Mateo Alemán
Guzmán de Alfarache

1602

Матео Лухан де Сайаведра
ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ГУСМАНА ДЕ АЛЬФАРАЧЕ»
Mateo Lujan de Sayavedra
Segunda parte de Guzman de Alfarache

1604

Матео Алеман
ГУСМАН ДЕ АЛЬФАРАЧЕ
[Вторая часть]

1604

Грегорио Гонсалес
МОШЕННИК ОНОФРЕ
Gregorio Ganzáles
El Guitón Honofre

Ок. 1604 (первая редакция; опубл. 1626)

Франсиско де Кеведо
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ПРОЙДОХИ ПО ИМЕНИ ДОН ПАБЛОС
Francisco de Quevedo
Historia de la vida del Buscón, llamado don Pablos

1605

Бальтасар де Наварреte (?)
ПЛУТОВКА ХУСТИНА
Baltasar de Navarrete
La picara Justina

1612

Алонсо Х. де Салас Барбадильо
* ДОЧЬ СЕЛЕСТИНЫ
Alonso de Salas Barbadillo
La hija de Celestina
Мигель де Сервантес
* РИНКОНЕТЕ И КОРТАДИЛЬО
Miguel de Cervantes
Rinconete y Cortadillo
(до **1604,** опубл. **1613)**

Он же
О БЕСЕДЕ ДВУХ СОБАК
Coloquio de dos perros
(1610?, опубл. **1613)**

1618

Висенте Эспинель
ДОНЕСЕНИЕ О ЖИЗНИ ЭСКУДЕРО МАРКОСА ДЕ ОБРЕГОН
Vicente Espinel
Relaciones de la vida del escudero Marcos de Obregón

1619

Карлос Гарсиа
НЕНАСЫТНАЯ ЖАЖДА ЧУЖОГО ДОБРА
Carlos García
La desordenada codicia de bienes ajenos

1620

Хуан де Луна
ВТОРАЯ ЧАСТЬ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО С БЕРЕГОВ ТОРМЕСА...»
Juan de Luna

Segunda parte de Lazarillo de Tormes sacada las crynicas antiguas de Toledo

1624 (Часть I), 1626 (Часть II)

Херонимо де Алькала Янес-и-Ривера
КРАСНОРЕЧИВЫЙ ПОСЛУШНИК АЛОНСО, СЛУГА МНОГИХ ГОСПОД
Jeronimo de Alcalá Yones y Rivera
El donado hablador Alonsa, moso de muchos amos
1632
Алонсо де Кастильо Солорсано
ДОЧЬ ОБМАНА ТЕРЕСА ДЕ МАНСАНАРЕС
Alonso de Castillo Solorzano
La niña de los embustes, Teresa de Manzanares

1637

Он же
ПОХОЖДЕНИЯ БАКАЛАВРА ТРАПАСЫ
Aventuras del bachiller Trapaza

1641

Луис Велес де Гевара
ХРОМОЙ БЕС
Luis Veléz de Guevara

El diablo cojuelo

1642

Алонсо де Кастилы Солорсано
СЕВИЛЬСКИЙ «ХОРЕК»
(в рус. пер.: «куница»)
La garduña de Sevilla

1644

Антонио Энрикес Гомес
ЖИЗНЬ ДОНА ГРЕГОРИО ГУАДАНЬЯ
Antonio Enmquez Gómez
Vida de don Gregorio Guadaña

1646

Аноним
(долгое время текст приписывался самому герою-рассказчику, реальному лицу)
ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ЭСТЕБАНИЛЬО ГОНСАЛЕСА
Vida y hechos de Estebañillo González

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Айрапетян 2000 — *Айрапетян В.* Русские толкования. М.: Языки русской культуры, 2000.

Алеман 1963а — *Алеман М.* Гусман де Альфараче. Часть первая / Пер. с исп. Е. Лысенко, Ю. Корнеева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.

Алеман 19636 — *Алелшн М.* Жизнеописание Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой. Часть вторая, написанная Матео Алеманом, истинным ее автором/Пер. Н. Поляк, Ю. Корнеева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.

Алоэ 1998 — *Алоэ С.* Достоевский и испанское барокко // Достоевский и мировая культура. 1998. № 11. С. 76—94.

Бахтин 1963 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

Бахтин 1965 — *Бахтин М.М,* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

Бахтин 2011 — *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 3: Теория романа (1930— 1961 гг.).

Бераха 1996 — *Бераха Л.* Традиция плутовского романа в поэме Венедикта Ерофеева // Русская литература XX века: направления и течения. Екатеринбург, 1996. Вып. 3. С. 77—89.

Боснак 2013 — *Боснак Д.В.* Картина И. Крамского «Неутешное горе» в художественной системе поэмы «Москва — Петушки» // Вопросы литературы. 2013 (январь—февраль). С. 30—61.

Виноградов 1976 — *Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.

Вороблевский 1775 — Жизнь и приключения Лазариля Тормского, писанный им самим на гишпанском языке, с коего переведены на французской, ныне же с последнего на российской: В 2 ч. / Пер. с исп. В.Г. Вороблевского. М., 1775.

Гачев 1964 — *Гачев ГД.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

Ерофеев 2003 — *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003.

Живолупова 1992 — *Живолупова Н.В.* Паломничество в Петушки, или Проблема метафизического бунта в исповеди Венички Ерофеева//Человек. 1992. № 1. С. 78—91.

Живолупова 1994 — *Живолупова Н.В.* Проблема свободы в исповеди антигероя. От Достоевского к

литературе XX века (Е. Замятин, В. Набоков, Вен. Ерофеев, Э. Лимонов) // Поиск смысла. Сб. статей участников международной научной конференции «Русская культура и мир». НГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 1994. С. 180—208.

Зеленина 2013 — *Зеленина Г. С.* От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные шуты в средневековой Испании. Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2013.

ИИ 2012 — История Испании с древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012.

ИФЛ-1946 — История французской литературы: В 4 т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. Т. 1. С древнейших времен до революции 1789 г.

Кузьмин 1959 — *Кузьмин А.И.* Крепостной литератор В.Г. Вороблевский //XVIII век. Сб. 4. М.; Л.: Наука, 1959. С. 136—155.

Кузьмин 1966 — *Кузьмин А.И.* К истории переводного плутовского романа в России XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М.; Л.: Наука, 1966. С. 194-198.

Лазарильо 1897 — Лазарильо из Тормес и его удачи и неудачи/Пер. с исп. И. Гливенко; предисл.

Морель-Фассио. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1897.

Ласарильо 1931 — Жизнь Ласарильо с Тормеса и его беды и несчастья / Пер. с исп. К.Н. Державина. М.; Л.: Academia, 1931.

Ласарильо 1955 — Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения / Пер. с исп. К.Н. Державина // М.: Гослитиздат, 1955.

Ласарильо 1975 — Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения / Пер. с исп. К.Н. Державина // Плутовской роман. М.: Художественная литература, 1975. (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 40.)

Липовецкий 2008 — *Липовецкий М.Н.* Паралогии. Трансформации (постмодернистского дискурса в культуре 1920—2000 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Мелетинский 1986 — *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986.

Пискунова 1998 — *Пискунова С.И.* «Дон Кихот» Сервантеса и жанры испанской прозы XVI—XVII веков. М.: Издательство Московского университета, 1998.

Пискунова 2008 — *Пискунова С.И.* Исповеди и проповеди испанских плутов // Испанский плутовской роман. М.: ЭКСМО, 2008. С. 7-34.

Пискунова 2012 — *Пискунова С.И.* Мениппея: до и после романа //Вопросы литературы, 2012, июль—август. С. 267—292.

Плавскин 1994 — *Плавскин З.И.* Литература Возрождения в Испании: СПб., 1994.

Руднев 2006 — *Руднев Д.В.* Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760—1770-е годы // Вторые Лупповские чтения. Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. М., 2006. С. 42—72.

Сиповский 1909 — *Сиповский В.В.* Очерки из истории русского романа: В 2 ч. СПб., 1909. Ч. 1.

Стороженко 1902 — *Стороженко Н.П.* Из области литературы. Статьи, лекции, речи, рецензии. Издание учеников и почитателей. М, 1902.

Тикнор 1883 — *Тикнор Дж.* История испанской литературы / Пер. с 4-го англ. изд. Н.И. Стороженко. М.: Тип. П.П. Брискорн, 1883.

Тынянов 1965 — *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Советский писатель, 1965.

Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О.М.* Происхождение наррации // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 206-229.

Чекалов 2008 — *Чекалов К.А.* Формирование массовой литературы во Франции. XVII — первая

треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Эразм 1971 — *Эразм Роттердамский.* Похвала Глупости / Пер. с. лат. П.К. Губера. М.: Художественная литература, 1971. (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 33).

Abellán 1982 — *Abellán J.L.* El erasmismo español. Madrid: Espasa-Calpe, 1982.

Agulló y Cobo 2010 — *Agulló y Cobo M.* A vueltas con el autor del Lazarillo. Madrid: Calambur, 2010.

Agulló y Cobo 2011 — *Agulló y Cobo M.* A vueltas con el autor del Lazarillo. Un par de vueltas más // Lemir. 2011. Nq 15. P. 217—234.

Anbau 1846 — Novelistas anteriores a Cervantes / Ed. B. Aribau. Madrid: Rivadeneira, 1846. (Biblioteca de Autores Españoles.)

Asensio 1959 — *Asensio M.J.* La intención religiosa del Lazarillo de Tormes y Juan de Valdés//Hispanic Review. 1959. Nq 27. P. 78—102.

Bataillon 1968 — *Bataillon M.* Novedad y fecundidad del Lazarillo de Tormes. Salamanca, 1968.

Blecua 1987 — *Blecua A.* Introducción // La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades / Ed. A. Blecua. Madrid: Castalia, 1987. P. 7-70.

Calero 2006 — *Calero F.* Juan Luís Vives, autor del «Lazarillo de Tormes». Valencia: Ayuntamiento, 2006.

Caso González 1966 — *Caso González J.* La génesis del «Lazarillo de Tormes» // Archivum. 1966. № 16. P. 129-155.

Caso González 1972 — *Caso González J.* La primera edición del «Lazarillo de Tormes» y su relación con los textos de 1554 // Studia Hispánuca in Honorem R Lapesa, I. Madrid: Gredos, 1972. P. 189-206.

Castro 1960 — *Castro A.* Hacia Cervantes. Madrid: Taurus, 1960.

Cavillac 2005 — *Cavillac M.* El «Guzmán de Alfarache» y la «Segunda parte» antverpiense del «Lazarillo» (Amberes, 1555) // «Dejar hablara a los textos». Homenaje a Franciso Marquez Villanueva: In 2 vol. / Ed. P.M. Pinero. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2005. Vol. 1. P. 523-534.

Cejador y Fráuca 1976 — *Cejador y Fráuca J.* Introducción // La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades. Madrid: Espasa-Calpe (octava edición), 1976. P. 7—57.

Corencia Cruz 2013a — *Corencia Cruz J.* Algunas conexiones y aportaciones del «Liber facetiarum» y el «Sermon de Aljubarrota» al «Lazarillo de Tosmes». Y de otras intertextualidades y burlas, I // Lemir. 2013. № 17. P. 151-178.

Corencia Cruz 2013b — *Corencia Cruz J.* La cuchillada en la fama. Sobre la autoría del Lazarillo

de Tormes. Valencia: PUV, 2013.

De la Granja 1971 — *De la Granja F.* Nuevas notas a un episodio del «Lazarillo de Tormes» //Al-Andalus. 1971. № 36. P. 223—237.

Dunn 1983 — *Dunn P.* «Lazarillo de Tormes»: The Case of the Purloined Letter//Revista de estudios hispánicos. 1983. T. 22. P. 1—14.

Ferrer-Chivite 2004 — *Ferrer-Chivite M.* Sobre un Ur-Lazarillo con ocho tratados // Siglos dorados. Homenaje a Agustín Redondo. Madrid: Castalia, 2004. Vol. I. P. 449-461.

García de la Concha 1981 — *García de la Concha V.* Nueva lectura del «Lazarillo». El deleite de la perspectiva. Madrid, 1981.

Gilman 1966 — *Gilman S.* The Death of Lázaro de Tormes // PMLA. 1966. Vol. LXXXI. P. 149-166.

González Palencia, Mele 1941-1943 — *González Palencia A., Mele E.* Vida y obras de Don Diego Hurtado de Mendoza, I—III. Madrid: Instituto de Valencia de donjuán, 1941 (I), 1942 (II), 1943 (III).

Guillén 1957 — *Guillén C.* La disposición temporal del Lazarillo // Hispanic Review. 1957. № 25. P. 264—279.

Guillén 1983 — *Guillén C.* Los silencios de Lázaro de Tormes // Guillén C. El primer Siglo de Oro. Estudios sobre géneros y modelos. Barcelona, 1983. P. 66—

108.

Haan 1903 — *Haan F. de.* An outline of the History of the «Novela picaresca» in Spain. Hague; N.Y.: M. Nijhoff, 1903.

Hurtado de Mendoza 1890 — *Hurtado de Mendoza D.* Sermón de Aljubarrota // Sales españolas o Agudezas del ingenio nacional. Madrid: Tello, 1890. P. 101-125.

Jauralde Pou 2012 — *Jauralde Pou P.* «Sin que de mi nombre quede otra memoria» [Diego Hurtado de Mendoza y «El Lazarillo de Tormes». Manuscr. Cao, № 8] // URL: http://www.edobne.com/manuscrtcao/sin-que-de-mi-nombre-quede-otra-memoria/.

Jauss
1957 — *Jauss H.-R.* Ursprung und Bedeutung der Ich-Form im «Lazarillo de Tormes» / Romanistisches Jarbuch. 1957. Bd. 8. S. 290-311.

Kruse 1959 — *Kruse M.* Die parodistischen Elemente im «Lazarillo de Tormes» //Romanistisches Jahrbuch. 1959. T. 10. S. 292—304.

Lazarillo 1844-1845 — La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades /Por D. Diego Hurtado de Mendoza. Nueva edición de lujo, aumentada con dos segundas partes anónimas (?), y con grabados por artistas españoles. Madrid: Imprenta de D. Pedro Omar [por Mora] y Soler, 1844—1845.

Lazarillo 1955 — La vida de Lazarillo de Tormes / Ed. A. Cavalliere. Nápoles, 1955.

Lazarillo 1967 — La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades / Ed.J. Caso González. Madrid: BRAE, 1967.

Lazarillo 1987 — La vida de «Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades» / Ed. F. Rico, con un apéndice bibliográfico Bienvenido C. Morros. Madrid: Cátedra, 1987.

Lazarillo 1988 — *Anónimo y Juan de Luna.* Segunda Parte del Lazarillo / Ed. P.M. Piñero. Madrid: Cátedra, 1988.

Lazarillo 1993 — La Segunda Parte de Lazarillo y de sus fortunas y adversidades (1555) / Ed. M. Ferrer-Chivite. Madison: The Hispanic Seminary of Medieval Studies, 1993.

Lazarillo 1997 — La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades /Ed. F. Carrasco. N.Y.; P.: Peter Lang, 1997.

Lazarillo 2001 — La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades /Ed. A. Ruffinatto. Madrid: Castalia, 2001.

Lazarillo 2011 — Lazarillo de Tormes /Ed. F. Rico. Madrid: RAE, 2011.

Lázaro Carreter 1972 — *Lázaro Carreter F.* «Lazarillo de Tormes» en la picaresca. Barcelona: Ariel, 1972.

Le Blanc 1986 — *Le Blanc R.* The Russianization of Gil Blas: A Study in literary Appropriation. Ohio: Columbus, 1986.

Márquez Villanueva 1968 — *Marquez Villanueva F.* Espiritualidad y literatura en el siglo XVI. Madrid: Alafaguara, 1968.

Márquez Villanueva 1985-1986 — *Márquez Villanueva F.* Literatura bufonesca o del loco //Nueva Revista de Filología Hispánica. 1985—1986. № 34. P. 501— 528.

Martín Báños 2007 — *Martín Baños P.* Nuevos asedios críticos al «Lazarillo de Tormes», I-II //Per Anbat. 2007. № 3. P. 7-22; Nq 4. P. 7-32.

Máximo Saludo 1969 — *Máximo Saludo St.* Misteriosas andanzas atunescas de «Lázaro de Tormes», descifradas de los seudo-jeroglificos del Renacimiento. San Sebastián: Izarra, 1969.

Meyer-Minnemann, Schiklers 2008 — La novela picaresca. Concepto genérico y evolución del género (siglos XVI y XVII) / Ed. K. Meyer-Minnemann, S. Schiklers. Pamplona: Universidad de Navarra; Madrid: Iberoamericana; Frankfurt am Mein: Vervuert, 2008.

Molino 1965 — *Molino J.* «Lazarillo de Tormes» et les Métamorphoses d' Apulée //Bulletin Hispanique. 1965. Vol. TX VII. P. 322— 333.

Moll Roqueta 1998 — *Moll Roqueta J.* Hacia la primera edición del «Lazarillo» // Actas del IV Congreso Internacional de la Asociación Internacional Siglo de Oro (AISO). Alcalá de Henares: Universidad, 1998. Vol. 2. P. 1049-1056.

Morel-Fatio 1888 — *Morel-Fatio A.* Etudes sur l'Espagne. P.: F. Vieweg, 1888.

Navarro Durán 2002 — *Navarro Durán R.* «Lazarillo de Tormes» de Alfonso de Valdés. Salamanca: Seminario de Estudios Medievales y Renacentistas, 2002.

Navarro Durán 2003 — *Navarro Durán R.* Alfonso de Valdés, autor del «Lazarillo de Tormes». Madrid: Gredos, 2003.

Navarro Durán 2010 — *Navarro Durán R.* Diego Hurtado de Mendoza, autor de «La segunda parte de Lazarillo de Tormes, y de sus fortunas y adversidades» // Clarín. № 85 (enero-febrero 2010).

Núñez Rivera 2002 — *Núñez Rivera V.* Razones retóricas para el «Lazarillo». Teoría y práctica de la paradoja. Madrid: Biblioteca Nueva, 2002.

Ready 2010 — *Ready O.* In Praise of Booze: Moskva-Petushki and Erasmian Irony //The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. № 3 (July). P. 437-467.

Rey Álvarez 1987 — *Rey Alvarez A.* El género picaresco y la novela // Bulletin Hispanique. 1987. Vol.

I. P. 85—118.

Ricapito 1978—1979 — *Ricapito J. V.* The «Golden Ass» of Apuleius and the Spanish Picaresque Novel //Revista Hispánica Moderna. 1978—1979. Vol. XL. P. 77-85.

Rico 1987 — *Rico F* Problemas del «Lazarillo». Madrid, 1987.

Rico 2006 — *Rico F.* Introducción // Lazarillo de Tormes / Ed. F. Rico. Madrid: Cátedra, 2006 [впервые: 1987]. P. 13—127.

Rodríguez 2015 — *Rodríguez A.* La edición del «Lazarillo» de Amberes de 1553: fuentes documentales //Artifara. 2015. № 15. P. 11—13.

Rodríguez López-Vázquez 1989 — *Rodríguez López-Vázquez* A. Una hipótesis alternativa al stemma del Lazarillo // Castilla. Estudios de literatura. 1989. № 14. P. 111-128.

Roncero López 2010 — *Roncero López V.* De bufones y picaros. La risa en la novela picaresca. Madrid: Iberoamericana; Frankfurt am Main: Vervuert, 2010.

Ruffinatto 1990 — *Ruffinatto A.* La princeps del «Lazarillo», toda problemas // Revista de Filología Española. 1990. № 70. P. 249—296.

Ruffinatto 2001 — *Ruffinatto A.* Introduction crítica // La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades /Ed. A. Ruffinatto. Madrid: Castalia,

2001. P. 7—86.

Schwartz-Lemer 1990 — *Schwartz-Lerner L.* The Golden Age Satire: Transformations of Genre // Modem Language Notes. 1990. Vol. 5. No 105. P. 260-282.

Truman 1969 — *Truman R. W.* Lázaro de Tormes and the Homo Novus Tradition //Modem Language Review. 1969. № 64. P. 62—67.

Vilanova 1989a — *Vilanova A.* El «Asno de Oro» de Apuleyo, fuente y modelo del «Lazarillo de Tormes» / / Vilanova A. Erasmo y Cervantes. Barcelona: Lúmen, 1989. P. 126—141.

Vilanova 1989b — *Vilanova A.* Lázaro de Tormes como ejemplo de la educación corruptora // Vilanova A. Erasmo y España. Barcelona: Lúmen, 1989. P. 65-118.

Williams 1925 — *Williams R.H.* Notes on the Anonymous Continuation of «Lazarillo de Tormes»// The Romantic Review. 1925. № 16. P. 223-235.

ВКЛЕЙКА

Диего Уртадо де Мендоса.

Худ. А. Карретеро-и-Санчес (A. Carretero y Sánchez; 1852—1903). 1884. Гравюра. Частная коллекция.

Диего Уртадо де Мендоса.

Худ. Х. Гомес де Навиа (José Gómez de Navia; 1757 — ок. 1812). Конец XVIII в. Гравюра. Публ. по изд.: Retratos de Españoles ilustres con un epítome de sus vidas. Madrid: Imprenta Real, 1791.

Барельеф с изображением Диего Уртадо де Мендосы на фасаде Национальной библиотеки Испании.

Скульптор не установлен.

M·D·XL·VIII

Император Карл V в кресле.

Худ. Л. Сустрис (Lambert Sustris; 1515—1591). 1548. Холст, масло. 205х122 см. Старая пинакотека (Мюнхен).

Король испанский Филипп II.

Худ. С. Ангисолла (Solonisba Anguisoli a; 1532—1625). Ок. 1564. Холст, масло. 88х72 см. Национальный музей Прадо (Мадрид).

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ РАННИХ ИЗДАНИЙ «ЖИЗНИ ЛАСАРИЛЬО ДЕ ТОРМЕС...»

La vida de Lazarillo de Tormes: y de sus fortunas y aduersidades.

M. D. liiij.

Медина дель Кампо, 1554

¶ La vida de Lazarillo de Tormes, y de sus fortunas: y aduersidades. Nuevamente impressa, corregida, y de nuevo añedida en esta segunda impression.

Vendense en Alcala de Henares, en casa de Salzedo Librero. Año de. M. D. LIIII

Алькала-де-Энарес, 1554

¶ La vida de Lazarillo de Tormes: y de sus fortunas y aduersidades.

1554

Бургос, 1554

LA VIDA DE
LAZARILLO DE
Tormes, y de sus for-
tunas y aduer-
sidades.

EN ANVERS,
En casa de Martin Nucio.
1554.
Con Preuilegio Imperial.

Антверпен, 1554

LES FAITS
MERVEILLEVX, ENSEMble la vie du grand Lazare de Tormes, & les terribles, aduentures à luy aduenues en diuers lieux.

Tiene fort plaisant & delectable, acquisitos de sus mismos actos notables & proprios sucessos, en plaisir & contentement de tous.

Traduit nouuellement d'Espagnol en François par I. G. de L.

A LYON
Par Iean Saugrain. 1560

Лион, 1560

373

LAZARILLO
DE TORMES
Castigado.

IMPRESSO CON LICENcia, del Consejo de la santa Inquisicion,

Con preuilegio de su Magestad, para los reynos de Castilla y Aragon.

Мадрид, 1573

LA VIDA
DE LAZARILLO
DE TORMES.
Y de sus fortunas y adversidades.

En Milan. A instancia de Antonio de Antoni.
M. D. LXXXVII.

Милан, 1587

VÌDA DE.

LAZARILLO DE TORMES.

CORREGIDA, Y EMENDADA

Por I. DE LVNA Caſtellaño,
Interprete de la lengua
Eſpañola.

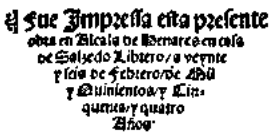
EN PARIS.
En caſa ROLET BOVTONNÉ, en el Palacio, en el corredor de los preſos, cerca de la Chancilleria.

M. D. XX.

Con Preuilegio del Rey.

Титульная страница «Жизни Ласарильо де Тормес» Х. де Луна.

Париж, 1620


Fue Impressa esta presente
obra en Alcala de Henares en casa
de Salzedo Librero/a veynte
y seis de Febrero/de Mil
y Quinientos/y Cin-
quenta/y quatro
Años.

Концовка «Рассказа седьмого...».

Алькала-де-Энарес, 1554

Mira ſi foys mi amigo no me digays coſa con que me peſe, que no tẽgo por mi amigo al que me haze peſar, mas yormente ſi me quieren meter mal cõ mi muger, que es la coſa del mundo que yo mas quiero, y la amo mas que a mi, y me haze Dios conella mil mercedes y mas bien que yo mereẓco, que yo jurare ſobre la hoſtia conſagrada, que es tan buena muger como biue dentro delas puertas de Toledo, y quien otra coſa me dixere, yo me matare con el. Deſta manera no me dixeron nada, y yo tengo paz en mi caſa. Eſto fue el meſmo año que nueſtro victoriaſo Emperador en eſta inſigne ciudad de Toledo entro, y tuuo en ella cortes, y ſe hizieron grandes regozijos y fieſtas, como. V. M. aura oydo.

Pues en eſte tiempo eſtaua en mi proſperidad, y en la cumbre de toda buena fortuna.

FIN.

Концовка «Рассказа седьмого...»
Антверпен, 1554

Tratado.
maneras no me dixẽ nada: y̆ yo tengo paz en mi casa. Esto fue el mesmo año que nuestro victorioso Empera dor en esta insigne ciudad ó Toledo entro: y̆ tuuo en ella cortes, y̆ se hizie ron grandes regozijos y̆ fiestas: co mo vuestra Merced aura oydo. Pues en este tiempo es taua en mi prosperi dad, y̆ en la cum bre de toda buena fo: tuna.

¶ Fue impressa la presente obra en la muy noble villa de Medina del Campo en la imprenta de Matthes y Francisco del canto her manos. Acabo se a primero del mes de Março. Año de. M. D. liiij.

Концовка Пролога.

Медина дель Кампо, 1554

Tractado
del mundo ó yo mas quiero: y̆ la amo mas que a mi y̆ me haze Dios con ella mil mer cedes y̆ mas bien que yo merezco: que yo ta rare sobre la hostia consagrada que es tan buena muger como vive dẽtro de los puer tas de Toledo: quien otra cosa me dixere: yo me matare con el. Desta maneras no me dixen nada: y̆ yo tengo paz en mi casa. Esto fue el mesmo año q̃ nuestro victorioso Em perador en esta insigne ciudad ó Toledo en tro: y̆ tuuo en ella cortes: y̆ se hizieron gran des regozijos: como vuestra merced aura oydo. Pues en este tiempo estaua en mi prosperidad: y̆ en la cumbre de toda buena fortuna.

¶ Impresso en Burgos en casa de Juan de Junta. Año de mil y̆ quinientos y̆ cinquen ta y̆ quatro Años.

Концовка Пролога.

Бургос, 1554

Ласарильо и слепец едят виноград. Гравюра.
Худ. Т. Вижик (Thomas Wijck; 1616?—1677). XVII в. Гравюра. 13,2 х 11,9 см. Собрание Элиши Уитлси,

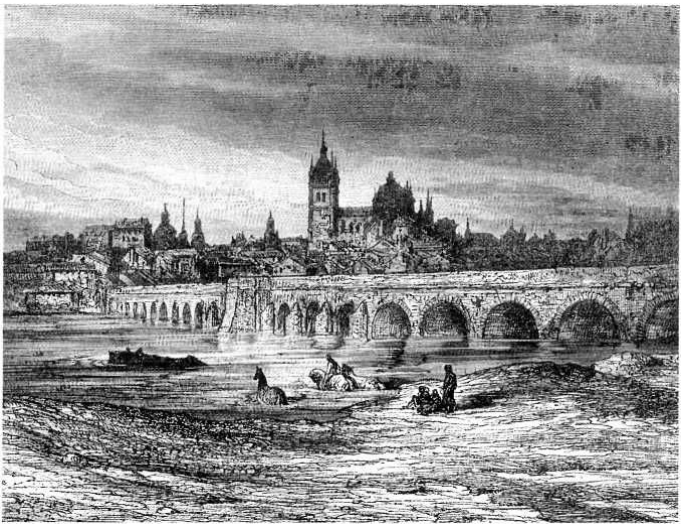
музей Метрополитен (Нью-Йорк).

Ласарильо и покойник. Гравюра.

Худ. Р. де лос Риос (Ricardo de los Rios; 1846—1929). Публ. по изд.: The Life and Adventures of Lazarillo de Tormes. The Life and Adventures of Guzman d’ Alfarache. L.: J.C. Nimmo & Bain, 1881.

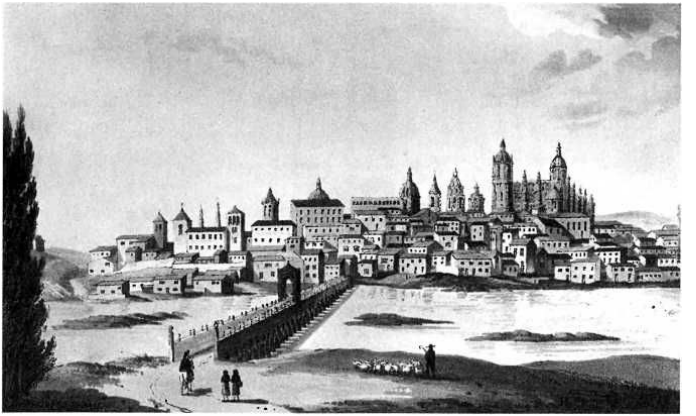
Ласарильо и слепец.

Худ. не установлен. Эскиз. Occidente Editorial (Asunción, Paraguay).



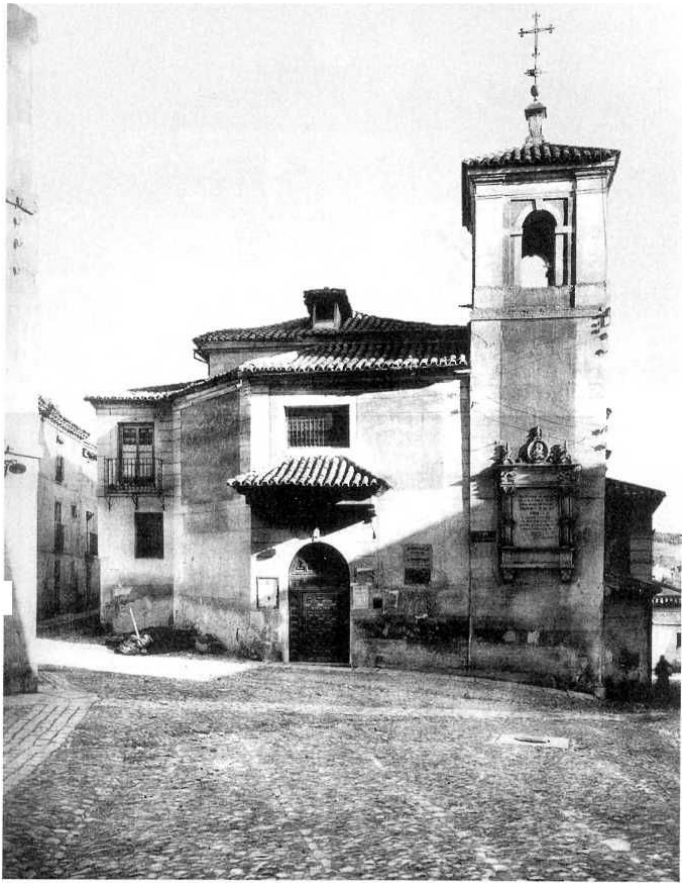
Саламанка. Мост через реку Тормес.

Худ. Г. Доре (Gustave Doré; 1832—1883). Гравюра. Публ. по изд.: *Davillier Ch.* L'Espagne //Dl. G. Doré. P.: Librarie Hachette et C°, 1874.



Саламанка. Мост через реку Тормес.

Худ. У. Брэдфорд (William Bradford). Акварель. Публ. по изд.: *Bradford W.* Sketches of the country, character, and costume, in Portugal and Spain (1808—1809). L.: John Booth, 1810.



Церковь Св. Спасителя в Толедо.

Архитектор неизвестен. XII в. Толедо. Фотография начала XX в.

ИНТЕРЬЕРЫ ЦЕРКВИ СВ. СПАСИТЕЛЯ

Арочные своды.
Фотограф Ш. Моллерус. 2011.

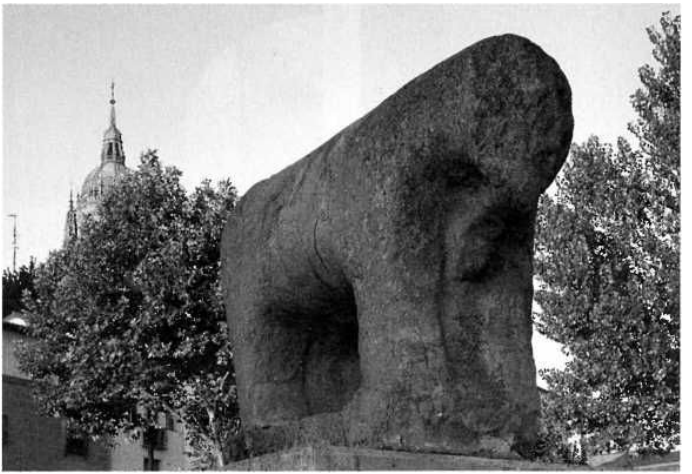
Колокол.
Фотограф Ш. Моллерус. 2011.

Колонны.
Фотограф Ш. Моллерус. 2011.

Памятник «Ласарильо де Тормес».

Скульптор А. Касальяс (Agustin Casillas; род. 1921). Саламанка. 1974. Бронза.

Надпись на камне: *«Саламанка | Ласарильо | де Тормес | 1974 г.»*



Каменный бык у моста через реку Тормес. Саламанка. Ок. IV в. до н. э.

ЖИЗНЬ
И
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ЛАЗАРИЛЯ
ТОРМСКАГО

писанныя имъ самимъ на гишпанскомъ языкѣ, съ коего переведены на французской, нынѣже съ сего на россійской и украшенныя гравированными фигурами.

Часть 1.

печатаны въ москвѣ.

Титульная страница изд.: Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго, писанных им самим на гипшанском языке: В 2 ч. / Пер. с фр. [В.Г. Вороблевского]. М.: Унив. тип., [1775].

ГАВАРИЛЪ ГОНЗАЛЪ ТОРМСКІЙ ЗОРАВЕЛЬ
Изъ шутниковъ шутникъ
начертанъ здѣсь герой,
которой въ бѣдствіяхъ
непроходилъ пѣкъ спой,
А. Б.

Фронтиспис изд. 1775 г. Портрет Лазариля Тормского.

Далее воспроизведены гравюры из данного издания

Tab. I. Fig. 10.

Невидящий как скоро узнал, что Лазариль голову к быку приложил, то так сильно пихнул его головой об этого дьяволова быка, что чуть было она в куски не разбилась.

Tab. 1. Fig. 17.

Способом долгой ржаной соломинки, которой конец опуская в кувшин, находил Лазариль случай сосать в другой конец и опорожнивать половину вина.

Tab. I. Fig. 29

В то время как слепой вынимал из кошелька своего копейку, снял Лазариль тихонько с вертела колбасу и привязал на место ее гнилую морковь, валявшуюся в углу у камина.

Tab. 1, Fr. 38.

Не успел Лазариль окончить речь, как слепой, будто баран, который биться хочет, приподнялся и ударился со всей силы головою в столб, так что удар раздался, как будто лопнула большая тыковная бутыль.

Ангельский медник, не допуская больше себя просить, начал примеривать ключи, а Лазариль старался ему помогать своими слабыми молитвами — и приведен был в приятный ужас, увидя сундук вдруг отпертым.

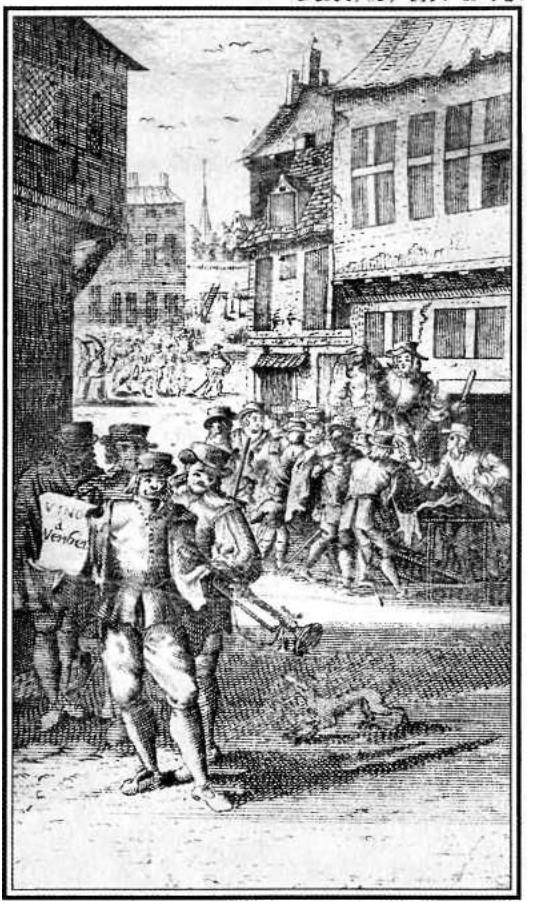
Tafl. I. Fig. 95.

«Изволите ли, сударь, отведать? Возьмите», — сказал Лазариль, подавая дворянину в руки говяжью ногу с двумя лучшими бывшими у него ломтями хлеба.

Tab. I. Fig. 136

Как скоро судья опомнился, то бросился в ноги к господину проповеднику и, прося у него прощения, приносил покаяние, что всякая хула и всякая клевета, им выговоренная, происходила от вдохновения дьявольского.

Tacl. I. Fig. 140.

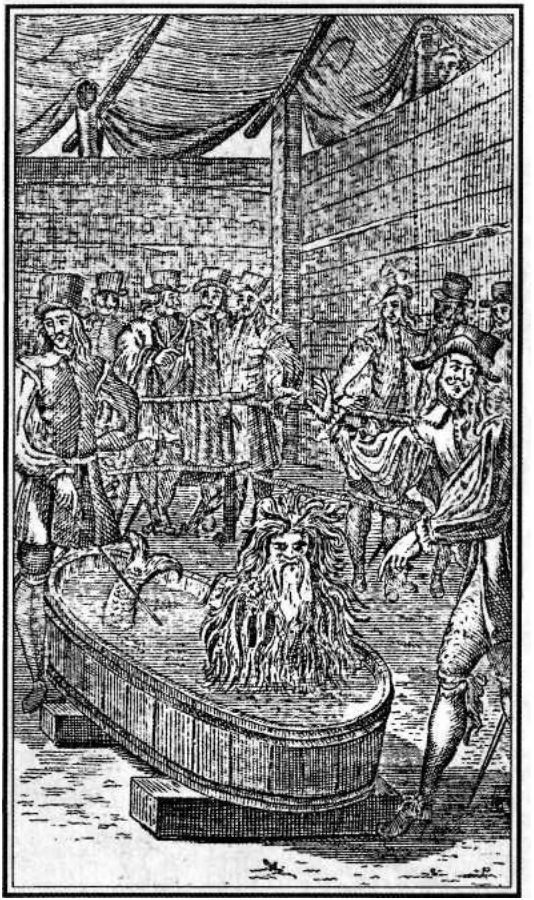


По милости своих приятелей и некоторых знатных особ получил Лазар иль службу королевскую, за коею так долго бегал; одним словом, теперь он — публичный аукционист.

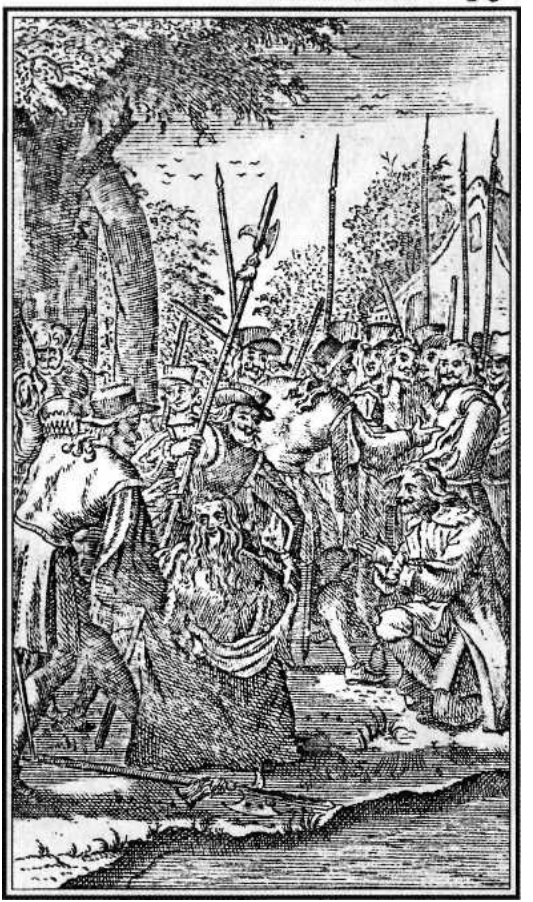
Платье на дворянине было так худо и так изодрано, что насквозь видно было тело. Шляпа, чулки, наконец, всё служащее к прикрытию не стоило и пяти копеек.

Tab. II. d. 31.

Рыбаки, усмотри Лазариля в своих сетях, приняли его сперва за морское чудо — так кожа у него сморщилась, лицо обезобразилось и всё прочее переменилось по причине трав, опутавшихся вокруг него.



Лазарилю привязали долгую бороду из лилейных цветов, вздели шляпу из моху и в этом наряде положили его брюхом вниз в кадку.



Дозорные увидели мешок и нашли в нем бедного Лазариля, как треску моченую в воде. Рыбаки взбесились, увидя себя пойманными, а Лазариль возрадовался, видя себя свободна.

Tacl. II. el. 78.

С сильного размаху ударяся оземь, сундук растворился, и явился в нем молодой волокита, имея при себе шпагу и кинжал.

Tab. II. fig. 105.

Братья Клары бросились на молодчика, а тот выхватил шпагу и пошел прямо к ним с чрезвычайною храбростью, так что они удивились и остановились, как статуи.

Tab. II. f. 130.

Видя Лазариля в такой печали, честный святой отец начал его утешать, спрашивая, откуда тот родом и какие чрезвычайности довели его до сего состояния.

Tab. II. fol. 153.

После того четыре женщины схватили Лазариля: две — за руки, две — за ноги, и бросили ничком, а другие четыре привязали его веревками к четырем кроватным столбикам и растянули начетверо.

Известие 1739 года о чуде морском, пойманном в Гишпании.

Русский народный лубок. 1739. Публ. по изд.: *Ровинский ДА.* Русские народные картинки. СПб.,

1881.

Миниатюра из иллюминированной рукописи «Декреталии Папы Григория Великого».

Худ. неизвестен. Франция. XIV в.